Любезнѣйшему
Александру Ивановичу
Коновалову
на добрую память
отъ Н. К.

17 сент., 91 г.

# НА ТАЁЖНЫХЪ ПРОГАЛИНАХЪ.

Astyrev, Nikolaĭ Mikhaĭlovich.

Н. АСТЫРЕВЪ.

# НА ТАЁЖНЫХЪ ПРОГАЛИНАХЪ.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ

НАСЕЛЕНІЯ

ВОСТОЧНОЙ. СИБИРИ.

МОСКВА.
Типографія Д. И. Иноземцева, Арбатъ, д. Каринской.
1891.

Два года съ небольшимъ, проведенные въ разъѣздахъ по Иркутской губерніи, и встрѣчи тамъ съ людьми, побывавшими въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ Сибири и любезно дѣлившимися со мною своими наблюденіями, дали мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о бытѣ мѣстнаго населенія. Въ настоящихъ очеркахъ я пытаюсь изобразить наиболѣе заинтересовавшіе меня моменты этой, богатой всякими осложненіями, жизни людей, принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ, пользующихся различными гражданскими правами, стоящихъ на весьма различныхъ ступеняхъ экономическаго благосостоянія и еще до сихъ поръ не разобравшихся въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Мое вниманіе, главнымъ образомъ, обращено на освѣщеніе вопросовъ чисто-бытового характера; но такъ какъ цѣлый рядъ явленій изъ сибирской жизни будетъ непонятенъ русскому читателю не-спеціалисту, если его не познакомить хотя бы съ важнѣйшими моментами хозяйственнаго быта сибиряка, то при изложеніи своего предмета я касаюсь иногда и этого вопроса.

Прошу читателя имѣть въ виду, что я буду говорить, главнымъ образомъ, объ Иркутской губ. (безъ сѣверной ея части, мнѣ незнако-

мой), хотя бы и не указывалъ этого каждый разъ въ текстѣ: Сибирь—такая огромная страна, съ такимъ разнообразіемъ условій жизни, что распространять мои выводы по нѣкоторымъ вопросамъ и на другія области сибирскія—весьма рискованно. Затѣмъ, каждый разъ, когда этого настоятельно потребуетъ сущность излагаемаго предмета, я буду называть мѣста и лица ихъ именами; но, касаясь явленій, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ типичныя для даннаго времени, я буду держаться правила: не называть собственныхъ именъ и не дѣлать какихъ-либо другихъ указаній, могущихъ послужить къ раскрытію псевдонимовъ (напр., не указывать въ точности мѣста и времени дѣйствія), ибо я пишу не обличенія ради.

Предлагаемые очерки были напечатаны въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ въ «*Русской Мысли*», «*Сѣверномъ Вѣстникѣ*» и въ «*Русскихъ Вѣдомостяхъ*»; здѣсь они появляются въ нѣсколько дополненномъ и болѣе обработанномъ видѣ, подъ однимъ общимъ заглавіемъ.

*Авторъ.*

# СОДЕРЖАНІЕ.

*Стр.*

# НА ТАЁЖНЫХЪ ПРОГАЛИНАХЪ.

## I.

## РАЙСКІЙ УГОЛОКЪ.

— „Такъ вы еще въ Тункѣ не были?..“ „Вотъ, будете въ Тункѣ, увидите...“ „Когда же вы въ Тунку?..“

Такими вопросами стали меня преслѣдовать мѣстные знатоки края чуть ли не со второго мѣсяца моего пребыванія въ Иркутской губерніи. Каждый иркутскій интеллигентъ, не безнадежно, навѣки нерушимо, привинченный къ стулу своей канцеляріи и сколько-нибудь интересующійся или старающійся казаться заинтересованнымъ картинами своеобразной сибирской природы и столь же своеобразнымъ укладомъ жизни населенія, считаетъ чуть-чуть не нравственною своею обязанностью побывать въ Тункѣ, куда ѣздятъ всѣ губернаторы, генералъ-губернаторы, ученые, поэты, — словомъ, самыя густыя сливки иркутскія. Понятно, что и я не захотѣлъ отстать отъ „всѣхъ“ и рѣшилъ непремѣнно поѣхать въ Тунку, но не ранѣе, какъ по посѣщеніи нѣкоторыхъ

другихъ, болѣе ординарныхъ мѣстностей, чтобы онѣ не оказались, по отношенію къ Тункѣ, въ роли горчицы послѣ ужина,—поѣхалъ и, къ глубокому удивленію своему, убѣдился, что „перлъ" Иркутской губерніи, дѣйствительно, достоинъ своей славы, и что отзывы „знатоковъ края" не были въ этомъ случаѣ отголоскомъ модныхъ увлеченій или патріотическихъ восторговъ... Да, въ Тунку стòитъ съѣздить, господа иркутяне, особенно если вы дальше Кайской горы (излюбленное мѣсто вашихъ гуляній и пикниковъ) нигдѣ не бывали!..

Озеро Байкалъ со всѣхъ сторонъ окружено горными кряжами, составляющими отроги Саянскаго хребта; эти же отроги, развѣтвляясь, заполняютъ собою почти весь югозападный уголъ, образуемый р. Ангарой, при истокѣ ея изъ озера. Недаромъ иркутяне называютъ эту рѣку „красавицей": она, дѣйствительно, хороша мѣстами; но большинство патріотовъ-иркутянъ восхищается ею съ чужихъ словъ, потому что Ангара подъ Иркутскомъ не представляетъ собой чего-нибудь особеннаго, а величаво-хороша она именно тамъ, гдѣ и десятой доли ея восхвалителей никогда не бывало. Роскошные виды представляетъ собой Ангара далеко отъ Иркутска, не ближе десятковъ и сотенъ верстъ, тамъ, гдѣ горные кряжи, одѣтые густыми лѣсами, близко надвигаются съ обѣихъ сторонъ къ быстро несущимся водамъ, раскидывая имъ, къ тому же, препятствія въ видѣ каменныхъ острововъ съ отвѣсно обсѣченными боками, на подобіе крѣпостныхъ стѣнъ; или гдѣ она, уже принявъ въ себя съ десятокъ также довольно крупныхъ рѣкъ, отвоевываетъ у каменныхъ громадъ русло въ версту ширины и разливается тихимъ, прямымъ, какъ каналъ, плесомъ въ нѣсколько верстъ длиною. Хороша она также у самаго ис-

тока, гдѣ грозный Байкалъ какъ бы прорывается сквозь обступившую его со всѣхъ сторонъ каменную стѣну и въ образовавшееся ущелье спѣшитъ вылить избытокъ своихъ водъ... А ихъ много, этихъ водъ — чистыхъ, какъ кристаллъ, и холодныхъ, какъ весенніе потоки, порожденные тающими снѣгами: цѣлая масса рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ ввергается въ Байкалъ съ горныхъ высотъ, а изъ него вытекаетъ одна только Ангара. У бурятъ существуетъ относительно этого остроумная аллегорія. „Разоряетъ дочка старика Байкала, — говорятъ они. — Сколько ни стараются сыновья его сносить ему со всѣхъ сторонъ добытыя ими богатства, а все растрачиваетъ мотовка Ангара, и не можетъ дальше богатѣть старикъ.“

При самомъ истокѣ Ангары и Байкала, среди шумящихъ ея водъ, стоитъ слишкомъ возвеличенный молвою легковѣрныхъ и любящихъ восторгаться людей „Шаманскій камень“; въ населеніи существуетъ повѣрье, что онъ, этотъ малюсенькій бѣлый утесикъ, едва-едва виднѣющійся изъ омывающихъ его водъ, сдерживаетъ напоръ всѣхъ водъ байкальскихъ, и что придетъ время, когда онъ сдастся, — и тогда горе Иркутску: страшная водяная лавина ринется на городъ *) и смоетъ его, не оставивъ камня на камнѣ. Правда, подводная гряда утесовъ, образующихъ ложе рѣки при ея истокѣ, дѣйствительно служитъ краемъ чашки въ 600 верстъ длиною, которую представляетъ собой Байкалъ, но край этотъ является не хрупкою стѣнкой, а сплошною каменною массой, почвеннымъ материкомъ всей этой мѣстности, и ма-

*) Иркутскъ отстоитъ отъ Байкала въ 60 верстахъ и расположенъ на низменномъ намывномъ берегу Ангары, которая въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ крутой изгибъ къ сѣверу.

ленькій утесикъ, интересный только тѣмъ, что вокругъ него, вслѣдствіе массы подводныхъ камней, оглушительно шумятъ и бурлятъ ангаро-байкальскія воды, слишкомъ жалокъ для того, чтобы играть роль вѣрнаго стража и спасителя всѣхъ прибрежныхъ селеній внизъ по Ангарѣ, а въ томъ числѣ и города Иркутска; тѣмъ не менѣе, бурятская фантазія снабдила этотъ камешекъ какими-то особенными, таинственными силами и считаетъ его за самое священное мѣсто въ предѣлахъ района, обитаемаго бурятами: клятва, данная бурятомъ на Шаманскомъ камнѣ, или хотя бы только въ виду его, считается самою торжественною клятвой, шутить которою никто изъ шаманистовъ не рѣшится; поэтому обвиняемый въ чемъ-нибудь важномъ, рѣшившійся совершить этотъ обрядъ, освобождается отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и обвиненій, и его невинность должна быть съ этихъ поръ внѣ всякихъ сомнѣній. Отъ бурятъ и русскіе переняли нѣкоторое суевѣрное уваженіе къ этому камешку; многіе даже крестятся, проѣзжая мимо него въ лодкахъ.

Однако, я заговорилъ о предметахъ, не имѣющихъ почти никакого касательства къ Тункѣ, къ этому райскому уголку Сибири: отправляясь туда изъ Иркутска, мы пересѣчемъ Ангару только разъ на плашкотѣ*) подъ

---

*) Сибирскіе плашкоты, по своему устройству, существенно отличаются отъ обыкновенныхъ русскихъ паромовъ: покрайней мѣрѣ, я не видѣлъ и не слышалъ, чтобы въ центральной и южной Россіи дѣйствовали суда, похожіе на нижеописанное. Общее устройство плашкота напоминаетъ маятникъ: на длинномъ канатѣ, прикрѣпленномъ къ мертвому якорю, который опущенъ посреди рѣки, ходитъ отъ одного берега къ другому платформа, состоящая изъ двухъ лодокъ съ настилкой, носомъ обращенныхъ противъ теченія, и съ двумя большими рулями, соединенныхъ въ общую систему посредствомъ

самымъ городомъ и больше съ нею не встрѣтимся, а отъ озера Байкала увидимъ только самый южный заливъ его, у села Култукскаго. Но съ тѣми горными отрогами Саяна, которые обступаютъ Байкалъ и стѣсняютъ бѣгъ Ангары, мы начнемъ имѣть дѣло со второй же станціи отъ Иркутска: мы будемъ, безъ передышки, то спускаться въ глубокія пади, отдѣляющія одну гору отъ другой, то карабкаться по длиннымъ и крутымъ подъемамъ на гряды этихъ хребтовъ. Тяжела эта дорога, но она вознаграждается чудными видами, которые раскидываются каждый разъ передъ вашими глазами, когда запыхавшаяся тройка почтовыхъ коней преодолѣетъ одинъ изъ такихъ подъемовъ. Далеко, куда только взоръ хватитъ, волнообразно высятся одна надъ другою то острыя, то округленныя вершины горъ и холмовъ, съ ногъ до головы одѣтыхъ таежною растительностью, хмурою, угрюмою, но величавою въ своей несокрушимой мощи. На болѣе свѣтлыхъ фонахъ лиственницъ и березъ мрачными пятнами выдѣляются пушистыя пихты; вы-

---

шестерней и зубчатаго стержня; канатъ поддерживается надъ водою десяткомъ и болѣе лодокъ, на которыхъ онъ покоится. Плашкотъ, отвязанный отъ пристани, напр.—лѣваго берега, силою теченія отводится отъ нея; тогда рулямъ дается такое направленіе, чтобы струя ударяла въ правый бокъ плашкота, вслѣдствіе чего онъ направляется носомъ къ правому берегу и плавно подходитъ къ нему, дѣлая отъ 20 до 30 саженъ въ минуту. Если плашкотъ отходитъ отъ праваго берега, то руль кладется направо, струя бьетъ въ лѣвый бокъ посудины и приближаетъ ее къ лѣвому берегу. Такимъ образомъ, движенія эти напоминаютъ качаніе маятника. Плашкоты удобны тѣмъ, что они требуютъ работы только одного человѣка—рулевого, да еще развѣ причальщика, скидывающаго и накидывающаго чалки на пристаняхъ. На пути отъ Томска до Иркутска встрѣчается около десяти перевозовъ подобнаго рода.

соко вздымаетъ къ небесамъ свои могучія вѣтви царь сибирскихъ лѣсовъ — роскошный кедръ; почти на одномъ уровнѣ съ нимъ красуются золотисто-зеленыя короны его неразлучныхъ подругъ — гигантскихъ сосенъ; пониже, къ подножію горъ, тѣсно толпятся скромно одѣтыя чернички — короткоиглыя ели съ мшистыми стволами; и все это тянется изъ всѣхъ своихъ силъ въ высь, поближе къ источнику свѣта, къ блещущему въ лазурной вышинѣ солнцу, лучи котораго, однако, оказываются мѣстами безсильными пробить этотъ толстый покровъ хвои и теряются въ немъ, не достигая земли. Тихо кругомъ, какъ можетъ-быть тихо только въ совершенно безлюдномъ мѣстѣ, вдали отъ всякаго мірского гомона и суеты; безмолвно стоятъ лѣсные гиганты, какъ бы удивляясь вашему дерзкому появленію среди нихъ, — развѣ изрѣдка прошумитъ порывъ полуденнаго вѣтра въ вершинахъ кедровъ и сосенъ; но здѣсь, внизу, въ вашемъ ничтожествѣ, вы не чувствуете ни малѣйшаго движенія воздуха: только такая буря, которая сокрушаетъ сотнями одряхлѣвшіе отъ старости лѣсные гиганты, имѣетъ достаточно силъ, чтобы проникнуть сквозь чащу до нижнихъ вѣтвей деревьевъ и привести ихъ въ колебаніе.

Любопытное зрѣлище представляетъ собою участокъ тайги, по которому пронесся разрушительный ураганъ: огромные стволы вѣковыхъ деревьевъ, аршина по два въ діаметрѣ, лежатъ рядами, вырванные съ корнемъ, всѣ—верхушками въ одну сторону, какъ подкошенный бурьянъ; лѣсная дорожка вьется ужомъ между этими преградами, но не стѣсняется перекидываться черезъ менѣе крупные стволы, въ 10—12 вершковъ толщины, не огибая ихъ: такую лѣсину легко перешагнетъ при-

вычная къ таежнымъ тропамъ верховая лошадь, да и легкія сани, при помощи ямщика, перевалятъ кое-какъ черезъ эту преграду, сначала поднявшись передкомъ къ небу, а потомъ ринувшись внизъ и тряхнувъ всѣ внутренности злосчастнаго путника; о колесныхъ же путяхъ сообщенія въ этихъ медвѣжьихъ участкахъ нечего пока и думать. Не легко ѣхать слабонервнымъ господамъ даже по культурнымъ трактамъ, въ родѣ круго-байкальскаго, по которому надо сдѣлать четыре станка до поворота на тункинскій трактъ: высоко-высоко надъ головою вашей, когда вы ѣдете по узкимъ и глубокимъ падямъ виднѣются облѣпившія скаты горъ огромныя деревья; снизу они кажутся небольшими вѣточками, воткнутыми шалунами ребятишками, игры ради, въ рыхлую землю; масса такихъ же „вѣточекъ", сломанныхъ бурей или не удержавшихся, по своей тяжести, на каменистой почвѣ, не дававшей ихъ корнямъ уходить въ глубь и укрѣпляться, — лежитъ на самыхъ скатахъ пади, задержанная въ своемъ паденіи еще стоящими деревьями. А сильный вѣтеръ шумитъ гдѣ-то тамъ наверху... Вы смотрите туда, закинувъ голову назадъ, и невольно соображаете, что̀ останется отъ васъ и отъ всей вашей тройки, если такая пятнадцати-саженная вѣточка слетитъ съ этой стосаженной вышины, въ то время, какъ вы здѣсь шагомъ карабкаетесь по подъему?

— А что̀, если такая вотъ штука да упадетъ на насъ? — спрашиваю я своего спутника, уже видавшаго сибирскіе виды на своемъ вѣку.

— Гм... да если еще въ самый глазъ угодитъ—плохо придется!.. — отвѣчаетъ невозмутимо философъ и аппетитно укладывается спать, отвернувшись въ уголъ повозки.

Но постепенно и вы привыкаете къ этому роду сильныхъ ощущеній и хладнокровно созерцаете нависшіе надъ вами стволы, и узенькую полоску тракта, отдѣленную отъ глубокаго обрыва нѣсколькими жиденькими столбиками, изрѣдка разставленными, и крутые спуски съ высокихъ горъ, по которымъ вы мчитесь сломя голову, чтобы нагнать время, потерянное на медленный подъемъ шагомъ въ эту же гору. Въ Сибири ямщики возятъ, вообще, совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлаютъ ихъ далекіе собратья по профессіи на захолустныхъ почтовыхъ трактахъ Европейской Россіи: русскій ямщикъ любитъ ѣздить ровненькою трусцой, верстъ по 8 въ часъ, рѣдко болѣе; устанутъ слабыя лошаденки, онъ ѣдетъ шагомъ, а потомъ опять трусцой, выматывая душу у нетерпѣливаго сѣдока. Сибирскій средній ямщикъ имѣетъ крѣпкихъ коней и дѣлаетъ на нихъ по 11 — 12 верстъ въ часъ (попадаются, конечно, такіе, которые едва-едва натягиваютъ узаконенныя 10 верстъ, но есть за то лихачи, отмахивающіе по 15-ти и 18-ти; но тѣ и другіе представляютъ собой исключеніе), никогда не пуская лошадей шагомъ, кромѣ какъ на длинныхъ и крутыхъ подъемахъ, — маленькіе же онъ „беретъ" однимъ духомъ, пуская всю тройку вскокъ. Онъ ѣдетъ все время крупною рысью и пользуется спусками, чтобы превратить эту рысь въ бѣшеную скачку, лишь бы кони поспѣли за раскатившеюся телѣгой; а чтобы дать вздохнуть лошадямъ, онъ одинъ или два раза на протяженіи станка, смотря по длинѣ его (обыкновенный станокъ— верстъ 20—25, но есть и въ 30—35 верстъ), останавливаетъ ихъ, слѣзаетъ съ козелъ, поправляетъ упряжь, выкуриваетъ трубочку и послѣ 3 — 5 минутъ отдыха вскакиваетъ на свое мѣсто и съ какимъ-нибудь возгла-

сомъ, въ родѣ: „эхъ, милыя, царапайся!“ — летитъ въ атаку на новый горный подъемъ. Такая ѣзда гораздо веселѣе и удобнѣе для пассажировъ. Пріемы ямщиковъ до нѣкоторой степени характеризуютъ самый нравъ населенія, какъ россійскаго, уже привыкшаго къ умѣренности и бережливости, такъ и сибирскаго, еще имѣющаго много случаевъ показать свою удаль, менѣе дорожащаго „животиной“, которую ему, богачу по сравненію съ русскимъ, гораздо легче и нажить, и прожить. Много вліяетъ, въ этомъ отношеніи, и самая огромность разстояній сибирскихъ: съ нынѣшней русской ѣздой тамъ далеко не уѣдешь.

Но вотъ и Култукъ—селеніе десятковъ изъ семи дворовъ, притиснутое горными кряжами къ самому Байкалу. Отсюда представляется роскошный видъ на это сибирское „море“: опоясывающіе его хребты тянутся по обѣ стороны вдаль, сначала темные, потомъ постепенно становясь фіолетовыми и, наконецъ, сливаются съ голубою далью, только слегка вырѣзываясь изъ нея на правомъ берегу нѣжно серебристою полосой своихъ оголенныхъ вершинъ, называемыхъ поэтому „гольцами“. Какъ зеркало, спокойно озеро; легкою дымкой затянутъ горизонтъ; спокойно все кругомъ,—мертвенно спокойно: ни одной лодочки не видно на дремлющихъ водахъ Байкала, покуда глазъ хватаетъ; вся эта величавая тишь свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ здѣсь — еще только гость, что онъ далеко не полный хозяинъ этихъ огромныхъ пространствъ, побѣдоносно у него отстаивающихъ до сихъ поръ свою независимость.

Но то, чѣмъ вы, заѣзжій человѣкъ, такъ любуетесь и восхищаетесь, составляетъ предметъ тихой ненависти култуковцевъ: въ окружающихъ ихъ горахъ они нахо-

дятъ едва-едва по три-четыре десятины на дворъ годной подъ пашню земли *); тайга высылаетъ на ихъ немногочисленныя стада хищныхъ звѣрей; Байкалъ годъ отъ году даетъ имъ меньше рыбы .. Поэтому-то житель култукскій занимается десяткомъ другихъ дѣлъ, кромѣ земледѣлія, замѣняя одно другимъ, смотря по времени года: онъ ходитъ въ извозъ и содержитъ постоялые дворы весною и осенью, когда черезъ Байкалъ нѣтъ ни саннаго пути, ни пароходнаго сообщенія; онъ охотникъ позднею осенью и зимою; онъ собираетъ кедровые орѣхи въ сентябрѣ; онъ рыболовъ лѣтомъ и онъ... контрабандистъ—круглый годъ. Послѣднее его занятіе (конечно, не всѣ култуковцы къ нему причастны, но опытные люди увѣряютъ, что большинство изъ нихъ не совсѣмъ чисто передъ закономъ) обусловлено слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ Култукѣ помѣщается таможня, преграждающая доступъ по круго-байкальскому тракту въ Иркутскую губернію китайскимъ товарамъ, обращающимся безпошлинно въ Забайкальи; но култуковцы знаютъ, кромѣ тракта, потайныя горныя тропинки въ своихъ гольцахъ, а таможенныхъ досмотрщиковъ не много, и люди они—пришлые, съ мѣстностью незнакомые; такъ почему же,—разсуждаютъ култуковцы, самою природой, ихъ окружающею, осужденные на промысловый, не земледѣльческій образъ жизни, — почему

*) Всей запашки на дворъ, въ среднемъ, приходится въ Култукѣ по 3 десятины (съ паровымъ полемъ); для доказательства ничтожности этой цифры, достаточно замѣтить, что въ селеніи Ахаликѣ, принадлежащемъ къ той же Тункинской вол., но расположенномъ въ тункинской долинѣ, о которой рѣчь впереди, запашки на крестьянскій дворъ приходится 14,1 дес., въ с. Тункинскомъ 12,1 десят. и т. д.

же и не заработать исподоволь, въ теченіе года, по нѣскольку десятковъ рублей на брата, за счетъ казны, которая и такъ богата?... И зарабатываютъ понемногу, пропорціонально ловкости и удали каждаго.

До сихъ поръ, до Култука, вы ѣхали въ юго-восточномъ направленіи отъ Иркутска; теперь круго-байкальскій трактъ остается у васъ въ сторонѣ,—онъ начинаетъ загибать къ сѣверу, въ обходъ моря; вы же круто сворачиваете къ юго-западу: эти два направленія пути въ Тунку и прямой уголъ, ими образуемый, обусловливаются теченіемъ рѣки Иркута, который описываетъ большіе зигзаги, пробираясь между горными кряжами. Рѣка эта довольно большая, но совершенно неудобная для судоходства, по случаю массы пороговъ и каменистыхъ островковъ; берега ея круты и высоки: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она течетъ, или, вѣрнѣе, бурлитъ между двумя совершенно отвѣсными стѣнами, образующими подобіе обширнаго корридора. Тункинская долина, въ которую вы теперь направляетесь, составляетъ прирѣчную низменность Иркута и другой рѣчки, Тунки, впадающей въ Иркутъ; долина эта, то съуживающаяся до 2—3 верстъ сдвигающимися хребтами гольцовъ, которые тянутся по обѣимъ ея сторонамъ, то расширяющаяся до 15—20 верстъ, чтобы опять съузиться къ южному ея концу,—долина эта какъ бы отрѣзана цѣлою массой горныхъ перевaловъ отъ болѣе сѣверныхъ, ровныхъ и низменныхъ районовъ Иркутской губерніи, сравнительно густо заселенныхъ. Черезъ эти горные перевалы, глубокія пади и шумящія рѣчки приходится ѣхать еще полтора перегона, т.-е. до станціи Быстринской, первой отъ Култука, и далѣе до половины перегона къ слѣдующей станціи, Торской. Каждый разъ, какъ въѣз-

жаешь на какую-нибудь гору, глядишь и глазъ оторвать не можешь отъ чудеснаго вида на тункинскіе гольцы, или „бѣлки“, какъ ихъ называютъ по той ихъ особенности, что снѣгъ на вершинахъ ихъ, въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ солнечныхъ лучей, сохраняется почти круглый годъ: онъ сходитъ только недѣли на двѣ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля мѣсяцевъ; такимъ образомъ эти бѣлки съ нѣкоторою натяжкой могутъ быть причислены къ разряду горъ, достигающихъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Но еще одна особенность выдѣляетъ ихъ изъ числа другихъ горныхъ хребтовъ этой мѣстности, именно: тункинскіе бѣлки не имѣютъ характерно выраженныхъ предгорій и сразу вырастаютъ весьма крутыми или даже почти отвѣсными склонами на ровной низменной долинѣ, не представляющей собой мѣстами сколько-нибудь замѣтныхъ повышеній до самаго подножія хребта; это особенно бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ уголкахъ Коймарской долины, болотистой и кочковатой, прорѣзанной множествомъ рѣчекъ и ручьевъ: вы можете мѣстами вплоть подойти къ самому хребту гольцевъ и, не нагибаясь, коснуться руками твердыни, вздымающейся къ небесамъ передъ самымъ лицомъ вашимъ.

Помню, однажды вечеромъ, когда уже было темно, я пріѣхалъ въ одинъ бурятскій улусъ, самый дальній изъ тѣхъ, которые расположены въ мѣстности, называемой Коймарами, и, какъ мнѣ говорили, лежащій всего въ 2—3 верстахъ отъ подножія бѣлковъ; переночевавъ, я при первомъ проблескѣ зари вышелъ изъ избы...—и замеръ, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ: прямо передо мною, подавляя своей массой, высилась и ширилась, покуда глазъ хваталъ, огромная

каменная громада, еще мрачная внизу, гдѣ царствовали предъутренніе сумерки, и уже начинавшая свѣтлѣть на высотѣ, — тамъ, гдѣ клубились, свертывались, развертывались и извивались, какъ гигантскія змѣи, длинныя полосы и мягкія толщи утренняго тумана. Граница мрака постепенно спускалась книзу, уступая свѣту, и каменная громада все ярче окрашивалась въ цвѣта радости и юности—розовый и голубой; кое-гдѣ разрывалась на время завѣса тумановъ, давая возможность жадно заглянуть туда, въ манящую высь, гдѣ гордо красовались, ослѣпительно сіяя подъ лучами утренняго солнца, остроребрыя вершины хребта; синими и темно-фіолетовыми полосами, въ видѣ геометрическихъ фигуръ, преимущественно треугольниковъ, обращенныхъ однимъ угломъ книзу, вырисовывались ущелья и разсѣлины, составляя эффектные контрасты съ свѣтлыми бликами вершинъ; и всему этому калейдоскопическому рисунку мрачныхъ и нѣжныхъ, темныхъ и яркихъ красокъ служило фономъ блѣдноголубое утреннее небо... Картина была роскошная, способная поразить своими эффектами жителя равнинныхъ, однообразныхъ мѣстностей Россіи; хотѣлось бы вѣчно глядѣть на эту величавую красоту горныхъ вершинъ, наблюдать переливы красокъ и тѣней на ихъ выступахъ и въ разсѣлинахъ, хотѣлось громко восторгаться изяществомъ то волнообразной, то причудливо-изломанной линіи контура хребта, какъ будто рѣзцомъ проведенной на лазурномъ фонѣ небесъ.

— Какъ хорошо!—невольно воскликнулъ я.

Стоявшій со мною бурятъ удивленно посмотрѣлъ на меня, потомъ радостно улыбнулся, — онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и сочувственно отвѣтилъ мнѣ на своемъ ломаномъ языкѣ:

— Больша, ухъ! кака больша гора! Но худой гора, звѣрь мало, промишлять ходить далеко надо, за гора...

Приходилось отложить восторги въ сторону и обратиться къ реальнымъ интересамъ.

Послѣдній спускъ съ горнаго хребта, кольцомъ обхватившаго Тунку, — и вотъ вы въѣзжаете въ эту долину, гдѣ протекаютъ рѣки Иркутъ, Тунка, Талая, Ахаликъ, Кынгырга, и десятки другихъ. Всѣ онѣ имѣютъ горный характеръ: въ обыкновенное время скромно шумящія въ своихъ каменныхъ руслахъ, онѣ въ сильные дожди или въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ обращаются въ бѣшеные горные потоки, которые съ шумомъ и ревомъ ворочаютъ и уносятъ съ собою громадные камни, по аршину въ діаметрѣ и болѣе, рвутъ прибрежныя деревья съ корнемъ, сносятъ безчисленныя маленькія мельнички, устроенныя на нихъ, и прерываютъ всякое сообщеніе, потому что мостовъ здѣсь почти нѣтъ,— безполезно и разорительно было бы ихъ дѣлать тамъ, гдѣ ѣздятъ исключительно верхомъ и гдѣ обычной постройки мосты могутъ продержаться лишь до перваго паводка.

Тункинская долина была облюбована, въ качествѣ удобнаго мѣста жительства, еще людьми каменнаго вѣка: весьма нерѣдкія здѣсь находки каменныхъ орудій и глиняныхъ черепковъ свидѣтельствуютъ объ этомъ; въ песчаныхъ холмахъ, нынѣ разрушаемыхъ вѣтрами и дождями, — ибо неразумный человѣкъ уничтожилъ древесную растительность, сохранявшую эти холмы отъ размывовъ и развѣиванія и тѣмъ самымъ спасавшую близъ лежащія плодоносныя земли отъ заноса ихъ песками, — въ этихъ холмахъ оказываются порой цѣлыя залежи каменныхъ топориковъ, наконечниковъ стрѣлъ

и копій, дисковъ, съ отверстіями посрединѣ, молотковъ и другихъ орудій и украшеній. Наконечники стрѣлъ и копій извѣстны у мѣстнаго русскаго населенія подъ именемъ „громовыхъ стрѣлъ“ и пользуются большимъ уваженіемъ, какъ талисманы, способствующіе удачѣ въ каждомъ дѣлѣ и предпріятіи владѣльца ихъ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы талисманъ былъ найденъ безъ свидѣтелей и хранился въ полной тайнѣ, такъ чтобы даже домашнія лица обладателя талисмана не знали о существованіи этого послѣдняго; поэтому масса такихъ находокъ безнадежно скрыта отъ взоровъ постороннихъ, на что очень жалуются археологи, не мало уже удѣлившіе своего вниманія тункинской долинѣ. Затѣмъ въ этой мѣстности и въ другихъ сосѣднихъ. вѣроятно, обитали въ разное время различные народы и племена, едва-едва упоминаемые историками, которые имѣютъ, въ данномъ случаѣ, только одну точку опоры для своихъ догадокъ — китайскіе историческіе источники; когда и при какихъ обстоятельствахъ сошли со сцены эти народы—почти неизвѣстно; предполагаютъ, что буряты, которыхъ застали русскіе въ предѣлахъ Иркутской губерніи, прибыли въ эти мѣста не ранѣе начала текущаго тысячелѣтія, вытѣснивъ къ сѣверу тунгусовъ. Въ началѣ XVIII столѣтія Тункинскій край сталъ заселяться русскими пришельцами: съ стратегическими цѣлями былъ заложенъ въ 1709 г. тункинскій острожекъ, въ которомъ поставленъ былъ гарнизонъ въ 150 казаковъ, а вокругъ него стали селиться черносошные крестьяне, не служилые люди. Буряты принуждены были, поэтому, нѣсколько податься въ стороны, очистивъ центральную, лучшую часть долины подъ селенія и заимки побѣдителей.

Удобныхъ для распашки мѣстъ было вначалѣ весьма много, а охотниками до нихъ оказывались одни крестьяне, ибо аборигены земледѣліемъ не занимались, а казаки считали за болѣе выгодное для себя занятіе собирать ясакъ съ бурятъ и „промышлять звѣря“ (а иногда и инородца); но постепенно населеніе Тункинскаго края разрасталось, отчасти благодаря продолжавшейся иммиграціи, отчасти благодаря естественному своему приросту; близъ первоначально заложенныхъ поселеній не оказывалось уже больше годныхъ для распашки мѣстъ: приходилось молодому поколѣнію и пришельцамъ забираться въ глубь бурятскихъ земель, для выбора наиболѣе удобныхъ участковъ. Равнымъ образомъ, и казаки, послѣ болѣе прочнаго установленія основъ мирной гражданской жизни, лишились многихъ источниковъ своего дохода и постепенно, хотя и очень неохотно, должны были приняться за земледѣліе и скотоводство. Наконецъ, приблизительно съ начала нынѣшняго столѣтія, наиболѣе близкіе къ русскимъ поселеніямъ бурятскіе роды, видя успѣшность распашки земель, чувствуя все бóльшій недостатокъ въ пастбищахъ для скота, а также замѣчая уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей въ тайгѣ, стали менѣе заниматься скотоводствомъ и охотой и, по примѣру русскихъ, построили себѣ дома и принялись за хлѣбопашество. Впослѣдствіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, въ Тунку (равно и въ нѣкоторые другіе пункты Иркутской губ.) были приселены штрафные солдаты изъ войскъ Европейской Россіи, перечисленные въ казачье сословіе; этотъ опытъ массовой колонизаціи земель и нравственнаго исправленія путемъ ссылки, съ переводомъ въ другое сословіе, десяти тысячъ нижнихъ чиновъ рѣшительно не удался, какъ и многіе подобные ему предшествовавшіе

опыты: новые колонизаторы, какъ таковые, оказались никуда негодными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и польза отъ нихъ, какъ отъ служилыхъ казаковъ, была болѣе чѣмъ сомнительна. Поэтому въ 1871 г. казачьи полки были расформированы, и оказавшіеся къ тому времени на-лицо казаки изъ штрафныхъ солдатъ обращены въ „крестьянъ изъ казаковъ", или, какъ ихъ принято называть въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ документахъ, въ отличіе отъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ „крестьянъ-собственниковъ".

Такимъ образомъ, въ тункинской долинѣ должны были встрѣтиться интересы четырехъ различныхъ группъ населенія: туземцевъ-бурятъ, старожиловъ-казаковъ (и понынѣ остающихся въ этомъ званіи), бывшихъ государственныхъ крестьянъ и крестьянъ-собственниковъ; каждая изъ этихъ группъ надѣлена особыми юридическими правами на землю, каждая должна бы поэтому владѣть отрубными земельными дачами, а, между тѣмъ, участки земель, находящихся въ фактическомъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ этихъ группъ, такъ разбросаны и представляютъ такую черезполосицу, а самыя права, на которыхъ основывается та или другая группа по отношенію къ факту владѣнія извѣстнымъ участкомъ, такъ темны и запутаны (три главныя группы населенія въ своихъ земельныхъ спорахъ постоянно ссылаются на право захвата, которымъ руководствовались ихъ прапрадѣды), что разобраться во всей этой неурядицѣ поземельныхъ отношеній теперь, когда каждый участокъ пахотной земли начинаетъ пріобрѣтать особое значеніе, почти невозможно иначе, какъ путемъ разрубки этихъ Гордіевыхъ узловъ. Ежегодно выѣзжаютъ партіи землемѣровъ въ Тунку, чтобы какъ-нибудь уладить споры

между сторонами, но все напрасно: каждымъ межеваніемъ остается недовольна которая-нибудь изъ сторонъ, а иногда и всѣ три стороны; затѣмъ летятъ прошенія во всевозможныя инстанціи, и на будущій годъ межеваніе начинается вновь.

Есть еще одинъ поводъ, кромѣ земельныхъ неурядицъ, къ неудовольствіямъ между крестьянами и казаками. Эти послѣдніе, оставаясь полувоенными людьми, обязанными выходить при конѣ и съ мундиромъ на службу въ городъ Иркутскъ или на разные кордоны, куда прикажетъ начальство *), въ послѣднее время лишились своего военнаго управленія и были подчинены власти и вѣдѣнію мѣстнаго крестьянскаго волостного правленія; отсюда длинный рядъ протестовъ со стороны казаковъ, уклоняющихся отъ нѣкоторыхъ повинностей и отъ уплаты волостныхъ сборовъ, которые наложены на нихъ крестьянскимъ сходомъ, не желающихъ подчиняться волостному суду, не слушающихъ выборнаго начальства изъ среды крестьянъ, и т. п. Само собою разумѣется, что, при наличности подобныхъ условій, общественная жизнь мѣстнаго населенія не представляетъ собою подобія земного рая, а скорѣе похожа на жизнь враждебныхъ другъ другу племенъ, живущихъ бокъ-о-бокъ и всегда готовыхъ произвести нападеніе на сосѣда или же отразить таковое; нужно, впрочемъ, замѣтить, что до кровавыхъ развязокъ тункинскія поземельныя отношенія, какъ кажется, еще не доходили, хотя единичные

---

*) Каждый здоровый мужчина-казакъ обязанъ прослужить, въ періодъ съ 20-ти-лѣтняго до 35-ти-лѣтняго возраста, всего около семи лѣтъ, чередуя годъ службы съ годомъ отпуска домой.

и даже массовые конфликты отнюдь не составляютъ рѣдкости *).

Почва въ нѣкоторыхъ частяхъ долины чрезвычайно плодородная; въ хорошій, незасушливый годъ свѣжая, хотя и неудобренная земля (объ удобреніи полей здѣсь и не слыхали) даетъ до 200 пудовъ урожая съ десятины ярицы или овса и нѣсколько менѣе пшеницы; озимыхъ же хлѣбовъ не сѣютъ, ибо снѣга здѣсь выпадаютъ весьма неглубокіе и сходятъ они рано, а рыхлая, неглинистая почва не можетъ противиться сильнымъ весеннимъ вѣтрамъ, такъ что озимые всходы „выдуваетъ", т.-е. они вырываются вѣтромъ съ корнемъ.

Главный бичъ здѣшняго земледѣлія—засухи, съ которыми земледѣльцы не научились еще бороться искусственнымъ орошеніемъ. Пашутъ землю такъ же, какъ пахали предки полтораста лѣтъ назадъ, и, тѣмъ не менѣе, живутъ сыто и довольно. Это довольство ярко сказывается на всемъ складѣ жизни зажиточныхъ тункинскихъ крестьянъ, а эти послѣдніе составляютъ здѣсь большинство. Такой крестьянинъ ѣстъ хорошо и часто, пьетъ чай—дешевый, не оплаченный пошлиной—не менѣе двухъ разъ въ день (а въ праздникъ разъ пять), берется за работу утромъ не ранѣе, какъ выпивъ съ пятокъ чашекъ, непремѣнно съ „подбѣлкою" (т.-е. съ топленымъ молокомъ) и съ лепешками или шанежками, нерѣдко изъ пшеничной муки; лошадей у него много (въ

*) Численность группъ, населяющихъ центръ долины, с. Тунку, съ ближайшими къ нему деревнями, такова: крестьянъ бывшихъ государственныхъ—191 хозяйство, крестьянъ изъ казаковъ—15 хоз., казаковъ—280 хоз. и еще поселенцевъ—6 хоз.; но послѣдніе, по своей малочисленности, несостоятельности и безправію, никакой роли въ спорахъ не играютъ.

среднемъ, на тункинскій дворъ приходится 5 рабочихъ лош., 6 гол. крупнаго рогатаго скота и до 20 гол. мелкаго), пѣшкомъ онъ и на край селенія не пойдетъ, а осѣдлаетъ себѣ коня; бабы и дѣвки отправляются на поле и возвращаются домой съ поля не иначе, какъ на телѣгахъ же или верхами, если телѣжныхъ дорогъ къ полю нѣтъ и оно отстоитъ отъ жилья далѣе, чѣмъ на 1—2 версты; третья или четвертая часть хозяевъ нанимаетъ работниковъ, годовыхъ или лѣтнихъ; многіе занимаются еще торговлей съ бурятами и монголами, или охотой,—словомъ, русскій крестьянинъ изъ какой-нибудь суглинистой губерніи ахнулъ бы и замеръ отъ удивленія, увидѣвъ это житье-бытье, о которомъ ему только бабка въ сказкахъ сказывала, когда онъ мальчонкой безъ штановъ еще бѣгалъ. Казаки живутъ значительно бѣднѣе крестьянъ, т.-е. производятъ меньшую запашку и держатъ менѣе лошадей (но скота почти столько же); причиной этого — ихъ обязательная кордонная и вѣстовая служба; но, какъ слышно, въ денежномъ отношеніи эта казачья повинность не безвыгодна, такъ какъ и на кордонахъ, и на пріискахъ, и даже въ вѣстовыхъ оказывается возможнымъ извлекать кое-какіе доходы; поэтому, несмотря на меньшіе размѣры своего земледѣльческаго хозяйства, казачье населеніе живетъ почти такъ же сыто, какъ и крестьянское.

И, тѣмъ не менѣе, интеллигентъ, попавшій въ Тункинскій край, чувствуетъ себя скверно. Правда, идеалъ сытаго довольства крестьянина здѣсь почти осуществленъ и находится у интеллигента передъ глазами, при чемъ общая перспектива сытости не нарушается даже наличностью десятка или полутора десятка дворовъ, опустившихся или разорившихся, благодаря жестокому

пьянству главы семьи или отсутствію рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ, или по какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ; правда, личность стоитъ здѣсь на незыблемомъ фундаментѣ, и каждый крестьянинъ можетъ про себя съ гордостью сказать: „я самъ себѣ хозяинъ, и никому кланяться не имѣю ни охоты, ни нужды"; правда, что сценъ жестокаго деспотизма общества надъ отдѣльными своими членами, или крайней эксплуатаціи бѣдняка богачомъ, высасывающимъ кровь изъ своихъ жертвъ, здѣсь нѣтъ, и интеллигентъ не увидитъ сценъ унизительнаго рабства голодной округи и ея смиренія передъ мошною кулака; но, тѣмъ не менѣе, здѣсь интеллигентъ чувствуетъ себя еще болѣе одинокимъ, чѣмъ въ глухой россійской деревушкѣ, испуганно думающей о каждомъ завтрашнемъ днѣ, бьющейся какъ рыба объ ледъ цѣлый вѣкъ изъ-за куска хлѣба и жаждущей хоть минутнаго отдыха отъ тяжелаго, подкабальнаго труда на „благодѣтеля", не дающаго ей умереть съ голодухи изъ своихъ личныхъ интересовъ. Интеллигенту скучно и одиноко тутъ, въ этомъ хлѣбномъ уголкѣ; онъ не видитъ здѣсь никакой борьбы, которая всегда служитъ признакомъ наличности идеаловъ и стремленія къ нимъ; нѣтъ здѣсь вопіющихъ нуждъ и страданій, которыя призывали бы умственнаго человѣка на помощь, и этотъ человѣкъ видитъ себя здѣсь лишнимъ, потому что онъ никому не нуженъ: всѣ сыты и довольны своею утробною жизнью, а умственныхъ запросовъ налицо еще не имѣется; здѣсь нѣтъ столкновенія интересовъ (если не считать вѣковѣчныхъ споровъ изъ-за межъ и граней) ни на почвѣ экономическихъ началъ, ни на почвѣ идейной; кругомъ слышатся только звуки спокойной жвачки и довольной отрыжки. У тункинскаго обывателя нѣтъ ни прошлаго, которое онъ успѣлъ за-

[illegible] него ненужное, ни будущаго, ко-
[illegible] представлять не хочетъ: онъ доволенъ
[illegible] такимъ оно есть, и поэтому ни-
[illegible] вотъ инертность, хотя и сытая,
[illegible] идеаловъ и стремленія къ нимъ
[illegible] впечатлѣніе на каждаго, предъ-
[illegible] другія требованія, кромѣ удовле-
[illegible] творительныхъ потребностей.

[illegible] невѣжества, который не сознается
[illegible] что въ немъ живется сыто. Куда и за-
[illegible] и такъ хорошо здѣсь, въ этомъ отрѣ-
[illegible] міра уголкѣ?... Какое дѣло эгоизму
[illegible] страданій другихъ, копошащихся гдѣ-то тамъ,
[illegible] на другой планидѣ?... Къ чему какія бы то
[illegible] нововведенія, когда старый укладъ жизни хорошо
удовлетворяетъ потребностямъ желудка?... Попрежнему
[illegible] „[illegible]" хребтовъ; попрежнему ждутъ земле-
дѣльцы только дождя и клянутъ засуху, единственнаго
своего врага, котораго ничѣмъ не доймешь, ничѣмъ не
задушишь. Проходятъ годы, а все идетъ попрежнему.
Вотъ только [illegible], неизвѣстно по какой причинѣ здѣсь
живущій, сталъ строить какое-то чудное зданіе, придѣ-
лалъ къ нему крылья, говоритъ: отъ вѣтра эти крылья
будутъ вертѣться и молоть хлѣбъ въ муку; но виданное
ли дѣло ловить вѣтеръ крыльями?... Нѣтъ, это не спроста;
онъ будетъ не иначе, какъ заклинать вѣтры, колдов-
ствомъ [illegible] привлекать ихъ *); а вѣтеръ сушитъ землю,

*) Къ тому же здѣсь существуетъ повѣрье, къ которому нерѣдко прибѣгаютъ при вѣяніи хлѣба: если вѣтра нѣтъ, то нужно посвистать и приговорить какое-то заклинаніе,—вѣтеръ явится къ услугамъ вѣяльщика.

и безъ того слишкомъ сухую; хлѣба будутъ родиться плохо отъ засухъ... И въ результатѣ этихъ соображеній—кличъ: „ломать эту колдовскую стройку, берись за топоры!...“ Или вотъ, въ домѣ одного крестьянина появилась какая-то „кукла“, которая сильно пакоститъ: разбиваетъ стекла въ окнахъ, рѣжетъ платья на куски, бьетъ горшки и т. д., и все село относится съ крайнимъ интересомъ и нѣкоторымъ страхомъ къ этому явленію; призываются знахари, ворожеи, но „кукла“ не унимается, чѣмъ приводитъ въ ужасъ всѣхъ жителей этого и сосѣднихъ домовъ (кромѣ невѣстки хозяина того дома, въ которомъ появилась „кукла“). А интеллигентъ глядитъ и не знаетъ, — ужь не радоваться ли этому проявленію духовной жизни сытыхъ обывателей, такъ какъ она ни въ чемъ другомъ не сказывается, а эти нелѣпыя проявленія ея служатъ все же таки доказательствомъ того, что „еще живъ курилка?...“ Живъ курилка, но переживаетъ такой періодъ, когда многому, что онъ зналъ раньше, разучился, а новому еще не научился, да и учиться не хочетъ. Не одна только сытость въ этомъ виновата, конечно, а цѣлый рядъ условій, между прочимъ — и географическая обособленность тункинца отъ всего прочаго Божьяго міра. Интеллигентъ все это понимаетъ, но отъ этого ему не легче: онъ лишній здѣсь, — не съ точки зрѣнія его самого, а по мнѣнію сытаго и довольнаго тункинца.

Таковъ этотъ райскій уголокъ Иркутской губерніи. Чудная декоративная природа служитъ рамкой плодоносной долинѣ; обыватели этой долины *) живутъ по-своему

*) Бурятъ я здѣсь не касаюсь: о нихъ будетъ рѣчь въ особомъ очеркѣ.

счастливо, не дѣлая особаго зла, потому что оно не требуется въ ихъ обиходѣ, но и не дѣлая никому добра; плодятся и множатся въ геометрической прогрессіи и вообще представляютъ собой чуть ли не идеалъ матеріальнаго довольства крестьянина-земледѣльца. Но Боже меня упаси, чтобы я пожелалъ именно такого эгоистическаго довольства бѣдной русской деревнюшкѣ, кряхтящей подъ лапой „благодѣтеля": пусть она по возможности скорѣе достигнетъ довольства, но пусть не забываетъ своего прошлаго; пусть сознаніе единства ея интересовъ съ интересами всего крестьянскаго міра никогда не исчезнетъ изъ ея памяти... Только при этихъ условіяхъ ее можно будетъ назвать живущей жизнью гражданской и человѣческой, а не жвачной жизнью сытаго организма, не имѣющаго никакихъ идеаловъ впереди, никакихъ завѣтовъ—позади себя. *)

---

*) Когда настоящій очеркъ появился въ печати („Русск. Мысль", 1890 г., кн. VII), одна изъ сибирскихъ газетъ— «Вост. Обозр». —высказала по моему адресу не мало упрековъ, обвиняя меня въ пристрастномъ отношеніи къ «сытому» сибирскому крестьянству, въ голословности моего утвержденія, что «сытость» эта кладетъ отпечатокъ эгоизма, бездушности и даже жестокости на личность сибиряка, и проч. Всѣ эти упреки я прочелъ не безъ удивленія: я не допускалъ и мысли, что меня поймутъ такъ превратно... Отнюдь не одну „сытость" я считаю причиной характеристичныхъ особенностей сибиряка, а „сытость" въ связи съ мѣстными условіями вообще (суровой природой, оторванностью отъ обще-русской народной жизни, и проч.) и съ отсутствіемъ умственныхъ, идейныхъ интересовъ—въ частности. Я не вступалъ въ полемику съ почтенной газетой, потому что считалъ ея возраженія плодомъ печальнаго недоразумѣнія, которое разъяснится моими дальнѣйшими очерками; но нападки на меня со страницъ „Вост. Обозр." и впослѣдствіи лишь незначительно смягчились. Теперь я упоминаю о нихъ только для того, чтобы отмѣтить любопытный фактъ неумѣнія нѣкоторыхъ сибирскихъ патріо-

Слѣдовало бы представить въ болѣе яркихъ чертахъ внутренній, духовный міръ тункинца, остановиться на его религіозныхъ воззрѣніяхъ и міросозерцаніи, на его отношеніяхъ къ просвѣщенію, на складѣ его общественной жизни и проч. Но меня останавливаетъ отъ этой попытки слѣдующее соображеніе: тункинецъ — это вообще сибирякъ, достигшій извѣстнаго уровня матеріальнаго довольства: у тункинца—въ его вѣрованіяхъ, воззрѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ — очень много общаго съ соотвѣтствующими сторонами духовнаго міра

---

товъ отличать друзей отъ враговъ, разъ только эти друзья позволяютъ себѣ критически относиться къ какимъ - либо мѣстнымъ фетишамъ... Насколько взглядъ, высказанный мною въ этомъ очеркѣ, распространенъ и не составляетъ моей исключительной собственности,—видно хотя бы изъ очерка покойной С. В. Ковалевской, появившагося около того же времени („Сѣв. Вѣст.", 1890 г., № 11) и посвященнаго характеристикѣ шведскихъ крестьянъ. По ея словамъ, матеріальное благосостояніе населенія шкеръ къ югу отъ Стокгольма довольно велико; между тѣмъ, тамъ какъ-разъ имѣютъ мѣсто „*самыя звѣрскія преступленія и сугубое извращеніе всѣхъ нравственныхъ чувствъ*",—что подтверждается и юристами. Причина заключается въ томъ, что на время осеннихъ бурь и зимнихъ мятелей населеніе этихъ острововъ совершенно изолировано и наслаждается бездѣльемъ... Далѣе, на дняхъ, въ № 59 „Сиб. Листка" (4 августа 1891 г.) я прочелъ статью неизвѣстнаго мнѣ автора о грамотности и вообще умственномъ развитіи населенія Тункинскаго края. Г-нъ R· говоритъ: „казалось бы, что въ краѣ должны существовать извѣстные умственные запросы и вытекающее изъ нихъ стремленіе къ грамотности, потому что человѣкъ сытъ и имѣетъ время думать... Однако на дѣлѣ выходитъ далеко не то, и наши теоретическія ожиданія встрѣчаютъ весьма печальное разочарованіе". Потомъ авторъ говоритъ: „крайне низкая земледѣльческая культура,... умственная косность, лѣнь, въ соединеніи съ грубостью нравовъ и самомнѣніемъ,— вотъ характеристика края". Итакъ, громы „Вост. Обозр." должны пасть не на меня одного.

крестьянской массы Восточной Сибири; поэтому гораздо легче и удобнѣе будетъ говорить на эту тему вообще, не пріурочивая изложеніе къ извѣстному географическому пункту. Притомъ, собственно тункинецъ не настолько мнѣ извѣстенъ, чтобы я могъ въ деталяхъ ярко и правдиво изобразить именно его внутренній міръ: для меня возможно только коллективное изображеніе этого міра,—здѣсь взять одну подмѣченную черту, тамъ—изученную другую и изъ всего этого составить болѣе или менѣе полную картину духовной жизни и нравственныхъ запросовъ восточно-сибирскаго крестьянина.

Это я и пробую дѣлать въ слѣдующемъ очеркѣ.

II.

## ДУХОВНЫЙ МІРЪ И НРАВЫ КРЕСТЬЯНСТВА.

**Вѣрованія сибиряковъ.— Образчики циркулирующихъ легендъ. —Понятіе о добрѣ и злѣ.—Отсутствіе просвѣтительныхъ началъ.—Школа и чтеніе. — Развлеченія, игры и забавы. — Отношеніе къ новому. — Самостоятельность и самомнѣніе сибиряка.**

Два съ половиной вѣка назадъ небольшія кучки дерзкихъ и отчаянныхъ завоевателей проникли въ Восточную Сибирь. Путь ихъ былъ отмѣченъ грудами мертвыхъ тѣлъ туземцевъ, нерѣдко убитыхъ измѣнническимъ образомъ; побѣда давалась сравнительно легко, ибо дикари не могли устоять съ своими стрѣлами и копьями противъ пришельцевъ, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Тотчасъ по занятіи края начался систематическій грабежъ его: нажива была лозунгомъ завоевателей, ибо только во имя ея, а не чего-либо другого, они рисковали своею жизнью, совершали чудеса мужества и выносливости, производили страшныя рѣзни туземцевъ, бились даже другъ съ другомъ за право сбора ясака съ нѣкоторыхъ племенъ, пускали въ ходъ хитрость, звѣрство, вѣроломство, подкупъ и обманъ. Это былъ вѣкъ силы, царство неправды; здѣсь не оказывалось мѣста чему-либо идейному: все было просто и грубо до-нельзя, матеріально—въ худшемъ смыслѣ этого слова. Все, что

считалось завѣтнымъ или почтеннымъ тамъ, на родинѣ,— теряло здѣсь, въ пылу борьбы и въ погонѣ за добычей, свое значеніе и казалось несущественнымъ, только мѣшавшимъ достиженію цѣли; никакой узды пришелецъ на себѣ не чувствовалъ и ни передъ чѣмъ не останавливался для удовлетворенія своихъ потребностей и страстей. Ему нужны были рабы—и онъ полонялъ или покупалъ туземцевъ, обращая ихъ въ рабовъ; ему нужна была женщина — и онъ заманивалъ къ сѣбѣ въ Сибирь изъ Россіи дѣвицъ и дѣлалъ ихъ своими наложницами или законною женою, а потомъ, по миновеніи въ нихъ надобности или начавъ почему-либо тяготиться ими, перепродавалъ ихъ въ другія руки или же отдавалъ во временный кортомъ (аренду), совершая на этотъ предметъ *письменную* сдѣлку; хотя бы у него оставалась жена за Ураломъ, онъ не задумывался вновь вѣнчаться въ Сибири, зная, что доказать его двоеженство немыслимо, да и никому не нужно его доказывать; если не было русскихъ женщинъ, онъ покупалъ себѣ или похищалъ дѣвушекъ-инородокъ и мальчиковъ; если ему нравилась соболья шапка тунгуза, онъ не задумывался убить владѣльца ея, чтобы ею завладѣть. Не было такого дѣйствія, передъ совершеніемъ котораго онъ остановился бы, если только въ перспективѣ виднѣлись нажива или удовлетвореніе чувственности...

А все, что могло бы его хоть нѣсколько сдерживать на этомъ пути грубаго матеріализма, отсутствовало. Крѣпкой патріархальной семьи не имѣлось; авторитета міра и общественнаго мнѣнія не существовало; церковь, и въ Россіи не стоявшая въ то время на высокомъ пьедесталѣ, не играла здѣсь никакой роли, ибо самыхъ храмовъ имѣлось ничтожное количество, а духовенство

было такое, которое никакъ не могло служить чьимъ-либо руководителемъ въ области этики и разсадникомъ нравственныхъ началъ *); просвѣщенія, даже простой грамотности не было и помина; сколько-нибудь сносныя школы стали заводиться лишь въ концѣ прошлаго вѣка; наконецъ, сознаніе своей оторванности отъ всего, что осталось по ту сторону Урала, побуждало піонера ничѣмъ не стѣсняться и считать себѣ все позволеннымъ. Исключительно грубая сила служила ему залогомъ всякаго успѣха; эта сила стала единственнымъ предметомъ его поклоненія и уваженія, и новыя поколѣнія нарождались, видя вокругъ себя только безпредѣльное господство силы: все остальное, относящееся къ области этики, было отодвинуто на задній планъ.

Таковы были духовно-нравственныя условія жизни сибирскаго населенія въ прошлыя времена; какъ же должно было отозваться это прошлое на его теперешнемъ духовно-нравственномъ обликѣ?

Всѣ изслѣдователи народнаго быта въ Сибири, произведенія которыхъ намъ извѣстны, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что сибирякъ — не идеалистъ и не мистикъ, а довольно-таки сухой матеріалистъ, равно-

---

*) Многіе изъ священниковъ сибирскихъ были совершенно безграмотны и не умѣли даже сдѣлать своей подписи; а ихъ нравственность характеризуется весьма рельефно слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ первой половинѣ XVIII в. сибирскимъ священникамъ было запрещено отъ правительства ѣздить въ улусы къ новокрещеннымъ инородцамъ, въ огражденіе этихъ послѣднихъ отъ эксплуатаціи и поборовъ со стороны ихъ духовныхъ отцовъ; впослѣдствіи это запрещеніе было снято, но при этомъ было повелѣно наблюдать за ними, чтобы они не производили торговли съ инородцами подъ видомъ духовныхъ требъ. (*Словцовъ*, „Истор. обозр. Сибири“.)

душный къ вопросамъ идейнаго характера, въ томъ числѣ и къ самой религіи; это же самое приходится подтвердить и мнѣ. Чрезвычайно знаменателенъ тотъ фактъ, что различныя раскольничьи и сектанскія ученія не находятъ въ Сибири сколько-нибудь плодотворной почвы для своего развитія: несмотря на массу сосланныхъ и нынѣ ссылаемыхъ въ разные пункты Сибири всякаго рода отщепенцевъ православія, — раскольниковъ-старовѣровъ, духоборцевъ, субботниковъ, скопцовъ, штундистовъ и пр.,—сибирякъ остается вѣренъ православію и не увлекается ни однимъ изъ этихъ ученій, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ извѣстно, весьма распространены въ Россіи. Съ другой же стороны, неблагообразный культъ шаманства бурятскаго, заключающійся въ поклоненіи и въ непрестанномъ умилостивленіи грозныхъ и сильныхъ божествъ, пользуется и среди сибирскаго крестьянства нѣкоторою популярностью, выражающеюся въ томъ, что православные нерѣдко обращаются къ шаману за помощью для отвращенія отъ нихъ какого-нибудь несчастья (болѣзни, неурожая, пропажи и падежа скота и т. п.), а также и въ томъ, что нѣкоторыя священныя шаманскія мѣста (лѣса, горы, озера, одинокія деревья) пользуются суевѣрнымъ уваженіемъ и русскаго окрестнаго населенія. Жестокой ошибкой было бы, однако, заключить изъ факта неудачи сектантско - раскольничьихъ ученій въ Сибири, что мѣстное крестьянство держится господствующей религіи вполнѣ сознательно, считая ее выше всѣхъ прочихъ вѣроученій: сибирякъ потому не измѣняетъ своей материнской вѣрѣ и не пристаетъ къ штундистамъ, духоборцамъ, субботникамъ и проч., что не даетъ себѣ труда серьезно думать о вопросахъ вѣры. Онъ относится къ сущности чужихъ вѣрованій индиффе-

рентно и даже отчасти презрительно, но не потому, что онъ убѣжденъ въ ихъ ложности, а потому, что онъ вообще не придаетъ важнаго значенія всѣмъ этимъ вопросамъ идейнаго и мистическаго характера. Храмъ Божій и причтъ при немъ существуютъ въ представленіи сибиряка сами по себѣ, а онъ, крестьянинъ, самъ по себѣ; поэтому нерѣдко можно встрѣтить хорошихъ, степенныхъ домохозяевъ, которые по 10—20 лѣтъ подрядъ *ни разу* не были въ церкви, хотя бы она помѣщалась въ томъ самомъ селѣ, гдѣ живутъ эти хозяева: это не сектанты и не атеисты,—нѣтъ, это просто индифферентисты, которымъ церковь ненужна и которые, тѣмъ не менѣе, въ Бога вѣруютъ (по-своему, конечно) и даже призываютъ Его имя въ важныхъ случаяхъ. Но, съ другой стороны, принужденный вести постоянную борьбу съ силами суровой сибирской природы и давно замѣтившій, что сосѣдній съ нимъ народъ, буряты, производятъ извѣстныя дѣйствія для этой же цѣли, при чемъ дѣйствія эти носятъ таинственный характеръ,—сибирякъ пробуетъ въ нуждѣ прибѣгать и къ бурятскимъ средствамъ: къ жертвоприношенію, къ моленію шамана, и т. п. Бываетъ, что, въ случаѣ какого-либо несчастія,—болѣзни или пропажи и т. п., — призывается сначала служить молебны священникъ, а затѣмъ, когда бѣда не проходитъ, является на сцену шаманъ *). Если случится надобность въ совершеніи таинства или требы, предписываемыхъ и гражданскими законами,—напр., крещеніе младенца, напутствія умирающаго, вѣнчанія, — тогда прибѣгаютъ

*) Сказанное здѣсь относится, конечно, къ мѣстностямъ, граничащимъ съ бурятскими владѣніями: только при близкомъ общеніи съ инородцами подпадаютъ сибиряки подъ ихъ косвенное вліяніе.

къ священнику, какъ къ лицу, уполномоченному закономъ совершать эти требы; но если церковь находится отъ даннаго населеннаго пункта въ далекомъ разстояніи (50—100-верстное разстояніе здѣсь не рѣдкость), то обходятся и такъ, безъ участія духовенства, или же это участіе является весьма позднимъ. Мнѣ случилось разъ бесѣдовать съ обывателями одной группы селеній, отстоящихъ въ 70—80-ти-верстномъ разстояніи отъ мѣста жительства священника, о томъ, какимъ образомъ они исполняютъ свои религіозныя обязанности. Отвѣтъ былъ таковъ:

— Къ намъ батюшка въ годъ два раза наѣзжаетъ. Какъ пріѣдетъ, такъ сразу всѣхъ ребятъ и окреститъ, которые народились: иные къ тому времени уже сидѣть умѣютъ... И покойниковъ сразу же отпоетъ, которые похоронены безъ него. А къ вѣнцу идутъ,—у иной молодой уже ребеночекъ на рукахъ играетъ... Ничего не подѣлаешь,—далеко живемъ!

Такое холодное отношеніе къ исполненію религіозныхъ обязанностей сказывается сильно и въ дѣлѣ ежегодной исповѣди, т.-е говѣнія: здѣсь выполняютъ эту обязанность чрезвычайно неохотно, даже въ такихъ селеніяхъ, которыя имѣютъ свою собственную церковь и свой причтъ. Въ дѣлахъ сельскихъ управленій нерѣдко оказываются заявленія священниковъ „о принятіи зависящихъ отъ начальства мѣръ къ побужденію прихожанъ приступить безотлагательно къ говѣнію текущимъ постомъ“; напр., одно изъ такихъ заявленій на имя сельскаго старосты довольно крупнаго села — скаго гласитъ дословно слѣдующее:

„...скому сельскому старостѣ. Рекомендуется вамъ съ полученія сего принять всѣвозможныя мѣры къ побуж-

денію каждаго жителя сей веси мужеска и женска пола къ исполненію долга христіанскаго, то-есть говенію, особенно тѣхъ, которые по закоренѣлости своей не были по нѣсколько лѣтъ, какъ, напримѣръ, Т—чинъ, вообще П-вы, П—ные, Ч—вы, К—вы, Л—вы, Т—нъ, вообще С—вы, К—въ и прочіе. За неисполненіемъ долга будутъ особенно представлены списки земскому засѣдателю. Марта 11 дня 1886 г. Священникъ С.".

По общимъ отзывамъ лицъ, знающихъ бытъ крестьянъ, да и по собственнымъ моимъ наблюденіямъ оказывается, что посты здѣсь соблюдаются очень небрежно: середы и пятницы помнятъ почти однѣ старухи; самые благочестивые крестьяне начинаютъ поститься Филипповками не съ 15 ноября, а не ранѣе, какъ съ Николы, т.-е. съ 6 декабря; Петровки совсѣмъ не въ почетѣ; въ Успенскій постъ ѣдятъ молоко; вообще: оскоромиться, особенно въ дорогѣ, не считается грѣхомъ. Церкви посѣщаются рѣдко, въ самые лишь большіе праздники; всенощное служеніе въ субботніе дни и обѣдни въ воскресные совершаются при полномъ почти отсутствіи богомольцевъ, особенно въ такихъ храмахъ, которые выстроены не въ большихъ селеніяхъ.

Здѣсь мною сгруппированы только факты отрицательнаго характера, доказывающіе индифферентность сибиряковъ къ религіи; нельзя, однако, утверждать, чтобы не было фактовъ и противоположнаго характера: крестьянами строится не мало церквей, служится много молебновъ на поляхъ, совершаются различныя освященія, поминки и другіе обряды, такъ что иному невнимательному наблюдателю можетъ даже показаться, что все въ этой области внутренняго міра сибиряка обстоитъ благополучно, по крайней мѣрѣ, не хуже и не лучше, чѣмъ

у крестьянъ въ Европейской Россіи. Но, тѣмъ не менѣе, повторяю, при внимательномъ изученіи быта сибиряковъ, приведенное выше заключеніе объ ихъ индифферентности въ дѣлахъ вѣры оказывается вполнѣ отвѣчающимъ дѣйствительности; вмѣстѣ съ этимъ дѣлается также яснымъ, что одна изъ причинъ такихъ холодныхъ отношеній крестьянъ къ церкви заключается въ личныхъ качествахъ ея служителей.

Сельскій священникъ въ Сибири — совсѣмъ не тотъ смиренный, едва-едва пропитывающійся скудными доходами, иногда лично работающій на пашнѣ и покосѣ пастырь, котораго можно встрѣтить въ нечерноземной полосѣ Россіи, и, притомъ, не въ большихъ торговыхъ селеніяхъ (на югѣ, въ черноземной области Россіи, сельское духовенство гораздо богаче и въ своей средѣ насчитываетъ не мало капиталистовъ); въ Сибири священникъ получаетъ отъ прихожанъ хорошій домъ съ надворными постройками, съ отопленіемъ и часто съ мебелью; если дѣти его разобьютъ въ домѣ стекло, или начнетъ дымить печка, то исправляются всѣ подобные изъяны за счетъ прихода; далѣе онъ съ причетниками имѣетъ въ своемъ распоряженіи 50 десят. непремѣнно сѣнокосной земли, а вмѣсто пахотной, отъ полученія которой духовное вѣдомство отказалось еще въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, установлена хлѣбная руга въ пользу причта, пудовъ около 400 священнику и соотвѣтственно меньше причетникамъ *); разъѣзды по приходу, даже для сбора продуктовъ въ Петровки, Филипповки и проч., совершаются причтомъ не на своихъ ло-

---

*) Пудъ хлѣба стоилъ въ Иркутской губ. отъ 1 р. до 1 р. 30 коп. въ послѣдніе годы.

шадяхъ, а на „междудворныхъ подводахъ“ прихожанъ; въ городъ ѣздятъ священники обыкновенно на „обывательскихъ“ коняхъ; при церквахъ состоятъ трапезники и караульные, обыкновенно четыре человѣка: ихъ обязанность заключается, главнымъ образомъ, въ исполненіи хозяйственныхъ порученій священника по дому, по двору и огороду, а иногда и на покосѣ; наконецъ, плата за требы устанавливается здѣсь священниками вполнѣ произвольно, а такъ какъ жалобы по этимъ дѣламъ почти немыслимы, въ виду дальности разстояній до какихъ-либо старшихъ духовныхъ властей, то духовенство въ этомъ отношеніи не стѣсняется ничѣмъ, кромѣ своихъ личныхъ соображеній. Намъ приходилось слышать въ нѣсколькихъ мѣстахъ объ „обычаѣ“ уплаты за вѣнчаніе или за погребеніе взрослаго „по коню или по коровѣ“. Нерѣдко также доходили до насъ разсказы о членахъ духовной іерархіи, которые за 10—15 лѣтъ своего пребыванія въ приходѣ составляли себѣ поборами, торговлей и подрядами весьма кругленькое состояніе и, уѣзжая, увозили съ собой цѣлые воза добра; или о такихъ, которые взыскивали съ прихожанъ ружную недоимку при содѣйствіи земскаго засѣдателя, подъ угрозой описи имущества недоимщиковъ; или почти невѣроятный разсказъ о крестьянинѣ, сошедшемъ съ ума послѣ того, какъ онъ попередавалъ, одинъ по одному, всѣ бывшіе у него сорокъ полуимперіаловъ духовному лицу, стращавшему его разными ужасами по случаю беременности незамужней дочери этого крестьянина; или о такомъ, который получалъ отъ общества 15 руб. въ мѣсяцъ за обученіе дѣтей грамотѣ въ церковно-приходской школѣ, а, вмѣсто себя, нанималъ ссыльно-поселенца, платя ему 5 р. въ мѣсяцъ, и никакого дальнѣйшаго попеченія о школѣ не

имѣлъ; или о такомъ который возбудилъ противъ себя цѣлую массу жалобъ по случаю небрежнаго исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ подобныхъ жалобъ, поданныхъ въ сельское управленіе. Крестьянка Ш. заявила, что „священникъ отказался придти для исповѣданія ея мужа, тяжко заболѣвшаго". Крестьянинъ К. заявилъ, что „на просьбу придти для исповѣди его сына священникъ сказалъ: пріѣзжайте завтра". Поселенецъ П. жалуется, что „на просьбу придти исповѣдать больного поселенца А. священникъ сказалъ, чтобы больного привезли въ церковь къ вечернѣ", и т. д. Препирательство общества съ духовенствомъ по поводу различныхъ денежныхъ и имущественныхъ отношеній между ними восходятъ нерѣдко до окружнаго и губернскаго начальства, при чемъ поводы къ такимъ препирательствамъ бываютъ иногда весьма странны. Такъ, наприм., въ с. Z. Балаганскаго округа, было вакантное мѣсто псаломщика въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; священникъ предъявляетъ старостѣ письменное требованіе выдать ему три четверти (24 мѣры) хлѣбной руги, слѣдовавшей за это время несуществовавшему псаломщику; вахтеръ и смотритель магазина отказались выдать хлѣбъ, предполагая этотъ остатокъ отъ руги обратить въ пользу общества; священникъ грозитъ жаловаться въ новой бумагѣ „высшему начальству"; староста доноситъ объ этомъ конфликтѣ волостному правленію; это послѣднее—земскому засѣдателю; сей спрашиваетъ разъясненія въ окружномъ полицейскомъ управленіи, и т. д. Такимъ образомъ, составляется цѣлое „дѣло о невыдачѣ" и проч.; въ концѣ концовъ, рѣшеніе вопроса предоставляется самому сельскому обществу, которое и постановляетъ: „остатка руги священнику не

выдавать, какъ имъ незаслуженнаго.“ Приходилось слышать также о поступкахъ уже совершенно уголовнаго характера....

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ личныхъ своихъ качествахъ многіе священники не только не привлекаютъ къ церкви индифферентныхъ въ дѣлѣ религіи прихожанъ, но еще болѣе отдаляютъ ихъ отъ нея; на церковь и на причтъ ея населеніе начинаетъ смотрѣть какъ на неизбѣжную расходную статью общественнаго и частнаго бюджетовъ — и только; ими пользуются, къ нимъ прибѣгаютъ лишь въ случаяхъ, когда законъ того велитъ, но нравственныхъ связей между этими двумя сторонами—нѣтъ. Въ результатѣ такихъ отношеній оказывается, что съ самимъ ученіемъ христіанскимъ сибирякъ весьма мало знакомъ; молитвъ онъ почти не знаетъ; злыхъ духовъ почитаетъ и умилостивляетъ ихъ, наравнѣ съ бурятами, щепотками табаку или лоскутками матерій, которые бросаетъ и вѣшаетъ на дерево при проѣздѣ мимо „шаманскаго мѣста“; такъ называемая священная исторія, ветхо- и ново-завѣтная, извѣстна ему въ какихъ-то странныхъ передѣлкахъ, происшедшихъ не безъ вліянія языческихъ легендъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ такихъ передѣлокъ.

Міроздание представляется тункинцу въ слѣдующей формѣ *).

Спервоначала земли не было: была только вода, въ которой плавали Богъ и дьяволъ. Вотъ Богъ и говоритъ дьяволу: „намъ нужна земля: окунься ты въ воду

---

*) Помѣщаемыя ниже сказанія записаны г. С. Ю., уже нѣсколько лѣтъ живущимъ въ с. Тункинскомъ. Я привожу здѣсь эти сказанія съ разрѣшенія г. Ю.

и достань со дна земли.“ *) Дьяволъ окунулся, но досталъ земли какъ-разъ столько, сколько захватилъ подъ ногтями. Богъ говоритъ опять: „этого мало; достань еще!“ Дьяволъ еще разъ окунулся и досталъ земли цѣлую горсть. Тогда Богъ набралъ воды въ ротъ, брызнулъ на эту землю, и земли стало много. Послѣ того Богъ сдѣлалъ изъ глины женщину Адаму, а потомъ мужчину изъ ребра Адамы: у женщины, поэтому, теперь однимъ ребромъ меньше, чѣмъ у мужчины. Первые люди были покрыты кожей твердой и толстой, какъ ноготь,— поэтому ходили нагишомъ и не знали стыда; но когда женщина съѣла ягоду **), запрещенную Богомъ, и дала мужику, то они узнали стыдъ и начали закрываться вѣниками; а твердая кожа съ ихъ тѣла вся сошла,—осталась только на ногтяхъ. Когда уже были люди, Богъ изъ земли сдѣлалъ овцу, дунулъ на нее — и она стала живая; а дьяволъ, увидѣвъ это, позавидовалъ и себѣ также сдѣлалъ овцу, но у него вышелъ яманъ — дикій козелъ, и притомъ — не живой. Тогда Богъ сказалъ: „пусть и онъ будетъ мой“,—дунулъ на него—и яманъ сталъ живой. Послѣ того Богъ сдѣлалъ корову, а у дьявола вышелъ харлыкъ—монгольскій быкъ. Когда всѣ твари были уже сотворены, Богъ и дьяволъ полетѣли

---

*) Какъ извѣстно этнографамъ, подобный миѳъ о сотвореніи міра распространенъ среди многихъ народовъ, а также встрѣчается у русскихъ; напр., весьма сходный съ этимъ миѳъ записанъ недавно въ Пошехонскомъ у., Яросл. губ. (см. „Сборникъ“.... изд. 1889 г., Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр.).

**) Здѣсь *яблоко* замѣнено *ягодой*, потому что яблоки въ Сибири не растутъ, и крестьянинъ даже о существованіи этого плода не знаетъ: „яблочками“ онъ называетъ картофель.

на небеса, но дорогой дьяволъ поспорилъ съ Богомъ *); тогда архангелъ Михаилъ сбросилъ дьявола съ неба на землю, какъ ему приказалъ Господь. Упавши, дьяволъ разбился на четыре части: лѣсного, водяного, огненнаго змѣя и баннаго.

О земной жизни Іисуса Христа ходятъ такія легенды.— До пришествія Христа на землю всѣ умиравшіе шли къ дьяволу, потому что Богъ сказалъ: „живые мои, а мертвые твои.“ Но потомъ Богъ захотѣлъ установить русскую вѣру и, подъ видомъ Христа, сошелъ на землю. Мать Христова была жидовка, и какъ только жиды узнали о рожденіи Христа, то бросились Его искать, чтобы убить, — но никакъ не могли найти. Тогда стали жечь всѣхъ ребятъ; одного парнишку бросили въ печь, когда матери его не было дома: мать вернулась, посмотрѣла въ печь, а тамъ въ огнѣ сидитъ парнишка и играетъ угольками!... **) Христосъ долго странствовалъ по землѣ; наконецъ, возвратился къ жидамъ, чтобы принять мученіе. Жиды тиранили Его бояркой ***), а подъ конецъ привели къ корыту, подъ которое спрятали беременную женщину, и спрашиваютъ Христа: „кто подъ корытомъ лежитъ? Если Ты—Богъ, то угадаешь!“ А Христосъ имъ отвѣчаетъ: „свинья съ поросятами.“ Подняли корыто— и взаправду: вмѣсто женщины оказалась свинья съ двѣнадцатью поросятами. Поэтому-то жиды не ѣдятъ свинины: свинья была прежде жидовкой. Передъ смертью Христосъ утерся полотенцемъ, и на немъ остался слѣдъ отъ лица; Онъ сказалъ: „хотите—молитесь, хотите—не

---

*) О могуществѣ?

**) Очевидно, это - библейское сказаніе, пріуроченное къ событіямъ Новаго Завѣта.

***) Мѣстное названіе одного колючаго растенія.

молитесь, а вотъ вамъ мое лицо навѣки!...“ Жиды, схоронивъ Христа, пришли домой и стали обѣдать; на столъ подали жаренаго пѣтуха. Вотъ одинъ жидъ и говоритъ: „если Христосъ—Богъ, то пусть пѣтухъ встанетъ на ноги.“ Только онъ это сказалъ, какъ пѣтухъ поднялся и пропѣлъ три раза. Жиды бросились къ могилѣ Христа, но тамъ Его уже не было.

Въ Тунку же занесенъ разсказъ однимъ солдатомъ, служившимъ на Амурѣ и слышавшимъ этотъ разсказъ отъ матросовъ, — „о фаравонахъ полулюдяхъ и полурыбахъ, живущихъ въ морѣ-окіянѣ“.—„Былъ апостолъ, угодный Богу человѣкъ, котораго люди обижали; онъ и ушелъ отъ нихъ черезъ море-окіянъ, но за нимъ погнались. Передъ угодникомъ море разступилось, а ихъ всѣхъ затопило; вотъ они и остались въ морѣ навсегда. Они часто выплываютъ наверхъ и спрашиваютъ матросовъ, ѣдущихъ на корабляхъ: „скоро ли будетъ свѣтопреставленіе?“ Значитъ, Господь заклялъ ихъ до самаго свѣтопреставленія,—дѣлаетъ выводъ разсказчикъ.

Эти образчики циркулирующихъ въ народѣ сказаній религіознаго характера свидѣтельствуютъ о той путаницѣ основъ христіанскаго ученія, которая составляетъ не что иное, какъ кодексъ вѣры православнаго сибиряка, ибо ничего больше о сущности этой вѣры ему неизвѣстно. Понятіе о грѣхѣ онъ имѣетъ весьма туманное. Неоднократно мнѣ приходилось вести разговоры съ почтенными хозяевами, которые, какъ оказалось, о добрѣ и злѣ имѣли представленія, весьма схожія съ представленіями объ этомъ какихъ-нибудь бушменовъ, выражающихся такъ: „если я уведу жену у сосѣда, то это будетъ добро, а если онъ уведетъ у меня, то это—зло.“ Пара небольшихъ примѣровъ изъ тѣхъ, которые запи-

саны у меня въ памятной книжкѣ, будутъ здѣсь, кажется, не излишни.

Мнѣ пришлось нѣсколько дней прожить въ домѣ двухъ братьевъ-крестьянъ, Самгиныхъ, молодыхъ еще людей, 30 — 35 лѣтъ, имѣвшихъ хорошее хозяйство, штукъ шесть лошадей и т. д. Одинъ изъ братьевъ былъ въ отлучкѣ: онъ уѣхалъ въ обозѣ съ товарами, на четырехъ лошадяхъ, верстъ за триста отъ села. Какъ-то утромъ замѣчаю, что оставшійся дома братъ находится въ уныніи; спрашиваю его о причинѣ. Оказывается, что вечеромъ пріѣхали домой его односельцы, которые ходили въ извозъ другою артелью и повстрѣчали уже на своемъ обратномъ пути обозъ, въ которомъ шелъ и хозяйскій братъ; эти-то воротившіеся и привезли слухъ, что „сѣрый жеребецъ Самгиныхъ дорогою подохъ". Слухъ о смерти жеребца и привелъ въ уныніе моего хозяина, обыкновенно веселаго, энергичнаго, бодраго.

— Ужъ я думалъ-думалъ всю ночь: отчего бы это жеребцу пасть?... То ли Бога чѣмъ прогнѣвалъ, то ли родители чѣмъ согрѣшили...

— Да, можетъ-быть, слухъ еще невѣрный?

— Вотъ ужъ далъ бы Богъ, кабы такъ-то!... Свѣчей бы поставилъ цѣлую кучу, ужъ не пожалѣлъ бы денегъ... Я и то надежду такую имѣю, что не мой это жеребецъ, а Иннокентіевъ издохъ,—у него тоже сѣрый есть. Вотъ кабы такъ-то!

— Этотъ Иннокентій богатый мужикъ?

— Какое богатый! Одинъ только конь и есть у него. Онъ самъ не пошелъ съ обозомъ,—дрова рѣзать нанялся, а братаннику своему довѣрилъ,—у того своихъ только три коня. Ну, сказать, хоть и братанникъ, а все чужія руки и не хозяйскій глазъ; потому, полагать надо, не

иначе какъ его жеребецъ сдохъ, а нашему-то съ чего бы?... За нашимъ свой глазъ смотритъ.

— А вамъ не жаль Иннокентія-то?... Вѣдь, у него одинъ конь, а у васъ шесть; а вы на его же голову бѣду кличите.

Самгинъ сразу подтянулся, посмотрѣлъ на меня враждебно и подозрительно, потомъ сухо сказалъ, вставая и уходя:

— Каждому свое жалко. Мнѣ до Иннокентія како дѣло?

Предположенія хозяина оказались впослѣдствіи справедливыми: издохъ жеребецъ не его, а Иннокентія. Думаю, что мой хозяинъ побоялся не исполнить въ ближайшее же воскресенье свой обѣтъ относительно кучи восковыхъ свѣчей.

Другой примѣрчикъ.—Уже на возвратномъ пути моемъ изъ Сибири на одной изъ почтовыхъ станцій не оказалось лошадей.

— Что жъ, придется ждать?—спросилъ я станціоннаго писаря.

— Должно быть, что такъ. Впрочемъ, очередный ямщикъ повезетъ, можетъ-быть, не кормя, или на другихъ запасныхъ коняхъ.

— Похлопочите, пожалуйста.

Черезъ четверть часа кони были уже поданы. Ямщикомъ оказался молодецъ лѣтъ тридцати, весьма симпатичной наружности, не сибирскаго типа, съ голубыми глазами „съ поволокой", ухарски правившій конями. Мы разговорились съ нимъ о томъ, о семъ. Оказалось, что станцію держатъ товарищи-ямщики, девять человѣкъ, у каждаго по „парѣ" (парой называется запряжка, будь то хоть три, хоть четыре лошади; обыкновенно на „пару" ямщикъ держитъ пять лошадей).

— Какъ же вы прогоны дѣлите между собою? Какъ расходы ведете?

Расходы дѣлились поровну на девять паръ, а прогоны шли именно тому, кто везъ проѣзжающаго. Безпрогонную же почту везли тѣ, на чью очередь она попадетъ. Такимъ образомъ, везти проѣзжающаго составляло прямую выгоду ямщика, а почту—убытокъ.

— Отчего же вы прогоны не дѣлите поровну на девять частей? Вѣдь иному и обидно сдѣлается,— вдругъ все почту и почту ему достанется возить нѣсколько дней подрядъ?

— А что жъ бы вы думали, баринъ,—поэтому вотъ и не дѣлимъ артелью... Такъ-то оно лучше: каждый на свой фартъ разсчитываетъ. Вотъ я вторую ужъ недѣлю не вожу почту, такъ ловко подходитъ дѣло!... Совсѣмъ бы сейчасъ вотъ угодить—гляди, васъ Господь послалъ, я и уѣхалъ отъ нея. Пущай другіе везутъ ее, проклятую!... Да вотъ она, легка на поминѣ!

Навстрѣчу намъ неслось густое облако пыли; слышался грохотъ тяжело нагруженныхъ повозокъ, звяканье колокольцевъ, гиканье ямщиковъ; черезъ минуту мимо насъ промелькнули три тройки и вновь заволоклись непроницаемымъ для взора облакомъ пыли.

— Ишь вотъ ее несетъ!... Кажинный день три или четыре тройки подъ московскую, да по двѣ тройки подъ иркутскую пять разъ въ недѣлю! Ея не навозишься, если фартить перестанетъ.

— А товарищей-то развѣ не жалко? Отчего жъ бы не поровняться вамъ и ѣздой, и прогонами? Вѣдь это нехорошо, грѣшно другъ другу только зла желать!— не выдержала и горячо замѣтила моя спутница.

[illegible] съ чего же я отъ свово счастья отка[illegible] „Грѣхъ“!... Тутъ грѣха нѣтъ!... А вотъ [illegible] у своихъ ребятъ кусокъ отнялъ, да [illegible] здорово-живешь бросилъ, такъ это бы [illegible] надо было. Вонъ они, голубчики, ѣдутъ, [illegible] сейчасъ!

[illegible], онъ помчался навстрѣчу двумъ [illegible] ямщики внимательно и завистливо [illegible] на него.

— Го-го!.. Опять вамъ почту везти, никого на станкѣ [illegible], я послѣдній подалъ!—крикнулъ онъ имъ, проѣзжая мимо нихъ.

Изъ встрѣчныхъ повозокъ послышалось крупное ругательство.

— Ничего, Богъ пока милуетъ!—продолжалъ ямщикъ на ту же интересную для него тему. — А вотъ они повози-ка ее: изъ-подъ почты да опять почту... Ловко!... Хо-хо!...

— Красивый звѣрокъ, а какъ страшенъ долженъ быть, если коснуться его интересовъ!—замѣтила моя спутница. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на ласковое, веселое лицо обернувшагося ко мнѣ „звѣрка“ и слушалъ его наивные разсказы, отнюдь ужь не зараженные рефлексами, о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ и о практикуемыхъ деревней пріемахъ въ ея борьбѣ за существованіе.

Съ тою средой, которая воспитываетъ подобныя непосредственныя натуры, не знающія колебаній и сомнѣній, не задумывающіяся надъ вопросомъ: хорошо или нехорошо, и занятыя исключительно рѣшеніемъ задачи: выгодно или невыгодно,—съ этою средой мы достаточно познакомимся изъ совокупности настоящихъ очерковъ. Но, чтобы лучше понять характеръ сибиряка и его ду-

ховное развитіе, остановимся на тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ для своего умственнаго и духовно-нравственнаго воспитанія; посмотримъ, заимствуетъ ли онъ что-нибудь изъ сокровищницъ общечеловѣческаго разума, учится ли онъ въ школѣ, знакомится ли онъ съ порядкомъ вещей, существующимъ за предѣлами того уголка, который ему извѣстенъ, читаетъ ли онъ что-нибудь, чѣмъ увеселяется и занимается въ часы досуга, и т. д.

Оффиціальныхъ школъ, сельскихъ или церковно-приходскихъ, въ извѣстной мнѣ части Иркутской губерніи очень немного, преимущественно по одной на волость; рѣдкія волости имѣютъ по двѣ школы, за то встрѣчаются совсѣмъ не имѣющія таковыхъ; если принять во вниманіе громадность протяженій сибирскихъ волостей, то не трудно придти къ заключенію, что большинство селеній отстоитъ отъ школъ въ разстояніяхъ, не допускающихъ возможности ежедневнаго ихъ посѣщенія учениками. И дѣйствительно, значительная масса населенія не пользуется школами вовсе, потому что посылать ежедневно дѣтей за 10—20 и болѣе верстъ немыслимо, а никакихъ ночлежныхъ пріютовъ и квартиръ при школахъ не имѣется (кромѣ нѣкоторыхъ бурятскихъ, о которыхъ рѣчь особо). Даже болѣе того: въ крупныхъ селеніяхъ оказывались домашнія школы грамотности на ряду съ оффиціальною школой; на вопросъ о причинахъ, заставляющихъ нѣкоторыхъ отцовъ отсылать дѣтей въ домашнюю школу, а не въ оффиціальную, получался, между прочими, и слѣдующій отвѣтъ: „Наше село большое, живемъ мы на самомъ краю, до школы будетъ версты двѣ съ половиной, а то и всѣ три; даромъ, что одно село, а мальчонкѣ все-жъ бѣгать затруднительно; теперь же взять по домамъ

которые учатъ, такъ это рукой подать: пробѣжалъ двора три-четыре, онъ и на мѣстѣ, и обморозиться не успѣлъ.“ Въ одной изъ приводимыхъ ниже сценокъ рисуется враждебное отношеніе крестьянъ одной волости къ оффиціальнымъ школамъ, которыми пользуются дѣти только 40—50 отцовъ, тогда какъ вся тысяча отцовъ данной волости вноситъ въ школу поровну, 30—50 к. въ годъ, самымъ не замаскированнымъ, видимымъ для нихъ образомъ; отсюда является неудовольствіе на школу, какъ на предметъ расхода обязательный, но не приносящій большинству населенія конкретной пользы. И покуда будетъ продолжаться нынѣшняя система содержанія училищъ, т.-е. сборъ на волостную школу — съ населенія данной волости, а на сельскую—съ даннаго села, до тѣхъ поръ ростъ числа школъ будетъ подвигаться впередъ черепашьими шагами, да и самое отношеніе населенія къ существующимъ уже школамъ, въ лучшемъ случаѣ— холодное, въ худшемъ—прямо враждебное, не измѣнится. Дѣло преобразованія школьной организаціи должно быть начато именно съ того, чтобы населеніе не было облагаемо непосредственно на школы, но чтобы часть общихъ налоговъ съ населенія поступала бы въ распоряженіе центральнаго учрежденія, вѣдающаго нужды населенія, и этимъ бы учрежденіемъ расходовалась; проще сказать: чтобы школьное дѣло было организовано такъ, какъ оно организовано въ земскихъ русскихъ губерніяхъ; но подобная организація немыслима безъ непосредственнаго представительства населенія, т.-е. безъ введенія въ Сибири началъ земскаго самоуправленія. Такова, по нашему мнѣнію, одна изъ главнѣйшихъ причинъ слишкомъ незначительнаго количества оффиціальныхъ школъ; но имѣются и другія причины этого, и весьма видная среди нихъ,

это—неудовлетворительность нынѣшней постановки самого школьнаго обученія.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ недостатковъ школъ; достаточно сказать, что неудовлетворительные отзывы о нихъ слышатся отъ мѣстнаго населенія гораздо чаще, нежели удовлетворительные, и, притомъ, часть подобныхъ отзывовъ обоснована не на какомъ-нибудь печальномъ недоразумѣніи или на непониманіи усовершенствованныхъ пріемовъ педагогіи, а на видимыхъ результатахъ школьнаго обученія. „Мой мальчонка третій годъ бѣгаетъ въ эту самую училищу, а все еще читать не умѣетъ“... „Взялъ его оттуда, потому одно баловство: цѣлую зиму прошатался, а ни-ни—какъ есть ничему не научился; теперь къ своему старичку отдалъ“... Вотъ такіе и подобные отзывы получались нами неоднократно; понятно, что недовольство *одного* отца предрасполагаетъ къ враждебному отношенію къ школѣ многихъ отцовъ, хотя бы еще никакого дѣла съ нею не имѣвшихъ; и они, слѣдуя за авторитетнымъ голосомъ лично обиженнаго, такъ же говорятъ: „какая это школа—баловство одно!“ Само собою разумѣется, что нѣкоторые другіе отзывы недовольныхъ школой гораздо менѣе основательны и кроются въ непониманіи самихъ школьныхъ программъ: такъ, нѣкоторые требуютъ отъ школы одной простой грамотности, не признавая даже необходимости знанія элементарныхъ ариѳметическихъ дѣйствій; иные желаютъ, чтобы ученики принимались въ школу въ любое время года, и т. д. Недовольство оффиціальною школой, проистекающее, главнымъ образомъ, изъ душевого обложенія всѣхъ плательщиковъ въ пользу ея, категорично сказывается массой приговоровъ, составляющихся различными сельскими обществами о нежеланіи ихъ нести

расходы на волостную школу, которою они, за дальностью разстоянія, не пользуются; не мало имѣется также волостныхъ приговоровъ объ отказѣ сходовъ участвовать въ содержаніи учительской семинаріи и техническаго училища въ Иркутскѣ, или пансіонеровъ въ уѣздномъ училищѣ (по Нижнеудинскому округу), или въ составленіи библіотеки при женской прогимназіи (тамъ же); всѣ эти расходы были въ прошедшія времена навязаны населенію старательными и усердными чинами земской полиціи, доносившими куда слѣдуетъ, что „населеніе ввѣренныхъ волостей съ радостью откликнулось на призывъ участвовать въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія и т. д. и постановило вносить ежегодно на содержаніе техническаго училища въ Иркутскѣ столько-то рублей“ *). Весьма естественно, что теперь, когда произволъ полицейскихъ властей нѣсколько умалился, населеніе пробуетъ отказаться отъ участія въ расходахъ, цѣль которыхъ для него совершенно незнакома и даже несимпатична; такъ, алзамайскій волостной сходъ, отказываясь отъ ежегодной уплаты 240 рублей на содержаніе двухъ стипендіатовъ въ уѣздномъ училищѣ, объяснялъ, что считаетъ этотъ расходъ для населенія совершенно непроизводительнымъ, ибо большинство стипендіатовъ курса не кончаетъ и возвращается домой едва грамотнымъ, кончающіе же курсъ совершенно покидаютъ деревню, уходятъ куда-нибудь на службу, а ихъ общества принуждены отбывать за нихъ повинности, не получая отъ нихъ ни малѣйшей пользы. Начальство, однако, не даетъ въ этомъ дѣлѣ

---

*) Однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ „готовности населенія участвовать и проч.“ является читинская *классическая* гимназія, основанная на средства забайкальскихъ *кочевыхъ* бурятъ.

потачки, и разъ взятое на себя населеніемъ обязательство участвовать въ какомъ-либо расходѣ этого рода считается безсрочнымъ и ненарушимымъ: обязался платить—и плати; всѣ приговоры объ отказахъ не утверждаются и „пожертвованія“ взыскиваются при посредствѣ чиновъ полиціи полностью. Да съ точки зрѣнія начальства ничего и не остается дѣлать, какъ „взыскивать полностью“, иначе многія изъ „учрежденій на благо просвѣщенія“ должны будутъ ликвидировать свои дѣла за недостаткомъ средствъ.

Гораздо ближе стоятъ къ населенію такъ называемыя въ литературѣ „домашнія школы грамотности“. Главное ихъ преимущество въ глазахъ крестьянъ надъ оффиціальной школой заключается въ слѣдующемъ: расходы на домашнюю школу несутъ именно тѣ, кто ею пользуется, а не все населеніе. Устраиваются эти школы обыкновенно такъ: какой-нибудь грамотей ходитъ изъ селенія въ селеніе съ наступленіемъ осени (лѣтомъ онъ, за недостаткомъ учениковъ, занимался какимъ-нибудь ремесломъ или жилъ въ сторожахъ и т. п.), разыскивая себѣ пристанище, покуда не набредетъ на группу отцовъ, намѣревающихся отдать своихъ ребятъ „въ науку“; въ большихъ же селеніяхъ сами отцы составляютъ изъ себя группу и сами начинаютъ подыскивать учителя, причемъ справочными конторами служатъ кабаки. Товарищества отцовъ образуются обыкновенно изъ ближайшихъ сосѣдей; учениковъ бываетъ 6—10; учитель живетъ понедѣльно у отцовъ и учитъ дѣтей въ той же избѣ, въ которой живетъ; онъ получаетъ харчи и отъ 50 к. до 2 р. въ мѣсяцъ съ ученика (чаще всего 1 р. — 1 р. 50 к.), такъ что заработокъ его составляется изъ 9—10 р. въ мѣсяцъ, кромѣ содержанія. Обученіе грамотѣ произво-

дится довольно быстро и обязательно въ одну зиму, такъ какъ по двѣ зимы ребята въ домашнихъ школахъ никогда не обучаются, за рѣдкими исключеніями. Учатъ по чемъ попало (всѣ учебники и пособія—родителей), читая согласныя „бе, ка, эм"; писать научаются плохо, ариѳметическія знанія ограничиваются умѣньемъ механически записать двухъ или трехзначное число; нѣкоторые изъ учителей „проходятъ" отрывки изъ священной исторіи и обучаютъ тремъ-четыремъ молитвамъ. Въ этомъ заключается все преподаваніе въ домашней школѣ средняго типа. Количественно эти школы превосходятъ число оффиціальныхъ школъ, по меньшей мѣрѣ, въ 5—6 разъ; въ крупныхъ селеніяхъ, на-ряду съ оффиціальною школой, существуютъ иногда по двѣ и по три домашнихъ. Кто же учителя въ этихъ школахъ грамотности?

На это можно отвѣтить съ большимъ основаніемъ: въ огромномъ большинствѣ случаевъ, уголовные ссыльно-поселенцы или крестьяне и мѣщане изъ ссыльныхъ же (т.-е. ссыльные, принятые по прошествіи законнаго срока въ крестьянское или мѣщанское общество), а затѣмъ слѣдуетъ всякій сбродъ: отставные солдаты, выгнанный со службы канцелярскій людъ и всякіе разночинцы; лицъ духовнаго званія не много, преимущественно заштатные дьячки, вдовы и незамужнія дочери разныхъ причетниковъ. Такимъ образомъ, главными распространителями грамотности являются ссыльно-поселенцы, среди которыхъ попадаются весьма искусные мастера своего дѣла, иногда даже съ спеціально-педагогическимъ или гимназическимъ образованіемъ; конечно, встрѣчаются и такіе, которые сами могутъ быть названы развѣ только малограмотными. Особенно вреднаго вліянія въ нравственномъ отношеніи этотъ контингентъ наставниковъ на мо-

лодое поколѣніе оказывать не можетъ, такъ какъ всѣ сношенія ихъ производятся на глазахъ у родителей, и самыя сношенія эти ограничиваются только узкимъ кругомъ учебныхъ занятій. Вотъ развѣ то, что большинство изъ нихъ — горькіе пьяницы, можетъ служить дурнымъ примѣромъ для ребятъ: но надо принять во вниманіе, что подобныхъ дурныхъ примѣровъ въ деревнѣ вообще не оберешься, потому что и многіе отцы учениковъ ничѣмъ въ этомъ отношеніи не уступятъ учителямъ. Пьянство учителей, однако, сильно тормозитъ самый ходъ ученія; очень часто на вопросъ: „учатся ли ребята?“— приходилось получать отвѣты вродѣ слѣдующихъ: „взялся было тутъ одинъ, недѣли двѣ проучилъ, да и запьянствовалъ; все съ себя пропилъ и ушелъ куда-то,“ или: „искали искали подходящаго—нѣтъ, не нашли; набивался одинъ, да пьяница горькій: мы и не согласились, потому что толку все равно не выйдетъ.“

Какъ-ни-какъ, а надо сдѣлать заключеніе, что большинство грамотныхъ въ Сибири вышло не изъ оффиціальныхъ школъ, а изъ домашнихъ; вообще, въ дѣлѣ распространенія грамотности заключается громадная заслуга ссыльнаго элемента: за все зло, которое причиняетъ ссылка сибирскому населенію, она какъ бы пытается расплатиться съ нимъ нѣкоторыми крупицами добра, въ числѣ коихъ первенствующую роль занимаетъ распространеніе грамотности въ населеніи. Но если говорить о качественной сторонѣ дѣла, то слѣдуетъ начать съ пожеланія, чтобы число оффиціальныхъ школъ поскорѣе увеличилось въ нѣсколько разъ и чтобы онѣ вытѣснили эти домашнія школы, которыя научаютъ дѣтей только „ремесленной грамотѣ“, нисколько

— Хо-хо! да съ чего же я отъ свово счастья отказываться буду?... „Грѣхъ"!... Тутъ грѣха нѣтъ!... А вотъ если бъ я у себя, да у своихъ ребятъ кусокъ отнялъ, да энтимъ-то бы за здорово-живешь бросилъ, такъ это бы грѣхомъ назвать надо было. Вонъ они, голубчики, ѣдутъ, порадую ихъ сейчасъ!

И, весело посвистывая, онъ помчался навстрѣчу двумъ тройкамъ; обратные ямщики внимательно и завистливо глядѣли на него.

— Го-го!... Опять вамъ почту везти, никого на станкѣ нѣтъ, я послѣдній подалъ!—крикнулъ онъ имъ, проѣзжая мимо ихъ.

Изъ встрѣчныхъ повозокъ послышалось крупное ругательство.

— Ничего, Богъ пока милуетъ!—продолжалъ ямщикъ на ту же интересную для него тему.—А вотъ они повози-ка ее: изъ-подъ почты да опять почту... Ловко!... Хо-хо!...

— Красивый звѣрокъ, а какъ страшенъ долженъ быть, если коснуться его интересовъ!—замѣтила моя спутница. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на ласковое, веселое лицо обернувшагося ко мнѣ „звѣрка" и слушалъ его наивные разсказы, отнюдь ужь не зараженные рефлексами, о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ и о практикуемыхъ деревней пріемахъ въ ея борьбѣ за существованіе.

Съ тою средой, которая воспитываетъ подобныя непосредственныя натуры, не знающія колебаній и сомнѣній, не задумывающіяся надъ вопросомъ: хорошо или нехорошо, и занятыя исключительно рѣшеніемъ задачи: выгодно или невыгодно,—съ этою средой мы достаточно познакомимся изъ совокупности настоящихъ очерковъ. Но, чтобы лучше понять характеръ сибиряка и его ду-

ховное развитіе, остановимся на тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ для своего умственнаго и духовно-нравственнаго воспитанія; посмотримъ, заимствуетъ ли онъ что-нибудь изъ сокровищницъ общечеловѣческаго разума, учится ли онъ въ школѣ, знакомится ли онъ съ порядкомъ вещей, существующимъ за предѣлами того уголка, который ему извѣстенъ, читаетъ ли онъ что-нибудь, чѣмъ увеселяется и занимается въ часы досуга, и т. д.

Оффиціальныхъ школъ, сельскихъ или церковно-приходскихъ, въ извѣстной мнѣ части Иркутской губерніи очень немного, преимущественно по одной на волость; рѣдкія волости имѣютъ по двѣ школы, за то встрѣчаются совсѣмъ не имѣющія таковыхъ; если принять во вниманіе громадность протяженій сибирскихъ волостей, то не трудно придти къ заключенію, что большинство селеній отстоитъ отъ школъ въ разстояніяхъ, не допускающихъ возможности ежедневнаго ихъ посѣщенія учениками. И дѣйствительно, значительная масса населенія не пользуется школами вовсе, потому что посылать ежедневно дѣтей за 10—20 и болѣе верстъ немыслимо, а никакихъ ночлежныхъ пріютовъ и квартиръ при школахъ не имѣется (кромѣ нѣкоторыхъ бурятскихъ, о которыхъ рѣчь особо). Даже болѣе того: въ крупныхъ селеніяхъ оказывались домашнія школы грамотности на ряду съ оффиціальною школой; на вопросъ о причинахъ, заставляющихъ нѣкоторыхъ отцовъ отсылать дѣтей въ домашнюю школу, а не въ оффиціальную, получался, между прочими, и слѣдующій отвѣтъ: „Наше село большое, живемъ мы на самомъ краю, до школы будетъ версты двѣ съ половиной, а то и всѣ три; даромъ, что одно село, а мальчонкѣ все-жъ бѣгать затруднительно; теперь же взять по домамъ

которые учатъ, такъ это рукой подать: пробѣжалъ двора три-четыре, онъ и на мѣстѣ, и обморозиться не успѣлъ.“ Въ одной изъ приводимыхъ ниже сценокъ рисуется враждебное отношеніе крестьянъ одной волости къ оффиціальнымъ школамъ, которыми пользуются дѣти только 40—50 отцовъ, тогда какъ вся тысяча отцовъ данной волости вноситъ въ школу поровну, 30—50 к. въ годъ, самымъ не замаскированнымъ, видимымъ для нихъ образомъ; отсюда является неудовольствіе на школу, какъ на предметъ расхода обязательный, но не приносящій большинству населенія конкретной пользы. И покуда будетъ продолжаться нынѣшняя система содержанія училищъ, т.-е. сборъ на волостную школу — съ населенія данной волости, а на сельскую—съ даннаго села, до тѣхъ поръ ростъ числа школъ будетъ подвигаться впередъ черепашьими шагами, да и самое отношеніе населенія къ существующимъ уже школамъ, въ лучшемъ случаѣ— холодное, въ худшемъ—прямо враждебное, не измѣнится. Дѣло преобразованія школьной организаціи должно быть начато именно съ того, чтобы населеніе не было облагаемо непосредственно на школы, но чтобы часть общихъ налоговъ съ населенія поступала бы въ распоряженіе центральнаго учрежденія, вѣдающаго нужды населенія, и этимъ бы учрежденіемъ расходовалась; проще сказать: чтобы школьное дѣло было организовано такъ, какъ оно организовано въ земскихъ русскихъ губерніяхъ; но подобная организація немыслима безъ непосредственнаго представительства населенія, т.-е. безъ введенія въ Сибири началъ земскаго самоуправленія. Такова, по нашему мнѣнію, одна изъ главнѣйшихъ причинъ слишкомъ незначительнаго количества оффиціальныхъ школъ; но имѣются и другія причины этого, и весьма видная среди нихъ,

это—неудовлетворительность нынѣшней постановки самого школьнаго обученія.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ недостатковъ школъ; достаточно сказать, что неудовлетворительные отзывы о нихъ слышатся отъ мѣстнаго населенія гораздо чаще, нежели удовлетворительные, и, притомъ, часть подобныхъ отзывовъ обоснована не на какомъ-нибудь печальномъ недоразумѣніи или на непониманіи усовершенствованныхъ пріемовъ педагогіи, а на видимыхъ результатахъ школьнаго обученія. „Мой мальчонка третій годъ бѣгаетъ въ эту самую училищу, а все еще читать не умѣетъ"... „Взялъ его оттуда, потому одно баловство: цѣлую зиму прошатался, а ни-ни—какъ есть ничему не научился; теперь къ своему старичку отдалъ"... Вотъ такіе и подобные отзывы получались нами неоднократно; понятно, что недовольство *одного* отца предрасполагаетъ къ враждебному отношенію къ школѣ многихъ отцовъ, хотя бы еще никакого дѣла съ нею не имѣвшихъ; и они, слѣдуя за авторитетнымъ голосомъ лично обиженнаго, такъ же говорятъ: „какая это школа—баловство одно!" Само собою разумѣется, что нѣкоторые другіе отзывы недовольныхъ школой гораздо менѣе основательны и кроются въ непониманіи самихъ школьныхъ программъ: такъ, нѣкоторые требуютъ отъ школы одной простой грамотности, не признавая даже необходимости знанія элементарныхъ ариѳметическихъ дѣйствій; иные желаютъ, чтобы ученики принимались въ школу въ любое время года, и т. д. Недовольство оффиціальною школой, проистекающее, главнымъ образомъ, изъ душевого обложенія всѣхъ плательщиковъ въ пользу ея, категорично сказывается массой приговоровъ, составляющихся различными сельскими обществами о нежеланіи ихъ нести

расходы на волостную школу, которою они, за дальностью разстоянія, не пользуются; не мало имѣется также волостныхъ приговоровъ объ отказѣ сходовъ участвовать въ содержаніи учительской семинаріи и техническаго училища въ Иркутскѣ, или пансіонеровъ въ уѣздномъ училищѣ (по Нижнеудинскому округу), или въ составленіи библіотеки при женской прогимназіи (тамъ же); всѣ эти расходы были въ прошедшія времена навязаны населенію старательными и усердными чинами земской полиціи, доносившими куда слѣдуетъ, что „населеніе ввѣренныхъ волостей съ радостью откликнулось на призывъ участвовать въ великомъ дѣлѣ просвѣщенія и т. д. и постановило вносить ежегодно на содержаніе техническаго училища въ Иркутскѣ столько-то рублей“ *). Весьма естественно, что теперь, когда произволъ полицейскихъ властей нѣсколько умалился, населеніе пробуетъ отказаться отъ участія въ расходахъ, цѣль которыхъ для него совершенно незнакома и даже несимпатична; такъ, алзамайскій волостной сходъ, отказываясь отъ ежегодной уплаты 240 рублей на содержаніе двухъ стипендіатовъ въ уѣздномъ училищѣ, объяснялъ, что считаетъ этотъ расходъ для населенія совершенно непроизводительнымъ, ибо большинство стипендіатовъ курса не кончаетъ и возвращается домой едва грамотнымъ, кончающіе же курсъ совершенно покидаютъ деревню, уходятъ куда-нибудь на службу, а ихъ общества принуждены отбывать за нихъ повинности, не получая отъ нихъ ни малѣйшей пользы. Начальство, однако, не даетъ въ этомъ дѣлѣ

---

*) Однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ „готовности населенія участвовать и проч.“ является читинская *классическая* гимназія, основанная на средства забайкальскихъ *кочевыхъ* бурятъ.

потачки, и разъ взятое на себя населеніемъ обязательство участвовать въ какомъ-либо расходѣ этого рода считается безсрочнымъ и ненарушимымъ: обязался платить—и плати; всѣ приговоры объ отказахъ не утверждаются и „пожертвованія“ взыскиваются при посредствѣ чиновъ полиціи полностью. Да съ точки зрѣнія начальства ничего и не остается дѣлать, какъ „взыскивать полностью“, иначе многія изъ „учрежденій на благо просвѣщенія“ должны будутъ ликвидировать свои дѣла за недостаткомъ средствъ.

Гораздо ближе стоятъ къ населенію такъ называемыя въ литературѣ „домашнія школы грамотности“. Главное ихъ преимущество въ глазахъ крестьянъ надъ оффиціальной школой заключается въ слѣдующемъ: расходы на домашнюю школу несутъ именно тѣ, кто ею пользуется, а не все населеніе. Устраиваются эти школы обыкновенно такъ: какой-нибудь грамотей ходитъ изъ селенія въ селеніе съ наступленіемъ осени (лѣтомъ онъ, за недостаткомъ учениковъ, занимался какимъ-нибудь ремесломъ или жилъ въ сторожахъ и т. п.), разыскивая себѣ пристанище, покуда не набредетъ на группу отцовъ, намѣревающихся отдать своихъ ребятъ „въ науку“; въ большихъ же селеніяхъ сами отцы составляютъ изъ себя группу и сами начинаютъ подыскивать учителя, при чемъ справочными конторами служатъ кабаки. Товарищества отцовъ образуются обыкновенно изъ ближайшихъ сосѣдей; учениковъ бываетъ 6—10; учитель живетъ понедѣльно у отцовъ и учитъ дѣтей въ той же избѣ, въ которой живетъ; онъ получаетъ харчи и отъ 50 к. до 2 р. въ мѣсяцъ съ ученика (чаще всего 1 р. — 1 р. 50 к.), такъ что заработокъ его составляется изъ 9—10 р. въ мѣсяцъ, кромѣ содержанія. Обученіе грамотѣ произво-

дится довольно быстро и обязательно въ одну зиму, такъ какъ по двѣ зимы ребята въ домашнихъ школахъ никогда не обучаются, за рѣдкими исключеніями. Учатъ по чемъ попало (всѣ учебники и пособія—родителей), читая согласныя „бе, ка, эм"; писать научаются плохо, ариѳметическія знанія ограничиваются умѣньемъ механически записать двухъ или трехзначное число; нѣкоторые изъ учителей „проходятъ" отрывки изъ священной исторіи и обучаютъ тремъ-четыремъ молитвамъ. Въ этомъ заключается все преподаваніе въ домашней школѣ средняго типа. Количественно эти школы превосходятъ число оффиціальныхъ школъ, по меньшей мѣрѣ, въ 5—6 разъ; въ крупныхъ селеніяхъ, на-ряду съ оффиціальною школой, существуютъ иногда по двѣ и по три домашнихъ. Кто же учителя въ этихъ школахъ грамотности?

На это можно отвѣтить съ большимъ основаніемъ: въ огромномъ большинствѣ случаевъ, уголовные ссыльно-поселенцы или крестьяне и мѣщане изъ ссыльныхъ же (т.-е. ссыльные, принятые по прошествіи законнаго срока въ крестьянское или мѣщанское общество), а затѣмъ слѣдуетъ всякій сбродъ: отставные солдаты, выгнанный со службы канцелярскій людъ и всякіе разночинцы; лицъ духовнаго званія не много, преимущественно заштатные дьячки, вдовы и незамужнія дочери разныхъ причетниковъ. Такимъ образомъ, главными распространителями грамотности являются ссыльно-поселенцы, среди которыхъ попадаются весьма искусные мастера своего дѣла, иногда даже съ спеціально-педагогическимъ или гимназическимъ образованіемъ; конечно, встрѣчаются и такіе, которые сами могутъ быть названы развѣ только малограмотными. Особенно вреднаго вліянія въ нравственномъ отношеніи этотъ контингентъ наставниковъ на мо-

лодое поколѣніе оказывать не можетъ, такъ какъ всѣ сношенія ихъ производятся на глазахъ у родителей, и самыя сношенія эти ограничиваются только узкимъ кругомъ учебныхъ занятій. Вотъ развѣ то, что большинство изъ нихъ — горькіе пьяницы, можетъ служить дурнымъ примѣромъ для ребятъ: но надо принять во вниманіе, что подобныхъ дурныхъ примѣровъ въ деревнѣ вообще не оберешься, потому что и многіе отцы учениковъ ничѣмъ въ этомъ отношеніи не уступятъ учителямъ. Пьянство учителей, однако, сильно тормозитъ самый ходъ ученія; очень часто на вопросъ: „учатся ли ребята?“— приходилось получать отвѣты вродѣ слѣдующихъ: „взялся было тутъ одинъ, недѣли двѣ проучилъ, да и запьянствовалъ; все съ себя пропилъ и ушелъ куда-то,“ или: „искали искали подходящаго—нѣтъ, не нашли; набивался одинъ, да пьяница горькій: мы и не согласились, потому что толку все равно не выйдетъ.“

Какъ-ни-какъ, а надо сдѣлать заключеніе, что большинство грамотныхъ въ Сибири вышло не изъ оффиціальныхъ школъ, а изъ домашнихъ; вообще, въ дѣлѣ распространенія грамотности заключается громадная заслуга ссыльнаго элемента: за все зло, которое причиняетъ ссылка сибирскому населенію, она какъ бы пытается расплатиться съ нимъ нѣкоторыми крупицами добра, въ числѣ коихъ первенствующую роль занимаетъ распространеніе грамотности въ населеніи. Но если говорить о качественной сторонѣ дѣла, то слѣдуетъ начать съ пожеланія, чтобы число оффиціальныхъ школъ поскорѣе увеличилось въ нѣсколько разъ и чтобы онѣ вытѣснили эти домашнія школы, которыя научаютъ дѣтей только „ремесленной грамотѣ“, нисколько

не развивая ихъ, не вселяя въ нихъ любви къ чтенію, ни мало не поднимая ихъ надъ уровнемъ прочей безграмотной массы. Грамота домашней школы служитъ только для узко-практическихъ цѣлей: подписать приговоръ, заемную расписку, написать счетъ или заемное письмо; кругозоръ же молодого поколѣнія не расширяется здѣсь, тогда какъ оффиціальная школа, какъ плохо даже она ни поставлена въ настоящее время, дѣйствуетъ и въ послѣднемъ направленіи.

Изъ этого бѣглаго очерка постановки школьнаго дѣла уже ясно, что сибирякъ-грамотей можетъ пользоваться своей грамотой только въ узко-утилитарномъ направленіи; любви къ чтенію, желанія расширить свой кругозоръ посредствомъ чтенія у него нѣтъ и быть не можетъ, ибо домашняя школа, въ которой онъ обучается, не даетъ ему этого; также ничего не даетъ оффиціальная школа тѣмъ тремъ четвертямъ своихъ питомцевъ, которые оставляютъ ее, не окончивъ курса, едва-едва научившись чтенію и письму, чтó считается отцами совершенно достаточнымъ курсомъ наукъ. Дѣйствительно, при моихъ разъѣздахъ по Иркутской губерніи, мнѣ почти не приходилось встрѣчать книгъ у населенія, а въ числѣ тѣхъ немногихъ экземпляровъ, которые пришлось видѣть, нѣкоторые попали въ крестьянскія избы, очевидно, по чистой случайности, такъ какъ совершенно не соотвѣтствовали пониманію и потребностямъ публики; изъ училищныхъ же библіотекъ, гдѣ таковыя имѣются, книги берутся рѣдко и очень немногими крестьянами, и то преимущественно ребятами въ первые годы по окончаніи ими курса въ школѣ, а затѣмъ, по достиженіи извѣстнаго возраста, практическая жизнь вступаетъ въ свои права,

и всякая охота къ чтенію исчезаетъ даже у этой „соли деревни“ *); разносчики товаровъ по деревнямъ держатъ у себя только лубочныя картинки, да самыя дрянныя „никольскія изданія“, въ родѣ пѣсенниковъ, сказокъ о мертвецахъ и чертяхъ, и т. п.; въ послѣднее время, впрочемъ, стали попадаться и изданія „Посредника“. Но вообще можно сказать, что иркутская деревня не читаетъ вовсе, отчасти не находя вкуса къ чтенію, отчасти не имѣя возможности добыть матеріалъ для чтенія. Впрочемъ, виновата въ этомъ, главнымъ образомъ, не сама деревня, а городъ, который могъ бы быть и долженъ бы быть разсадникомъ образованія; но жизнь сибирскихъ городовъ — съ значительнымъ изъянцемъ, по части умственности. Мѣстная пресса даетъ ежегодно тысячи при-

---

*) Приводимъ нѣсколько сокращенныхъ выписокъ изъ помѣщеннаго въ *Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ.*, 1889 г., № 2, доклада г. Личкова объ этомъ предметѣ; сообщенныя имъ свѣдѣнія заимствованы изъ отчетовъ сельскихъ учителей. *С. Гужиры:* Кое-кто изъ крестьянъ беретъ въ училищной библіотекѣ; книгъ не покупаютъ. *Н.-Александровское:* Книгъ изъ библіотеки не берутъ; изъ крестьянъ никто не читаетъ. *Ст.-Александровское:* Книгъ не берутъ; изъ крестьянъ почти никто не читаетъ. *Узкій-Лугъ:* Изъ библіотеки берутъ рѣдко изданія „Посредника“ и духовно-нравственнаго содержанія; книгъ не покупаютъ и не читаютъ. *В.-Острожное:* Изъ библіотеки не берутъ. *Клепиково:* Сами крестьяне книгъ не берутъ, но когда дѣти приносятъ, охотно слушаютъ; книгъ не покупаютъ, газетъ, журналовъ не выписываютъ и не читаютъ и т. д., и т. д. Здѣсь, конечно, въ своихъ цѣляхъ я привелъ отзывы исключительно отрицательнаго характера; но отзывовъ другого рода весьма мало и сдѣланы они робко, неувѣренно; наприм., *Тайтурское:* Рѣдко берутъ изъ училищъ изданія „Посредника“ и вообще сказки; покупаютъ сказки и историческія повѣсти у разносчиковъ. Наиболѣе богатые торгующіе крестьяне выписываютъ: *Вост. Обозр., Ниву, Родину, Вѣстникъ Краснаго Креста*, но, кромѣ нихъ, никто этихъ журналовъ не читаетъ.

мѣровъ косности и умственной лѣни сибирскихъ горожанъ; такъ напр., изъ газетъ я узналъ, что года два назадъ во всѣхъ магазинахъ Иркутска оказалась только *одна* книжка, вполнѣ пригодная для народнаго чтенія, что во Владивостокъ однажды прибыло съ пароходомъ 900 пудовъ игральныхъ картъ и только *два* пуда книгъ, и т. д., и т. д.

Гораздо прочнѣе стоитъ дѣло съ лубочными картинами, которыя встрѣчаются почти всюду. Мода украшать стѣны избъ картинами привилась уже издавна, особенно въ торговыхъ селахъ, лежащихъ близъ трактовъ; разносчики товаровъ имѣютъ при себѣ всегда богатый выборъ картинъ, на всякіе вкусы и цѣны, отъ 3 коп. до 12—15 коп. за экземпляръ. Мнѣ пришлось побывать въ нѣсколькихъ десяткахъ избъ въ разныхъ концахъ описываемаго района; въ рѣдкой избѣ я не находилъ ни одной картины, въ большинствѣ же избъ ихъ оказывалось отъ двухъ до пяти штукъ, а въ иныхъ я насчитывалъ по десяти —двадцати и болѣе листовъ; такимъ образомъ, запасъ наблюденій моихъ по вопросу, какого рода картины наиболѣе распространены въ этой мѣстности, довольно значителенъ; отсюда можно будетъ вывести нѣкоторыя заключенія о вкусахъ населенія, а также и о качественной сторонѣ матеріала, которымъ снабжаетъ Россія сибирскихъ эстетиковъ.

Прежде всего надо замѣтить, что наиболѣе грубыхъ лубочныхъ картинъ, т.-е. литографій, раскрашенныхъ отъ руки, теперь уже вовсе почти не попадается: картиннымъ рынкомъ, по крайней мѣрѣ, въ Сибири, всецѣло завладѣла хромолитографія. Этому приходится только радоваться, ибо, какъ извѣстно, хуже прежнихъ лубочныхъ картинъ ничего быть не могло. Въ красильномъ—

цвѣтильномъ тожъ—промыслѣ, нынѣ почти прекратившемся, участвовали даже пятилѣтнія дѣти, а заработокъ ихъ составлялъ 2 р. за 100 листовъ, при чемъ на листѣ бывало отъ одной до тринадцати картинъ; считая, въ среднемъ, по 6 картинъ въ листѣ, опредѣлимъ, что за раскраску одной картины мастеръ получалъ $1/3$ коп. съ своими красками; понятно, какого качества была его работа: полоса синей краски захватывала на картинѣ избы, одежду дѣйствующихъ лицъ и туловище лошади, полоса зеленой шла по ногамъ людей и лошадей, а красной были „расцвѣчены" небо и купа деревьевъ; выходило безсмысленно, пестро и даже смѣшно.

Нынѣшнія хромолитографіи во сто разъ лучше этихъ, рѣзанныхъ иногда на деревѣ, „лубковъ"; попадаются даже вполнѣ удовлетворительныя картины *), мало чѣмъ уступающія „художественнымъ преміямъ" зазывательно-литературныхъ дѣлъ мастеровъ, издающихъ иллюстрированные журнальчики и назначающіе цѣну своимъ „преміямъ" въ „отдѣльной продажѣ" вдвое и втрое дороже стоимости самаго журнала. Но что касается содержанія этихъ произведеній, то надо сказать, что, къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ еще не очень далеко ушло отъ сюжетовъ старыхъ лубочныхъ картинъ; особенно же плохи, возмутительно плохи подписи подъ картинами, все равно — въ прозѣ онѣ или въ стихахъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе важно и, вмѣстѣ съ

*) Изъ такихъ у меня отмѣчены, наприм., *Возвращеніе съ сѣнокоса*, изданіе Морозова (представляетъ парня въ лаптяхъ и съ косой, идущаго, обнявшись, съ дѣвушкой, несущей грабли), *Письмо отъ милаго*, изд. Соловьева, *Барышня-крестьянка*, сюжетъ изъ Тургеневской повѣсти, изд. Васильева, и друг.

тѣмъ, достойно сожалѣнія, что подписи подъ картинами составляютъ чуть ли не единственный видъ „литературы", доступной сибиряку.

Издательскія фирмы, произведенія которыхъ попадались мнѣ на глаза при осмотрахъ картинныхъ галлерей на стѣнахъ крестьянскихъ избъ, суть слѣдующія: Сытина и К°, Морозова, Васильева, Абрамова, Яковлева, Стрѣльцова, Руднева и Соловьева; особнякомъ отъ этихъ фирмъ стоятъ: „Посредникъ", изъ картинъ котораго я встрѣтилъ только двѣ, каждую въ одномъ экземплярѣ *(Страданіе и Искушеніе І. Хр.)*, и варшавская фирма Трепленъ, Конрадъ и Таубе, снабжающая православный людъ католическими изображеніями святыхъ, Христа и Богоматери. Послѣднія картинки весьма недурно сдѣланы и снабжены позолоченною, въ готическомъ вкусѣ, тисненою рамкой, которая, вѣроятно, и привлекаетъ покупателей; какъ бы то ни было, эти изображенія встрѣчаются весьма часто и висятъ обыкновенно въ ряду писанныхъ на деревѣ образовъ, на которые молятся.

Изъ произведеній названныхъ выше издателей наибольшею распространенностью, какъ кажется, пользуются фабрикаты первыхъ четырехъ; рудневскія же, стрѣльцовскія и соловьевскія картины встрѣчались мнѣ значительно рѣже. По качеству подписей, всѣ эти фирмы мало чѣмъ отличаются одна отъ другой: какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ встрѣчаются и порядочныя, и никуда негодныя. Безобразіе подписей бываетъ троякаго рода: невозможная орѳографія, безсмысленное или пошлое содержаніе и несоотвѣтствіе между изображеніемъ и текстомъ; иногда всѣ эти три качества удачно комбинируются на одномъ экземплярѣ. Думаю, что нелишнимъ будетъ познакомиться поближе съ содержаніемъ картинъ.

которыя составляютъ единственное произведеніе искусства, столь медленно проникающаго въ сибирскую глушь.

1. Весьма распространенными, чуть ли не господствующими по численности являются портреты членовъ царствующей въ Россіи фамиліи и сцены изъ ея частной жизни (катанье въ коляскѣ, семейныя группы и т. п.). Изрѣдка встрѣчаются картины, изображающія *Свиданіе трехъ императоровъ* или же группу царствующихъ особъ всего свѣта (въ томъ числѣ персидскаго шаха, римскаго папы, президента Французской республики, князя Баттенбергскаго и т. д.). Изображенія членовъ русскаго царствующаго семейства бываютъ то добропорядочныя, то никуда негодныя, оляповато сдѣланныя, не имѣющія ни малѣйшаго сходства съ хорошими портретами. Весьма распространены изображенія покойнаго Государя Александра II, лежащаго въ гробу, а также видъ похоронной процессіи, слѣдовавшей за останками Государя. Эти патріотическія картины особенно преобладаютъ въ домахъ отставныхъ солдатъ, на „въѣзжихъ“ квартирахъ, содержимыхъ писарями, старостами, и т. п.

2. *Батальныя картины* встрѣчаются сравнительно рѣдко, преимущественно у солдатъ же. Военныя дѣйствія 76—77 г. противъ Турціи происходили въ такомъ отдаленіи отъ Сибири и такъ слабо на ней отозвались, что не затронули народной мысли, не заинтересовали воображенія сибиряка. Изрѣдка попадаются портреты Гурко, Скобелева; а вдругъ окажется висящимъ на почетномъ мѣстѣ „генералъ Хрулевъ на конѣ“; взятіе Карса, сдача Плевны и Рущука*) попадались мнѣ также въ одномъ или двухъ

*) Съ подписью, представляющей отрывокъ изъ статьи *Московск. Вѣдомостей* объ этихъ побѣдахъ русскихъ войскъ.

экземплярахъ. Встрѣтилась картинка изданія Сытина 1882 г., относящаяся по содержанію къ временамъ Крымской кампаніи; очевидно, что острая соль патріотизма, которымъ она дышетъ, спасла ее отъ руки времени и провела черезъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ изданій. На ней изображенъ мужикъ, стоящій на одной чашкѣ вѣсовъ, тогда какъ за другую ухватились, въ самыхъ глупыхъ позахъ, турки, французы и англичане и никакъ перетянуть мужика не могутъ; подпись гласитъ: „О, хо-хо! пяшолъ (тяжелъ? пошелъ?) русскій мужикъ и кулакомъ, и вѣсомъ." *) Къ этой же группѣ отношу картины, изображающія разныя охотничьи сцены; чаще прочихъ встрѣчаются *охота на львовъ и охота на тигровъ*, привлекающія покупателей раздирательностью сюжета да фантастическими нарядами бедуиновъ и какихъ-то негровъ.

3. *Пѣсенные или изъ литературы позаимствованные сюжеты;* такимъ картинамъ обыкновенно сопутствуютъ нѣсколько куплетовъ изъ пѣсни или романса, или вся пѣсня цѣликомъ, или прозаическій отрывокъ. Этого рода картины встрѣчаются довольно часто; можно съ увѣренностью сказать, что въ избѣ, въ которой имѣется штукъ пять лубочныхъ картинъ, хоть одна изъ нихъ окажется принадлежащей къ этой категоріи. Иногда текстъ пѣсни бываетъ сокращенъ и измѣненъ; иногда конецъ пѣсни оказывается неудачно пересочиненнымъ; иногда смыслъ подписи вовсе не соотвѣтствуетъ содержанію картины. Наприм., пѣснѣ „Звенитъ звонокъ и тройка мчится", въ которой есть стихъ: „въ домъ кровныхъ *воинъ* молодой",—

*) При цитированіи подписей будемъ сохранять орѳографію подлинниковъ въ неприкосновенности.

соотвѣтствуетъ изображеніе какого-то невозможнаго барина въ цилиндрѣ и съ папиросой въ зубахъ, мчащагося на телѣжкѣ въ родныя палестины. Или, наприм., подъ изображеніемъ группы крестьянъ и бабъ, пирующихъ за столомъ, помѣщена такого рода подпись:

**Русская дѣривенская пѣсня.**

Отадлъ меня батюшка ·
Не въ малую семью
Оо-хо-хо-хо-о-ох-ти-мнѣ
Что не малую не согласную...

А конецъ таковъ:

Мужъ по горенки прошелъ
На жену глаза каса повелъ
Хоть касись не касиси не боюсь
Я тебя не ударишь ты меня
Мужъ ударилъ жену по щекѣ
Повернулась жена по всей хари оплѣла.

Одинъ разъ встрѣтились сцены изъ *Тараса Бульбы* въ 12 картинахъ на одномъ листѣ, съ выписками изъ *Гоголя;* картина издана Васильевымъ, довольно оляповато, и самыя фигуры слишкомъ мелки для крестьянскихъ глазъ, непривычныхъ къ чтенію картинъ.

4. *Жанровыя и юмористическія картины* составляютъ чуть ли не добрую половину всѣхъ проникшихъ въ деревню образцовъ живописи. Сюжеты этихъ картинъ самые разнообразные, то изъ русскаго, то изъ чужестраннаго быта. Выполненіе и текстъ нѣкоторыхъ удовлетворительны, нѣкоторыхъ же — особенно юмористическихъ — невозможны, прямо возмутительны. Укажемъ, для примѣра, нѣсколько картинъ этого рода.

а) Мужикъ пашетъ. Подпись въ стихахъ гласитъ слѣдующее: „Мужикъ пашеньку пахалъ, Самъ на солнышко

взиралъ. Глядѣлъ, какъ чужіе то жены Мужьямъ завтрыкать несутъ. А моя жена позабыла про меня. Дай я выпрягу лошадку, Самъ пойду въ кусты. Вотъ я вырежу лозу на свою жену. Подъѣзжаю ко двору, жена ходитъ по двору. Жена ходитъ по двору повесимши голову. Ина гдѣ жена была? Я была у батюшки въ гостяхъ И на чемъ же ты, жена, Меня поздравляла? Она отвѣта ни какого не сказала."

б) Господинъ въ шляпѣ везетъ телѣгу, въ которой сидитъ дама и другой господинъ; кругомъ — толпа. Рисунокъ до-нельзя оляповатъ. Подпись въ стихахъ гласитъ: „*Мужъ жену веселитъ въ Ельдорадо тащитъ.* — Вотъ смотрите какъ бѣжитъ Въ Ельдорадо жену катить, Весь мокрехонекъ онъ сталъ Какъ довѣсть жену не зналъ. А жена съ дружкомъ сидитъ Въ тихомолку говоритъ Кнутомъ мужа погоняетъ Бѣжать шибче заставляетъ. *Мужъ.* Больно тушка меня бьешь Ти пальто мой раздерешь Мой везетъ тебя карошъ" — и т. д. въ томъ же родѣ. Хозяинъ избы, въ которой я увидѣлъ эту картину, молодой крестьянинъ лѣтъ 25, весьма одобрительно отзывался о ней, говоря со смѣхомъ: „Да, вотъ, тоже жены-то какія бываютъ!"

в) Мужикъ бьетъ лежащую на полу бабу и таскаетъ ее за волосы. Изъ подписи оказывается, что она просила „сладкихъ кушаній—бѣлыхъ грибовъ и пироговъ"; теперь же она „будетъ мужа почитать, да его уважать".

г) „Обманутый любовникъ." Нѣмочка съ невозможно толстыми икрами и въ чепчикѣ обнимается съ молодымъ парнемъ за повернутою на бокъ кадкой, въ которой сидитъ старый бондарь и съ увлеченіемъ цѣлуетъ руку парня, ему протянутую; вѣроятно, бондарь предполагаетъ, что цѣлуетъ руку красотки. Подпись такова:

„Онъ слышалъ ясно голосъ милой
Но самъ красотки не видалъ
Ему молодчикъ руку сунулъ
И бондарь, счастьемъ ослѣпленный,
Ту руку страстно цѣловалъ.“

д) „Первая любовь.“ Подростокъ-мальчикъ и барышня, въ французскихъ костюмахъ XVII в., цѣлуются въ паркѣ близъ статуи Амура. Подпись: „И въ дѣтствѣ они любили этотъ тихій въ рощѣ уголокъ Они всегда сюда играть ходили Теперь ихъ ранилъ здѣсь не видимый стрѣлокъ.“

е) „Подгулявшій баринъ“ приплясываетъ передъ дѣвицей въ сарафанѣ, подпѣвая: „Эхъ! ходи ты, ходи я, ходи милая моя!...“ На второмъ планѣ виднѣется фигура еще одного барина, и далѣе — столъ съ самоваромъ и закусками. За пляшущею дѣвицей — два парня и еще дѣвица, насмѣшливо глядящіе на разгулъ господъ. Картина не лишена смысла и исполнена, сравнительно, не дурно (изд. Соловьева).

ж) Двѣ расфранченныя барышни стоятъ, согнувшись, надъ птичьимъ гнѣздышкомъ. Подпись: „Лиза съ Дуней по лугу гуляла По душистымъ по цвѣтамъ Вдругъ кусточекъ увидала Гнѣздо птичекъ было тамъ.“

з) Представлены мать и двое дѣтей, всѣ въ купальныхъ костюмахъ, идущіе *по направленію къ морю;* картина (изд. Сытина) исполнена недурно, но подпись совсѣмъ несообразна: „*Бѣгство отъ наводненія*. Страшно воды разлилися Все готовы поглотить И торопится съ дѣтями Молодая мать уйтить.“

Сюда же могутъ быть причислены всякія явно шуточныя картины, въ родѣ „визита доктора“ (заяцъ во фракѣ у постели зайчихи въ чепчикѣ), или „школы“ (птицы

за классными столами), или ребенка, у котораго собачка отнимаетъ крендель, ребенка, наливающаго манную кашу въ карманные часы, и проч.

Изъ всей группы этихъ жанровыхъ и юмористическихъ картинъ особенною распространенностью пользуются тѣ, которыя блещутъ яркостью красокъ и роскошью деталей, хотя бы сюжеты ихъ ничего собою не выражали и не говорили уму крестьянина. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ десяти избахъ мнѣ встрѣтилась картина, изображающая какихъ-то двухъ итальянцевъ въ роскошныхъ средневѣковыхъ костюмахъ, съ кружевами, брыжжами, въ атласѣ и бархатѣ: все это недурно воспроизведено малиновыми, синими и другими эффектными тонами; *онъ* играетъ на гитарѣ, *она* его слушаетъ; подпись гласитъ: „Я васъ люблю къ чему лукавить—А все-жь должно прибавить—Чтобы „полюбили вы меня“—И тогда на радости спою—Вамъ пѣсенку свою“. Очевидно, что не содержаніе и не вздорная подпись этой картины способствуютъ ея популярности.

5. Мифологическіе и сказочные сюжеты занимаютъ, по распространенности, одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду прочихъ. Чаще всего встрѣчались мнѣ: *Вѣнера,* купающая амура съ подписью: „Остужу тебя струями—Чистыхъ водъ фонтана—Волновать дѣвичьей крови—Ты не будешь рано“, и *Діана;* послѣдняя картина представляетъ собою какую-то скверную камелію, держащую въ рукахъ лукъ, на одномъ концѣ котораго сидятъ два голубка, а на другомъ навѣшены жемчугъ и разные драгоцѣнные уборы; драгоцѣнности перевѣшиваютъ голубковъ, т. е. любовь пасуетъ передъ богатствомъ, которое якобы завоевываетъ сердце Діаны, чѣмъ не мало опечаленъ Амуръ, тутъ же стоящій. Однако, подпись гла-

ситъ вовсе другое: „Лукъ со стрелкою пернатой – Дѣва напрягаетъ—Амуръ божокъ крылатый — Выстрѣлъ направляетъ“... Къ этой же группѣ картинъ мы относимъ *Ивана Царевича, увозящаго Царевну*, сцены изъ *Конька-Горбунка*, и т. п.

6. Пейзажи, виды городовъ, отдѣльныхъ зданій попадаются лишь изрѣдка, какъ бы случайно; ни одного изъ подобнаго рода изображеній намъ не пришлось встрѣтить хоть по два раза.

Помимо этихъ шести группъ картинъ, встрѣчаются кое-гдѣ портреты разныхъ духовныхъ и сановныхъ особъ, тенденціозно-моральныя изображенія „вреда отъ пьянства“, „мученій грѣшниковъ въ аду“, затѣмъ—иллюстраціи къ сценамъ изъ священной исторіи (Авраамъ, приносящій въ жертву Исаака, возвращеніе блуднаго сына и т. п.) и, наконецъ, всякая смѣсь, начиная съ вырѣзокъ изъ модныхъ и иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ журналовъ до раскрашенныхъ ярлыковъ съ банокъ изъ-подъ варенья, съ пачекъ вязальной бумаги и этикетокъ чайныхъ и табачныхъ—включительно; въ одной избѣ я нашелъ даже золоченый ярлыкъ отъ сахарной головы, красовавшійся близъ зеркала, на-ряду съ какими-то хромолитографіями средняго достоинства.

Въ такихъ-то видимыхъ формахъ сказываются вкусы сибирской деревенской публики и потребность ея въ произведеніяхъ искусства и литературы. Нельзя не придти къ заключенію, что потребности и вкусы эти весьма примитивны. Отъ картины, каковъ бы ни былъ ея сюжетъ, сибирскимъ крестьяниномъ (да и сибирскимъ ли только?) требуется, прежде всего, *яркость и разнообразіе красокъ*, которыми она выполнена; поэтому-то въ народныхъ картинахъ преобладаютъ красные, голубые, желтые и зе-

леные тона, — нужды нѣтъ, что такія комбинаціи производятъ нерѣдко слишкомъ кричащіе, грубые эффекты. Поэтому также изобилуютъ сюжеты, ничего общаго съ теченіемъ деревенской или даже вообще русской жизни не имѣющіе и ничего крестьянину не говорящіе, но дающіе возможность представить смѣсь различныхъ яркихъ тоновъ. Въ этихъ условіяхъ и кроется причина, почему такъ часто встрѣчаются въ деревенскихъ сѣренькихъ избахъ эти итальянскіе синьоры въ кружевахъ и атласахъ, эти Діаны въ шелкахъ и драгоцѣнныхъ уборахъ, Венеры въ пурпурѣ и французскіе маркизы въ расшитыхъ золотомъ кафтанахъ: всѣ эти костюмы и аксессуары блещутъ и сверкаютъ, представляя собою рѣзкій контрастъ съ безцвѣтною обстановкой избы и отчасти скрашивая эту обстановку. Съ указаннымъ здѣсь привлекательнымъ для сельскаго населенія качествомъ лубочно-рыночныхъ картинъ придется серьезно считаться издательскимъ фирмамъ, которыя вздумали бы пустить въ народное обращеніе картины съ болѣе содержательными сюжетами и болѣе художественно исполненныя: если онѣ не будутъ отвѣчать главнѣйшему запросу, предъявляемому имъ со стороны сельскаго населенія, т.-е. не будутъ служить яркостью своихъ тоновъ достаточнымъ контрастомъ съ будничною обстановкой избы, то за успѣхъ ихъ, въ смыслѣ широкаго распространенія, ручаться никакъ нельзя.

Итакъ, школа даетъ сибиряку лишь „ремесленную“ грамоту, т.-е. обучаетъ его чтенію, иногда письму, но весьма мало расширяетъ его умственные горизонты и не возбуждаетъ въ немъ никакого стремленія къ саморазвитію путемъ чтенія; вслѣдствіе этого, среди населенія циркулируетъ весьма мало книгъ, такъ что безъ особой

натяжки можно вообще сказать, что сибирское населеніе ничего не читаетъ. Имѣющіяся же въ деревнѣ лубочныя картины хотя и сопровождаются болѣе или менѣе пространными подписями, но пріобрѣтаются крестьянами не ради ихъ подписей и сюжетовъ, а исключительно въ качествѣ украшеній. Такимъ образомъ, деревенское населеніе указанной мѣстности можетъ считаться еще совершенно незатронутымъ и чуждымъ вліянія литературы и искусства живописи; оно и въ наше время столь же изолировано отъ всякихъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій, знакомыхъ центрамъ культуры и цивилизаціи, какъ было изолировано отъ нихъ двѣсти лѣтъ назадъ; все духовное сокровище, которымъ оно обладаетъ, добыто имъ самимъ—частью, можно полагать, посредствомъ собственнаго творчества, частью же при помощи позаимствованій у отдѣльныхъ пришельцевъ изъ другихъ странъ и у цѣлыхъ племенъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться на жизненномъ пути.

Собственно о духовныхъ сокровищахъ сибиряка я, при моемъ внѣшнемъ знакомствѣ съ сибирскою деревней, могу сказать не много. Можетъ-быть, гдѣ-нибудь и таятся произведенія народнаго творчества, въ видѣ пѣсенъ, легендъ, сказаній, но ни мнѣ, ни кому-либо изъ довольно длинной вереницы восточно-сибирскихъ этнографовъ и бытописателей не удалось встрѣтить ничего замѣчательнаго въ этомъ родѣ: по отзыву всѣхъ, углублявшихся въ изслѣдованіе этихъ вопросовъ, сибирякъ—не поэтъ, не музыкантъ и не пѣвецъ. О томъ, что сибирякъ забылъ даже свою исторію, свое кровное родство съ Россіей, что онъ уже не имѣетъ никакого понятія объ Ермакѣ, объ отношеніяхъ своихъ предковъ къ мѣстнымъ инородцамъ, сказано мною подробнѣе въ другомъ

очеркѣ *); легендъ и преданій у него, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ, если не считать тѣхъ отрывочныхъ сказаній, преимущественно демоническаго характера, которыя онъ позаимствовалъ отъ своихъ сосѣдей—язычниковъ-бурятъ, да обрывковъ изъ священной исторіи, услышанныхъ имъ отъ немногихъ начетчиковъ или лицъ духовнаго званія; русскій народный эпосъ ему также неизвѣстенъ, и онъ съ удивленіемъ и любопытствомъ слушаетъ изрѣдка забредающаго въ его деревню мастера говорить сказки, а такимъ мастеромъ оказывается не кто иной, какъ ссыльно-поселенецъ изъ Россіи. Пѣсенъ въ Сибири также нѣтъ: вынесенныя изъ Россіи забыты, новыхъ не сложилось почему-то, можетъ-быть подъ вліяніемъ угрюмой, не располагающей къ изліянію чувствъ, природы, или же по примѣру сибирскаго инородца, который называетъ пѣсней рядъ негармоничныхъ звуковъ и наборъ словъ, служащихъ выраженіемъ его минутнаго настроенія духа или просто относящихся къ какому-нибудь предмету или явленію, интересующему въ данное время пѣвца: наприм., увидитъ инородецъ упавшее дерево, когда онъ находится въ музыкальномъ настроеніи духа, и начинаетъ выкрикивать: „дерево упало, упало дерево, ахъ, большое дерево упало" и т. д., покуда не надоѣстъ или не бросится въ глаза другой предметъ, или не придетъ на умъ какая-нибудь несложная мысль, какое-нибудь воспоминаніе. Сибирякъ вообще мало и рѣдко поетъ; сколько разъ приходилось наблюдать его при обстановкахъ, которыя непремѣнно вызвали бы русскаго или малоросса на пѣсенный ладъ,— въ дорогѣ, на покосѣ, въ лодкѣ,—и почти ни разу мы

*) Въ очеркѣ о ссыльно-поселенцахъ.

не слышали его поющимъ. Еще въ притрактовыхъ селеніяхъ, черезъ которыя проходитъ или проѣзжаетъ много чужаго народа, слышатся иногда ухарскія пѣсни подъ звуки гармоники, но эти пѣсни, очевидно, позаимствованы въ самое послѣднее время у выходцевъ изъ фабрично-промышленныхъ областей Россіи; въ дальнихъ же мѣстностяхъ губерніи пѣсенъ не слышно вовсе, кромѣ какъ на гульбищахъ и пиршествахъ разнаго рода, когда подъ вліяніемъ алкоголя душа даже сибиряка рвется наружу и хочетъ вылиться въ какихъ-нибудь звукахъ... Что все это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, что я не утрирую нерасположенія сибиряка ко всему поэтическому, хотя бы и къ простой пѣснѣ, — въ подтвержденіе этого я сошлюсь на авторитетъ сибирскаго историка Словцова, который въ одномъ мѣстѣ своего обширнаго труда говоритъ слѣдующее: „здѣсь помѣщаю наблюденіе, *не однимъ мною сдѣланное*, именно, что Сибирь не имѣетъ ни пѣсенъ, ни голосовъ, и что ей очень кстати названіе *безголосой*. Поетъ же въ Сибири заѣзжій чиновникъ, солдатъ или поселенецъ, жена или дочь.“

Въ тѣсной зависимости отъ отсутствія пѣсенъ стоитъ и отсутствіе хороводныхъ игрищъ у иркутскихъ крестьянъ, — по крайней мѣрѣ, ни наблюдать, ни слышать о таковыхъ мнѣ не приходилось. Парни гуляютъ съ дѣвушками по улицамъ, играютъ на гармоникахъ, щелкаютъ орѣхи, орутъ иногда пѣсни, въ родѣ: „погоди, мой милъ дружочекъ, я мамашѣ доложу“, — но чего-нибудь похожаго на хороводы въ великорусскихъ деревняхъ — не бываетъ; даже вечорки проходятъ иногда вовсе безъ пляса, въ одномъ лишь непрерывномъ угощеніи питіями и закусками и въ заигрываніяхъ другъ съ другомъ

молодежи, или же пляска состоитъ, главнымъ образомъ, изъ „французскихъ кадрелей“, съ форсомъ откалываемыхъ подъ звуки гармоники, а иногда и скрипки. Этотъ инструментъ появился въ Сибири благодаря ссыльно-поселенцамъ же: въ числѣ ихъ попадаются музыканты, которые и кормятся часть года отъ своего ремесла, расхаживая по вечо̀ркамъ, свадьбамъ или просто по кабакамъ и за нѣсколько стакановъ водки и двугривенный денегъ немилосердно пиля смычкомъ до тѣхъ поръ, пока руки не отказываются имъ служить. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ—особенно въ торгово-промышленныхъ пунктахъ,— парни предпочитаютъ игру въ карты всякимъ другимъ удовольствіямъ: вслѣдствіе сравнительнаго обилія денегъ въ этихъ пунктахъ, азартныя игры въ нихъ весьма развиты, такъ что въ каждомъ общественномъ мѣстѣ — на сборнѣ, въ ямщицкой, въ кабакѣ — всюду можно встрѣтить группы игроковъ отъ пятнадцатилѣтняго возраста, ставящихъ на-конъ не только мѣдныя, но и серебряныя монеты. Вообще всякія азартныя игры составляютъ любимую забаву населенія: такъ, орлянка извѣстна, какъ кажется, въ самыхъ глухихъ деревушкахъ. Очень охотно присутствуютъ также старые и малые на конскихъ бѣгахъ; при этомъ заключаются довольно крупныя пари, достигающія десятковъ рублей. Есть не мало любителей изъ числа состоятельныхъ хозяевъ, которые, прослышавъ о томъ, что гдѣ-нибудь, хотя бы за сотню верстъ отъ нихъ, „объявился бѣгунецъ“ чрезвычайной рѣзвости, пріѣзжаютъ нарочно поглядѣть его и помѣряться съ нимъ рѣзвостью своего „бѣгунца“; слухъ о такомъ состязаніи каждый разъ быстро разносится по округѣ и собираетъ ко дню бѣговъ

цѣлыя толпы зрителей. Наконецъ, большія селенія (есть нѣсколько свыше 500 дворовъ, съ массой живущаго въ нихъ „культурнаго“, торговаго люда) отъ времени до времени посѣщаются труппой жалкихъ акробатовъ изъ числа оставшихся не у дѣлъ, по закрытіи иркутскаго цирка, или странствующими „драматическими артистами“ изъ ссыльныхъ, пляшущими, поющими сальные куплеты, разсказывающими сцены изъ жидовскаго и армянскаго быта, ставящими какіе-то водевили, живыя картины и т. д.—словомъ, просвѣщающими обывателей этихъ торговыхъ центровъ на всѣ лады.

Подведемъ нѣкоторые итоги всему здѣсь сказанному. Сибирякъ оказывается весьма далекимъ отъ мистицизма, плохимъ сыномъ церкви даже съ обрядовой точки зрѣнія, ничего не получающимъ отъ школы и вообще просвѣщенія, совсѣмъ ничего не читающимъ и поэтому имѣющимъ самое смутное понятіе о мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ ряду современныхъ ему условій и явленій общественной жизни, и о своихъ отношеніяхъ къ нимъ; далѣе, у него не имѣется поэтической жилки, онъ склоненъ къ грубымъ удовольствіямъ, которыя и предлагаются ему услужливо отверженцами культурнаго общества, заискивающими передъ нимъ, какъ вообще заискиваетъ голодная нужда передъ сравнительною сытостью и довольствомъ. Весьма естественно, что, въ результатѣ всѣхъ этихъ причинъ и обстоятельствъ, всякій сибирякъ не изъ числа безхозяйныхъ пролетаріевъ, находящихся здѣсь въ полномъ подчиненіи у капиталистовъ такъ же, какъ и вездѣ, въ высокой степени самостоятеленъ и самонадѣянъ. Мнѣ кажется, что не малую роль въ ряду причинъ, обусловившихъ это послѣднее качество сибиряковъ, играетъ присутствіе въ Си-

бири уголовно-ссыльныхъ, представляющихъ собою живой примѣръ того, къ чему ведутъ „россійскіе“ порядки и россійская культура: видя эту массу безпріютнаго люда, жалкаго, часто лишеннаго всякаго человѣческаго достоинства, — люда, въ числѣ коего нерѣдко попадаются и представители культурнаго класса, съ несравненно болѣе широкими кругозорами, чѣмъ тѣ, которые имѣются у жителей сибирской глуши, — сибирякъ пріучается третировать свысока все непонятное ему и чуждое его жизненной обстановкѣ.

Онъ съ любопытствомъ слушаетъ разсказы ссыльныхъ о благахъ культуры, съ которою они были знакомы до ссылки въ глушь; они, можетъ-быть, хвастаются передъ нимъ тѣми осязательными результатами, которыхъ достигъ человѣческій умъ на пути подчиненія себѣ силъ природы и въ стараніяхъ доискаться лучшаго соціальнаго устройства; но они сами, эти разсказчики и превозносители западной культуры, служатъ сибиряку живымъ доказательствомъ существованія въ ней изъяновъ: онъ не безъ основанія можетъ ихъ спросить, почему же они не ужились тамъ, гдѣ такъ хорошо, въ тѣхъ условіяхъ, которыя такъ превосходятъ сибирскія, почему они—эти артисты, музыканты, письменные люди, столичные жители, крестьяне-общинники и проч. и проч.— впали въ бездну порока и нищеты, почему они, кичащіеся передъ нимъ своимъ умственнымъ кругозоромъ, теперь пресмыкаются передъ нимъ изъ-за куска хлѣба, изъ-за стакана водки? Значитъ, не все такъ хорошо тамъ, въ Россіи, какъ они говорятъ; значитъ, существующія тамъ жизненныя условія способствуютъ низведенію человѣка на ступень безличнаго наемника или даже шута — скорѣе, нежели порядки глухой, „необразован-

ной", но сытой сибирской жизни?... И поэтому онъ сытый сибирякъ, представляетъ собой чудесный типъ человѣка, глубоко вѣрующаго въ непреложность всего сущаго вокругъ него; онъ никуда не стремится, у него нѣтъ прочныхъ идеаловъ, онъ доволенъ своимъ умственнымъ кругозоромъ, онъ не признаетъ возможности другого порядка вещей, кромѣ нынѣшняго, ибо нынѣшній даетъ ему сытость и довольство, а, слѣдовательно, онъ хорошъ; и единственное, о чемъ развѣ хлопочетъ сибирякъ, это — отъ нынѣшняго же порядка вещей заполучить по возможности больше для своей утробы...

Самомнѣнію сибиряка способствуютъ еще его столкновенія съ представителями другихъ сословій и профессій, особенно съ представителями умственнаго труда. Какъ на подборъ, огромное большинство этихъ представителей обладаетъ нравственными качествами весьма сомнительнаго достоинства и постоянно роняетъ свой авторитетъ „образованныхъ" людей или просто „господъ" въ глазахъ массы, которая этимъ самымъ пріучается съ чувствомъ превосходства или даже презрѣнія смотрѣть на всѣхъ этихъ засѣдателей, лицъ духовнаго званія, писарей, врачей и проч., которые играютъ въ карты, пьянствуютъ и безобразничаютъ, какъ и простые смертные, берутъ взятки и на каждомъ шагу продаютъ „законъ", которому они служатъ, никакихъ умственныхъ наслажденій не знаютъ и вообще никакой культурной пропаганды въ деревнѣ не ведутъ. Вглядывается крестьянинъ въ поведеніе этихъ культуртрегеровъ и узнаетъ въ нихъ самого себя, развѣ только одѣтаго въ лучшее платье, да употребляющаго болѣе изысканныя яства и питія.—словомъ, имѣющаго болѣе денегъ для удовлетворенія своихъ потребностей и прихотей; отсюда яв-

ляется логическій выходъ, что деньги суть первое и послѣднее условіе для достиженія культурнаго уровня; а такъ какъ онъ, крестьянинъ, зналъ и раньше, что въ деньгахъ-то и есть счастье, и даже не рѣдко замѣнялъ въ разговорѣ первое слово послѣднимъ (вмѣсто „разбогатѣть"—„найти свое счастье"), то онъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относится къ „образованности" культурныхъ людей, которая сама по себѣ, безъ денегъ, ни въ чемъ не проявляется и никакой цѣны не имѣетъ. Конечно, эта увѣренность крестьянъ иногда колеблется передъ очевидностью, когда культура и „образованность" выказываютъ передъ ними свою истинную силу не въ зависимости отъ содержанія мошны ея піонера; но пока подобныхъ доказательствъ нѣтъ налицо и они не бьютъ въ глаза, крестьянинъ склоненъ въ каждомъ проявленіи культурныхъ началъ видѣть или глупость, въ лучшемъ случаѣ—непрактичность, или же подвохъ подъ него, крестьянина, съ цѣлью извлеченія изъ его кармана денегъ, нужныхъ для поддержанія достоинства культуртрегеровъ. Въ первомъ случаѣ онъ относится къ новаторству пренебрежительно, во второмъ—подозрительно. Какъ велико бываетъ самомнѣніе отдѣльныхъ лицъ изъ числа крестьянъ, ощущающихъ всей утробой своей сытость и довольство и при текущемъ въ сибирской деревнѣ порядкѣ вещей, видно, напримѣръ, изъ замѣчанія одного моего собесѣдника, съ которымъ я пробовалъ говорить о школѣ, грамотѣ и книгахъ:

— Да къ чему намъ эти самыя книги-то, никакъ я въ толкъ не возьму!... По нашему, баринъ, по деревенскому разсужденію, такъ книги эти всѣ выдуманы людьми, которымъ ѣсть нечего; ну, а у насъ, слава Богу, на нашъ вѣкъ хватитъ и безъ книгъ!

Очень хорошо сказалось отношеніе деревни къ продуктамъ культуры и къ человѣку, говорившему „отъ науки“, въ слѣдующемъ случаѣ. Оставившій недавно постъ иркутскаго генералъ-губернатора, графъ Игнатьевъ, задумалъ содѣйствовать распространенію въ Восточной Сибири улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій, въ которыхъ ощущается—хотя еще и не сознается крестьянами—крайняя необходимость, въ виду мѣстныхъ условій земледѣлія. Дѣло въ томъ, что пашни тамъ не унавоживаются изъ вѣка, вслѣдствіе чего верхніе слои ея уже довольно истощены, тогда какъ болѣе глубокіе еще свѣжи; такимъ образомъ, нынѣшняя задача земледѣльца заключается въ томъ, чтобы извлечь изъ нижняго слоя своей пашни ближе къ поверхности жирный слой почвы, а это можетъ быть достигнуто только глубокою вспашкой; точно также, эта послѣдняя должна составить наиболѣе вѣрное предохранительное средство отъ донимающихъ земледѣльца весеннихъ засухъ; экстирпаторы весьма пригодны для борьбы съ вредными травами, изъ коихъ осотъ (чертополохъ), напр., превратилъ уже не одну сотню десятинъ пашни въ пустыри; чрезвычайно полезно было бы также распространеніе вѣялокъ и молотилокъ, которыя сохранили бы крестьянству массу рабочаго времени, употребляемаго теперь на орудованіе цѣпомъ и лопатой, и доставляли бы зерно въ болѣе чистомъ видѣ, и т. д. Въ виду разбросанности здѣшнихъ поселеній, было рѣшено устроить не постоянные, неподвижные склады въ двухъ-трехъ пунктахъ губерніи, какъ это обыкновенно дѣлается, а попытаться производить по селеніямъ наиболѣе земледѣльческихъ мѣстностей экскурсіи съ подвижными складами образцовыхъ орудій и тутъ же, на мѣстахъ, демонстрировать ихъ на глазахъ

у публики, производя примѣрную вспашку, бороньбу и проч. Завѣдываніе всѣмъ этимъ дѣломъ досталось на долю одного молодого агронома, весьма заинтересовавшагося этою идеей и горячо принявшагося за ея выполненіе. На двухъ-трехъ телѣгахъ путешествовалъ онъ или его помощникъ по селеніямъ и, пользуясь, преимущественно, праздничными и воскресными днями, производилъ практическіе опыты и испытанія пригодности орудій на глазахъ у деревенской публики. Вотъ объ отношеніяхъ этой публики къ новому дѣлу, на которое серьезно и обстоятельно обращалось ея вниманіе, я и хочу сказать нѣсколько словъ.

Пріѣздъ транспорта орудій встрѣчался населеніемъ каждой деревни не безъ недоумѣнія. Двѣ телѣги, съ какою-то странной кладью, покрытой брезентами, медленно двигаются по улицамъ села; на одной изъ нихъ развѣвается небольшихъ размѣровъ трехцвѣтный національный флагъ; сзади ѣдетъ телѣжка съ демонстраторомъ. Дѣло къ вечеру, канунъ праздника; публика толпится около кабаковъ или сидитъ на лавочкахъ у своихъ воротъ. Всѣ смотрятъ съ напряженнымъ вниманіемъ на поѣздъ, который направляется къ „сельскому управленію", сборнѣ тожъ.

— Цыгане, что ль? — спрашиваетъ съ недоумѣніемъ баба мужика.

— Какіе цыгане!... Чего брешешь!... Должно такъ, что нѣмцы съ товаромъ.

— Гляди, братцы, вѣдь это звѣринецъ, надо полагать! У насъ въ Казани такъ-то однова, глядимъ—везутъ клѣтки съ звѣрьемъ...—объясняетъ поселенецъ.

— Пойти, нешто, посмотрѣть? — спрашиваютъ другъ друга разговаривающіе и дѣланно-медленно идутъ къ

сборнѣ; ихъ обгоняетъ рой ребятишекъ, которые что-то визжатъ, въ восторгѣ отъ новинки, взбаломутившей сонную жизнь деревни.

Около телѣгъ, остановившихся у сборни, цѣлая толпа; нѣкоторые смѣльчаки поднимаютъ край брезента и съ удивленіемъ смотрятъ на невиданныя „машины". Потомъ, поприглядѣвшись къ „начальнику" и къ его работнику, начинаютъ спрашивать,—что и къ чему? Руководитель даетъ отвѣты неохотно, зная уже по опыту, что къ словамъ его все равно, какъ и что ни говори, будутъ относиться недовѣрчиво и насмѣшливо; и дѣйствительно, лишь только становится яснымъ, что привезены „новыя сохи"" которыми будутъ пахать на-показъ, какъ начинаютъ раздаваться насмѣшливыя замѣчанія:

— Хо-хо! Господа взялись за умъ, насъ учить пахать хотятъ!... Безъ нихъ, вишь, мы никакъ не померимся!

— Да, братъ, теперь повертись вотъ за нѣмецкою-то сохой... Еще и денежки за нее готовь!

— Охъ, братцы, и хитра жъ эта самая казна стала!... На какія штуки пускаться начинаетъ, чтобъ побольше податей съ насъ слупить!

— Да нешто это казна?... Это не казна, а графъ поселенцевъ обучить пахать хочетъ; только—шалишь, ихъ не скоро за соху поставишь!

Руководитель чувствуетъ себя отъ такихъ разговоровъ очень нехорошо и, объяснивъ, по обязанности, что нужно, спѣшитъ уйти на земскую квартиру; работникъ философски куритъ трубку, задавъ лошадямъ корму. Толпа продолжаетъ зубоскалить, хотя, какъ видно, отнеслась внимательно къ заявленію, что „завтра послѣ обѣденъ на выпуску будемъ пробовать новыя сохи".

— Ты что-жъ, Петръ Иванычъ, пойдешь? — спрашиваетъ одинъ Ѳома другого.

— Ну, и безъ меня много дураковъ наберется.

— А я, — кричитъ третій — не только самъ не буду заводить этихъ штукъ, а и дѣтей своихъ прокляну, если только они вздумаютъ кидать отцовскую и дѣдовскую кормилицу-соху!

— Это правильно! Взять нашу соху-Андревну: съ ней и между кореньями пройдешь, и ходъ у ней легче. Для этихъ-то новыхъ надо тройку коней, а не одного...

— Да и кони-то наши не пойдутъ безъ оглобель: испужается конь сохи новой—только и вѣку ей было, да и себя погубитъ.

— Знамо, испугается! А то — просто не пойдетъ, только намучаешься съ нимъ.

Такіе разговоры происходятъ и вечеромъ, и на другой день утромъ, передъ испытаніемъ. На это послѣднее сходится, все-таки, много народу: одни изъ любознательности, другіе — изъ простого любопытства (къ числу этихъ принадлежатъ бабы и ребята), третьи — изъ желанія видѣть воочію позоръ „новыхъ сохъ", при чемъ самый фактъ предстоящаго позора, на ихъ взглядъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Кто-то изъ защитниковъ „сохи-Андревны" пріѣхалъ съ ней, чтобы сдѣлать распашку тутъ же, рядомъ съ работой новыхъ конкурентовъ. Руководитель устанавливаетъ плуги, показываетъ дѣйствіе рычаговъ, объясняетъ смыслъ и значеніе каждой принадлежности орудія.

— Хо-хо!... Гдѣжъ-то сколько!.. Одну потеряешь, коня надо продавать, новую соху исправлять; а исправишь, пахать не на чемъ будетъ, все-жъ и конь нуженъ, хотя бы и для новыхъ сохъ!

— Нѣтъ, Микитъ!... Ты вишь, господинъ-то управляется съ ней въ очкахъ: такъ ты, тово, коли новую соху заводить будешь, такъ и очки заводи; а безъ нихъ она, братъ, не пойдетъ!

— Не пойдетъ, ха-ха!

Наконецъ, лошадь запряжена въ двухколесный венгерскій плугъ Рансома, и руководитель пошелъ за плугомъ по бороздѣ, дѣлаемой въ цѣлинѣ; отваливаемый пластъ ложился ровно и хорошо. Толпа какъ бы замерла; потомъ послышались восклицанія, потомъ нѣсколько человѣкъ, а за ними цѣлые десятки бросились къ прокладываемымъ одна за другой бороздамъ, мѣряя ихъ глубину, глядя, нѣтъ ли огрѣховъ, удивляясь ровности дна пахотнаго слоя. Руководитель пускаетъ идти лошадь одну, не управляя ею и не держась за плугъ, и эффектъ производитъ этимъ замѣчательный: бросаются на перебой подержаться за ручку плуга, запрягаютъ своихъ коней, чтобы посмотрѣть, пойдутъ ли они безъ оглобель, пускаютъ плугъ по ложбинкамъ и пригоркамъ и т. д. Потомъ настаетъ очередь восхищаться шведскимъ пароконнымъ плугомъ Говарда; но восторгъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, когда пускаются въ ходъ двухлемешные плуги Эбергарда и Эккерта: когда послѣдній, при пахотѣ „на другой рядъ", начинаетъ изъ глубины 4 — $4^1/_2$ вершковъ выворачивать полусгнившіе корни деревъ и красиво ведетъ двойную борозду шириной въ 11 вершковъ, при чемъ комья земли, оставшіеся отъ первой вспашки, превращаются „въ пухъ", то наиболѣе экспансивные изъ зрителей, преимущественно изъ молодежи, забѣгаютъ съ боковъ, шныряютъ подъ самыми ногами у лошадей, щупаютъ взрыхленный слой руками и громко, захлебываясь, кричатъ, немило-

сердно преувеличивая всѣ достоинства плужной обработки:

— Борозда-то: аршинъ съ лишнимъ въ ширку!... А въ глубь беретъ страсть: четверти двѣ въ аккуратъ!

Кое-кто изъ стариковъ диву дается: откуда бы здѣсь кореньямъ взяться, когда и у нихъ на памяти на этомъ мѣстѣ никогда лѣсу не было, а всегда—пашня? Ѳомы-невѣрные теряютъ почву подъ ногами, но все же продолжаютъ въ разговорѣ другъ съ другомъ подыскивать недостатки въ „новыхъ сохахъ"; прочіе восхищаются, называя плуги „кладомъ", „умственною вещью". Дѣлается нѣсколько заказовъ, хотя каждый разъ значительно менѣе, чѣмъ можно бы ожидать, судя по восторгамъ толпы. Причиной этому служитъ, можетъ-быть, высокая цѣна плуговъ (доставка изъ Россіи обходится очень дорого, до 4—5 руб. на пудъ), отъ 20 до 55 руб. за одинъ *); но, можетъ-быть, здѣсь играетъ роль и болѣе глубокая причина: дѣйствіемъ „новыхъ сохъ" восторгаются, но инертность и отсутствіе сознанія пользы перехода отъ „старинки" къ новому производятъ то, что восторги остаются платоническими („на *охотника* ежели, штука важная") и даже быстро преходящими. На село — домохозяевъ въ 300—400 дѣлается 3 – 5 заказовъ, преимущественно „двойчатокъ", т.-е. двухъ-корпусныхъ плуговъ; конечно, заказчиками являются, главнымъ об-

*) Въ этой дороговизнѣ кроется самый глубокій изъянъ всего дѣла распространенія усовершенствованныхъ орудій. Покупаютъ ихъ богачи, которымъ и такъ живется недурно, а бѣднотѣ они не по карману. Надо надѣяться, что руководителями этого дѣла будутъ приняты всѣ мѣры для удешевленія орудій. Пока плугъ не будетъ стоить всего какими-нибудь двумя-тремя рублями дороже сохи, до тѣхъ поръ онъ будетъ служить только богачамъ.

разомъ, богачи, которымъ просто изъ любопытства хочется имѣть новинку, посмотрѣть, „что изъ нея выйдетъ“. Такъ какъ доставка плуговъ можетъ быть сдѣлана только къ будущей веснѣ, то проходитъ достаточно времени для того, чтобы образумиться нѣкоторымъ изъ пылко восхищавшихся „новыми сохами“: дѣйствительно, ко времени уплаты денегъ за плуги насчитывается, въ общемъ, уже до одной шестой части „образумившихся“, отказавшихся отъ своихъ заказовъ,—благо задатка при заказахъ не требуется. Отношеніе другой части заказчиковъ къ пріобрѣтеннымъ ими орудіямъ еще болѣе достойно вниманія, какъ это видно изъ слѣдующаго.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ доставки плуговъ заказчикамъ, руководитель этой операціи начинаетъ собирать по пути свѣдѣнія, какъ обстоитъ дѣло съ новыми сохами на мѣстахъ. Оказывается, что Василій Гавриковъ выѣхалъ разъ съ плугомъ на пашню, да не пошелъ онъ у него почему-то; побился съ нимъ—и бросилъ: теперь, вонъ, подъ навѣсомъ, валяется. Идетъ руководитель съ Гавриковымъ подъ навѣсъ; плугъ лежитъ на боку, въ забросѣ.

— Ну, что же у васъ тутъ не ладится?

— Неподходящая для насъ штука—и все тутъ! Вожжайся съ ней,—времени-то вö сколько пропадетъ! Каки-то рычаги: то опускай ихъ, то подымай...

Словомъ, недовольство плугомъ у него общее, ибо плугъ требуетъ нѣсколько бóльшаго къ себѣ вниманія, нежели соха; онъ жалуется на неисправности въ плугѣ зря, ибо онѣ оказываются именно тѣми самыми, которыя еще до выписки орудій были предусмотрѣны руководителемъ, тогда же объяснявшимъ покупателямъ, что, получивъ плугъ, имъ нужно будетъ сдѣлать то-то и

то-то, здѣсь подвинтить гайку, поточить ножъ и т. п. Но кратковременное увлеченіе плугомъ у Гаврикова за зиму прошло, и малѣйшей неладицы съ „новой сохой“, при первомъ примѣненіи ея на практикѣ, было уже достаточно, чтобы совершенно уронить ее въ его глазахъ: тридцати двухъ рублей, за нее заплаченныхъ, хотя и жалко немножко, но не такъ, чтобъ ужъ очень: вали, поэтому, новую соху подъ навѣсъ,—чего надъ ней думать и время терять, да голову ломать? Въ этомъ небрежномъ отношеніи къ вещи, стоющей 32 р., сказывается зажиточность Гаврикова: ему понравилась новинка, онъ заплатилъ за нее деньги, потомъ новинка перестала нравиться, и онъ ее бросилъ,—вотъ и все. Крестьянинъ побѣднѣе, напр., какой-нибудь волоколамецъ или звенигородецъ. затративъ 6—8 руб. на покупку плуга, вертитъ его и такъ, и этакъ, приспособляетъ его и самъ съ лошадью къ нему приспособляется, пока все пойдетъ у него на ладъ: 6—8 руб. для средняго русскаго мужика—деньги; а тридцать два рубля для средняго сибиряка—не слишкомъ важное дѣло. Послѣ того, какъ руководитель тутъ же, на глазахъ у Гаврикова, „исправитъ“ плугъ и, упросивъ хозяина вмѣстѣ съ нимъ ѣхать на пашню, испробуетъ плугъ на дѣлѣ и вновь докажетъ его огромное превосходство надъ сохой, Гавриковъ опять сдается и начинаетъ пахать плугомъ... надолго ли? Можетъ-быть, опять до первой „неладицы“?

Другой покупщикъ, богатый крестьянинъ, держащій четырехъ работниковъ, пріобрѣлъ плугъ съ совершенно опредѣленною цѣлью,—усилить производительность работы, чтобы уменьшить число работниковъ. Но онъ также ошибся въ расчетахъ и поэтому сильно негодуетъ на „новую соху“: работа ускорилась лишь очень незначи-

тельно, можетъ-быть, не безъ умысла со стороны работниковъ. „Что же мнѣ за выгода отъ этой штуки?— разсуждаетъ хозяинъ: только работникамъ удовольствіе доставилъ; онъ теперь идетъ за плугомъ, да трубочку себѣ покуриваетъ, а мнѣ барыша никакого нѣтъ!...“ Очевидно, что значеніе болѣе глубокой вспашки для этого хозяина совершенно темно: онъ ожидалъ отъ плуга болѣе осязательной для себя выгоды, разочаровался и также забраковалъ „новинку“.

Сельское хозяйство находится еще въ періодѣ экстензивнаго развитія не только въ описываемой мѣстности, но и во всей Сибири; а такъ какъ и при нынѣшнихъ системахъ полеводства многіе изъ хозяевъ пользуются завиднымъ достаткомъ, то мнѣніе, что эти системы суть именно послѣднее слово сельско-хозяйственной мудрости, весьма укоренилось въ населеніи; отсюда является та инертность, которая служитъ значительнымъ препятствіемъ для всякаго прогресса въ этомъ дѣлѣ: зачѣмъ искать лучшаго, когда и нынѣшнее хорошо? Правда, нынѣшній способъ хозяйства чрезвычайно неустойчивъ: сегодняшній богачъ, который можетъ только приблизительно сказать, что у него въ конскомъ табунѣ ходитъ на волѣ, почти круглый годъ на подножномъ корму, штукъ сорокъ лошадей разныхъ возрастовъ, да дома для работы держится штукъ 15—20, а рогатаго скота отъ года и старше, „надо полагать“, штукъ 30 наберется, телятъ же—„неизвѣстно сколько: надо бабъ спросить“,—этотъ богачъ послѣ двухъ неурожаевъ и падежа скота оказывается уже въ разрядѣ только средне-обезпеченныхъ скотомъ; но пройдетъ лѣтъ пять, въ теченіе которыхъ ужасная сибирская гостья, чума, къ нему во дворъ не заглядывала, и Богъ своевременно „дождичка

посылалъ“,—и опять коровы считаются у него десятками, а запашка вновь возрастаетъ до высшихъ размѣровъ, возможныхъ при наличномъ количествѣ рабочей силы, своей и наемной.

Приходо-расходные бюджеты крестьянскіе довольно велики и достигаютъ, при среднемъ достаткѣ, нѣсколькихъ тысячъ рублей; но остатки отъ приходовъ не велики, ибо самые расходы производятся нерѣдко зря, ради экстензивнаго расширенія хозяйства. Одинъ изслѣдователь спросилъ какъ-то богатенькаго крестьянина, когда тотъ жаловался ему на массу работы, употребляемой на сѣнокошеніе,—къ чему же онъ столько ставитъ сѣна, когда на него почти нѣтъ сбыта?

— А какъ же безъ сѣна будешь?... Лошадей вѣдь надо кормить?

— Да, это—конечно. Ну, а на лошадяхъ—въ извозъ, что ли, ходите?

— Нѣтъ, у насъ этого въ заведеніи нѣтъ, чтобы въ извозъ ходить. А такъ, по-домашности нужны; сѣно, напримѣръ, съ покосовъ привезти—одно чего стоитъ?... Почитай, всю зиму возимъ!

И больше онъ ничего не съумѣлъ сказать въ оправданіе необходимости и разумности его строя хозяйства: по его словамъ выходило, что сѣно нужно, чтобы лошадей кормить, а лошади нужны, чтобы сѣно возить; между тѣмъ, приходо-расходный бюджетъ крестьянина отъ такого способа затраты труда и капитала возрастаетъ непомѣрно, при чемъ, однако, не остается, въ результатѣ этихъ операцій, сколько-нибудь значительныхъ барышей. А если и остаются барыши, то они идутъ или въ кубышку, или употребляются на еще бо́льшее

расширеніе хозяйства, но все въ томъ же экстензивномъ направленіи.

Ко всѣмъ изображеннымъ здѣсь качествамъ сибиряка нужно присоединить еще одно, которое имѣетъ огромное вліяніе на теченіе всей общественной и даже домашней жизни населенія; качество это — крайне недовѣрчивое отношеніе не только къ чужимъ, пришлымъ людямъ, но и къ своимъ односельцамъ, даже къ близкимъ роднымъ, и въ зависимости отъ этого — скрытность характера. Здѣсь, наприм., весьма часто практикуется обычай передачи имущества пришедшимъ въ старость хозяиномъ зятю или пріемышу; непремѣннымъ условіемъ, сопровождающимъ эту передачу, бываетъ заключеніе письменнаго договора, въ которомъ подробно, до послѣдней сковородки, перечисляется все недвижимое и движимое имущество, отдаваемое старикомъ молодому, и весьма подробно оговаривается, какое „удовольствіе" будетъ доставлять молодой старику: пища, пріютъ, шесть овчинъ въ годъ на полушубки, столько-то аршинъ сукна на подвертки, пара броденъ, рукавицы, шапка, полдесятины хлѣба ежегодно („присѣвокъ") „въ любомъ мѣстѣ поля" (а не то—худшій кусокъ дадутъ) на покрытіе мелкихъ нуждъ, похоронить по смерти по христіанскому обряду и отслужить девять заупокойныхъ обѣденъ, — все это оговаривается, всему назначаются сроки выдачи и пользованія. Въ результатѣ взаимныя отношенія договорившихся сторонъ дѣлаются весьма непривлекательными: онѣ только и дѣлаютъ, что слѣдятъ другъ за другомъ, не нарушилъ ли кто-нибудь правъ другой стороны? ...относятся главы различныхъ хозяйствъ одинъ ...они вѣчно на-сторожѣ, подозрительно по... ...сѣда. Увѣряютъ, что случаи, когда одинъ

сибирякъ довѣритъ другому рубль денегъ на покупку какой-нибудь мелочи или поручитъ свою лошадь для производства какой-нибудь общей работы, или положится на его слова въ какомъ-нибудь дѣлѣ, эти случаи, говорятъ знающіе сибирскую деревню люди, чрезвычайно рѣдки и являются исключеніемъ изъ общаго правила: полагаться только на себя и ни на кого другого. Такое отчужденіе остается не безъ вліянія и на сибирскую манеру держаться въ обществѣ: сибиряки вообще молчаливы и даже угрюмы; поэтому, въ гостяхъ, когда собираются не исключительно близкіе родные или знакомые, разговоры идутъ очень туго: гости налегаютъ преимущественно на яства и питія. Особенно же выручаютъ, въ этихъ случаяхъ, кедровые орѣшки, которые, по справедливости, называются „сибирскимъ разговоромъ“ и составляютъ необходимую принадлежность (конечно, послѣ чая и водки) всякихъ недѣловыхъ сношеній сибиряковъ и сибирячекъ: даже не у очень богатыхъ крестьянъ тарелки съ орѣшками не сходятъ со стола во все время посѣщенія гостей, изъ рта у деревенскихъ дѣвицъ и парней сыплются орѣховыя скорлупки даже во время вечернихъ прогулокъ по улицамъ села, орѣхи же щелкаютъ бородатые мужики, сидя на сельскомъ сходѣ и прислушиваясь къ тому, что̀ говоритъ староста или читаетъ писарь.

Въ дѣлахъ общественныхъ также нѣтъ никакой вѣры никому, такъ или иначе выдвигающемуся изъ сѣрой массы: по мнѣнію міранъ, у каждаго старшины, старосты, вахтера, сборщика, писаря—рыльце въ пушку; да это, можно сказать, есть на самомъ дѣлѣ такъ, и неудивительно, что про воровъ идетъ дурная слава: удивительно то, что сегодняшніе критики и порицатели дѣй-

ствій своихъ выборныхъ, попавъ сами завтра въ таковые, начинаютъ поступать во всемъ согласно преподаннымъ примѣрамъ, т.-е. тянуть къ себѣ въ домъ все, что худо лежитъ изъ общественнаго достоянія. „У насъ кого ни выбери, все одинъ толкъ будетъ,"—говорили мнѣ не разъ крестьяне сами про себя и... не краснѣли при этомъ. Всякое чужое, не свое начальство,—всѣхъ этихъ засѣдателей, акцизныхъ, докторовъ и проч.,—сибирякъ тѣмъ болѣе считаетъ „старающимися" только о своей личной выгодѣ; безкорыстной преданности дѣлу и службѣ онъ не понимаетъ, ибо, какъ кажется, не имѣлъ хотя бы немногихъ случаевъ наблюдать подобнаго рода отношеній; поэтому онъ этихъ господъ не уважаетъ и только, какъ говорится, терпитъ; а разъ у него есть сколько-нибудь „капиталовъ", которые даютъ ему возможность никому не кланяться по обязанности, то онъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ смотритъ на всѣ эти „власти", или считаетъ себя, по крайней мѣрѣ, равнымъ имъ. Эта вотъ черта въ сибирякѣ — сознаніе собственнаго достоинства—дѣйствуетъ на человѣка, привыкшаго къ халуйству и раболѣпству русскихъ „бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ", сидящихъ нынѣ на кошачьемъ надѣлѣ, весьма притягательнымъ образомъ и заставляетъ прощать ему многое. Пріятно видѣть, какъ угрюмо-сдержанно ведетъ себя середнякъ - крестьянинъ хотя бы съ засѣдателемъ: онъ и руку ему съумѣетъ пожать, если тотъ протянетъ (а мнѣ, не носившему никакой „формы", многіе сами протягивали руку, считая себя ровней по отношенію къ „заѣзжему барину"), и не постѣснится посидѣть съ нимъ, даже выпить чайку и поговорить немножко о постороннихъ предметахъ, — словомъ, сибирякъ сознаетъ себя кое-чѣмъ, а не ничѣмъ. Впрочемъ, когда власти сильно

заломаются и начнутъ, что называется, рвать и метать, то и сибирскій мужикъ подчиняется произволу обыкновенно безропотно, зная по опыту, что „сила солому ломитъ"; иногда же мститъ за эти униженія, даже не жалѣя себя. Такъ, тысячи „обывательскихъ" ямщиковъ, вѣроятно, избиваются ежегодно власть имѣющими чинами, не пробуя даже давать отпора или заявлять протестъ; но нѣкій полицейскій чинъ поплатился однажды здоровьемъ на всю жизнь, наткнувшись на угрюмаго недотрогу: ямщика вывели изъ терпѣнія подзатыльники кулакомъ и пинки ногою, которые онъ всю дорогу получалъ отъ „чина", и при спускѣ съ одной горы онъ разогналъ тройку, опрокинулъ повозку и вмѣстѣ съ сѣдокомъ кубаремъ полетѣлъ по косогору... Оба сильно ушиблись, но за то ямщикъ никогда больше не получалъ отъ *этого* чина внушеній „ѣхать поскорѣй".

Теперь остается недостаточно разсмотрѣнной еще одна черта характера сибиряка, придающая этому характеру весьма своеобразный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рельефный отпечатокъ. Я съ намѣреніемъ не касался этой черты и откладывалъ изображеніе ея до другого очерка: тѣмъ ярче она выступитъ на предварительно написанномъ общемъ фонѣ духовной жизни сибиряка.

## III.

## КАМЕННЫЯ СЕРДЦА.

Въ одной изъ подгородныхъ волостей Иркутскаго округа не было до послѣдняго времени ни одной школы. Волость эта состоитъ изъ двухъ большихъ селеній, дворовъ по двѣсти-триста въ каждомъ, и изъ нѣсколькихъ болѣе мелкихъ; церковь имѣется только въ одномъ изъ большихъ селеній. Нѣкій богатый филантропъ изъ иркутянъ (конечно, золотопромышленникъ) пожелалъ распространить просвѣщеніе среди коснѣющихъ въ невѣжествѣ N-скихъ обывателей, въ лучшемъ случаѣ обучавшихся до сихъ поръ грамотѣ у уголовныхъ ссыльныхъ; для этого онъ вошелъ въ договоръ съ мѣстнымъ причтомъ о завѣдываніи школой и выстроилъ въ церковной оградѣ прекрасное школьное зданіе, снабдивъ будущій разсадникъ просвѣщенія всѣми принадлежностями: партами, пособіями, изрядною библіотекой томовъ въ пятьсотъ, и проч. Крестьяне того селенія, въ которомъ устраивалась школа, относились къ совершающемуся факту, пока что, довольно благодушно: расходовъ отъ нихъ на постройку никакихъ не требовалось, а наоборотъ,—доставлялся еще заработокъ по доставкѣ лѣса и другихъ матеріаловъ. Крестьяне сосѣднихъ селеній смотрѣли на воздвигаемое въ N-скомъ селеніи зданіе весь-

ма равнодушно, какъ на предметъ, ихъ не касавшійся: ихъ селенія отъ школы отстояли въ 3 — 10 верстахъ, а этого уже достаточно, чтобы школой не пользоваться и считать себя къ ней отношенія не имѣющими, потому что для дѣтей немыслимо совершать такого рода ежедневныя путешествія въ сибирскіе 20 — 35-градусные морозы.

Но когда школа была выстроена, и начальство обратилось ко всей волости съ предложеніемъ опредѣлить жалованье назначаемой учительницѣ, дать сторожа и доставлять въ школу ежегодно по 25 саженъ дровъ, то населеніе взволновалось. „Намъ школа не нужна! мы о ней не просили! Кто строилъ, пускай и жалованье учителямъ платитъ, а мы не согласны!" — кричали на волостномъ сходѣ представители другихъ селеній волости; выборные же отъ школьнаго селенія тоже волновались, опасаясь, что все содержаніе школы падетъ на нихъ однихъ, но отъ участія въ общей поволостной разверсткѣ школьныхъ расходовъ были не прочь. Правда, на ихъ сельскомъ сходѣ, предварительно обсуждавшемъ этотъ вопросъ, оказалось нѣсколько противниковъ даже волостной школы: „Зачѣмъ мы будемъ платить по сорока или пятидесяти копеекъ съ души?—кричали бездѣтные.— Пусть платятъ тѣ, у которыхъ дѣти въ учёбу пойдутъ, а мы за нихъ не плательщики!" Однако, этотъ споръ кое-какъ уладился; большинство было людьми семейными, имѣвшими дѣтей или внуковъ малолѣтнихъ, а среди бездѣтнаго меньшинства имѣлось не мало людей солидныхъ, которые не хотѣли по тѣмъ или другимъ причинамъ спорить изъ-за двухъ двугривенныхъ въ годъ; поэтому упорные противники школы мало-по-малу замолчали, не находя поддержки въ обществѣ. Было, такимъ образомъ,

рѣшено: на школу платить наравнѣ со всею волостью; этому рѣшенію оставались вѣрны и на волостномъ сходѣ представители школьнаго селенія.

Власть начальства въ Сибири, однако, весьма сильна: рѣдко-рѣдко крестьянское общество рѣшается идти открыто наперекоръ желанію начальства. Ведется же только развѣ глухая борьба: напр., наружно дается согласіе на исполненіе воли свыше, пишется приговоръ, прикладываются печати, все какъ слѣдуетъ быть, но дальше этого дѣло нейдетъ, или, если и пойдетъ, то черезъ пень-колоду, кое-какъ; а, впрочемъ, нужно замѣтить, что и само начальство заинтересовано, главнымъ образомъ, только въ томъ, чтобы у него на бумагѣ все было ладно, и это хорошо знаютъ многіе изъ простыхъ крестьянъ и рѣшительно вся аристократія крестьянства, всякаго рода начальство крестьянское. И въ данномъ случаѣ произошло то, чего слѣдовало ожидать: погалдѣли, пошумѣли волостные представители, а все-жъ-таки приговоръ составили, учительницѣ назначили 360 руб. жалованья, дали сторожа, обязались и относительно доставки дровъ. При обыкновенномъ порядкѣ вещей слѣдовало ожидать рядъ глухихъ враждебныхъ дѣйствій противъ школы и учительницы: ее вымораживали бы, не доставляя дровъ въ трескучіе морозы, задерживали бы по полугоду выдачу жалованья, опредѣлили бы въ сторожа какого-нибудь пьяницу-забулдыгу, и т. д. Но здѣсь, въ с. N, сложились нѣкоторыя обстоятельства для школы весьма благопріятнымъ образомъ: священникъ принялъ горячее участіе въ судьбахъ ввѣреннаго его попеченію дѣтища, волостныя власти оказались склонными къ просвѣтительной дѣятельности (при этомъ надо замѣтить, что старшиной былъ крестьянинъ изъ школьнаго селенія), изъ

города нерѣдко наѣзжалъ въ школу филантропъ строитель въ компаніи съ кѣмъ-либо изъ сильныхъ міра сего,— словомъ, школа просуществовала цѣлый годъ, не видя горя.

Учительницей попалась молодая дѣвушка, лѣтъ девятнадцати, съ гимназическимъ образованіемъ; дѣло шло у ней не то чтобы блестяще, но и не дурно: учениковъ постепенно набралось въ первую же зиму до сорока человѣкъ, все N-скіе. Только двое были изъ другого большого села: они ночевали „на квартирѣ у родственниковъ", чтобы не ходить ежедневно взадъ и впередъ по три версты; родители ихъ были состоятельны и не тяготились выдачей „сродственникамъ" продуктовъ на содержаніе квартирантовъ. Вообще, всѣ, имѣвшіе какое-либо отношеніе къ школѣ, были ею болѣе или менѣе довольны („ладно! ништо!"); большая часть прочихъ уплачивала полтинники съ души почти равнодушно, и только меньшая часть продолжала питать злобу ко всему этому дѣлу, непрошенно навязанному общественникамъ на шею. Учительницу огромное большинство крестьянъ совсѣмъ не знало, даже въ лицо никогда не видало: она держала себя весьма, можетъ - быть, даже слишкомъ скромно и обособленно, и почти не выходила изъ школьнаго зданія; поэтому про нее, или отзывались съ похвалой, или никакъ не отзывались, за совершеннымъ незнакомствомъ съ нею.

Былъ жаркій іюльскій день; къ учительницѣ пріѣхала изъ города погостить подруга изъ гимназіи; поговорили, посмѣялись и пошли купаться; неглубокая, но довольно быстрая рѣчка, изобилующая ямами и ключами, протекала очень близко отъ школьнаго зданія. Дѣвушки раздѣлись подъ защитой нѣсколькихъ прибрежныхъ кустовъ

и съ наслажденіемъ погрузились въ воду. Саженяхъ въ пятидесяти отъ мѣста ихъ купанья пролегалъ трактъ, ведущій въ городъ; на немъ по случаю праздничнаго и базарнаго дня было довольно сильное движеніе: народъ возвращался съ базара по домамъ.

Одна телѣга только-что въѣхала на мостъ; въ ней сидѣли двое крестьянъ, оба типичные сибиряки: черноволосые, почти безбородые, съ смуглыми лицами, съ чуть-чуть выдающимися скулами и нѣсколько съуженными глазами. Это были крестьяне изъ того большого селенія, которое болѣе прочихъ протестовало противъ открытія школы въ N и „бросанія зря" на нее денегъ; они возвращались изъ города, куда ѣздили, въ компаніи, за нѣкоторыми покупками къ предстоящему покосу. За ними въ нѣкоторомъ разстояніи двигались четыре бурятскихъ арбы (телѣги на двухъ колесахъ), тоже пустыя, изъ-подъ сѣна „съ первой косы"; арбы принадлежали старику-буряту, сидѣвшему на первой изъ нихъ; на послѣдней спалъ сномъ молодости сынъ его, пятнадцатилѣтній парень. Еще на одну арбу присѣлъ, съ позволенія хозяина, плотникъ-поселенецъ, отправлявшійся на работу изъ одного села въ другое. И вдругъ мирная эта процессія была встревожена пронзительнымъ крикомъ, раздавшимся съ рѣки.

— Лиза!—за минуту до этого говорила вышедшая уже на берегъ гостья учительницѣ,—будетъ тебѣ купаться! Развѣ можно по часу сидѣть въ водѣ?

— Ахъ, нѣтъ, Соня, такъ хорошо, просто прелесть! Смотри какъ здѣсь глубоко...

И внезапно она исчезла подъ водой, едва успѣвъ слегка вскрикнуть. Соня растерянно смотрѣла на блестѣвшую въ полуденномъ солнцѣ рѣку,—она знала, что

пріятельница не умѣла ни нырять, ни даже плавать... Прошло томительныхъ полминуты... Дѣвушка пронзительно закричала, полуодѣтая выскочила изъ кустовъ и, простирая руки къ людямъ, проѣзжавшимъ по дорогѣ, стала взывать о помощи: „Помогите, спасите, она утонула!... Лиза, учительница, утонула!..." Но тутъ ее опять будто толкнуло къ водѣ: нагнувшись, она жадно смотрѣла на то мѣсто, гдѣ за нѣсколько мгновеній еще стояла и говорила Лиза... и вдругъ ей показалось что-то бѣлое, будто мелькнувшее близъ поверхности тихо катившихся струй; не сознавая, что она дѣлаетъ, забывъ, что сама не умѣетъ плавать, дѣвушка кинулась въ воду.

— Слышь!... Реветъ кто-то!... Учительша будто тонетъ... Ну, парень, исторія!.. Тпру, чортъ этакій!

Младшій изъ ѣхавшихъ мужиковъ схватилъ вожжи и остановилъ коня. Онъ еще нѣсколько секундъ прислушивался, но все было тихо. Тогда онъ проворно закинулъ ноги за грядку телѣги и только-что хотѣлъ соскочить на земь, какъ былъ остановленъ товарищемъ, схватившимъ его за плечо.

— Куда тебя несетъ, лѣшаго?... Еще въ отвѣтѣ хошь быть? Тонетъ, ну, и чортъ съ ней, такъ ей и надо: чего она нашу шею грызетъ?

— Разсказывай тамъ... кого она грызетъ? Пусти!

— Не лѣзь, говорю!—раздражительно останавливалъ старшій.

— Пусти же, чортъ, не твое дѣло! Въ отвѣтѣ будемъ— такъ не ты, а я... Давай вожжину!

— Какъ же, такъ я и далъ!... Лошадь-то моя.

Младшій со злостью плюнулъ и соскочилъ съ тѣлеги, но остановился, осматриваясь кругомъ; отъ заднихъ те-

лѣгъ, на его глазахъ, отдѣлился какой-то человѣкъ и бросился внизъ по откосу насыпи къ кустамъ рѣки, на бѣгу сбрасывая съ себя кушакъ, халатъ и шапку. Это былъ ссыльно-поселенецъ, ѣхавшій позади. Видъ этого бѣгущаго человѣка, ожесточенно срывающаго съ себя одежду и небрежно разбрасывающаго ее,—можетъ-быть, единственное свое достояніе, — подѣйствовалъ на молодого крестьянина возбуждающимъ образомъ: онъ кинулся къ лошади бурята и мгновенно снялъ съ нея вожжу изъ конскаго волоса. Бурятъ сначала оторопѣло глядѣлъ на мужика; потомъ, какъ бы спохватившись, быстро обернулся лицомъ въ поле, спиной къ рѣкѣ, зажмурился и, закрывъ себѣ уши ладонями, завопилъ:

— Ничего не видѣлъ, ничего не слыхалъ, ничего не знаю!... Будь свидѣтель,—ничего не знаю!

Молодой крестьянинъ съ сердцемъ погрозилъ причитающему буряту кулакомъ, выругалъ его „тварью" и пустился бѣгомъ по слѣдамъ поселенца, но тотъ былъ далеко впереди. Скинувъ съ себя бродни и перекрестясь, поселенецъ уже прыгнулъ въ воду въ ту минуту, когда крестьянинъ только подбѣгалъ къ берегу съ спасительною вожжой въ рукахъ.

Поселенецъ нырнулъ разъ и два... Затѣмъ онъ выплылъ на мелкое мѣсто съ безжизненнымъ тѣломъ дѣвушки, одѣтой въ рубашку, и передалъ ее на берегъ мужику; потомъ опять нырнулъ въ самый омутъ и на этотъ разъ выплылъ съ тѣломъ голой дѣвушки, учительницы.

— Ухватилась, сердешная, за рубашку этой-то... Едва отодралъ ейную руку, а двоихъ сразу выволочь—сила не брала,—говорилъ смѣльчакъ.

Къ этому времени изъ ближайшихъ домовъ селенія

уже сталъ подбѣгать народъ къ мѣсту происшествія: въ деревняхъ какъ-то чрезвычайно быстро разносятся всякія сенсаціонныя извѣстія... Принялись, конечно, „качать“ утопленницъ, благо простыни были тутъ же, взятыя ими съ собой для купанья. Двѣ-три бабы вздыхали и причитали; нѣсколько человѣкъ горячо хлопотали надъ дѣломъ спасенія; большинство же съ страстнымъ любопытствомъ разспрашивало очевидцевъ несчастія—при какихъ обстоятельствахъ оно произошло, какъ вытащены были тѣла, и т. д.: интересъ самаго случая подавилъ въ толпѣ чувство участія къ судьбѣ несчастныхъ. Кто то далъ знать сельскимъ властямъ, и дѣло покатилось по рельсамъ форменнаго дѣлопроизводства... Часа черезъ два въ зданіи волостного правленія уже производился допросъ свидѣтелей происшествія и составлялся актъ „о смерти отъ утопленія по неизвѣстной причинѣ дѣвицы такой-то, учительницы села N, и о спасеніи отъ таковой же смерти поселенцемъ Иваномъ Безпалымъ дѣвицы духовнаго званія Софьи —ской“. Бурята не было въ волости: онъ въ суматохѣ уѣхалъ, не забывъ, однако, захватить съ собой вожжу; молодой крестьянинъ отвѣчалъ на вопросы отрывисто, не распространяясь: „слышу, реветъ кто-то... побѣгъ... помогъ вотъ ему вытащить...“ Старшій крестьянинъ также нехотя объяснялъ: „лошадь привязывалъ, не на кого было оставить... покуда что, а ихъ ужъ вытащили.“ За то поселенецъ былъ словоохотливъ и подробно объяснялъ, какъ подбѣжалъ, какъ кинулся: „холодная такая вода въ ямѣ-то, индо жуть беретъ...“ Священникъ, бывшій на допросѣ, устроилъ складчину въ пользу отважнаго спасителя и собралъ четыре рубля восемь гривенъ, но поселенецъ наотрѣзъ отказался принять деньги:

— И то боюсь, какъ бы мнѣ чего не было: вѣдь я ихъ у *него* отнялъ, у *самого!*... А еще деньги взять—совсѣмъ тогда пропадать придется...

И почти всѣ присутствовавшіе соглашались съ нимъ и сочувственно вздыхали его горю; убѣжденія батюшки, насмѣшки писаря ни къ чему не повели: поселенецъ ушелъ на свою работу, не взявъ награды.

Таковъ не прикрашенный вымысломъ фактъ, случившійся всего года три назадъ. Что наиболѣе дѣятельнымъ спасителемъ тонувшихъ оказался поселенецъ, не сибирякъ, — это, конечно, случайность; но не случайна наличность въ данную минуту именно такой группы лицъ, какая бѣгло изображена въ предыдущей сценкѣ. Страхъ передъ закономъ и волокитой по судамъ, заставляющій бурята закрывать глаза и уши, чтобы не видѣть и не слышать тонущихъ, холодная и неосмысленная жестокость, подвиги самопожертвованія, самое темное суевѣріе, — все это наблюдается въ Сибири въ прихотливыхъ комбинаціяхъ и нерѣдко уживается мирнымъ образомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Жаль только, что въ этой сценкѣ не было мѣста яркому проявленію пріобрѣтательныхъ инстинктовъ населенія (если за таковые не считать отношенія старшаго крестьянина къ учительницѣ); поэтому картина сибирскихъ нравовъ, какъ она мнѣ представляется въ ея самыхъ грубыхъ штрихахъ, не вышла достаточно полной.

Сибирскій крестьянинъ-земледѣлецъ—это потомокъ тѣхъ отважныхъ піонеровъ, которые распахивали дѣвственныя степи или расчищали лѣса подъ пашни, съ ружьемъ за спиной и ножомъ у пояса. И теперь въ Иркутской губерніи есть еще мѣстности, гдѣ мужчины съ девятилѣтняго возраста надѣваютъ на себя ножъ и уже не раз-

[illegible] — [illegible] [illegible] у него въ домѣ [illegible] съ нимъ ходитъ въ дерев-[illegible] у всѣхъ [illegible] [illegible]. Нынѣ [illegible] съ ружьемъ и топоромъ за [illegible] въ каждой избѣ непремѣнно виситъ на стѣнѣ или стоитъ въ углу ружьишко, хотя бы самое плохенькое, въ рубле-вшной [illegible] изъ него, однако, сумѣетъ мѣтко „стрѣлить“ и бить въ случаѣ нужды. Теперь эта нужда сказывается мало, только когда звѣрь нападетъ: о кровавыхъ хищническихъ же двуногихъ звѣрей уже рѣдко слышно, а не далѣе какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ такія нападенія были обычнымъ явленіемъ въ сколько-нибудь глухихъ уголкахъ страны. Съ одной стороны,— разбойники вырѣзывали цѣлыя семьи крестьянскія; съ другой сами крестьяне подстрѣливали горбачей-бродягъ и рабочихъ, возвращавшихся съ золотыхъ промысловъ. „Горбачъ всякъ дороже бѣлки стоитъ“, — цинично замѣчали охотники, т. е. цѣнился ими не самъ горбачъ, а то, чѣмъ можно было поживиться около него: плохенькимъ котелкомъ, рванымъ халатомъ, иззубреннымъ ножомъ. И сейчасъ указываютъ въ Киренскомъ округѣ на одно мѣстечко, на берегу Лены, какъ на пепелище отъ жилья одного крестьянина, промышлявшаго горбачами: „Бывало,- говорятъ старики,—бѣгутъ къ нему его ребята пріучены тоже были—и кричатъ: тятя, бери ружье, горбачи къ ключу прошли!... Много онъ ихъ перестрѣлялъ; наконецъ, озлобилъ: домъ его сожгли, а ему глаза выкололи, содрали кожу съ головы и на лицо заворотили.“ На Ангарѣ есть маленькая деревенька, оффиціально называющаяся Шайдурово, а по-мѣстному — Разбойниково. Кличка эта ей дана недаромъ, потому что

жители ея занимались подстрѣливаніемъ татаръ, возвращавшихся съ промысловъ. Дороги проѣзжей здѣсь нѣтъ, а узенькая верховая тропка лѣпится то у самыхъ водъ ангарскихъ, то по высямъ каменныхъ кряжей, составляющихъ ея берега; въ одномъ очень подходящемъ для этого промысла мѣстѣ шайдуровцы садились въ засаду и мѣткими выстрѣлами укладывали въ повалку храбрецовъ, рѣшавшихся, для сокращенія пути на многія сотни верстъ, идти по этимъ дебрямъ, вмѣсто болѣе проѣзжихъ трактовъ. Нынѣ шайдуровцы, какъ говорятъ, уже не занимаются этимъ благороднымъ промысломъ, но кличка, приводящая въ дрожь, еще сохранилась за ихъ деревней. Маленькое поясненіе: они подстрѣливали, главнымъ образомъ, или даже исключительно, только татаръ потому, что, во-первыхъ, татаринъ — нехристь и убить его — не великъ грѣхъ; а, во-вторыхъ, татары — народъ менѣе пьющій и не столь расточительный, какъ русскіе рабочіе — возвращаются съ пріисковъ почти всегда съ большимъ или меньшимъ количествомъ денегъ и съ наворованнымъ „подъемнымъ" золотомъ, тогда какъ русскіе идутъ по домамъ, обыкновенно, Христовымъ именемъ.

Такія явленія не представляютъ собой чего-либо исключительнаго на сибирской почвѣ; напротивъ, они могутъ быть приняты за конечный результатъ, какъ логическій выводъ изъ общей суровости условій быта, воспитывавшихъ народъ съ самаго разсвѣта сибирской исторіи въ непрестанной борьбѣ съ природой, звѣремъ и человѣкомъ. Охотникъ, десятки разъ рискующій своей жизнью въ горахъ, въ тайгѣ, на переправахъ черезъ рѣки, ежеминутно ожидающій встрѣчи лицомъ къ лицу съ хищнымъ звѣремъ и не разъ уже встрѣчавшійся и вступав-

шій съ нимъ въ борьбу на жизнь и на смерть; земледѣлецъ, принужденный, въ безпрестанной борьбѣ съ давящею его со всѣхъ сторонъ тайгой, пускать пàлы, которые на его глазахъ, радуя его сердце, уничтожаютъ огромныя площади въ сотни квадратныхъ верстъ роскошнаго лѣса, со всѣмъ, что въ нихъ живетъ и множится; извозчикъ, везущій товары не иначе, какъ вооруженный ружьемъ, топоромъ и кистенемъ; женщина, ѣздящая верхомъ по лѣснымъ тропинкамъ съ винтовкой за плечами, переправляющаяся въ душегубкѣ черезъ быстрыя рѣки, ножомъ отбивающаяся отъ нападенія бродягъ, вышедшихъ изъ тайги и обратившихся въ звѣрей при видѣ женскаго тѣла, — всѣ они, воспитанные въ суровой школѣ самопомощи, въ традиціяхъ безжалостной эгоистичной матери-природы, представляютъ собой благодарнѣйшую почву для формировки личностей, подобныхъ „разбойниковцамъ", продолжавшимъ промышлять въ XIX вѣкѣ тѣмъ самымъ, чѣмъ промышляли предки почти всѣхъ сибиряковъ въ XVII в.—Не мѣшаетъ, однако, сообщить хоть нѣсколько характерныхъ случаевъ проявленія жестокости нравовъ нынѣшняго сибирскаго населенія знакомыхъ мнѣ мѣстностей.

Ѣдутъ зимою по дорогѣ изъ лѣсу четверо крестьянъ, все хорошіе, хозяйственные мужики; нагоняютъ старичка, который тихо плетется куда-то, опираясь на палку. Мужикъ всѣмъ интересуется, что дѣлается въ непосредственной близости къ нему и что такъ или иначе можетъ имѣть до него „касательство"; поэтому на прохожаго были внимательно устремлены четыре пары зоркихъ глазъ.

— Ѳедоръ Иванычъ! а вѣдь это никакъ Алексаха-конокрадъ? Помнишь, который отъ насъ убѣгъ?..

— Ну?!

— Вѣрно, что онъ! Хошь и давно годовъ прошло,— лѣтъ пятнадцать, пожалуй, есть, — однако, я на нихъ, собакъ, примѣтливъ... Онъ, онъ самый!..

— Нешто попытать его мало-мало?

Двое изъ ѣхавшихъ соскочили съ саней и остановили прохожаго.

— Ты, что-ль, Алексаха?

Трудно сказать, какъ поступили бы допросчики, если бы старый воръ заперся и сталъ открещиваться отъ своего тождества съ Алексахой, когда-то сильно обидѣвшимъ двоихъ изъ проѣзжавшихъ крестьянъ и еще нѣсколькихъ изъ ихъ односельцевъ: вѣрнѣе всего, что они доставили бы его въ волость, для удостовѣренія его личности; также трудно сказать, какъ отнеслись бы они къ прохожему, если бы онъ призналъ себя за Алексаху, но тутъ же, не теряя присутствія духа, обстоятельно сообщилъ бы имъ, что уже понесъ на каторгѣ воздаяніе за свои прежнія „качества" *), что это воздаяніе превратило его, удалаго силача, въ слабаго старика, что онъ теперь идетъ въ бѣга, съ мѣста поселенія, въ дальнюю Россію, взглянуть передъ смертью еще разъ на родную сторонку. Не растеряйся онъ и скажи имъ все это,—его бы, вѣроятно, отпустили и въ худшемъ развѣ случаѣ доставили бы, цѣлымъ и невредимымъ, къ властямъ. Но старикъ, вынесшій нѣсколько десятковъ плетей, восемь лѣтъ каторги и еще нѣсколько лѣтъ ссылки, полной лишеній, въ отдаленномъ углу Восточной Сибири, былъ такъ пораженъ и потрясенъ встрѣчей съ людьми, о которыхъ уже и думать позабылъ, что совершенно растерялся и выбралъ худшій путь къ само-

*) Арестантскій жаргонъ — «преступленіе».

защитѣ: простое воззваніе къ чувству жалости допросчиковъ. Онъ упалъ на колѣни и сталъ трусливо-плаксивымъ голосомъ причитывать: „Братцы, простите, родимые! Отпустите душу на покаяніе!..“ Видъ унижающагося врага, молящаго о пощадѣ еще до произнесенія приговора, подѣйствовалъ на крестьянъ въ совершенно противоположномъ духѣ: они разсвирѣпѣли; звѣрь, сидѣвшій въ каждомъ изъ нихъ, проснулся при звукахъ мольбы о пощадѣ,—такая мольба раздается, вѣдь, всегда со стороны виновнаго или безсильнаго врага, а по понятіямъ этого звѣря—обида врагу никогда не прощается и требуетъ мести.

— А, язва!.. Ты опять къ намъ?.. Мы еще за старое съ тобой не разочлись!.. Ребята, бей его въ мою голову!

И на беззащитнаго старика (одинъ ножъ въ рукахъ старика противъ четырехъ бойцовъ—какая же защита?) посыпались удары,—сначала кулаками, а когда кровь разгорѣлась и сердце разыгралось, то и кольями, выхваченными изъ поскотины.

— Бей его по рукамъ!.. Ломай руки-то, чтобъ ему коней уводить ужъ неповадно было!..

Къ зданію волостного правленія подъѣхало трое саней; на однѣхъ лежалъ связаннымъ старый конокрадъ. Мужики пошли къ старшинѣ и разсказали, что встрѣтили на дорогѣ своего обидчика, узнали его и привезли для допроса; но когда дошло дѣло до самого Алексахи, то онъ оказался въ безпамятствѣ, а свидѣтельствовавшій его фельдшеръ констатировалъ у него переломъ ключицы и обѣихъ рукъ... Возникло „дѣло о нанесеніи поселенцу такому-то крестьянами такими-то тяжкихъ побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть пострадавшаго“.

Нѣкто, въ разговорѣ съ однимъ мѣстнымъ крестьяниномъ, человѣкомъ пожилымъ, степеннымъ и, въ общемъ, весьма симпатичнымъ, возмущался поступкомъ истязателей стараго конокрада.

— Вѣдь ужасъ беретъ, когда подумаешь, чтó они сдѣлали!.. Зачѣмъ было такъ варварски избивать старика?.. За что, наконецъ, они сами себя-то погубили?

— Это ужъ не иначе, что Господь имъ умъ помрачилъ, — отвѣчалъ степенный собесѣдникъ, поглаживая бороду. — Совсѣмъ сдурѣли мужики, и точно — признаться надо — погубили себя! Имъ бы вовсе на другой манеръ надо было это дѣло повернуть...

— Какъ же?

— Имъ бы его коломъ-то не по рукамъ, а по головѣ шаркнуть разокъ-другой, а потомъ, за все просто, въ воду его, подъ ледъ спустить... Вѣрно, что умъ у нихъ въ ту пору помраченъ былъ, не иначе какъ!..

Это говорилъ весьма симпатичный крестьянинъ, зажиточный человѣкъ, родоначальникъ большой семьи настоящихъ пахарей-земледѣльцевъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ одного селенія, на берегу быстрой рѣчки, стоитъ одиноко богатая крестьянская заимка (нѣчто въ родѣ малороссійскаго хутора). Хозяинъ ея лѣтъ двадцать назадъ выселился изъ своего села поближе къ росчистямъ, которыя онъ приготовлялъ себѣ въ лѣсу подъ пашни; онъ былъ отдѣленнымъ сыномъ отъ отца и, женясь, рѣшилъ завести новое хозяйство на просторѣ, гдѣ бы не приходилось стѣсняться межами и гранями, уже существующими и строго охраняемыми въ ближайшихъ къ селенію мѣстностяхъ. За эти двадцать лѣтъ у него образовалась порядочная семья и значительно разрослось хозяйство: онъ засѣ-

ваетъ хлѣбами ежегодно десятинъ по двѣнадцати или по пятнадцати, держитъ до десятка лошадей, да столько же рогатаго скота, нанимаетъ постояннаго годового работника, а на время покоса и уборки хлѣбовъ — еще двухъ-трехъ мѣсячныхъ.

Хозяинъ былъ нрава угрюмаго, рѣзокъ на словахъ; впрочемъ, иногда любилъ пошутить, но такъ, что воспріимчивый собесѣдникъ обыкновенно чувствовалъ себя при этомъ не совсѣмъ ловко; семейные боялись его пуще огня, потому что онъ на руку былъ тяжелъ, но жилось имъ, въ общемъ, не дурно и, во всякомъ случаѣ, сытно; особенно хорошо и весело чувствовали они себя, когда хозяинъ уходилъ на промыселъ за бѣлкой и соболемъ: стрѣлокъ онъ былъ прекрасный и страстно любилъ охоту, на которой и пропадалъ недѣли по три и болѣе, забираясь къ самымъ Саянскимъ хребтамъ, въ сопровожденіи четырехъ поджарыхъ, коротко-шерстыхъ, остромордыхъ и остроухихъ собакъ, извѣстныхъ своими высокими качествами въ цѣломъ околодкѣ. Къ жившимъ у него годовымъ работникамъ онъ относился сдержанно, сухо; но вдругъ начиналъ къ иному придираться по самому малѣйшему поводу и быстро ставилъ его въ такое положеніе, что тому ничего не оставалось дѣлать, какъ уйти. Особенно плохо уживались у него крестьяне изъ ближайшихъ окрестностей: изъ нихъ рѣдко кто могъ протянуть мѣсяца два или три, хотя бы и хорошимъ работникомъ былъ. Поселенцы безъ роду и племени, зашедши Богъ знаетъ откуда,—тѣ уживались и по году, если оказывались сколько-нибудь пригодными для дѣла и, главное, не часто приставали къ хозяину съ просьбами о деньгахъ. Нерѣдко, впрочемъ, попадался такой, который норовилъ получать жалованье впередъ, не бо-

ясь долговъ хозяину и не заботясь о будущемъ; при каждой просьбѣ такого работника о деньгахъ, хозяинъ разражался ругательствами на него: и пьяница-то онъ, и мотъ, и ненадежный человѣкъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ расчитывалъ его, т.-е. додавалъ нѣсколько копеекъ и выгонялъ на вѣтеръ. Но иногда попадался работникъ-поселенецъ, желавшій скопить себѣ деньгу: такой старался брать у хозяина деньги лишь на самыя неотложныя надобности, а остальной свой заработокъ оставлялъ у него, для вѣрности, до полнаго расчета. Поживъ годъ или полтора на заимкѣ, такой работникъ куда-то уходилъ и исчезалъ, нигдѣ въ окрестностяхъ больше не появляясь; но на это обстоятельство никто не обращалъ вниманія, такъ какъ поселенцы извѣстны за народъ непосѣдливый, который сегодня здѣсь, а завтра—взялъ шапку и ушелъ за сто верстъ; да и никому не было охоты и нужды слѣдить за тѣмъ, куда именно дѣвался всѣмъ чужой работникъ съ заимки. „Получилъ расчетъ и ушелъ“,—объяснялъ хозяинъ, и праздно-любопытствовавшіе оставались этимъ объясненіемъ вполнѣ довольны.

Но вотъ однажды, верстахъ въ десяти отъ заимки, въ глубокомъ таежномъ логу случайно набрели охотники на трупъ неизвѣстнаго человѣка съ прострѣленною навылетъ грудью. По произведенному дознанію оказалось, что это—тѣло поселенца-работника, недавно исчезнувшаго съ заимки. Слѣдствіе выяснило только то, что работникъ, получивъ расчетъ, ушелъ съ заимки неизвѣстно куда; кѣмъ было произведено убійство—осталось неизвѣстнымъ, но причины его были налицо, потому что фактъ ограбленія былъ очевиденъ: на трупѣ не оказалось полученныхъ при расчетѣ съ хозяиномъ денегъ.

Дѣло съ формальной стороны было кончено, но въ народѣ съ этихъ поръ настойчиво сталъ носиться слухъ, что не только этотъ работникъ, но и человѣкъ пять другихъ, ранѣе жившихъ на заимкѣ и также „ушедшихъ неизвѣстно куда", были убиваемы, и никѣмъ другимъ, какъ самимъ хозяиномъ заимки. Всѣ исчезнувшіе уходили отъ него съ деньгами, полученными при расчетѣ, хозяинъ ихъ нагонялъ и подстрѣливалъ, какъ бѣлокъ. Сорокъ-пятьдесятъ рублей—таковы были суммы, которыя побуждали зажиточнаго хозяина на убійство людей, годъ или болѣе прожившихъ подъ его кровлей, ѣвшихъ его хлѣбъ за однимъ столомъ съ нимъ... Подозрѣвали ли домашніе этого убійцы о совершаемыхъ имъ злодѣйствахъ и молчали ли только изъ страха передъ нимъ, или же онъ умѣлъ такъ ловко производить свои кровавыя развязки, что не подавалъ имъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію—объ этомъ молва народная умалчиваетъ.

Среднiй уровень зажиточности коренныхъ крестьянъ въ описываемой мѣстности Восточной Сибири довольно высокъ; но не нужно этихъ словъ понимать въ томъ смыслѣ, будто всѣ или, по крайней мѣрѣ, большинство крестьянъ стоятъ на одинаковой и, притомъ, высокой ступени зажиточности. Въ дѣйствительности оказывается, что изъ общей массы выдѣляется, съ одной стороны, болѣе или менѣе значительный процентъ бѣдняковъ, живущихъ исключительно заработною платой, а съ другой стороны — много такихъ, которые должны быть, безъ сомнѣнія, причтены къ разряду сельскихъ богачей. Казалось бы, что, при наличности сибирскаго земельнаго приволья, нехозяйственныхъ крестьянъ совсѣмъ быть не должно: дескать, паши и коси каж-

дый сколько хочешь; но это далеко не такъ. Мѣстъ, удобныхъ для земледѣльческой культуры, правда, еще много, но ихъ надобно приводить въ состояніе, пригодное для устройства пашни и покоса: вырубить лѣсъ, сжечь его или свезть, распахать цѣлину. Эти подготовительныя работы требуютъ довольно продолжительнаго труда одной пары рабочихъ рукъ, или же значительнаго капитала при условіи быстраго, единовременнаго превращенія лѣсной площади въ пахотное поле; а хозяева, по тѣмъ или инымъ причинамъ состоящіе въ данную минуту въ разрядѣ маломощныхъ, не располагаютъ ни достаточнымъ капиталомъ для быстраго поднятія своихъ хозяйствъ, ни возможностью въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ трудиться надъ сколько-нибудь значительнымъ расширеніемъ площади своихъ полей, ибо принуждены почти постоянно продавать свой трудъ чужимъ хозяйствамъ, заработной платы ради. Все, что такой маломощный хозяинъ въ состояніи сдѣлать, это—поддерживать свое небольшое хозяйство около извѣстнаго уровня, то опускаясь по случаю неурожая, падежа скота и другихъ бѣдствій, то нѣсколько поднимаясь, при благопріятныхъ условіяхъ для земледѣльца; изрѣдка развѣ онъ урвется припахать восьмушку или четвертку десятины цѣлины къ своимъ полямъ; но, въ то же время, онъ принужденъ бываетъ запустить подъ залежь или вовсе забросить истощившіеся старопахотные участки своихъ полей. Поэтому-то, какъ отдѣльно взятые опытные люди, изучившіе условія сельскаго хозяйства въ указанной мѣстности, такъ и голосъ народа, въ его массѣ, утверждаютъ относительно сельскихъ богачей слѣдующее: всѣ они положили начало своему богатству внѣ земледѣлія, т.-е. пріобрѣли основной капиталъ, необходимый для

„уширенія земледѣльческаго производства“, какими-нибудь путями, ничего общаго съ земледѣліемъ не имѣвшими.

— А хорошо у васъ живутъ Хитровы! Десятинъ сотню, небось, засѣваютъ?—говоритъ заѣзжій человѣкъ старожилу.

— Сѣютъ, чего имъ дѣлается!... А ты спроси лучше, съ чего они сѣять-то ихъ начали? Мудрость эта не велика: пофартило лишь бы кому, такъ всякій въ люди выйдетъ. Оно, конечно, если человѣкъ безъ понятія который, такъ онъ и съ деньгами ничего не сдѣлаетъ...

— Да деньги-то у нихъ откуда взялись? Вѣдь все это отъ земли же?

— Какъ же, такъ она тебѣ и далась, земля эта самая! Нѣтъ, ты къ ней безъ капиталу, къ землѣ-то, не подходи... А капиталъ имъ, милый человѣкъ, достался оченно даже просто: фабриканта годъ цѣлый держали на заимкѣ, а потомъ, какъ духу-то отъ него набрались, такъ эту самую заимку и сожгли, да и съ фабрикантомъ-то увмѣстяхъ! Вотъ какъ было дѣло-то!

„Фабрикантъ“ —это искусникъ, поддѣлывающій кредитки. И весь разсказъ о томъ, какъ ловко братья Хитровы простотой фабриканта пользовались и какъ его отблагодарили за богатство, имъ доставленное, ведется съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, но не безъ увлеченія: видно, что разсказчикъ злобствуетъ на Хитровыхъ за то, что именно имъ „пофартило“, а не ему, разсказчику; и, думается мнѣ, попадись ему такой же глупый фабрикантъ,—онъ продѣлаетъ съ нимъ, пожалуй, все то, что сочли нужнымъ продѣлать Хитровы, чтобы „выйти въ люди“.

Съ достаточною увѣренностью можно утверждать, что значительное большинство деревенскихъ „состояній“ имѣетъ первоначальнымъ источникомъ въ прошломъ — „фартъ“, удачу въ томъ или иномъ ея видѣ, на томъ или другомъ „поприщѣ дѣятельности“. Если послушать разсказы знатоковъ деревенской жизни о тѣхъ путяхъ, которыми достигли своего теперешняго положенія богачи или отцы тѣхъ богачей, которые уже были богачами и передали сыновьямъ „все готовое“, то самый розовый оптимистъ и сибирскій патріотъ придетъ въ состояніе, близкое къ брезгливости—съ одной стороны, и къ отчаянію—съ другой. По этимъ разсказамъ, „богачества“ пріобрѣтались или темными путями: помощью убійства, участія въ производствѣ или въ сбытѣ фальшивыхъ денегъ, укрывательствѣ награбленнаго и наворованнаго, или же посредствомъ спаиванья и эксплуатаціи инородцевъ, спиртоносничества, скупки „подъемнаго“ золота съ пріисковъ и проч., или же благодаря удачѣ, ловкости, сноровкѣ, но не на поприщѣ земледѣлія, а на золотыхъ промыслахъ, охотѣ, ямщинѣ, на какомъ-нибудь подрядѣ и т. п. Вырученный тѣмъ или инымъ путемъ „капиталъ“ давалъ возможность завести земледѣльческое хозяйство въ крупныхъ размѣрахъ, въ полсотню или сотню десятинъ запашки, при двадцати и болѣе лошадяхъ, при нѣсколькихъ человѣкахъ работниковъ и работницъ (это внѣшніе признаки хозяйства, обоснованнаго на капиталѣ). Подобныя хозяйства переходили иногда въ цѣлости отъ отца къ сыну и отъ сына къ внуку, и тогда посторонній наблюдатель, заставшій ихъ уже во вторыхъ и въ третьихъ рукахъ, напрасно сталъ бы задавать себѣ вопросъ, почему именно вотъ эти хозяйства такъ процвѣтаютъ, тогда какъ сосѣднія, на-

ходящіяся въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ землевладѣнія, обезпеченія рабочими силами, при одинаковомъ качествѣ почвы полей и т. д., едва-едва держатся на уровнѣ средней крестьянской зажиточности, или оказываются даже ниже этого уровня?

Эта возможность „выйти въ люди“ каждому члену сѣрой массы, этотъ „фартъ“, который улыбнулся нѣкоторымъ изъ числа многихъ, не даетъ спокойно спать сибиряку. У него нѣтъ представленій о мужицкомъ крестѣ, о крестьянской долѣ, какія имѣются у его отдаленныхъ родичей, оставшихся тянуть лямку сѣрякамужика въ Европейской Россіи; сибирскій крестьянинъ— американецъ по натурѣ, вѣчно ищущій своего „фарта“; въ немъ весьма развиты чувство индивидуальности и сознаніе того, что всѣ его нынѣшніе товарищи по жизненному поприщу завтра могутъ оказаться у него за флагомъ. Здѣшній „міръ“ крестьянскій, „общество“, лишено даже той тѣни идеализаціи, которая еще можетъ быть наблюдаема въ Россіи; здѣсь не услышишь нѣсколько туманныхъ, но, тѣмъ не менѣе, волнующихъ душу народолюбца выраженій: „міръ—великъ человѣкъ“, „съ міру по ниткѣ“, „мірская слеза“. Самое слово „міръ“ здѣсь, кажется, совершенно неизвѣстно: оно обыкновенно замѣняется словомъ „обчество“, что даетъ болѣе конкретное представленіе, ибо близко подходитъ къ административному термину „сельское общество“. Члены этого „обчества“ связаны между собою почти исключительно одними фискальными интересами — раскладкой податей и натуральныхъ повинностей, лежащихъ на обществѣ, и только въ зависимости отъ этихъ интересовъ — нѣкоторыми поземельными отношеніями. Самая раскладка производится примитивнѣйшимъ спосо-

бомъ—по душамъ, при чемъ за душу считается мужчина съ извѣстнаго возраста (16 — 17 лѣтъ) и до смерти *); такимъ образомъ, богачъ-крестьянинъ, запахивающій 100 десятинъ пашни и прокармливающій на общественномъ выгонѣ полсотню головъ лошадей и скота, платитъ съ одной души подати и „относитъ“ повинности за одну душу, если онъ—одинъ работникъ въ семьѣ; и его односелецъ, живущій у него въ батракахъ, платитъ столько же податей и несетъ такія же повинности, имѣя лишь какую-нибудь четвертушку запашки и часто—ни одной головы скота.

Любопытно и то обстоятельство, что съ извѣстной точки зрѣнія сибирскій крестьянинъ-богачъ считаетъ подобную раскладку совершенно справедливой: „А я чѣмъ виноватъ, что у него только полдесятины пашни? По мнѣ, ступай, расчищай себѣ хоть сотню десятинъ изъ-подъ лѣсу, я не препятствую этому...“ Правда, что и хозяинъ-богачъ, и работникъ его получаютъ въ вознагражденіе за участіе „въ отнесеніи податей и повинностей“ по одному же душевому паю въ общественныхъ покосахъ, но такая равноправность ихъ существуетъ только на бумагѣ, и вотъ почему. Общественные покосы бываютъ обыкновенно раскинуты клочками на значительныхъ пространствахъ; на дѣлежъ ихъ являются лишь состоятельные хозяева, у которыхъ есть на кого домъ оставить; работника же своего хозяинъ не отпус-

---

*) Само собою разумѣется, что мѣстами наблюдаются различныя отклоненія отъ вышеизложеннаго; но такъ какъ настоящій очеркъ не претендуетъ на „исчерпываніе предмета“ въ статистическомъ значеніи этого слова, то я останавливаюсь лишь на главнѣйшихъ и характернѣйшихъ моментахъ жизни сибирскаго „общества“.

титъ на дѣлежку луговъ; поэтому какъ-то случается всегда такъ, что работникъ, если только онъ не продалъ (т.-е. не сдалъ въ аренду) своего пая хозяину, или же вообще бѣднякъ, не участвующій въ дѣлежкѣ, получаютъ всегда очень плохой кусокъ покоса. Маломощные члены общества и сами соглащаются получить похуже и поменьше клочокъ покоса, лишь бы гдѣ-нибудь поближе къ селенію, а хорошіе, но дальніе паи достаются богачамъ, которымъ не составляетъ затрудненія вывозить зимою сѣно на своихъ многочисленныхъ лошадяхъ хоть за 20—25 верстъ; и вотъ члены одного и того же „обчества" накашиваютъ на своихъ „паяхъ": одинъ—5 копенъ сѣна, а другой—сотню.

Возможность производства новыхъ расчистокъ лѣса подъ пашню составляетъ для бѣдныхъ „обчественниковъ" также извѣстнаго рода фикцію: самыя лучшія, ближайшія къ селенію земли уже издавна заняты кѣмъ-нибудь и распаханы; эти „рὀдчія", „рὀдныя" земли составляютъ неприкосновенную собственность владѣльцевъ ихъ (нѣкоторыя слабыя „попытки земельнаго поравненія" имѣютъ мѣсто только въ двухъ-трехъ волостяхъ Иркутскаго округа; въ прочихъ округахъ объ этомъ предметѣ даже еще не думаютъ) и переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну; такимъ образомъ, расчистки могутъ быть производимы лишь вдали отъ селеній на незанятыхъ старинными „родами" участкахъ, и одно это обстоятельство уже въ значительной мѣрѣ уменьшаетъ возможность для бѣдняка воспользоваться своимъ правомъ на „общественныя" земли; но въ его поискахъ за таковыми ему приходится считаться еще съ однимъ „мірскимъ" правомъ—правомъ производства „чертежей", т.-е. захвата удобныхъ къ расчисткѣ подъ пашню лѣсныхъ про-

странствъ, безъ немедленнаго производства самыхъ расчистокъ. Богатому крестьянину, имѣющему время рыскать по всѣмъ окрестностямъ и отыскивать удобные для расчистки участки, достаточно отмѣтить облюбованную площадь лѣса нѣсколькими зарубками топоромъ на деревьяхъ, и эта площадь становится уже внѣ права захвата другимъ лицомъ: это „чертежъ", который остается на неопредѣленное число лѣтъ во владѣніи лица, сдѣлавшаго знаки на деревьяхъ. Такихъ очерченныхъ топоромъ пространствъ сосредоточивается въ однѣхъ рукахъ по пятидесяти и болѣе десятинъ; нѣтъ нужды, что эта огромная площадь можетъ простоять подъ лѣсомъ десятки лѣтъ, ибо и богачу не подъ силу сразу привести въ культурное состояніе такой значительный уголъ тайги; но, тѣмъ не менѣе, никто другой, кромѣ владѣльца чертежа, уже не можетъ предъявить правъ на это лежащее втунѣ богатство. Такимъ образомъ, бѣдняку иногда буквально негдѣ сдѣлать себѣ расчистку, и онъ всю жизнь сидитъ на своемъ клочкѣ старопахотнаго поля или арендуетъ разные бросовые участки „родовой" земли у такихъ же бѣдняковъ, какъ онъ самъ,—у опустившихся хозяевъ, не могущихъ запахивать всей доставшейся имъ по наслѣдству земли.

Признаюсь: безъ подробнаго очерка общественно-экономическихъ условій, трудно ярко представить ту странную аномалію, которая составляетъ едва ли не наиболѣе поразительное явленіе въ ряду условій экономическаго быта восточно-сибирскаго земледѣльческаго населенія и которое можетъ быть формулировано такъ: огромный земельный просторъ и рѣдкость населенія — съ одной стороны, наличность безхозяйнаго и безземельнаго пролетаріата — съ другой. Трудность этого пред-

ставленія заключается въ томъ, что въ образованіи сказанной аномаліи принимаютъ участіе нѣсколько причинъ, изъ коихъ нѣкоторыя дѣйствуютъ въ весьма скрытомъ состояніи; такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ нельзя указать перстомъ на какой-нибудь одинъ нервъ сибирской жизни и сказать при этомъ: вотъ гдѣ корень зла. Впрочемъ, въ данную минуту рѣшеніе этой задачи и не составляетъ моей цѣли: рѣчь шла выше о развитіи чувства индивидуализма въ сибирскомъ населеніи и связанной съ нимъ нѣкоторой жесткости, даже жестокости нравовъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего сибиряку и не быть жесткимъ или даже жестокимъ по отношенію къ другимъ, разъ идеаловъ общежитія у него не выработалось никакихъ, а все его матеріальное благополучіе заключается исключительно въ немъ самомъ, въ его сноровкѣ, въ его удачѣ, въ его умѣньѣ выбиться въ люди, отчасти и въ его рабочей силѣ? Все, что стоитъ на его пути къ „счастью", т. е. къ матеріальному довольству,—все это въ его глазахъ не что иное, какъ помѣха, ко всему этому онъ относится враждебно (даже къ учительницѣ, которой онъ обязанъ платить, противъ своей воли, полтинникъ въ годъ), и все это онъ радъ былъ бы уничтожить, если бы—въ однихъ случаяхъ—у него руки не были бы коротки, а въ другихъ—его не пугалъ бы „законъ" и возможность отвѣтственности передъ нимъ. Сибирякъ привыкъ видѣть альфу и омегу всякаго земного благополучія исключительно въ личныхъ качествахъ человѣка. На его глазахъ, какъ уже было замѣчено выше, быстро выростали огромныя для деревни состоянія, а какимъ путемъ они выростали — это далеко второстепенный вопросъ, дающій пищу только сужденіямъ завистливаго и отнюдь не порицательнаго характера. На

его же глазахъ огромныя состоянія разрушались, таяли, какъ воскъ отъ лица огня, разъ они попадали въ не настоящія руки, и это еще болѣе убѣждало понятливаго наблюдателя въ необходимости держать ухо востро, не дремать и всякіе сантименты (которымъ, впрочемъ, и взяться неоткуда) отбросить, какъ ненужный балластъ, на пути къ личному благополучію, „счастью" тожъ. Вотъ одинъ наглядный примѣръ разрушенія колоссальнаго деревенскаго богатства, записанный со словъ почтеннаго крестьянина, очевидца этой катастрофы.

Въ одномъ изъ большихъ трактовыхъ селеній, на самомъ трактѣ, стоятъ два дома, одинъ двухъэтажный, другой — длинный одноэтажный; оба дома пришли уже въ сильное разрушеніе и теперь никѣмъ не обитаемы; только въ одной изъ половинъ одноэтажнаго зданія помѣщается чья-то лавчонка, съ жильемъ при ней. Кругомъ этихъ отживающихъ свой вѣкъ зданій кипитъ бойкая жизнь, новыя избы и дома блещутъ бѣлизною своего строевого матеріала, каждый клочокъ земли по сторонамъ улицы использованъ, занятъ какимъ-нибудь строеніемъ или постоялымъ дворомъ; поэтому тѣ двѣ руины еще рѣзче бросаются въ глаза и останавливаютъ на себѣ вниманіе всякаго любознательнаго проѣзжающаго. Спросите свѣдущаго мѣстнаго человѣка объ исторіи этихъ зданій, и онъ разскажетъ вамъ, приблизительно, слѣдующее:

— Большого богача эти самые дома были. Сколько земли, сколько скота имѣлъ—и не счесть; однихъ коней до сотни послѣ его смерти осталось,—и какіе кони были! Заводскіе!... Бывало, идутъ его работники назадъ изъ Томскаго съ извоза и ужъ непремѣнно ведутъ къ нему

на дворъ пятокъ отборныхъ коней, — все тамъ покупалъ. Померъ онъ, и осталась вся эта благодать зятю его да пріемышу, а родныхъ сыновей у него не было. Ну-съ, и пошла тутъ потѣха!.. Зять тянетъ къ себѣ, а пріемышъ къ себѣ: подѣлиться никакъ не могутъ; дѣла у старика заведены были большія, въ извозъ пускалъ лошадей по сорока и болѣе, подряды кое-какіе имѣлъ, самъ былъ долженъ и ему многіе были должны,—ну, умъ большой надо было, чтобы со всѣмъ этимъ дѣломъ управиться. А наслѣдники-то плохенькіе были ребята, ничего въ толкъ не могли взять, кому они должны и кто имъ долженъ... И стали у нихъ, кто порасторопнѣе, все тащить просто изъ-подъ самаго носу. Тотъ себѣ скотины нѣсколько головъ уводитъ, этотъ хлѣбъ съ поля, не имъ посѣянный, убираетъ, работники изъ амбаровъ воруютъ, купцы по два раза одни и тѣ же долги требуютъ, — словомъ, разоръ пошелъ форменный. Зять-то не выдержалъ и запилъ; посмотрѣлъ, посмотрѣлъ пріемышъ, да и тоже закрутилъ. И пошло у нихъ тутъ... ну, не разсказать, что такое! Каждый Божій день у нихъ картами играютъ, въ скрипки, въ гармоники эти... Шимпанское даже пивали!.. А тѣмъ временемъ народъ-то не зѣвалъ: иной купитъ у нихъ подъ пьяную руку коня въ сто цѣлковыхъ за пять рублей, да сейчасъ его скорѣй гнать въ Иркутскъ, или куда подалѣе, чтобъ назадъ не обернули; скотину же которую задаромъ покупали—такъ ту сейчасъ рѣзать на мясо... Такъ, доложу вамъ, вѣрите ли, таяло это самое богатство на нашихъ глазахъ, вотъ какъ ежели льду кусокъ изъ погреба лѣтомъ достать, да на солнце положить! И ничего не осталось — вотъ ни порошинки!.. И нашему-то

селенію никакой пользы ото всей этой благодати не приключилось, даже кони въ заводъ пущены не были: всѣхъ разогнали по дальнимъ мѣстамъ. Годовъ трехъ не прошло,—умеръ зять, спился, а пріемышу тѣмъ временемъ въ пьяномъ видѣ въ дракѣ голову расшибли: тоже зачахъ въ скоромъ времени. Теперь вотъ и осталось отъ всего богатства этого страшнаго вотъ эти самые два дома, да и ихъ скоро ломать придется, потому—завалиться могутъ. Земли ни десятинки не осталось: всю порасхватали, и концовъ не найдешь!.. Да и искать некому: осталась у зятя только дѣвочка одна; мать-то ейная, мѣщанка изъ Иркутскаго, ушла въ городъ, да и сгибла тамъ какъ-то, а дѣвка-то теперь, говорятъ, по самой этой, по скверной то-есть, части пошла: хвосты по трахтирамъ треплетъ...

И такихъ или подобныхъ этому разсказовъ можно наслушаться, при желаніи, вволю почти въ каждомъ крупномъ селеніи, представляющемъ болѣе удобную арену для возникновенія (а, слѣдовательно, и для разрушенія) крупныхъ деревенскихъ состояній. Помнится мнѣ ярко еще одинъ случай быстраго разоренія: весьма зажиточный крестьянинъ, уже пожилой, отецъ семейства, внезапно затосковалъ (ужъ не старый ли грѣхъ вспомнилъ, о которомъ въ публикѣ ходили упорные слухи?), затосковалъ и, по обыкновенію русскаго, а также и сибирскаго мужика, запилъ; да запилъ не одинъ, а всею деревней, дворовъ въ тридцать... Это было ужасное зрѣлище: почти всѣ мужики, односельцы его, недѣли двѣ только и дѣлали, что пили на даровщину въ компаніи съ тоскующимъ богачомъ; а отъ него то и дѣло летали гонцы за двадцать верстъ въ село, въ ренсковой по-

гребъ,—сначала за водками, потомъ за наливками, а наконецъ—за мадерами и хересами. Пили и, въ то же время, за безцѣнокъ скупали у богача скотъ и лошадей, такъ какъ у него наличныхъ денегъ въ разгаръ гульбы не хватило; наконецъ, онъ заболѣлъ, и, только благодаря этому, у него уцѣлѣло около четвертой части скота и лошадей, бывшихъ до загула.

Итакъ, сибирякъ-крестьянинъ видитъ собственными глазами много случаевъ созиданія и разрушенія деревенскихъ состояній; мало того, онъ постоянно слышитъ о быстромъ созиданіи уже настоящихъ богатствъ, милліонныхъ, разными счастливцами, которымъ „пофартило" на золотѣ или на торговлѣ. Все это побуждаетъ его самого вылѣзать въ люди; а этотъ процессъ удобнѣе всего дѣлать, какъ извѣстно, опираясь на чужія плечи и спины. Отсюда полная готовность эксплуатировать всѣхъ и вся, что только попадается подъ руку; а недостатка въ матеріалѣ для эксплуатаціи въ Сибири не занимать стать,—такъ уже сложилась жизнь этой страны, служащей до сихъ поръ вмѣстилищемъ отбросовъ людского общества Европейской Россіи. Мало того, что въ Сибири имѣются инородцы, стоящіе въ умственномъ и культурномъ отношеніяхъ на нѣсколько ступеней ниже крестьянства, поэтому менѣе способные къ борьбѣ за существованіе, нежели это послѣднее, и поэтому представляющіе собою плодородную почву для культуры эксплуататорскихъ наклонностей мѣстныхъ крестьянъ, потомковъ завоевателей и поработителей Сибири, передававшихъ преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе основныя черты своего характера—страсть къ наживѣ, поклоненіе силѣ, безжалостность къ слабому,—мало этого: Россія и до-

нынѣ шлетъ въ Сибирь ежегодно по пятнадцати, двадцати тысячъ личностей, совершенно слабыхъ и не состоятельныхъ въ роли борцовъ за свое существованіе на поприщѣ общежитейскихъ экономическихъ отношеній и поэтому представляющихъ собою самый удобный матеріалъ для эксплуатаціи и для созиданія, при ихъ помощи, благополучія капиталистическихъ хозяйствъ. Въ этой-то роли, которую невольно играютъ ссыльно-поселенцы, пишущій эти строки склоненъ видѣть главнѣйшій вредъ ссылки по отношенію къ самой Сибири. Тѣ нравственныя несовершенства, которыя составляютъ характерную черту ссыльной массы и которыя принято считать за сильнѣйшее зло въ этомъ дѣлѣ (общее мѣсто: „ссылка даетъ Сибири людей *порочныхъ*, *развращающихъ* мѣстное населеніе"), въ дѣйствительности, не представляютъ собой чего-либо угрожающаго для коренного сибирскаго населенія, и безъ того воспитаннаго, какъ мы видѣли, въ школѣ жестокаго ко всему окружающему индивидуализма. Гораздо болѣе вреднымъ образомъ, хотя и въ скрытой формѣ, ссылка отзывается на коренныхъ сибирякахъ въ только что указанномъ смыслѣ: она доставляетъ имъ жирную почву для развитія ихъ эгоистическихъ наклонностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устрашая ихъ своей громадностью и непрерывно поставляя нѣкоторое количество рѣзко выраженныхъ антисоціальныхъ элементовъ, значительно притупляетъ въ мѣстномъ населеніи и безъ того недоразвитыя въ немъ альтруистическія чувства.

Таковы главнѣйшіе моменты, характеризующіе нравственную физіономію сибиряка. Довольно трудно, да и не къ чему утверждать, что намѣченный этими чертами типъ есть господствующій, въ численномъ отношеніи,

среди разновидностей этого типа: надо помнить, что Сибирь уже триста лѣтъ служила и нынѣ служитъ мѣстомъ встрѣчи самыхъ разнообразныхъ элементовъ русскаго общества, которые то по собственной, то по чужой волѣ шли „оживлять" далекія окраины царства русскаго; поэтому-то встрѣчающіеся здѣсь типы, какъ по внѣшнему облику, такъ и по нравственнымъ качествамъ и умственному развитію, крайне отличны другъ отъ друга. Здѣсь я попытался отобрать лишь наиболѣе типичныя черты характера кровнаго сибиряка, такія, которыя служатъ ему отличіемъ отъ недавнихъ пришельцевъ изъ Россіи, не успѣвшихъ еще осибирячиться. Далѣе, надо имѣть въ виду то обстоятельство, что какъ, напримѣръ, типы физіономій сибиряковъ весьма различны, въ зависимости отъ пропорціи той или другой крови, которыя смѣшивались при бракахъ ихъ предковъ,—такъ и внутренній складъ сибиряковъ варьируетъ въ значительной степени и тонируетъ на разные лады, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій семейственныхъ, общественныхъ, наконецъ, самой окружающей ихъ природы, мѣстныхъ промысловыхъ занятій и проч.: такъ, въ одномъ мѣстѣ сибирякъ болѣе молчаливъ, нелюдимъ и жестокъ, въ другомъ—менѣе; здѣсь—онъ равнодушнѣе относится къ богатству, тамъ—онъ спитъ и видитъ, какъ бы разжиться; въ торгово-промышленныхъ пунктахъ—онъ любознательнѣе и общительнѣе и поэтому болѣе уважаетъ грамоту; въ глуши же—онъ даже не понимаетъ, къ чему эта самая грамота ему послужить можетъ...

А если, за всѣмъ тѣмъ, нравственный обликъ восточно-сибирскаго крестьянина остается для читателя невыясненнымъ, то виною этому—не вполнѣ достаточное знаком-

ство автора съ домашнимъ строемъ жизни населенія описываемой мѣстности *). Нѣкоторыя дополнительныя черты этого характера будутъ, впрочемъ, даны въ послѣдующихъ очеркахъ.

*) По этой же причинѣ я не касаюсь освѣщенія вопросовъ о половой нравственности населенія, о бытовыхъ и правовыхъ отношеніяхъ членовъ семьи, о положеніи женщины: имѣющіеся въ моемъ распоряженіи матеріалы по этимъ вопросамъ довольно скудны, такъ какъ близко и непосредственно я этихъ явленій наблюдать не могъ, а говорить только съ чужихъ словъ — не входитъ въ мою задачу.

## IV.

## ОТБРОСЫ РОССІИ НА СИБИРСКОЙ ПОЧВѢ.

(ссыльно-поселенцы).

**Послѣдній этапъ.—На мѣста водворенія.—Экономическая безпомощность ссыльныхъ.—Назадъ, въ Россію, или въ тайгу.—Роль ссыльныхъ въ сибирской уголовной хроникѣ.—Виновны, но заслуживаютъ снисхожденія.—Расплата за грѣхи.**

При выѣздѣ изъ села X., у самаго тракта расположенъ „этапъ". Длинное деревянное, выкрашенное охрой одноэтажное зданіе, нѣсколько осѣвшее въ серединѣ, вслѣдствіе чего крыша даетъ вогнутую линію, оконца маленькія, квадратныя, съ вставленными желѣзными рѣшетками и повыбитыми стеклами,—таковъ этапъ съ фасада; вглубь его идутъ высокіе заборы, изъ за которыхъ, однако, виднѣются крыши внутреннихъ построекъ,—жилья этапнаго офицера, казармъ военной команды. Вся совокупность этихъ построекъ представляетъ собой нѣчто въ родѣ казачьей крѣпостцы старинныхъ временъ, того, что называлось „острожкомъ". По четыремъ угламъ этого мертвенно-мрачнаго сооруженія разставлены полосатыя будки часовыхъ; кругомъ зданія, на значительномъ пространствѣ — ни кустика, ни деревца: они мѣшали бы ловить и стрѣлять бѣглецовъ, которые рискнули бы перекинуться черезъ высокія стѣны на глазахъ у караула и искать

голодной воли въ сибирской тайгѣ. Нѣсколько поодаль отъ зданія устроена площадка, обнесенная легкою изгородью: здѣсь высятся какія-то странныя сооруженія, напоминающія возбужденной фантазіи зрителя рядъ висѣлицъ... Но нѣтъ, это не орудія казни, а мирныя приспособленія для обученія этапной команды гимнастикѣ: это только шесты, столбы, перекладины и лѣстницы, уже приходящія въ ветхость, ни разу не будучи употребленными въ дѣло. Исторія ихъ такова: кому-то изъ главныхъ начальниковъ пришла мысль распорядиться устройствомъ при каждомъ этапѣ „гимнастикъ", — и онѣ были, конечно, устроены, „во исполненіе приказанія"; но кому была охота ими пользоваться? Конечно не солдатикамъ, предпочитающимъ въ свободное отъ караульной службы время играть на гармоникѣ или въ „свои козыри" и въ стуколку, — и не этапному офицеру, страстному любителю игры въ „чертики", за которой онъ проводитъ по двое сутокъ безъ перерывовъ; и вотъ „гимнастики" выстроены, выкрашены и теперь мирно гніютъ, никому и ни на что не нужныя.

Внутренній видъ помѣщенія для пересылаемыхъ поражаетъ мерзостью запустѣнія: полутемный корридоръ, изъ него двери—въ двѣ большихъ камеры для мужчинъ и въ маленькую — для женщинъ; вездѣ грязь, соръ, запахъ гнили и прѣли; длинные ряды досчатыхъ наръ по стѣнамъ и посрединѣ камеръ сливаются въ дальнемъ концѣ помѣщеній съ вѣчно-царящимъ здѣсь сумракомъ; въ углу стоитъ вся избитая и какъ бы преждевременно одряхлѣвшая, кирпичная печка: глина съ известкой, которыми она была выбѣлена когда-то, отколупана и послужила для начертанія многочисленныхъ надписей и рисунковъ, пестрѣющихъ на стѣнахъ. Всмотритесь пристальнѣе въ

эти стѣны, и вы начнете различать не только рисунки, но и массу надписей, сдѣланныхъ другимъ способомъ: углемъ, карандашомъ, гвоздемъ; тутъ встрѣчаются и личныя обращенія къ кому-нибудь, долженствовавшему также побывать на этапѣ, и безличныя сообщенія о своей особѣ, и циничныя восклицанья и ругательства, и полныя грусти вздохи объ утерянномъ.—„Подожди, Михайло Кипень, доберусь!“ „Здѣсь прошелъ Иванъ-по-колѣно-Вода...“ „Братцы, поклонитесь въ Красноярскѣ Максиму-Прыткому отъ Безпалаго...“ „Прощай, Рассеюшка...“ „Мареутка стер.“... Много ихъ здѣсь, этихъ надписей! Въ скучный дождливый день, когда происходитъ дневка партіи, чтеніе ихъ составляетъ одно изъ главнѣйшихъ удовольствій для нея: какой-нибудь грамотей громко читаетъ ихъ, а цѣлая толпа ходитъ за нимъ, сопровождая каждую надпись комментаріями, догадками о личности писавшаго, взрывомъ хохота по поводу удачно примѣненнаго циничнаго ругательства; а потомъ кто-нибудь и изъ этой толпы надумается запечатлѣть свое здѣсь пребываніе на память грядущимъ этапнымъ партіямъ. Такъ составляются эти арестантскіе альбомы.

Сегодня на этапѣ хотя и людно, но не слышно гнетущаго звука кандаловъ: это идутъ не каторжные въ рудники нерчинскіе, а ссыльно-поселенческая партія, образованная въ Иркутскѣ изъ каторжныхъ, отбывшихъ срокъ, и разнаго другого люда, осужденнаго на поселеніе и на житье „въ мѣста болѣе отдаленныя“. До этого этапа они шли по главному тракту, въ сопровожденіи военнаго конвоя; теперь партіи предстоитъ свернуть на боковой трактъ, почти проселокъ, и—уже подъ конвоемъ сельскаго начальства и стражи изъ мѣстныхъ жителей—направляться въ Дальнюю волость, куда они назначены

на поселеніе. Партія чувствуетъ сейчасъ приливъ особенной бодрости: она переживаетъ переходный моментъ отъ каторги, тюремъ и этаповъ къ вольной жизни. Правда, ей предстоятъ еще десятка полтора переходовъ,—сначала подъ конвоемъ крестьянъ, потомъ „братскихъ" (бурятъ), потомъ опять крестьянъ,—прежде нежели она дойдетъ до мѣста назначенія; но весь этотъ конвой, вся эта строгость при пріемѣ партіи волостнымъ старшиною отъ этапнаго офицера — одна только комедія: партія знаетъ, что на двѣсти человѣкъ ссыльныхъ будетъ не болѣе десяти человѣкъ мужиковъ-конвоировъ, наполовину безоружныхъ, притомъ спустя рукава относящихся къ своимъ временнымъ обязанностямъ, которыми они тяготятся и за нерадѣніе къ которымъ они ничѣмъ не отвѣчаютъ. А потомъ пойдутъ „братскіе", просто-таки боящіеся буйной партіи, сплоченной корпоративнымъ духомъ, и надъ которыми начальствуютъ уже они, конвоируемые, требуя себѣ хорошей пищи, поднимая брань по поводу отведенныхъ для ночлега избъ, постоянно выставляя на видъ свое превосходство русскихъ людей, хотя бы и поселенцевъ, надъ некрещеною „тварью". Понятно, что при такихъ условіяхъ продолжаетъ идти къ мѣсту своего назначенія только тотъ, кто самъ этого желаетъ,—дойти и посмотрѣть новыя мѣста; а всѣ сколько-нибудь тяготящіеся этимъ опредѣленнымъ путешествіемъ и стремящіеся поскорѣе выбраться въ тайгу, на свою полную волю, подальше отъ глазъ даже конвоировъ-мужиковъ,—могутъ покинуть партію и уйдти въ сторону хотя бы съ перваго ночлега, попьянствовавъ на немъ для прощанія съ товарищами, или хоть со второго перехода. Такъ и дѣлаютъ старые, неисправимые бродяги: они чуть не открыто, на глазахъ у конвоировъ, про-

щаются съ партіей и, составивъ артели-товарищества, по-двое и по-трое уходятъ въ сторону отъ дороги, „въ кусты“.

Наконецъ, партія достигаетъ мѣста своего назначенія. Вотъ она толпится около волостного правленія, которое должно распредѣлить и приписать поселенцевъ по сельскимъ обществамъ волости. На пріемкѣ партіи присутствуетъ земскій засѣдатель; производится перекличка по статейнымъ спискамъ.

— Вы что жъ, канальи этакіе, дѣлаете? Васъ вѣдь 192 человѣка по статейнымъ спискамъ должно быть въ партіи, а дошло только 114!... Гдѣ же прочіе?...

— Не могимъ знать, ваше высокоблагородіе! Кажись, всѣ здѣсь, кому то-ись слѣдуетъ быть.

— Вотъ ракальи-то! „Всѣ“!.. Почти половина разбѣжалась!.. Вы то чего же шли? Ужъ за одно бы всѣмъ— айда, въ тайгу!..

— Это всегда успѣется, ваше высокоблагородіе; а мы, значитъ, расчитывали такъ, чтобы новыя мѣста, то-ись, посмотрѣть. Можетъ-быть, покажутся ладными, такъ пожить сколько-нибудь — съ нашимъ удовольствіемъ, поживемъ-съ! Отчегожъ и не пожить, хорошія ежели мѣста?..

— Ну, вотъ, извольте радоваться: они мѣста пришли смотрѣть!.. Въ родѣ какъ бы дачу нанимать пожаловали! Что съ такимъ народомъ прикажете дѣлать?

И энергично плюнувъ, засѣдатель уходитъ въ комнаты, а въ толпѣ поселенцевъ сообщаются другъ-другу впечатлѣнія, вынесенныя отъ первой встрѣчи съ мѣстнымъ начальствомъ; отзывы, въ общемъ, для него благопріятны: „ничего, баринъ покладистый: пошумѣть любитъ,—а ничего.“

А потомъ начинается распредѣленіе поселенцевъ по сельскимъ обществамъ. Волостныя правленія дѣйствуютъ въ этихъ случаяхъ произвольно и руководятся какими-то никому непонятными соображеніями, беря примѣръ съ губернской экспедиціи о ссыльныхъ, которая отправляетъ таковыхъ въ иную волость массами, такъ что ихъ приходится тамъ (на бумагѣ, конечно) на каждую крестьянскую душу мужского пола по двѣ души, и щадитъ другія волости, въ которыхъ относительное число ссыльныхъ даже менѣе установленной максимальной нормы ихъ (1 на 5 крестьянскихъ душъ). Такимъ же порядкомъ „распредѣляются“ ссыльные внутри волостей волостными правленіями, и въ результатѣ оказываются сельскія общества, въ которыхъ на каждую душу крестьянъ-старожиловъ приходится по 5—6 и болѣе душъ приписныхъ ссыльно-поселенцевъ, тогда какъ въ другихъ обществахъ имѣетъ мѣсто обратное числовое отношеніе этихъ двухъ группъ населенія. Такое страшное переполненіе цѣлыхъ волостей и отдѣльныхъ обществъ ссыльнымъ элементомъ возможно практиковать, конечно, только на бумагѣ: посылая новыя и новыя партіи въ волости или въ сельское общество, экспедиція—въ первомъ случаѣ и волостное правленіе—во второмъ—прекрасно знаютъ, что все это дѣлается только такъ, формы ради, что изъ ссыльныхъ, прежде приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ данной территоріи, не проживаетъ на мѣстѣ и пяти процентовъ, и что нарушеніе установленной закономъ нормы происходитъ только на бумагѣ, а въ дѣйствительности норма эта еще далеко не достигнута. Конечно, каждая партія, вскорѣ же по прибытіи своемъ въ волость, разсѣивается подобно дыму, оставивъ на мѣстѣ приписки лишь нѣсколькихъ человѣкъ, которые

желаютъ и которымъ удается такъ или иначе войти въ колею мѣстной экономической жизни; но тѣмъ не менѣе эти періодическія нашествія массъ празднаго и голоднаго люда на мѣстность, не могущую поглотить сразу значительнаго количества голыхъ рабочихъ рукъ, причиняютъ не малыя безпокойства мѣстнымъ крестьянскимъ обществамъ, чему подтвержденіемъ служатъ нерѣдко представляемые по начальству мірскіе приговоры съ ходатайствомъ „о прекращеніи приписки ссыльныхъ" къ такой-то волости, въ виду того, что они земледѣліемъ лично заняться — за отсутствіемъ средствъ—не могутъ, работы себѣ въ данной мѣстности не находятъ, ибо коренное населеніе само съ трудомъ перебивается, вслѣдствіе постигшаго его неурожая, и т. д. Замѣчу кстати, что я не знаю ни одного случая, когда подобнаго рода приговоръ былъ бы принятъ въ уваженіе.

Итакъ, партія ссыльно-поселенцевъ прибыла „къ мѣсту водворенія". Вы думаете, можетъ быть, что для нихъ подысканы кѣмъ-нибудь разныя занятія и заработки у частныхъ лицъ, или же имъ предложены будутъ ссуды и пособія для начатія собственнаго земледѣльческаго хозяйства или ремесленнаго производства, или же имъ предоставится право поступить на казенныя работы съ тѣмъ, чтобы составить себѣ изъ заработной платы нѣкоторый основной капиталъ, нужный для достиженія положенія самостоятельнаго производителя, или даже, что ихъ ожидаютъ готовыя жилища, сельскохозяйственный инвентарь въ особо-устроенныхъ для ссылаемыхъ колоніяхъ? Отнюдь нѣтъ: все попеченіе о ссыльномъ заключается въ томъ, что ему даютъ ночлегъ въ волостномъ селеніи впредь до распредѣленія партіи по обществамъ, а затѣмъ каждому предоставляется право идти

въ свое общество искать тамъ работы, или же, взявъ билетъ, отправиться искать заработковъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, или немедленно идти въ бѣга, или, наконецъ, начать рядъ преступленій для избѣжанія голодной смерти, а впрочемъ, если это ему угодно, не возбраняется предоставить себя въ полное распоряженіе этой послѣдней. Слѣдуетъ отмѣтить, что законъ (смотри Уставъ о ссыльныхъ) предусматриваетъ именно всѣ вышеприведенные виды пособія ссыльнымъ и мѣры къ прочному водворенію ихъ въ краѣ, который, долженъ стать для нихъ новымъ отечествомъ; но на практикѣ ни одно изъ этихъ благопожеланій закона не осуществляется, и ссыльные буквально предоставляются самимъ себѣ съ того самаго момента, когда имъ объявляется, что они приписаны къ такому-то сельскому обществу. Согласно предначертаніямъ закона существуютъ даже штаты особыхъ смотрителей за колоніями ссыльно-поселенцевъ, и штаты эти донынѣ числятся при губернскихъ правленіяхъ, но занимаются они какими-то младшими помощниками столоначальниковъ, соперничающими другъ съ другомъ изяществомъ разграфки безчисленныхъ „вѣдомостей о ссыльно-поселенцахъ за отчетный годъ“ и никогда своего клеенчатаго стула въ канцеляріи не покидающими.

Нѣтъ рѣшительно никакой возможности въ краткихъ словахъ изложить все хаотическое, невозможное состояніе дѣйствующей нынѣ системы ссылки въ Сибирь. Этому вопросу посвящено уже многое множество изслѣдованій, корреспонденцій, чиновничьихъ записокъ, докладовъ, даже страницъ отчетовъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, такъ что истина о ссылкѣ не составляетъ никакой тайны ни для криминалистовъ-юристовъ, ни даже для читающей публики. Какъ дважды два четыре

доказано и разъяснено, что въ нынѣшнемъ своемъ состояніи ссылка въ Сибирь: 1) не представляетъ собой карательной или предупредительной мѣры по отношенію къ преступнику, ибо тѣ матеріальныя и нравственныя лишенія, которымъ онъ подвергается, не предусматриваются уголовнымъ кодексомъ, а de facto ссыльный находится внѣ всякаго надзора и пользуется въ извѣстныхъ территоріальныхъ предѣлахъ всѣми правами свободнаго человѣка (хотя и лишеннаго гражданскихъ правъ), при весьма легкой возможности покинуть эту территорію по первому своему желанію; 2) что ссылка не представляетъ собою мѣры для исправленія ссылаемаго, не давая ему никакой возможности начать въ новомъ мѣстѣ и новую же жизнь, и 3) что въ настоящемъ ея видѣ ссылка составляетъ, говоря вообще, огромное зло для той несчастной территоріи, которая избрана быть мѣстомъ водворенія элементовъ, признанныхъ непригодными для общежитія на другихъ территоріяхъ. Тѣмъ не менѣе это зло продолжаетъ существовать; поэтому лишній разъ указать на него не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что почти все послѣдующее изложеніе условій быта ссыльныхъ составлено не на основаніи только книжныхъ матеріаловъ, а по личнымъ наблюденіямъ и разспросамъ.

По прибытіи партіи на мѣсто и по распредѣленіи ея на бумагѣ по сельскимъ обществамъ, она быстро распадается на двѣ группы: одна, меньшая, немедленно же уходитъ бродяжить, въ бѣга; другая, бо̀льшая, остается на мѣстѣ искать работы, или, на легальномъ основаніи, заручившись „билетомъ“, идетъ искать заработковъ по окрестнымъ селеніямъ и далѣе —нанимается на рыбные промыслы или золотые пріиски. Входящіе въ составъ

первой группы ссыльные являлись въ волостное правленіе исключительно ради того, чтобы заготовить себѣ такъ называемое „чистое мѣстечко", т. е. попасть въ списки причисленныхъ къ данной волости поселенцевъ, за которыми никакихъ новыхъ преступленій, кромѣ того, которое привело ихъ въ Сибирь, не значится. Такія „мѣста" могутъ впослѣдствіи сослужить бродягамъ, попавшимся въ руки властей, не малую службу; эти мѣста даже продаются собственниками ихъ разнымъ бродягамъ и бѣглымъ, совершившимъ новое преступленіе подъ своимъ именемъ: заручившись такимъ „мѣстомъ", т. е. будучи твердо увѣреннымъ, что въ такой-то волости значится безъ вѣсти отсутствующимъ „Иванъ Непомнящій 14-й", примѣты коего записаны въ статейномъ спискѣ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ („волоса русые, лицо чистое, глаза каріе, носъ, ротъ и подбородокъ обыкновенные") и за которымъ никакихъ новыхъ грѣховъ не значится,—преступникъ самъ объявляется гдѣ-нибудь начальству подъ новымъ именемъ, создаетъ какую-нибудь сказку о своихъ странствованіяхъ за время своего якобы отсутствія изъ волости и, отбывъ нѣкоторое наказаніе, водворяется на „прежнее" мѣсто жительства, гдѣ онъ въ дѣйствительности никогда не бывалъ. Тамъ „сличаютъ" его примѣты и вновь отпускаютъ его на всѣ четыре стороны, ибо доказать обманъ и подмѣнъ именъ никто изъ сельскаго начальства или мѣстныхъ крестьянъ не можетъ, такъ какъ никто не знаетъ въ лицо поселенцевъ, значащихся въ длинномъ спискѣ причисленными къ такому-то сельскому обществу. Такимъ образомъ, рецидивистъ избавляется отъ наказанія за новое преступленіе, искусно заметая за собою слѣдъ. Опытные люди увѣряютъ, что у иныхъ старыхъ бродягъ, изъ тѣхъ,

которые не останавливаются передъ совершеніемъ новыхъ и новыхъ преступленій, имѣются такія „чистыя мѣста“ непремѣнно въ нѣсколькихъ волостяхъ различныхъ округовъ губерніи, которыми они и пользуются періодически, при нынѣшней поимкѣ называясь „Иваномъ 40 лѣтъ изъ Яндинской волости“, при завтрашней — уже „Петромъ Безроднымъ изъ Оекской волости“, и т. д.

Есть группа довольно мирныхъ бродягъ и есть бродяги-преступники. Первые также распадаются на двѣ подгруппы: одна задается цѣлью добраться до Россіи, повидать родину и, питаясь этой платонической надеждой, мирно, тихо и даже приниженно двигается съ востока на западъ, держась преимущественно обычной бродяжьей дорожки, на значительномъ протяженіи своемъ, впрочемъ, совпадающей съ московскимъ трактомъ, который соединяетъ Иркутскъ съ Томскомъ и далѣе съ Европейской Россіей. Этимъ переселенцамъ съ востока на западъ, въ числѣ коихъ много и бѣглыхъ каторжниковъ, невыгодно становиться во враждебныя къ мѣстному населенію отношенія, ибо только при его пассивной или даже активной помощи, — выражающейся въ снабженіи бродягъ пищей, въ предоставленіи имъ средствъ переправы черезъ рѣки, и т. п.,—они могутъ нѣкоторое время двигаться въ желательномъ для нихъ направленіи.

Въ лѣтнее время, на пути отъ Томска къ Иркутску, проѣзжій нерѣдко встрѣчаетъ пѣшеходовъ, идущихъ по-одному и по-двое, рѣдко по-трое. Заслышавъ звонъ колокольчика, пѣшеходы становятся скромно къ одной сторонѣ дороги и смиренно снимаютъ шапки, кланяясь въ поясъ проѣзжающему, иногда приговаривая: „пожертвуйте, господинъ добрый, на пропитаніе!“ Неопытный новичокъ, напуганный разсказами о Сибири люби-

телей сильныхъ ощущеній, хватается за револьверъ и подозрительно посматриваетъ и на просящихъ, и на ямщика, — на послѣдняго потому, что, онъ, поровнявшись съ бродягами, задерживаетъ нѣсколько бѣгъ коней. „Пошелъ, чего сталъ!“ — кричитъ нервнымъ голосомъ трусящій новичокъ; ямщикъ молча тряхнетъ головой, потомъ ухнетъ на тройку, и новичокъ со вздохомъ облегченія откидывается вглубь тарантаса. Не такъ поступаетъ бывалый и сердобольный проѣзжающій: онъ быстро вынимаетъ мѣдную или серебряную монету и кидаетъ или даетъ ее изъ рукъ въ руки кому-нибудь изъ просящихъ. „Бродяжки будете?“—спрашиваетъ онъ, больше отъ дорожной скуки, ибо въ томъ, что просители не кто иные, какъ бродяги или бѣглые съ каторги, не можетъ быть и сомнѣнія: вся ихъ фигура, сѣрая, запыленная, измученная, отсутствіе полновѣсной котомки за плечами и непремѣнная наличность желѣзнаго ведерка-котелка у пояса свидѣтельствуютъ объ ихъ принадлежности къ этому классу сибирскихъ путешественниковъ. „Такъ точно, ваше высокородіе“, — отвѣчаютъ они. Ямщикъ весело ухаетъ, и всѣ разстаются довольными другъ другомъ. Случается, что съ просьбой о милостынѣ бродяги обращаются къ проѣзжающему начальству, — засѣдателю, исправнику, не понявъ знаковъ и гиканья ямщика; въ такихъ случаяхъ начальство дѣлаетъ видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ, или же только молча погрозитъ пальцемъ дерзостнымъ просителямъ; а случается, увѣряютъ ямщики, что даетъ пятачокъ, не спрашивая однако о званіи и состояніи пѣшехода, чтобы не надѣлать себѣ напрасныхъ хлопотъ.

Здѣсь, въ предѣлахъ Восточной Сибири, отношенія между бродягами, съ одной стороны, и обществомъ, въ

составъ коего входитъ и начальство, и населеніе, и ямщики съ проѣзжающими—съ другой, обоснованы на почвѣ молчаливаго обоюднаго соглашенія. Общество чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы успѣшно бороться съ нарушителями соціальныхъ началъ; бродяги сознаютъ за собой силу и возможность страшно мстить обществу за обиды и притѣсненія, если бы они были имъ причинены, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимаютъ, что безъ людей на свѣтѣ не проживешь и „до Рассеи" не дойдешь. Осѣдлое населеніе понимаетъ, что если не дать бродягѣ добровольно подаянія, то онъ возьметъ нужное ему насильно и въ гораздо большемъ количествѣ; что если виновнаго удастся поймать и предать властямъ или лично съ нимъ раздѣлаться, то бродяжное товарищество отомститъ жестоко за своего пострадавшаго сочлена. Начальство понимаетъ, что, при рѣдкости населенія и при годами сложившемся взглядѣ его на бродяжій вопросъ, всякая попытка вступить въ серьезную борьбу съ этимъ явленіемъ должна кончиться неудачей; ямщикъ понимаетъ, что лучше оказать бродягамъ услугу, давъ имъ время попросить у проѣзжаго подаяніе, нежели на обратномъ пути, во время сна, лишиться шлеи съ лошади или другой принадлежности сбруи; опытный проѣзжающій также понимаетъ, что гораздо пріятнѣе встрѣчать бродягъ, кланяющихся въ поясъ, чѣмъ имѣть съ ними дѣло, когда они голодны, ожесточены и готовы поставить жизнь на карту. Все это дѣлается, конечно, на почвѣ личнаго самосохраненія; какихъ-либо сентиментальныхъ отношеній съ той или другой стороны и быть не можетъ, ибо между этими сторонами ведется глухая, но вѣчная борьба имущихъ съ неимущими, сытыхъ съ голодными. Пишущему эти строки что-то не приходилось

слышать о какихъ-либо сентиментальныхъ чувствахъ отъ мѣстныхъ крестьянъ къ „несчастнымъ" или лично наблюдать проявленія этихъ чувствъ. Да ихъ здѣсь и не называютъ „несчастными": они извѣстны подъ именемъ „рестантовъ", когда идутъ по этапу на востокъ, и когда этимъ партіямъ пища и питье не подаются, а продаются, и далеко не безвыгодно (въ каждомъ притрактовомъ селеніи имѣются спеціалистки-торговки, почти только и живущія торговлей хлѣбомъ, картофелемъ и проч. на этапахъ и привалахъ); ихъ называютъ „посельщиками", „поселенцами" и „варнаками", когда они живутъ осѣдло, въ качествѣ ссыльныхъ; и они дѣлаются „лодырями-бродягами", „шатунами" или, въ лучшемъ случаѣ, „бродяжками", когда вздумаютъ по своей охотѣ идти съ востока на западъ. Они идутъ своей дорогой, никого не трогая, и ихъ никто не трогаетъ; попросятъ хлѣба — даютъ, у кого онъ есть (но о существующемъ будто бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обычаѣ выставлять на ночь за окно хлѣбъ и квасъ для бродягъ—никогда здѣсь не приходилось слышать); попросятся обогрѣться въ избу — пускаютъ неохотно или направляютъ на мірскую сборню, которая на ночь, осенью или зимою, обращается поэтому въ подобіе страннопріимнаго дома. Но чуть одна изъ сторонъ подастъ поводъ къ войнѣ, какъ она немедленно же возгарается безъ всякихъ признаковъ сентиментальности съ той или другой стороны. Такъ, напр., еще сравнительно недавно произошелъ такой случай.

Бѣглые, или бродяги, направляющіеся изъ той части Сибири, которая лежитъ за оз. Байкаломъ, идутъ въ предѣлахъ Иркутской губерніи двумя путями — сѣвернымъ и южнымъ; послѣдній таковъ: Байкалъ обходятъ по малолюдному кругобайкальскому тракту, огибающему

озеро съ юга, доходятъ по немъ до деревни Мотской и здѣсь переправляются черезъ р. Иркутъ, свертывая съ тракта верстахъ въ 50-ти отъ Иркутска, черезъ который проходить, конечно, небезопасно. Далѣе путешественники идутъ едва проложенными проселками и верховыми тропками черезъ тайгу, почти въ прямомъ направленіи на Бѣльскую волость Балаганскаго округа, гдѣ опять начинаются густо населенныя мѣста; тутъ путь бѣглыхъ развѣтвляется по нѣсколькимъ проселкамъ, выходящимъ на московскій трактъ въ предѣлахъ Черемховской и Заларинской волостей. По этому московскому тракту они и идутъ, изрѣдка сворачивая въ обходъ городовъ и большихъ селеній.

Переправа черезъ рѣку Иркутъ близъ деревни Мотской представляетъ собой одинъ изъ важныхъ моментовъ странствованія бродягъ: черезъ эту бурливую и широкую рѣку брода не существуетъ, парома или плашкота не устроено (черезъ другія большія рѣки содержатели перевозовъ переправляютъ этихъ странниковъ безвозмездно, во избѣжаніе различныхъ нежелательныхъ съ ними столкновеній, могущихъ кончиться печально для перевоза: въ темную ночь вдругъ окажется перерѣзаннымъ канатъ, или днище у лодокъ прорубленнымъ); такимъ образомъ, бродягамъ приходится пользоваться лодками мотскихъ жителей, или же устраивать себѣ плоты, — но послѣднее и затруднительно, и мѣшкотно, и опасно. Много десятилѣтій существовало между обѣими сторонами молчаливое соглашеніе: сотни бродягъ, проходившихъ черезъ Моты, не причиняли жителямъ ни малѣйшаго огорченія, не производили ни одной кражи, — только очень ужъ оголодавшіе рѣшались просить подъ окномъ кусокъ хлѣба. За это доброе свое

поведенiе они считали себя въ правѣ пользоваться лодками жителей для переправы черезъ рѣку; переѣхавъ на тотъ берегъ, они оставляли лодки тутъ же, почти противъ деревни, не угоняя ихъ далеко по теченiю. Такъ мотцы и знали: если одной или нѣсколькихъ лодокъ не оказывалось поутру на своемъ мѣстѣ, то хозяева переправлялись на тотъ берегъ и, найдя ихъ тамъ, буксировали обратно.

Но вотъ одинъ изъ бывшихъ крупныхъ администраторовъ случайно узналъ о существованiи этого негласнаго перевоза бродягъ и издалъ строжайшiй приказъ о ловлѣ ихъ мѣстными жителями, при чемъ, для поощренiя ловцовъ, объявилъ награду въ три рубля за каждаго пойманнаго и представленнаго въ волостное правленiе странника. Съ одной стороны, строгость приказанiя начальства, а съ другой — обѣщанная награда побудили мотцевъ, народъ довольно бѣдный *), схватить нѣкоторыхъ попавшихся на глаза бродягъ и поступить съ ними, какъ было приказано; но вскорѣ же мотцамъ пришлось дорого поплатиться за свое легкомыслiе: бродяги стали мстить за устраиваемыя имъ засады. Нѣсколько коровъ было зарѣзано на выгонѣ, два - три овина сгорѣло по „неизвѣстной причинѣ", днища у многихъ лодокъ оказались прорубленными, и т. д. Мотцы взвыли отъ страха и объявили начальству, что ловить бродягъ несогласны, что имъ легче бросить свое селенiе и перебраться на другое мѣсто, нежели враждовать съ сплоченнымъ товариществомъ сибирскихъ странни-

*) Селенiе это расположено среди каменистыхъ горъ и тайги; пашни—весьма мало; живутъ лѣсными и дровяными промыслами, рыбной ловлей, охотой.

ковъ,—и начальству пришлось еще разъ убѣдиться въ невозможности борьбы съ товариществомъ, при нынѣшнихъ условіяхъ мѣстной жизни.

Такова первая подгруппа мирныхъ бродягъ, идущихъ въ одномъ направленіи, къ довольно опредѣленной цѣли—въ „Рассею-матушку“. Другая подгруппа состоитъ изъ ссыльно-поселенцевъ и бѣглыхъ каторжниковъ, не преслѣдующихъ какихъ-либо строго опредѣленныхъ цѣлей въ своихъ шатаніяхъ по Сибири: это—бродяги по призванію, шатающіеся по тайгѣ, по глухимъ мѣстностямъ, изъ любви къ самому процессу шатанія, къ вольной жизни въ лѣсахъ, гдѣ они переносятъ подчасъ крайнія лишенія, подвергаются страшнѣйшимъ опасностямъ со стороны хищныхъ звѣрей и людей, не менѣе хищныхъ, но болѣе жестокихъ, но гдѣ они не знаютъ подневольнаго труда на каторгѣ или скучной работы на „желторотаго челдона“—сибирскаго крестьянина, вперемежку съ голодовками. Таежная жизнь бѣглыхъ и бродягъ, какъ идущихъ къ опредѣленному направленію, такъ и тѣхъ, которыхъ ароматъ весны и кукованье сѣрой пташки неудержимо влекутъ въ тайгу изъ зимнихъ жилищъ, будь то казармы каторги, или усадьба хозяина-сибиряка, и которые идутъ вкусить отъ прелестей вольной жизни въ лѣсахъ безъ какой-либо другой, болѣе практической цѣли, — эта жизнь и ея обстановка были уже не разъ правдиво и образно представляемы въ нашей беллетристикѣ, такъ что новое изображеніе ея, обоснованное притомъ не на личномъ знакомствѣ съ нею, а только на слухахъ, было бы совершенно излишне.

Но вотъ проходитъ жаркое сибирское лѣто, промелькнула и короткая осень, воцаряется на шесть мѣсяцевъ лютая зима съ ея 30—40-градусными морозами, быстро

исчезаютъ прелести таежной жизни еще осенью, когда сильные утренники жестоко даютъ себя знать людямъ, не имѣющимъ теплой одежды и живущимъ въ шалашахъ изъ нѣсколькихъ срубленныхъ жердей, покрытыхъ кусками коры лиственницы; умолкаетъ и хмурится, засыпая на шесть мѣсяцевъ, тайга, улетѣли перелетныя птицы, отошли ягоды и грибы,—всего лишается лѣсной бродяга, что красило его жизнь и давало ему средства вести эту жизнь. Голодъ и особенно холодъ надвигаются на него все болѣе угрожающимъ образомъ, заставляя думать о близкомъ моментѣ прощанія съ вольной жизнью дикарей и о возвращеніи въ лоно культуры и цивилизаціи. Хмурится бродяга, но терпитъ стойко холодъ и голодъ, стараясь по-возможности отдалить минуты прощанья съ самостоятельной, гордой въ сознаніи своей независимости, жизнью. Но вотъ первая снѣжная метель или морозъ, настоящій морозъ, затягивающій стоячія воды толстой корой льда. Надо идти: жизнь и бродягѣ дорога, смерть въ глухой тайгѣ и бѣглаго каторжника страшитъ.

Онъ въ послѣдній разъ окидываетъ тусклымъ, унылымъ взглядомъ покидаемое имъ царство, и она, эта угрюмая, готовящаяся къ зимней спячкѣ тайга въ мигъ прощанія становится къ нему какъ-будто ласковѣе, любовнѣе: „приходи опять на весну, мы будемъ ждать тебя!“—шумятъ оголенныя вершины деревъ, и эта надежда—на будущую весну, при первыхъ проблескахъ жизни въ покидаемомъ царствѣ, вновь явиться сюда, чтобы вновь начать заманчивую жизнь свободнаго человѣка,—эта надежда придаетъ бодрость бродягѣ, и онъ смѣло идетъ... изъ дикой тайги къ человѣческому жилью. Его, лѣсного жителя, узнаютъ съ перваго взгляда. Не только работы, но и пріюта ему не найдти нигдѣ въ жилыхъ домахъ: его боятся пус-

тить въ домъ; къ тому же онъ, непривычный къ упорной, непоэтичной работѣ, да еще въ это безрабочее время, дѣйствительно никому ненуженъ. Кое-какъ питаясь подаяніями, онъ все ближе подвигается къ центрамъ культурной жизни, и когда лютая зима вступаетъ въ свои права, когда ужѐ пятиверстный переходъ въ костюмѣ бродяги представляетъ много риска застыть среди поля и обратиться въ ледяную массу, — тогда — вотъ они, эти центры: волостное правленіе или квартира земскаго засѣдателя. „Пришелъ явку о себѣ подать: бродяга Иванъ Непомнящій.“ — „Экъ васъ носитъ! Видно не сладко въ тайгѣ стало?.. Это ужъ пятый сегодня: извольте радоваться,—пятый протоколъ писать!“— злится начальство, которому приходится производить новое дознаніе и затѣмъ поступить съ явившимся „по закону“. А болѣе мелкое начальство, засѣдающее въ сельскихъ управленіяхъ, — это не рѣдко даетъ Ивану хлѣба и проситъ его честью „проходить своей дорогой и сдѣлать заявку въ другомъ мѣстѣ“. Наконецъ, приняли, посадили куда слѣдуетъ; значитъ — есть теплый уголъ и кусокъ казеннаго хлѣба: зиму какъ-нибудь прозимовать можно...

Что существующія въ Восточной Сибири и здѣсь изложенныя отношенія сельскаго населенія къ бродяжному и бѣглому ссыльно-поселенческому элементу обоснованы отнюдь не на какомъ-либо особомъ сочувствіи къ нему, и что отношенія эти сложились такъ, а не иначе, исключительно въ силу мѣстныхъ условій, въ числѣ коихъ главную роль играетъ рѣдкость осѣдлаго населенія, т.-е. его недостаточная численность,—это подверждается косвенно слѣдующимъ фактомъ: въ пріуральскихъ мѣстностяхъ Западной Сибири, гдѣ населеніе уже болѣе густое, къ

бродягамъ и бѣднымъ относятся именно какъ къ таковымъ,—какъ къ противникамъ существующаго соціальнаго и экономическаго строя. Ихъ охотно ловятъ и представляютъ по начальству, не боясь мести со стороны „товарищества“: это послѣднее здѣсь уже безсильно сколько-нибудь успѣшно бороться съ густымъ и увѣреннымъ въ своей силѣ населеніемъ. Здѣсь и начальство, увѣренное въ успѣхѣ своихъ предначертаній, требуетъ отъ общества ревностнаго содѣйствія „въ борьбѣ съ соціальнымъ зломъ“; и поэтому-то странники, тянущіе на западъ, становятся совсѣмъ робкими и тихими, разъ они ступятъ на почву той части Западной Сибири, которая лежитъ за Иртышемъ. Ихъ увѣренность въ себѣ, въ своемъ значеніи и силѣ пропадаетъ; они не смѣютъ уже идти по тракту, а пробираются глухими тропками; они, терзаемые голодомъ, не рѣшаются подойти къ окну просить подаянія, какъ это они дѣлывали въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ. Въ зависимости отъ этого, какъ слышно, въ Западной Сибири наблюдается больше „шалостей“ бродягъ, т.-е. мелкихъ кражъ, и даже больше крупныхъ преступленій — грабежей, убійствъ. Это уже открыто воюющія стороны, потому что молчаливыхъ соглашеній на почвѣ компромиссовъ здѣсь нѣтъ; а разъ это война, такъ надъ пріемами военныхъ дѣйствій раздумывать ужъ не приходится.

Такова группа мирныхъ бродягъ; въ числѣ ихъ, наряду съ бѣглыми каторжниками, не мало и ссыльно-поселенцевъ, по поводу которыхъ собственно и заведена была эта рѣчь.

Само собой разумѣется, что въ массѣ ссылаемаго на поселеніе люда оказываются и такія личности, которыя уходятъ съ мѣста своего поселенія не изъ тоски по

родинѣ и не ради вольной таежной жизни, а съ болѣе опредѣленными цѣлями—съ намѣреніемъ жить за счетъ другихъ, не останавливаясь передъ препятствіями въ дѣлѣ добыванія себѣ не одного только хлѣба, но и средствъ на разгулъ, на пьянство. Новичкамъ, ѣдущимъ впервые по сибирскимъ трактамъ, опытные люди совѣтуютъ не привязывать вещей къ задку тарантаса: „срѣжутъ“, говорятъ они; и если кто-нибудь не послушается этого совѣта или, по крайней мѣрѣ, не прикрѣпитъ „мѣсто“, т.-е. тюкъ или ящикъ, желѣзною цѣпью, тотъ почти навѣрно будетъ горько каяться въ своей неразсудительности, потому что въ какую-нибудь темную ночь изъ-подъ моста вынырнетъ незамѣтно для ямщика и сѣдока темная фигура и острымъ ножемъ перерѣжетъ веревки, которыми привязано „мѣсто“. Все сдѣлается такъ тихо и аккуратно, что проѣзжающій только развѣ на слѣдующей станціи замѣтитъ пропажу и подыметъ безполезный вопль, — безполезный потому, что случаи нахожденія вещей обратно весьма рѣдки. Рыцари большой дороги — это не тѣ смиренные бродяги, которыхъ вы встрѣчаете днемъ на тракту съ шапкою въ рукахъ, или огоньки которыхъ въ сторонѣ отъ тракта вы замѣчаете ночной порою; если бы такой бродяга и вздумалъ срѣзать у проѣзжающаго чемоданъ, то оказался бы въ большомъ затрудненіи, какъ съ нимъ поступать дальше: куда его несть, кому его сбыть. Срѣзываютъ же чемоданы спеціалисты своего дѣла, у которыхъ имѣются тѣсныя связи съ осѣдлымъ населеніемъ, стоящимъ внѣ постояннаго преслѣдованія и подозрѣнія.

Бѣглые каторжники и поселенцы представляютъ собою обыкновенно лишь орудія преступленій: головой, направляющей ихъ дѣйствія, бываетъ какой-нибудь ува-

жаемый крестьянинъ-земледѣлецъ, имѣющій нѣсколько заимокъ, гдѣ эти бѣглые могутъ скрываться, имѣющій лошадей, на которыхъ можно быстро переправлять добычу за сотни верстъ къ другому почтенному обывателю, обыкновенно — торговцу, а ужъ тотъ занимается постепенной реализаціей и распредѣленіемъ добытыхъ цѣнностей. Украсть, ограбить кого-нибудь—не мудрая задача; гораздо сложнѣе и труднѣе сбывать краденое и награбленное, а это вовсе не подъ силу нелегальному, укрывающемуся отъ людскихъ глазъ бродяжему поселенческому элементу. Поэтому организація этого „промысла" всегда довольно сложна и никогда не обходится безъ ближайшаго участія со стороны индивидуалистовъ изъ числа крестьянъ, старающихся достичь личнаго благополучія какимъ бы то ни было путемъ, и о коихъ уже шла рѣчь выше. Эти укрыватели и сбытчики рѣдко чѣмъ рискуютъ, ибо все у нихъ бываетъ шито-крыто; много-много если ихъ когда-нибудь попугаютъ слѣдствіемъ и принудятъ дать „отступнаго" одну или нѣсколько „катеринокъ", смотря по важности стоящаго на очереди дѣла. Попадаются въ руки властей или, что еще хуже для нихъ, въ руки непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ только исполнители черныхъ работъ въ грабительскомъ промыслѣ. „Либо добыть, либо дома не быть",—говорятъ эти послѣдніе, весьма мѣтко характеризуя этимъ опасность своего дѣла; особенно велика эта опасность для нихъ при нападеніяхъ на обозы, слѣдующіе по тракту. Предпріятія эти организуются такъ.

Обозы, движущіеся между Томскомъ и Иркутскомъ и обратно, бываютъ или „конные" или „безконные". Первые—это такіе, которые идутъ весь путь на однихъ и тѣхъ же коняхъ; подрядчиками по такого рода перевозкѣ

товаровъ бываютъ обыкновенно крупные хозяева, имѣющіе по пятидесяти и болѣе лошадей. „Безконные“ — это обозы, идущіе на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ лишь по небольшимъ участкамъ тракта,—по двѣ, по три сотни верстъ, рѣдко болѣе. Подъ такіе обозы нанимаются мѣстные притрактовые крестьяне, довозятъ товары до извѣстнаго пункта, а тамъ онъ нагружается на новые воза уже новыхъ, мѣстныхъ же, извозчиковъ, которые везутъ его далѣе, опять до новаго условленнаго пункта. Въ томъ и другомъ случаѣ на одного ямщика-извозчика обыкновенно приходится по четыре и по пяти возовъ: большее число ямщиковъ удорожило бы стоимость доставки. Для наблюденія за цѣлостью обозовъ при каждомъ изъ нихъ бываетъ объѣздчикъ, который верхомъ то перегоняетъ воза, то пропускаетъ ихъ мимо себя; но кромѣ того, каждый обозный ямщикъ—все равно, въ конномъ ли или безконномъ обозѣ — бываетъ вооруженъ топоромъ, иногда и револьверомъ и всегда—кистенемъ. Это послѣднее оружіе состоитъ изъ крѣпкой палки, аршина въ полтора длиною, къ одному концу которой прикрѣплена желѣзная цѣпь вершковъ восьми, оканчивающаяся желѣзной же фунтовой гирей. Ударъ, нанесенный съ размаха подобнымъ кистенемъ, бываетъ ужасенъ: имъ можно сразу пробить черепъ или изувѣчить грудь, перешибить руку. Ямщики довѣряются кистеню больше, чѣмъ топору и револьверу, и поэтому въ передкѣ каждаго воза, на которомъ устроена „бесѣдка“ для ямщика (остальные 3 — 4 воза, находящіеся подъ его наблюденіемъ, не имѣютъ „бесѣдокъ“, т.-е. маленькихъ кибиточекъ), всегда стоитъ наготовѣ кистень.

Вотъ, зимнимъ путемъ, движется обозъ. Лошади идутъ тихимъ, выработавшимся у нихъ шагомъ; станокъ боль-

шой, ночь темна, рѣзкій вѣтеръ заставляетъ прятаться въ „бесѣдку", обмерзшія вѣки такъ и слипаются,—и отъ всего этого неудержимо клонитъ ко сну ямщика. Изрѣдка доносится до его слуха окрикъ товарищей съ переднихъ и заднихъ возовъ—„посматривай!" Онъ на минуту перестаетъ дремать и въ отвѣтъ даетъ такой же протяжный откликъ. Но вотъ пологій подъемъ на гору или, по мѣстному—„тенигусъ" (тянетъ гужъ); обозъ все болѣе и болѣе растягивается, — лошади идутъ вразбродъ, каждая по своему вкусу выбирая дорогу; нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются, задерживая заднихъ; объѣздчикъ ускоренно гоняетъ взадъ и впередъ вдоль обоза, но повсюду ему не поспѣть: обозъ идетъ на шестидесяти коняхъ и растянулся сажень на триста.—Посматривай!—кричитъ объѣздчикъ ямщикамъ, но ему отвѣчаетъ только ближайшій, передній ямщикъ, на „бесѣдкѣ" котораго свѣтится зажженный фонарь. „Ахъ, черти,—нашли время, когда спать!"—ругается объѣздчикъ и труситъ на своей замученной сивкѣ навстрѣчу обозу, ежеминутно увязая по колѣно лошади въ снѣгу, потому что приходится давать дорогу возамъ.

Въ это время изъ канавы поднимаются двѣ бѣлыхъ фигуры; ихъ можно разглядѣть, развѣ подойдя къ нимъ вплотную,—такъ сливаются ихъ очертанія съ бѣлесоватымъ сумракомъ ночи. Быстро бросаются они къ одному изъ возовъ, на которомъ нѣтъ ямщика, и ловкимъ взмахомъ ножа перерѣзаютъ веревки; черезъ нѣсколько секундъ „мѣсто" чаю, т.-е. цибикъ, или „мѣсто" товара сваливается съ воза въ рыхлый снѣгъ, забрасывается двумя-тремя пригоршнями его,—и все кончено: опять исчезли фигуры, такъ же мирно идутъ лошади вразбродъ и такъ же сонно покрикиваютъ свое „посматри-

ва-ай" ямщики, не чуя бѣды... „Мѣсто" стоитъ 250—300 рублей, иногда дороже, такъ что на лошадь убытку придется рублей по пяти; а если такихъ покражъ случилось за дорогу двѣ - три, или если грабителямъ удастся выхватить изъ обоза и завесть въ лѣсъ лошадь съ цѣлымъ возомъ (что также случается, особенно при сутолкѣ разъѣзда двухъ встрѣчныхъ обозовъ), то отъ пути останется не барышъ, а убытокъ, и хорошо, если домой ямщикъ вернется, послѣ расчета съ хозяиномъ, со всѣми лошадьми, съ которыми выѣхалъ изъ двора; а то бываетъ, что иной и не досчитается которой - нибудь изъ своихъ лошадокъ, пошедшей на расплату съ хозяиномъ или подрядчикомъ. Удастся грабителямъ отлежаться въ канавѣ, въ своихъ бѣлымъ холстомъ обтянутыхъ полушубкахъ, — ихъ счастье; если же на грѣхъ ихъ замѣтятъ...

— Здорово имъ, вѣрно, достается отъ васъ?—спрашивалъ я одного крестьянина, нерѣдко ходившаго въ извозъ.

— Объ этомъ, баринъ, не спрашивайте. Про то знаютъ только тѣ, кто самъ при этихъ дѣлахъ бывалъ; а болтать про это некому...

И вѣрно, что — некому, потому что кистень промаху не даетъ, и разъ попавшіеся ямщикамъ грабители дѣлаются нѣмы навѣки, а сами ямщики, конечно, держатъ языкъ за зубами относительно этихъ „дѣловъ"...

Но также не мало нѣмыхъ свидѣтелей дѣяній и грабителей изъ числа поселенцевъ - преступниковъ и бѣглыхъ каторжныхъ разставлено по большимъ дорогамъ, особенно въ окрестностяхъ Иркутска. По какому бы тракту вы изъ него ни выѣхали, вамъ непремѣнно встрѣтятся на первыхъ двухъ-трехъ станкахъ эти нѣмые сви-

дѣтели кровавыхъ расправъ обездоленнаго, загнаннаго и отвергнутаго обществомъ человѣка-звѣря съ отдѣльными членами этого общества, имѣвшими несчастіе попасть въ руки своего врага въ дурной часъ. Стоятъ эти свидѣтели—одни близъ самаго полотна дороги, другіе—въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, гдѣ-нибудь въ кустахъ, одни уже дряхлые, другіе—совсѣмъ юные, и напоминаютъ, что здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ водружены эти простые деревянные кресты, происходила когда-то кровавая драма: слышался предсмертный вопль или стонъ беззащитной жертвы, и въ то время, какъ одна рука нападавшаго еще продолжала наносить ей послѣдніе удары, другая уже шарила по карманамъ, отыскивая скудные гроши... Вотъ здѣсь убита женщина-богомолка, шедшая поклониться въ Иркутскъ св. Иннокентію; тутъ разстался съ жизнью обратный ямщикъ, заснувшій на свою бѣду и никогда уже больше не просыпавшійся; тутъ убитъ крестьянинъ, возвращавшійся съ базара; а тутъ погребено найденное тѣло убитаго „неизвѣстнаго званія“ человѣка... Все это—и многое еще другое разскажетъ вамъ любой ямщикъ изъ старожиловъ, если вы съумѣете съ нимъ разговориться. Но не думайте, чтобъ окрестности Иркутска были какими-нибудь постоянными разбойничьими притонами: нѣтъ, убійства здѣсь совершаются не часто, не чаще, чѣмъ гдѣ-либо подъ Москвой (конечно, безъ сопоставленія числа жителей въ этихъ городахъ), два-три въ годъ, рѣдко больше, а случается—и за весь годъ ни объ одномъ не услышишь. Но обстановка, при которой они совершаются, кажется иногда слишкомъ ужасной, по своей несложности и откровенности... Среди бѣлаго дня, въ какихъ-нибудь шести верстахъ отъ города, останавливаютъ

четыре воза съ мукой, отправленные крестьяниномъ въ городъ съ работникомъ; этого послѣдняго убиваютъ кистенемъ, дѣвочку—дочь хозяина, ѣхавшую на возахъ же, душатъ, тѣла оттаскиваютъ на нѣсколько шаговъ въ сторону отъ дороги, а лошадей съ возами отводятъ сажень за сто въ лѣсъ, чтобы ночью придти за ними и направить ихъ въ надежное мѣсто, которымъ можетъ быть, въ данномъ случаѣ, только тотъ же городъ... Или среди бѣлаго же дня пробуютъ остановить телѣгу съ крестьяниномъ, возвращающимся изъ города, и когда лошадь, послушная хозяйскому окрику, пускается вскачь, отбросивъ одного изъ грабителей въ сторону, то другой вслѣдъ спасающейся жертвѣ даетъ нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ: двѣ пули дѣлаютъ свое дѣло, и въ ближайшее село лошадь привозитъ своего хозяина уже почти бездыханнымъ.

Вообще очень крѣпкіе нервы должны быть у поселенцевъ, пускающихся въ уголовщину. Нужны ли примѣры?

Вотъ въ одной деревнѣ указываютъ пустое усадебное мѣсто: здѣсь лѣтъ двадцать назадъ „людоѣдъ“ жилъ, изъ черкесовъ, поселенецъ. Заходятъ разъ къ нему въ избу двое крестьянъ,—его дома нѣтъ, смотрятъ—подъ лавкой мертвый человѣкъ лежитъ... А парнишка лѣтъ четырехъ и говоритъ имъ: „мы его ѣсть будемъ, вотъ тятя придетъ—варить начнетъ...“

А вотъ еще, въ болѣе близкія времена, про одного поселенца стало извѣстнымъ, что у него есть порядочныя деньги; нѣсколько товарищей его, поселенцевъ же, напали на него, обыскали, но ничего не нашли на немъ; тогда они стали его пытать: изломали ему суставы, а потомъ стали жечь каленымъ желѣзомъ; но старикъ

стоически выносилъ пытку и умеръ, не открывъ, что деньги (200 р.) имъ сданы на сохраненіе...

Или вотъ, совсѣмъ ужъ недавно, старикъ-поселенецъ просилъ у своей сожительницы нѣсколько яицъ, чтобы снести ихъ въ кабакъ и обмѣнить ихъ на стаканъ водки; та не дала,—старикъ изрубилъ ее топоромъ на куски...

Но довольно этихъ ужасовъ! Кто интересуется ими, пусть читаетъ „хронику происшествій" въ сибирскихъ газетахъ: онъ въ ней почерпнетъ массу подобнаго рода матеріала. Все это—почти сплошь—дѣло рукъ отчаянныхъ, изъ среды ссыльнаго элемента; но *головою* въ *организованныхъ* дѣлахъ подобнаго рода, имѣющихъ конечною цѣлью грабежъ, нерѣдко бываютъ и не ссыльные (такъ, еще сравнительно недавно былъ преданъ смертной казни городской голова гор. Читы, Забайкальской области, за организацію нападенія на почту, съ убійствомъ почтаря, и за личное свое участіе въ этомъ дѣлѣ).

Такова, въ общихъ чертахъ, краткая характеристика той группы ссыльнаго элемента, которая не остается на жительство въ мѣстахъ своего причисленія или не уходитъ по билету на заработки, т.-е. группы бродягъ „мирныхъ" и „немирныхъ". Посмотримъ, какова судьба тѣхъ, которые не записываются окончательно въ это почетное, съ точки зрѣнія ссыльныхъ, сословіе бродягъ.

Вотъ въ послѣдній разъ партія водворяемыхъ ссыльныхъ пользуется покровительствомъ сельскаго начальства, которое разводитъ ее по дворамъ для ночлега; завтра партія уже перестанетъ существовать, — будутъ лишь отдѣльныя личности, каждая изъ которыхъ должна будетъ за себя хлопотать въ отдѣльности; но уже и сегодня духа товарищества почти нѣтъ, и ссоръ съ крестьянами, — обычнаго явленія на ночлегахъ во

время слѣдованія партіи,—не слышно: здѣсь ссыльные чувствуютъ себя не прохожими молодцами, съ которыхъ взять нечего и которыхъ поскорѣй бы только „съ рукъ долой“; они сознаютъ себя во власти общества, которое для этого важнаго случая—прихода партіи—окажется достаточно сплоченнымъ и будетъ дѣйствовать сообща противъ общихъ недруговъ. Нѣкоторые изъ партіи идутъ разыскивать по селу, не найдутъ ли знакомыхъ въ числѣ уже ранѣе осѣвшихъ здѣсь ссыльно-поселенцевъ. Особенно быстро и сравнительно хорошо устраиваются ссыльные не русскіе, другихъ народностей,—татары, евреи, литовцы: они отыскиваютъ своихъ земляковъ и, при ихъ дѣятельной помощи, находятъ себѣ работу или, по крайней мѣрѣ, теплый уголъ впредь до нахожденія работы (родственные по языку и вѣрѣ люди на чужой сторонѣ всегда вѣдь крѣпко держатся другъ за друга). Другіе идутъ прямо въ кабакъ, замѣняющій въ деревнѣ клубы и собранія, и тамъ на радостяхъ, что наконецъ дошли до мѣста, пропиваютъ съ себя все, что имѣло еще какую-нибудь цѣнность... Многіе пробуютъ буянить, но ихъ довольно сурово осаживаютъ, стараясь, однако, не раздражать до вспышки, потому что неровенъ часъ и бунтъ подняться можетъ: партія еще въ сборѣ, и состояніе ея духа нервно-напряженное. Но вотъ, на другой день, вновь причисленнымъ по обществамъ ссыльнымъ предлагаютъ расходиться по мѣстамъ ихъ приписки, или искать себѣ работы въ ближайшихъ обществахъ, и съ этого момента для огромнаго большинства ихъ настаютъ безпросвѣтные, сѣрые поселенческіе будни, которымъ предвидится только одинъ конецъ — смертный часъ.

Было уже замѣчено выше, что сдѣлаться сразу хо-

зяиномъ — поселенцу немыслимо: у него нѣтъ нужнаго для этого капитала. Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ добросовѣстнаго труда въ качествѣ работника, давъ себя узнать за это время обществу, поселенецъ еще можетъ разсчитывать, что это послѣднее отведетъ ему усадьбу (обязателенъ „магарычъ“ старикамъ); но для постройки дома нужны деньги, и немалыя. Обыкновенно, однако, поселенцы (здѣсь будетъ пока говориться исключительно о тѣхъ, которые пытаются обзавестись хозяйствомъ) не строятъ себѣ новаго двора, а покупаютъ чей-нибудь старый домишко съ усадьбой вмѣстѣ,—меньше хлопотъ, да и недорого иногда, пользуясь нуждой какой-нибудь вдовы-старухи, можно пріобрѣсти себѣ собственный „уютъ“. Разъ общество отведетъ поселенцу новую усадьбу или не попрепятствуетъ ему въ покупкѣ таковой у другого члена общества, то этимъ самымъ ему разрѣшается пользоваться для своего скота и общественнымъ выпускомъ (выгономъ); въ вознагражденіе за это развѣ заставятъ ремонтировать и содержать въ исправности извѣстный участокъ поскотины, т.-е. ограды выпуска. Лѣсъ также предоставляется въ полное распоряженіе поселенца, потому что онъ, будучи на корню, никакой цѣнности не имѣетъ (кромѣ подгородныхъ мѣстностей, гдѣ пользованіе лѣсомъ нѣсколько ограничено); но относительно полученія покоса и пашни дѣло стоитъ иначе: поселенецъ имѣетъ номинальное право ихъ получить, но въ дѣйствительности онъ отъ общества не получаетъ таковыхъ; и вотъ почему.

Окончательной нарѣзки надѣловъ крестьянскимъ и инородческимъ обществамъ Иркутской губерніи, равно и всей Восточной Сибири, до сихъ поръ не произведено; за обществами числятся какіе-то надѣлы, иногда не на-

несенные даже на планы, никогда за ними окончательно не утвержденные; фактически же общества иногда пользуются другими дачами, числящимися за другими владѣльцами; нерѣдко бываетъ, что дача находится въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ обществъ, тогда какъ по документамъ она значится только за однимъ изъ нихъ, и т. д. Словомъ, хаосъ въ поземельныхъ отношеніяхъ въ этомъ краѣ весьма значителенъ; но не о немъ, собственно, здѣсь рѣчь, а вотъ о чемъ. По дѣйствующимъ нынѣ правиламъ о надѣленіи крестьянскихъ обществъ угодьями, на каждую крестьянскую душу мужского пола полагается по 15 десятинъ, и по 3 десятины въ „запасъ", для надѣленія землей причисляемыхъ къ обществу ссыльно-поселенцевъ; отсюда именно и проистекаетъ смыслъ упомянутой выше нормы численности этихъ послѣднихъ по отношенію къ численности душъ крестьянъ, какъ 1:5. Но выше также было замѣчено, что норма эта никогда не соблюдается, и что имѣется не мало обществъ, въ коихъ отношеніе между численностью ссылаемыхъ и старожиловъ существуетъ какъ-разъ обратное, т.-е. какъ 5:1, и даже болѣе, въ сторону превышенія ссыльныхъ; уже отсюда видно, что нарѣзка поселенцамъ надѣловъ изъ имѣющагося у общества запаса земли—чистая фикція, и что крестьяне нѣкоторыхъ волостей должны бы были обезземелить себя вконецъ, если-бы вздумали бы „надѣлить" землей хотя бы часть причисляемыхъ къ этимъ волостямъ поселенцевъ. Поэтому-то изъ числа этихъ послѣднихъ только немногіе и „садятся на землю": никому не принадлежащей удобной, готовой для пашни земли нѣтъ; свободную землю, которую позволяется захватить, надо еще привести въ культурное состояніе посредствомъ упорной борьбы съ лѣсной раститель-

ностью, а покосы можно получить отъ общества только на условіи принятія на себя податного тягла,—главнымъ образомъ, отбыванія разорительныхъ для маломощныхъ хозяевѣ натуральныхъ повинностей, — гоньбовой и дорожной, т.-е. выставки лошадей на стоечный пунктъ и ремонта тракта; а за этими двумя слѣдуетъ еще съ пятокъ болѣе мелкихъ: квартирная, ружная (взносъ хлѣба натурой причту), магазинная (взносъ въ хлѣбный магазинъ), поскотинная, поставка дровъ въ общественныя зданія, и проч. Всѣ эти крестьянскія тяготы для слабыхъ поселенческихъ плечъ не подъ силу, и рѣдкій изъ ссыльныхъ, живя въ работникахъ, хотя бы только мечтаетъ стать когда-нибудь на полное крестьянское положеніе, безъ особо счастливаго случая, какъ-то—женитьбы на крестьянкѣ-вдовѣ, имѣющей собственное хозяйство, или какого-нибудь другого „фарта“.

Итакъ, почти единственный путь для добыванія средствъ къ существованію поселенцу, не умѣющему или не хотящему бродяжить или промышлять темными дѣлами, это—поступить въ батраки, въ работники къ мѣстнымъ крестьянамъ, или же наняться на золотые промыслы, разъ попавъ на которые онъ уже можетъ считаться на вѣки пропавшимъ для осѣдлой рабочей жизни. Фабрикъ и заводовъ въ Восточной Сибири вообще, и въ Иркутской губерніи въ частности — самое ничтожное количество: врядъ ли, въ общей сложности, они могутъ дать заработокъ какимъ-нибудь полутора тысячамъ рабочихъ рукъ. Ремесленниковъ деревня требуетъ очень немного, и всѣ ваканціи на „мѣста“ сапожниковъ, мѣдниковъ и т. д. уже издавна заняты болѣе ранними пришельцами; кромѣ того, за ремесло также не возьмешься съ голыми руками, тотчасъ по приходѣ на мѣсто: надо имѣть ин-

струменты, кое-какіе матеріалы,—а для этого нуженъ капиталъ; нужно также составить себѣ кругъ заказчиковъ, которые не очень-то охотно довѣряютъ незнакомому человѣку, да еще варнаку, свои сапоги, самовары и проч., — онъ какъ разъ починитъ ихъ, пожалуй, такъ, что они очутятся въ кабакѣ. Да и много ли ремесленниковъ среди ссыльной массы? Самое ничтожное количество; а большинство состоитъ изъ крестьянъ и изъ разныхъ городскихъ элементовъ: мѣщанъ, „торговавшихъ пылью около пустого мѣста", фабричныхъ, разныхъ городскихъ чернорабочихъ, не знакомыхъ не только съ ремеслами, но даже съ обиходомъ крестьянской жизни.

Бываетъ и такъ, что хорошій работникъ-крестьянинъ изъ какой-нибудь черноземной безлѣсной полосы Россіи оказывается плохимъ здѣсь, въ Сибири, естественныя условія которой для него совсѣмъ чужды; такого приходится переучивать вновь, — и рубкѣ лѣса, и самой пахотѣ, и многимъ хозяйственнымъ мелочамъ. Вообще, поселенцы считаются гораздо худшими работниками, нежели мѣстные крестьяне,—не говоря уже о нравственной „слабости" ихъ: они и запиваютъ больше и чаще, чѣмъ работники-крестьяне, они менѣе дорожатъ своимъ мѣстомъ, они хуже работаютъ, они подчасъ и на руку нечисты, — того и гляди, „сдуетъ" что-нибудь, и тогда ищи вѣтра въ полѣ! Поэтому въ мѣсячные или годовые работники незнакомыхъ, только что пришедшихъ поселенцевъ, крестьяне берутъ крайне неохотно, и поселенцамъ приходится начинать свою рабочую карьеру исключительно въ качествѣ поденщиковъ, получая притомъ вознагражденіе, примѣрно, на одну треть меньше противъ мѣстныхъ „крестьянскихъ" цѣнъ; да и потомъ, когда ему удастся попасть въ „сроковые" работники,

онъ получаетъ въ годъ на 10 -- 20 рублей меньше работника изъ крестьянъ: тому платятъ напримѣръ 70—80 рублей въ годъ, а поселенцу 50—60 рублей, потому что человѣкъ онъ ненадежный, да и вообще поприжать работника, которому некуда дѣться, вполнѣ позволительно и резонно, съ точки зрѣнія крестьянина-нанимателя.

О смѣшномъ неумѣніи поселенцевъ исполнять работы, возлагаемыя на нихъ хозяевами, ходитъ много анекдотовъ среди сибиряковъ-крестьянъ, относящихся свысока къ „рассейцамъ" какъ къ работникамъ; одинъ изъ крестьянъ добродушно характеризовалъ мнѣ работу поселенца-новичка такимъ образомъ:

— Послалъ я его однова́,—лѣсину привезть надо было; лѣсъ-то ужь былъ нарѣзанъ, только положи на дровни и вези. Дали ему колоду *), все какъ слѣдуетъ быть, и веревку дали. Только ждемъ, пождемъ,—нѣтъ нашего Ивана! Хотѣли ужь было на выручку къ нему ѣхать: смотримъ, ползетъ; отъ лошади паръ валитъ, измучилась вся. Что же бы вы думали? Не зналъ онъ, что̀ съ колодой-то дѣлать надо было, а спросить посовѣстился; такъ взялъ, да лѣсину-то прямо на дровни и взвалилъ, а колоду поверхъ привязалъ веревкой... Смѣху-то сколько было!.. Лѣсиной и продавило связи, она прямо по снѣгу и волочится... Что съ такимъ народцемъ будешь дѣлать?.. Сидѣть голодомъ, видно, неохота, вотъ и пускаются на разныя штуки. Я, говоритъ, какъ есть крестьяниномъ былъ, всякую работу знаю; а какъ дойдетъ до дѣла,—онъ топора въ руки взять не умѣетъ!.. А ѣстъ за троихъ!

*) Толстый, короткій брусъ, съ выемкою посрединѣ; кладется поперекъ дровней, *подъ* бревно, чтобы оно не продавило вязей, т.-е. перелета, образующаго дно саней.

Поселенецъ не чувствуетъ никакой привязанности къ новымъ мѣстамъ, въ которыя онъ попалъ поневолѣ, къ новымъ—и поэтому несимпатичнымъ ему—условіямъ жизни; онъ не можетъ втянуться въ работу, безпрестанно мѣняющуюся при переходахъ его съ мѣста на мѣсто, въ работу на чужихъ людей, подневольную, за которую онъ берется только для того, чтобы „не сидѣть голодомъ“ (т. е. не голодать); онъ не имѣетъ личныхъ привязанностей хотя бы къ кому-нибудь изъ окружающихъ: хозяева относятся къ нему сдержанно-подозрительно, сосѣди—совершенно равнодушно, какъ къ человѣку, рѣшительно ничего общаго съ ними не имѣющему; онъ не имѣетъ и ясно опредѣленной цѣли впереди, въ свой изломанной, исковерканной жизни: завтра, какъ сегодня, работать, чтобы ѣсть, вперемежку голодая, и вновь искать работы, бѣгая изъ двора во дворъ, изъ селенія въ селеніе, съ предложеніемъ своихъ услугъ, —вотъ въ чемъ состоитъ и будетъ состоять вся его жизнь!.. Поэтому, поселенецъ дѣйствительно плохой работникъ, которымъ хозяинъ въ правѣ не дорожить; такимъ образомъ, слѣдствіе и причина въ отношеніяхъ крестьянъ-нанимателей къ работникамъ-поселенцамъ и обратно такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что ихъ трудно и отдѣлить одно отъ другого. Но въ результатѣ получается, что поселенческая масса представляетъ собою всегда готовый къ услугамъ крестьянина рабочій контингентъ, которымъ притомъ и дорожить не за чѣмъ: понадобились работники — кликни кличъ, и ихъ наберется сколько угодно, правда, плохихъ, но за то и дешевыхъ; ненадобны они стали—дай расчетъ и гони на всѣ четыре стороны.

Вотъ эта постоянная готовность къ услугамъ дешевыхъ рабочихъ рукъ низшаго качества, эта переполненность

рынка труда голодающимъ людомъ — неудержимо толкаютъ мѣстное крестьянское хозяйство ступить на путь капиталистическаго производства, обоснованнаго на батрацкомъ трудѣ. Одна задержка въ этомъ дѣлѣ—недостатокъ оборотнаго капитала; погоня за этимъ капиталомъ и придаетъ сибирскому крестьянину ту несимпатичную черту холоднаго и подчасъ жестокаго пріобрѣтателя, о которой уже было сказано мною при характеристикѣ нравовъ крестьянъ. Такимъ образомъ, наличность многочисленнаго поселенческаго элемента дѣйствуетъ на крестьянскую массу развращающимъ образомъ не потому только, что среди ссыльныхъ имѣется много лицъ съ низкимъ уровнемъ нравственности, а главнымъ образомъ потому, что обиліе дешевыхъ рабочихъ рукъ, притомъ такихъ, которыми не для чего дорожить,— развиваетъ въ крестьянствѣ сильное стремленіе эксплоатировать эти голодныя рабочія массы, облегчаетъ переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому производству, способствуетъ большему развитію индивидуальности въ членахъ общества, уничтожая надобность во взаимной поддержкѣ другъ друга, развиваетъ холодный эгоизмъ и безсердечное отношеніе къ слабымъ личностямъ, не умѣющимъ приспособиться къ условіямъ этой новой, слишкомъ практической жизни. Вотъ именно это скрыто-развращающее вліяніе ссылки на мѣстное крестьянское общество я считаю самой темной стороной ея; ссылка, производящая принудительный притокъ голыхъ рабочихъ рукъ въ страну, не представляющую удобствъ для немедленнаго овеществленія труда въ свою пользу, вліяетъ въ этомъ направленіи медленно, но прочно; благодаря ей, въ мѣстномъ обществѣ быстро образуются группа капиталистовъ-производителей

и группа голоднаго пролетаріата; она играетъ чуть ли не главную роль въ ряду причинъ, вслѣдствіе воздѣйствія которыхъ мѣстный хозяйственный крестьянинъ похожъ скорѣе на фермера, или даже плантатора-рабовладѣльца, нежели на рядоваго крестьянина, члена русскаго деревенскаго „міра“. Она же способствовала пышному разцвѣту одной изъ язвъ сибирской жизни—золотопромышленности, доставивъ ей массу дешевыхъ и безправныхъ рабочихъ рукъ; она же способствовала тому, что администрація стала считать коренное населеніе за безправную массу, приравнявъ ее къ ссыльно-поселенцамъ.

Итакъ, ссылка доставляетъ Восточной Сибири почти исключительно одинъ бродяжій элементъ, — все равно, бродитъ ли онъ по тайгамъ и большимъ дорогамъ, или по селеніямъ, въ поискахъ за работой и кускомъ хлѣба. Эта бродячая, цыганская жизнь нерѣдко на-глухо приковываетъ къ себѣ поселенца; разъ насильно оторванный отъ своей осѣдлой жизни въ Россіи, онъ уже до самой смерти носитъ съ собою это чувство оторванности: все кажется ему чужимъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, въ любомъ пунктѣ Сибири; онъ не сознаетъ, однако, этого и приписываетъ свое недовольство жизнью именно мѣстнымъ условіямъ (въ которыя онъ попалъ), какъ бы хороши на видъ они ни были. Часто приводитъ работникъ-поселенецъ въ недоумѣніе хозяина, у котораго „честно“ прожилъ довольно долгое время: „Шутъ его знаетъ, что ему попритчилось“,—удивляется тотъ,—„все жилъ себѣ, ничего, ладно; никто его не обижалъ. Потомъ, вдругъ собрался... Чего ты? живи, сдѣлай милость!.. Куда тебя несетъ, идола?—говорю ему;—чего тебѣ недостаетъ?... Нѣтъ,—говоритъ,—не по ндраву мнѣ здѣсь у васъ, пойду въ другія мѣста... И пошолъ вѣдь!.. Потомъ

ужъ слышно было—весь до нитки пропился, да такъ и сгинулъ куда-то... А ничего-себѣ, ладный бы работникъ былъ!“

Насколько сильно стремленіе ссыльныхъ къ своей родинѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что многіе изъ отбывшихъ свой срокъ поселенцевъ, или изъ числа неожиданно прощенныхъ по какому-нибудь случаю, не могутъ удержаться отъ выполненія своей завѣтной мечты посмотрѣть „родныя мѣста“, хотя бы въ Сибири имъ уже удалось, какъ слѣдуетъ быть, устроиться хозяйствомъ и обзавестись семействомъ; правда, большинство такихъ освободившихся, побывавъ на родинѣ, разочаровывается въ своемъ идеалѣ, прощается со всѣми своими иллюзіями и уже добровольно и навѣки возвращается въ Сибирь; но этотъ урокъ суровой дѣйствительности исправляетъ только лично ихъ, а не другихъ тоскующихъ, и пока этого урока не дано, родное село въ далекой „Рассеѣ“ кажется всякому посельщику какимъ-то земнымъ раемъ, гдѣ все лучше, чѣмъ въ этой чужой сторонѣ, — и люди, и обычаи, и природа.

До сихъ поръ я ничего не говорилъ о поселенкахъ, т.-е. о женщинахъ, ссылаемыхъ на поселеніе. Онѣ какъ-то стушевываются отъ глаза наблюдателя, отчасти потому, что по численности своей представляютъ ничтожную группу, въ сравненіи съ группой мужчинъ-поселенцевъ (женщинъ — всего нѣсколько процентовъ), отчасти и потому, что онѣ быстрѣе мужчинъ сливаются съ массой коренного сибирскаго населенія.

Первое время по прибытіи на мѣсто приписки поселенки находятся такъ же, какъ и мужчины, въ чрезвычайно печальномъ положеніи; ко всѣмъ указаннымъ выше ужасамъ безпріютной жизни ссыльныхъ прибавляется еще ужасъ безсилія чисто физическаго, не могущаго

противостоять открытымъ вожделѣніямъ массы неженатыхъ поселенцевъ и крестьянъ, живущихъ безъ семьи на отхожихъ заработкахъ (надо замѣтить къ этому, что Восточная Сибирь—страна съ перевѣсомъ мужского населенія надъ женскимъ, по числовому отношенію половъ). Но вскорѣ же за прибытіемъ на мѣсто, поселенки начинаютъ быстро размѣщаться по разнымъ угламъ, сообразно своимъ вкусамъ и своему „фарту", и уже не толкутся на глазахъ у наблюдателя: однѣ поступаютъ въ работницы къ крестьянамъ, хотя бы за ничтожное, сравнительно, вознагражденіе, но упорно держатся своего мѣста, изъ страха передъ неизвѣстностью окружающаго; другія находятъ себѣ мужей, законныхъ или гражданскихъ, и сливаютъ свое существованіе съ судьбою своихъ „избранныхъ"; третьи уходятъ въ заработки на пріиски или въ города: въ этихъ послѣднихъ онѣ составляютъ почти всю домашнюю прислугу; и только четвертыя, находящія вкусъ въ разгульной жизни, или случайно и по нуждѣ попавшія въ омутъ разврата и не имѣющія уже силъ и мужества выбраться изъ него и начать другую жизнь, толкутся по кабакамъ на глазахъ у деревни, составляя притчу во языцѣхъ. Подъ старость эти несчастныя, вмѣстѣ съ работницами, размотавшими свою силу на хозяйскихъ работахъ и не съумѣвшими за собой упрочить гдѣ-нибудь уголокъ, который онѣ могли бы назвать своимъ,—увеличиваютъ собою контингентъ бездомнаго пролетаріата, питающагося общественнымъ иждивеніемъ; впослѣдствіи мы еще вернемся къ изображенію этого финальнаго періода многострадальной жизни сибирскихъ паріевъ.

Крѣпко привязывать къ одному мѣсту, заставлять поселенцевъ вести осѣдлый образъ жизни могла бы развѣ

семья; но огромное большинство ссылаемыхъ, какъ показываютъ статистическія данныя приказа о ссыльныхъ, идутъ въ Сибирь на холостомъ положеніи, или потому, что они вовсе не женаты, или потому, что жены ихъ не пожелали идти съ ними на поселеніе *). Тѣ, которые идутъ въ Сибирь съ женою и дѣтьми, доставляютъ наибольшій процентъ осѣдло живущихъ по работникамъ въ томъ же селѣ, гдѣ живетъ ихъ семья, или даже ведущихъ собственное, хотя и убогое хозяйство; пришедшіе же въ Сибирь холостяками таковыми чаще всего и остаются до самой смерти, поставляя изъ своей среды бродягъ, преступниковъ, всякихъ лодырей и кабацкихъ завсегдатаевъ. Правительство, давно подмѣтивъ этотъ фактъ, поощряетъ денежными выдачами, на обзаведеніе хозяйствомъ, браки ссыльныхъ между собой, а также и пріемъ поселенцевъ крестьянами въ зятья къ себѣ въ домъ (въ послѣднее время, однако, за полнымъ истощеніемъ экономическаго поселенческаго капитала, выдачи эти почти что прекращены); но всѣ эти поощренія остаются тщетными, и даже самыя преміи за вступленіе въ бракъ, въ періодъ выдачъ таковыхъ, поступали, главнымъ образомъ, въ кабаки, ибо и самые браки заключались поселенцами, въ большинствѣ случаевъ, исключительно для заполученія нѣсколькихъ десятковъ рублей **), а не по склонности къ семейной жизни. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что существующія узаконенія,

*) Ссыльныхъ всѣхъ категорій является въ Сибирь съ семьями, по отчету начальника главнаго тюремнаго управленія, только 16%, а остальные 84% — безсемейные.

**) По ст. 766 уст. о ссыльныхъ: 1) женщинѣ свободнаго состоянія, которая выйдетъ въ замужество за поселенца, вступающаго въ Сибири въ первый бракъ, выдается 50 р.; 2) поселенцу, вступаю-

съ одной стороны, какъ было указано, поощряютъ браки, но въ то же время, съ другой стороны, ставятъ имъ, по отношенію къ одной изъ категорій поселенцевъ, весьма серьезное препятствіе; именно: бродяги, пойманные и вновь водворенные куда-либо, по отбытіи наказанія за побѣгъ лишаются права вступать въ бракъ въ теченіе пяти лѣтъ со дня поселенія ихъ; эта статья закона въ такой мѣрѣ не соотвѣтствуетъ всѣмъ прочимъ, имѣющимъ цѣлью по возможности облегчить поселенцу переходъ его къ осѣдлой жизни, что приходится только удивляться, какимъ образомъ она проникла въ уставъ о ссыльныхъ, при его составленіи, и почему до сихъ поръ не отмѣнена?... *)

Рѣдко женятся и обзаводятся семьями ссыльные по-

---

щему въ Сибири въ первый бракъ со ссыльной выдается 15 р. безвозвратно и 15 р. въ десятилѣтнюю ссуду; 3) старожилу, принимающему поселенца къ себѣ въ домъ „въ зятья“, выдается: въ Енисейской губ.—28 руб. $57^1/_4$ к., а въ Иркутской губ. и Забайкальской обл.—57 руб. $14^1/_2$ к.

*) Въ послѣднее время главнымъ тюр. управленіемъ сдѣлано было распоряженіе, несогласное съ общимъ направленіемъ законодательства о ссыльныхъ: это распоряженіе повлечетъ за собой уменьшеніе числа семейныхъ каторжныхъ, которые, по отбытіи срока каторги, переходятъ въ разряды ссыльно-поселенцевъ. Въ самомъ дѣлѣ: губернскимъ правленіямъ вмѣняется отнынѣ въ обязанность разъяснять женамъ, слѣдующимъ въ Сибирь за мужьями, осужденными въ каторжныя работы, что они и ихъ дѣти имѣютъ получать отъ казны кормовыя деньги и одежду только въ пути, а по прибытіи на мѣсто не должны ожидать никакихъ пособій отъ правительства; затѣмъ объясняется, что каторжные не могутъ жить со своими семействами внѣ тюрьмы, до истеченія извѣстныхъ сроковъ со дня вступленія приговора въ законную силу ($1^1/_2$—11 лѣтъ),—въ теченіе же всего этого срока имъ разрѣшаются лишь свиданія съ ихъ семействами, не чаще одного раза въ недѣлю.

двумъ причинамъ: одна лежитъ внутри ихъ, въ ихъ личномъ нравственномъ складѣ, другая — внѣ ихъ, именно въ отношеніяхъ къ нимъ мѣстнаго населенія. Поселенецъ любитъ волю, любитъ бродяжить, мотаться,—если не по большимъ дорогамъ и тайгѣ, то хоть изъ селенія въ селеніе, принимаясь за работу только тогда, когда голодъ принудитъ къ этому; ясно, что жена и семья такому шатуну не нужны. Почувствовавъ влеченіе къ какой-нибудь женщинѣ, которая не гнушается любовникомъ-поселенцемъ, онъ вступаетъ съ нею въ связь, которая длится иногда самое короткое время, иногда же тянется, съ перерывами на время шатаній и бродяжества, по десятку лѣтъ и болѣе, до самой смерти. И женщины предпочитаютъ жить съ поселеніемъ въ связи, а не въ законномъ бракѣ: въ качествѣ любовника онъ для нихъ менѣе опасенъ, имѣетъ надъ ними значительно меньшую власть, нежели въ качествѣ мужа. Если станетъ невтерпежъ жить вмѣстѣ, любовница можетъ сама уйдти, или же выгнать посельщика, если онъ жилъ у нея, въ ея домѣ; жена же нитого, ни другого сдѣлать не въ правѣ, и потому жалобы женъ „вольнаго происхожденія", т.-е. не-поселенокъ, на мужей-поселенцевъ, тиранящихъ глупыхъ бабъ, которыя отдались имъ съ головою въ руки ради чести быть „законной" женой, и жалобы на мужей, расхищающихъ и проживающихъ женино состояніе, составляютъ обычнѣйшее явленіе въ практикѣ волостныхъ судовъ. Вотъ поэтому-то изъ числа семейныхъ и хозяйствующихъ поселенцевъ весьма значительное количество живетъ въ гражданскомъ бракѣ, а не въ законномъ.

Гражданскія жены такъ и называются поселенцами „временными"; но это не смущаетъ женъ и, на вопросъ

о мужѣ, онѣ въ свою очередь бойко отвѣчаютъ: „Какой онъ мнѣ мужъ? Такъ, вѣтромъ надуло, вѣтромъ и сдунетъ!..“ Составъ группы этихъ „времянныхъ женъ“ довольно разнообразенъ; это не исключительно однѣ только поселенки,—встрѣчаются и крестьянскія вдовы, и дѣвушки, дочери поселенцевъ и крестьянъ, и даже ушедшія отъ мужей или покинутыя мужьями, запропавшими гдѣ-нибудь на пріискахъ, крестьянскія жены. Иногда случается, что „времянной женой“ поселенца становится такая женщина, которая имѣетъ собственный домъ и хозяйство, доставшіеся ей отъ покойнаго мужа или отца: тогда поселенецъ „входитъ“ къ своей любовницѣ „въ домъ“ и живетъ въ немъ болѣе или менѣе полнымъ хозяиномъ,—смотря по отношеніямъ, между ними устанавливающимся. Но чаще всего бываетъ, что жена столь же бѣдна, какъ и временный ея мужъ: въ этихъ случаяхъ они живутъ на квартирѣ, оба работая поденно на крестьянъ, или же онъ нанимается гдѣ-нибудь поблизости въ сроковые работники, а она няньчитъ дѣтей и также что-нибудь прирабатываетъ—„для дома“.

Настоящіе крестьяне, не голытьба какая-нибудь, сама ушедшая недалеко отъ общаго уровня поселенческаго достатка, а сколько-нибудь зажиточные хозяева—рѣдко рѣшаются выдать свою дочь „взамужъ“ за поселенца: очень ужъ это ненадежный народъ. Но и эти рѣдкіе законные браки поселенцевъ съ крестьянскими дочерьми совершаются при томъ непремѣнномъ почти условіи, что поселенецъ „входитъ на жену въ домъ къ тестю“, т.-е. „поступаетъ въ зятья“,—и что, кромѣ того, его жена—единственное дитя у родителей *), сыновей нѣтъ,

*) Впрочемъ, бываетъ, что другія дочери также есть, но уже въ

рабочей силы во дворѣ, слѣдовательно, недостаетъ, а изъ крестьянскихъ семей не находится охотника поступить въ зятья къ старикамъ. Эти зятья-поселенцы вербуются обыкновенно изъ числа работниковъ; живетъ такой работникъ у стариковъ полгода и годъ, ведетъ себя честно, не пьетъ особенно,—а дочь, между тѣмъ, все въ дѣвкахъ сидитъ, ибо подходящихъ зятьевъ изъ крестьянъ не наклевывается; вотъ и рѣшатъ старики взять поселенца-работника въ зятья, а для вѣрности—заключить съ нимъ письменное, засвидѣтельствованное въ волости, условіе, примѣрно слѣдующаго рода: „Я, такой-то, принимаю къ себѣ въ домъ зятя моего, поселенца такого-то, полнымъ хозяиномъ всего моего движимаго и недвижимаго имущества, состоящаго изъ дома на 4 и 3 саженяхъ, при немъ сѣнцы, двора съ двумя амбарами... (слѣдуетъ перечисленіе построекъ, скота, лошадей, пахотныхъ полей, инвентаря и проч., иногда съ оцѣнками). За это онъ (зять) обязанъ кормить меня и жену мою до самой нашей смерти и давать ежегодно по полдесятины присѣвку (это значитъ, что урожай съ этой полдесятины поступаетъ въ безконтрольное распоряженіе старика, на его нужды), и безъ согласія моего ничего изъ передаваемаго ему нынѣ имущества не продавать и не закладывать. А по смерти нашей—обязанъ онъ похоронить насъ по христіанскому обычаю.“ Иногда такія сводныя, составныя семьи живутъ весьма мирно и ладно, такъ какъ поселенецъ оказывается хорошимъ мужемъ и хозяиномъ; но нерѣдки и такіе случаи (что под-

---

замужествѣ на сторонѣ; непремѣнное почти условіе принятія въ домъ зятя, это—отсутствіе сыновей-подростковъ или взрослыхъ, не отдѣленныхъ сыновей.

тверждается практикой волостныхъ судовъ), что поселенецъ, почувствовавъ себя „въ своей власти“, вдругъ развертывается во-всю и изъ тихаго, смирнаго работника становится деспотомъ въ семьѣ и расточителемъ семейскаго имущества; тогда начинается каторжная жизнь для его несчастной жены и довѣрчивыхъ стариковъ: изо дня въ день происходятъ побоища, ссоры, пьянство по кабакамъ, а со стороны стариковъ идетъ непрерывный рядъ жалобъ старостѣ, старшинѣ и волостному суду... Въ результатѣ этой семейной драмы—или рушится хозяйство, если старики не умѣютъ справиться съ разорителемъ, или выгоняется зять изъ дома, съ помощью суда и властей; но въ томъ и другомъ случаѣ старики будутъ умирать съ горькимъ сознаніемъ, что, благодаря ихъ ошибкѣ, жизнь ихъ дочери представитъ собою въ будущемъ рядъ мытарствъ и страданій. Такіе-то примѣры и удерживаютъ коренное населеніе отъ выдачи дочерей замужъ за поселенцевъ, такъ что, повторяемъ, законные браки этихъ послѣднихъ съ крестьянами представляютъ собою весьма рѣдкое явленіе *).

Теперь остается сказать нѣсколько словъ еще объ одной изъ поселенческихъ группъ, — о той, которая не имѣетъ ни достаточно мужества и любви къ вольной жизни, чтобы идти въ тайгу, ни достаточно крѣпкихъ нервовъ, чтобы совершать дерзкія и крупныя преступленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—ни малѣйшаго желанія или

*) Однимъ изъ препятствій къ устройству семейной жизни ссыльно-поселенцевъ является еще зрѣлый возрастъ многихъ изъ нихъ: значительный процентъ холостыхъ, являющихся въ Сибири, имѣетъ отъ 40 до 50 лѣтъ отъ роду и болѣе; въ такомъ возрастѣ, конечно, уже трудно обзавестись семьей.

никакого умѣнья доставать себѣ хлѣбъ трудомъ. Это— группа деревенскихъ жуликовъ, шуллеровъ и мастеровъ на всякія мелкія преступленія, кражи, обманы, шантажи и проч.; это настоящіе развратители деревни, особенно той части деревенской молодежи, которая падка на выпивки, на азартныя игры, разгулы у веселыхъ поселенокъ или солдатокъ; у этихъ деревенскихъ львовъ быстро обучаются парни таскать кое-что изъ дому, что плохо лежитъ, въ кабакъ, молодечески пить спиртъ, ухарски ставить на-конъ сапоги и шапку, а иногда— помогать учиненію взлома кладовой или амбара у богатаго крестьянина. Именно эта группа поселенцевъ, пьяная, буйная, часто попадающая въ „холодную" или подъ розги по рѣшенію волостного суда, — эта группа грязныхъ тунеядцевъ и паразитовъ мозолитъ глаза деревенскому обществу и пріучаетъ его съ именемъ поселенца связывать представленіе о человѣкѣ оборванномъ, съ пьянымъ и наглымъ лицомъ, съ хриплымъ голосомъ, сегодня кутящемъ за-полночь въ кабакѣ, завтра шатающемся подъ окнами и упоминающемъ что-то о Христовомъ имени, а послѣзавтра — попадающемся въ воровствѣ. Къ счастью—такихъ не оченъ много.

Отношеніе къ этимъ личностямъ, какъ отдѣльныхъ крестьянъ, такъ и цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ — самое враждебное; оно сказывается въ частыхъ жалобахъ на нихъ суду и начальству, въ примѣненіи къ нимъ „своихъ средствій", въ результатѣ коихъ бываетъ иногда безслѣдное исчезновеніе слишкомъ надоѣдавшаго субъекта, или наконецъ — въ общественныхъ приговорахъ объ единичныхъ или массовыхъ выселеніяхъ, въ мѣста болѣе отдаленныя, такихъ личностей, которыя подозрѣваются въ различныхъ „качествахъ" (т.-е. преступле-

ніяхъ). Эти взрывы исподоволь накопляющагося общественнаго негодованія происходятъ обыкновенно послѣ какого-нибудь экстраординарнаго случая, нарушающаго обычное теченіе деревенской жизни: вдругъ обнаружится убійство съ цѣлью грабежа, или произойдетъ пожаръ въ селеніи „отъ неизвѣстныхъ причинъ", и т. п. Разъ виновные не пойманы съ поличнымъ, то подозрѣніе въ совершеніи этихъ изъ ряда вонъ выходящихъ „качествъ" падаетъ на всѣхъ мѣстныхъ поселенцевъ — кабацкихъ завсегдатаевъ, избравшихъ своей профессіей темныя дѣлишки; разобраться въ томъ, кто именно изъ нихъ прикосновененъ къ возмутившему общественное мнѣніе „качеству"—общество не можетъ, и оно не безъ основанія обвиняетъ въ совершеніи этого преступленія всю группу тунеядцевъ-поселенцевъ, ибо эта группа, какъ всѣмъ извѣстно, безпрерывно выдѣляетъ изъ своей среды лицъ, рѣшающихся не только на мелкія, но и на крупныя преступленія, и является, поэтому, какъ бы воспитательницей слишкомъ рѣзко сказывающихся антисоціальныхъ элементовъ *).

---

*) Приведу нѣсколько конкретныхъ примѣровъ борьбы общества съ противообщественными элементами изъ практики волостныхъ судовъ и сельскихъ сходовъ. — Старшина заявляетъ волостному суду, что крестьянинъ Н. совершенно разстроилъ свое хозяйство пьянствомъ и картежной игрой. На судѣ выясняется, что въ послѣдній разъ Н. проигралъ поселенцу X. сапоги и бродни, которые тутъ же перепродалъ другому игроку; X. оправдывается тѣмъ, что игралъ честно, а покупатель сапогъ — тѣмъ, что не зналъ о томъ, какимъ путемъ перешли сапоги отъ Н. къ X. Судъ постановилъ: кр. Н. наказать 15-ю ударами розогъ, X. арестовать на 1 сутки, а покупателя на 3-е сутокъ. — Помощникъ волостного старшины жалуется суду на четырехъ поселенцевъ, „только и дѣлающихъ, что пьянствующихъ, буянящихъ и заманивающихъ крестьянъ играть въ карты". Любе-

Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣдствіемъ этого активнаго негодованія на одну изъ поселенческихъ группъ является у крестьянскаго общества холодно-враждебное отношеніе ко всей поселенческой массѣ. Эта антипатія не выражается какими-либо яркими чертами, но тѣмъ не менѣе чувствуется и въ томъ пренебрежительномъ тонѣ, которымъ говорятъ о поселенцахъ, и въ холодномъ отношеніи къ ихъ вопіющимъ нуждамъ, и въ самой манерѣ обращенія съ ними,—напримѣръ, на сходахъ,—выжидательной, сдержанной, отчасти ироничной. Жалобы на враждебное отношеніе крестьянъ, исходящія даже отъ той лучшей части поселенцевъ, которая ста-

---

пытно, что одинъ изъ обвиняемыхъ заявилъ суду, что онъ, дѣйствительно, никакихъ другихъ занятій, кромѣ карточной игры, не имѣетъ и перестанетъ играть только тогда, когда „картъ продавать не будутъ". Судъ постановилъ: троимъ изъ обвиняемыхъ дать по 20 ударовъ розогъ, а одного, недавно пришедшаго, подвергнуть на 1 день общественнымъ работамъ.—Небольшое сельское общество постановило приговоръ о выселеніи поселенки X., которая живетъ „въ полюбовницахъ" у кр. Z., разстраивая его семейную жизнь, заводя постоянныя ссоры и драки съ женою Z.; необходимость выселенія X. мотивирована въ приговорѣ тѣмъ, что „дѣло у нихъ можетъ дойти до убійства". — Сельское общество одного большого, торговаго селенія, послѣ двухъ пожаровъ, истребившихъ по нѣскольку дворовъ, постановило передать въ руки правительства, для ссылки въ мѣста болѣе отдаленныя, 38 поселенцевъ и крестьянъ (въ числѣ ихъ 6 женщинъ), давно замѣченныхъ въ кражахъ, буйствахъ и проч. и теперь заподозрѣнныхъ въ поджогахъ; кромѣ того, выселить 7 человѣкъ поселенцевъ чужихъ волостей и округовъ, проживающихъ здѣсь по билетамъ. Конечно, не всѣ же 45 человѣкъ совершили поджоги, но общество рѣшило, что поджигатели непремѣнно изъ числа этой группы; не имѣя вѣскихъ доказательствъ противъ отдѣльныхъ лицъ, оно предположило истребить зло съ корнемъ, т.-е. сразу избавиться отъ всѣхъ, дающихъ поводы къ заподозрѣванію ихъ въ этомъ „качествѣ".

рается при помощи честнаго и упорнаго труда стать на ноги и завести свое хозяйство, жалобы эти услышитъ всякій, кто пожелаетъ углубиться въ жизнь сибирской деревни; также много подобныхъ жалобъ, въ формѣ письменныхъ прошеній, путешествуетъ въ каждый данный моментъ по различнымъ судебно-административнымъ инстанціямъ, отъ сельскаго управленія до генералъ-губернаторской канцеляріи включительно. Оказывается, что здѣсь — поселенцамъ отводятъ подъ пашню только негодныя, каменистыя мѣста, не дозволяя производить расчистокъ на хорошихъ участкахъ; тамъ — поселенца побили за то, что онъ осмѣлился приступить къ распашкѣ залежи одного крестьянина, не касавшагося до нея уже три года, а между тѣмъ въ этомъ обществѣ существуетъ обычай, дающій право всякому на вольный захватъ пашенъ, два года лежащихъ впустѣ: „да вотъ пойди, сунься на *ею* залежь,—и жизни не радъ будешь; а чуть нашъ братъ, или бѣднякъ какой-нибудь, запустилъ пашню, сейчасъ ее отберетъ себѣ кто-нибудь изъ богатыхъ, если хороша: правило, говорятъ, у насъ такое...“ Еще въ другомъ мѣстѣ — съ поселенца, купившаго себѣ домишко и пашущаго арендованную землю, взыскиваютъ почти всѣ сборы, кромѣ казенныхъ *), и налагаютъ на него всякія повинности: „ты, говорятъ, хозяйствуешь“, — а между тѣмъ готовой пашни въ надѣлъ не даютъ ни клочка; или у вдовы поселенца, оставшейся съ малолѣтними дѣтьми на рукахъ, отбираютъ въ общество всю лично раздѣланную и купленную ея мужемъ пашню, а иногда и луга-огороды отрѣжутъ отъ

*) Поселенцы [illegible] отъ [illegible] окладами казенныхъ податей.

нея въ пользу сосѣда: „ты, говорятъ, не наша и владѣть нашей землей не можешь; вотъ, подростутъ ребята, припишутся къ нашему обществу **), тогда имъ дадимъ угодья...“

И подобныхъ „единичныхъ“ фактовъ такая масса, что они придаютъ весьма опредѣленную окраску отношеніямъ крестьянскихъ обществъ къ поселенцамъ, пытающимся воспользоваться своимъ законнымъ правомъ на надѣленіе ихъ землей: этихъ незваныхъ пришельцевъ только терпятъ, но помощи имъ ни откуда нѣтъ. Впрочемъ, выше уже было выяснено, что крестьянъ и нельзя безусловно винить за подобныя отношенія къ ссыльнымъ: если бы они вздумали надѣлять всѣхъ причисляемыхъ удобными, готовыми для распашки землями, то многія общества сами остались бы безъ земли; притомъ надѣлять пришлаго человѣка пашней, въ которую вложенъ трудъ при ея расчисткѣ изъ-подъ лѣса, противно господствующему здѣсь принципу трудового начала, согласно которому только пустопорожняя земля считается ничьей, но разъ въ нее вложенъ чей-либо трудъ, то она поступаетъ во владѣніе трудившагося, на вѣчно или на извѣстное число лѣтъ (обыкновенно на 40 лѣтъ). Такую землю, съ вложеннымъ въ нее трудомъ, можно и отчуждать, и пріобрѣтать, ибо въ этихъ случаяхъ отчуждается или пріобрѣтается не самая земля, а—въ скрытыхъ формахъ—тотъ трудъ, который въ нее вложенъ. Такимъ образомъ, по воззрѣнію крестьянъ, поселенецъ долженъ или *купить* землю, т.-е. чей-нибудь

---

**) Дѣти поселенцевъ, если не пожелаютъ сами приписаться куда-нибудь, обязательно причисляются въ полноправные крестьяне того общества, къ которому былъ причисленъ ихъ отецъ-поселенецъ.

затраченный въ землю трудъ, если хочетъ имѣть сразу готовую пашню, или же приступить къ расчисткѣ лѣса лично, собственными силами. Несправедливость же по отношенію къ поселенцамъ заключается въ томъ, что сельскія общества не разрѣшаютъ имъ затрачивать свой трудъ наиболѣе производительнымъ образомъ, т.-е. не даютъ для расчистки хорошихъ участковъ лѣса, которые разобраны самими старожилами по рукамъ подъ видомъ „чертежей", а отводятъ для производства расчистокъ только одни безплодныя или чѣмъ-либо другимъ неудобныя мѣста.

Такъ или иначе, — то голодая, то пьянствуя, то работая на другихъ изъ-за куска хлѣба, то шатаясь по тайгѣ и большимъ дорогамъ, — поселенецъ доживаетъ до старости, когда уже ни работать, ни шататься не хватаетъ силъ. Быстро разрушается этотъ организмъ, цѣлый рядъ лѣтъ терпѣливо выносившій, и таежныя лишенія, и рудниковыя работы, и мрачный запой, и всякія болѣзни, — разъ началось дѣло его разрушенія: отнимаются ноги, слѣпнутъ глаза, быстро дряхлѣетъ все тѣло. Гдѣ ему, отверженному, тогда найти себѣ пріютъ?... Кто обогрѣетъ его, нищаго, всѣмъ чужого Ивана Непомнящаго?..

Сырая, промозглая, провонявшая запахомъ гнили, грязи и махорочнаго дыма — сельская сборня. Одинъ изъ угловъ ея, посвѣтлѣе, отгороженъ подъ канцелярію сельскаго писаря; въ другомъ углу — колченогій столъ, за которымъ, сидя на лавкахъ, группируется все, что попочетнѣе, повиднѣе въ деревнѣ: староста, сборщикъ, „старички" — вершители мірскихъ судебъ. Вся сборная полна народомъ, ходящимъ взадъ и впередъ, со двора и на дворъ, каждый разъ впуская въ двери огромные

клубы морознаго пара; но эта примитивная вентиляція— недостаточно дѣйствительна, и въ воздухѣ—хоть топоръ вѣшай, такъ сильно накурено. Крикъ, брань, говоръ, смѣхъ сливаются въ одинъ сплошной гулъ; но иногда этотъ полный жизненныхъ силъ гомонъ нѣсколькихъ десятковъ здоровыхъ грудей уступаетъ какимъ-то другимъ звукамъ, достигающимъ сюда изъ задняго, наиболѣе темнаго и грязнаго угла сборни...

Что̀ это копошится тамъ на полу, что̀ это тамъ хрипитъ, рычитъ и клокочетъ?... Вы идете туда; глазъ вашъ постепенно справляется съ царствующею здѣсь мглою; вотъ охапка соломы, брошенная на полъ, куча какой-то рвани, лохмотьевъ: подъ жалкими остатками армяка корчится, мечется и надрываетъ себѣ грудь старческимъ, неумолкаемымъ, хрипящимъ и захлебывающимся кашлемъ какая-то изможденная фигура; широко раскрытые стеклянные глаза глядятъ куда-то, ничего не видя; жидкія пряди сѣдыхъ волосъ облѣпили сѣропепельнаго цвѣта лицо; высохшія, тонкія руки выбиваются изъ-подъ армяка, безпомощно раскидываясь на полу; ужасно длинныя ноги, обутыя во что-то, только развѣ напоминающее валенки, судорожно шевелятся во время приступовъ жестокаго удушья.

— Что̀ это такое?—спрашиваете вы въ ужасѣ передъ этой картиной оброшенности и одинокой смерти на глазахъ у полсотни людей.

— Такъ, поселенецъ здѣшній... Умирать, видно, собрался: древній ужъ старичокъ!... Все шатался по міру, а тутъ должно быть уже изъ силы вышелъ. Теперь, гдѣ ужъ, не встанетъ!...—отвѣчаютъ голоса.

— Кто же за нимъ тутъ ходитъ? кто кормитъ?

— Кому тутъ ходить! Ходить здѣсь некому... А

хлѣбца ему десятскіе таскаютъ: идутъ когда по селу, такъ спрашиваютъ для него куски; извѣстно,—подаютъ бабы, какъ не подавать!

— Но зачѣмъ же его здѣсь бросили? Развѣ нельзя было пріютить его куда-нибудь?...

— А куда жъ его дѣвать? Кому охота взять такого? Кабы родня... Да все равно вѣдь помретъ! У насъ всегда такъ: на сборню волокутъ, который ежели поселенецъ помирать станетъ... А помретъ — обществомъ похоронимъ, какъ слѣдоваетъ, изъ общественной, значитъ, суммы. Мы ужъ за этимъ никогда не стоимъ!..

Ну, чего же вамъ еще нужно, „старшій братъ“? Проходите дальше, — ваше позднее состраданіе излишне... Не мѣшайте смерти дѣлать свое дѣло: она скоро сравняетъ этого отверженца съ почившими сильными міра сего, она успокоитъ его—измученнаго, голоднаго и холоднаго поселенца; она дастъ ему, наконецъ, пріютъ, котораго онъ не имѣлъ во всю свою долгую жизнь. Не мѣшайте старику,—онъ занятъ важнымъ дѣломъ: онъ теперь искупаетъ свою грѣховную жизнь. Дайте ему умереть, обѣленнымъ отъ всѣхъ содѣянныхъ имъ грѣховъ! Дайте ему искупить и тотъ грѣхъ, который въ первый разъ его, еще неискушеннаго въ школѣ преступленій, привелъ сюда, въ Сибирь,—этотъ грѣхъ ему еще не прощенъ людьми, — онъ до сихъ поръ значится въ статейномъ спискѣ поселенца... Дайте искупить и грѣхъ побѣга съ мѣста поселенія,—онъ до сихъ поръ зовется за это Иваномъ Непомнящимъ; и грѣхъ бродяжества по темной, непривѣтной тайгѣ, въ которой онъ искалъ себѣ душевнаго отдохновенія послѣ зимнихъ скучныхъ поденныхъ работъ на чужихъ людей, отъ которыхъ онъ никогда не видѣлъ ни ласки, ни привѣта; и грѣхъ безобразнаго

пьянства, все время, какъ материнское проклятіе, преслѣдовавшій его въ теченіе его безполезной, отверженной жизни; и еще тысячу мелкихъ грѣховъ, — и кражу шлеи, и поросенка, и ковриги хлѣба, и многаго-многаго другого... Да, онъ кралъ часто: мучимый голодомъ или неудержимой потребностью напиться, чтобы хоть временно забыть свою тоскливую, одинокую, ненужную жизнь, онъ кралъ все, что попадало ему подъ руку... И вотъ теперь насталъ его часъ, трудный часъ расплаты за всѣ эти грѣхи и нарушенія законовъ общежитія. Расплачивайся же скорѣй, старикъ! Да не кляни въ свой смертный часъ сдѣлавшихъ изъ твоей жизни сплошной грѣхъ и сплошное страданіе; расплачивайся мужественно и отдыхай съ миромъ!

Не всѣ же поселыцики, конечно, подводятъ итоги своей жизни въ такой обстановкѣ... Войдемте вотъ въ эту избу, выстроенную хозяйственно, изъ толстыхъ, ровныхъ бревенъ; нѣсколько оконъ, по шести стеколъ въ каждомъ, даютъ достаточно свѣта; двѣ печи — русская и переносная желѣзная — хорошо нагрѣваютъ избу даже при сорокаградусныхъ морозахъ; перегородки дѣлятъ внутренность избы на четыре комнатки — словомъ, съ перваго же взгляда видно, что здѣсь живутъ достаточные люди, заправскіе крестьяне, которые не тяготятся лишнимъ ртомъ въ семьѣ. Вонъ этотъ ротъ на печкѣ: это сѣдой, лысый старикъ, смирно сидящій, свѣсивъ ноги съ печки, и изъ соломы плетущій какую-то неуклюжую коробочку; вокругъ него примостились трое ребятишекъ, отъ четырехъ до восьмилѣтняго возраста: они глядятъ на его работу и слушаютъ, что онъ говоритъ имъ своимъ старчески-дребезжащимъ, ровнымъ и тихимъ голосомъ.

— Кто этотъ старикъ у васъ тамъ, на печкѣ?...

— А это слѣпенькій старичокъ, изъ поселенцевъ здѣшнихъ,—отвѣчаетъ хозяйка,—смирный такой; дивно времени живетъ ужъ у насъ: вотъ третій годъ пошелъ. Сначала все по людямъ ходилъ,—гдѣ день продержатъ, гдѣ и недѣлю, потому — мастеръ сказывать ребятамъ сказки... Пра, наши-то старики этого не умѣютъ: сами его въ ину пору слушаютъ, не отзовешь никакъ. Ходилъ онъ и къ намъ: когда недѣльку поживетъ, когда и двѣ; да вотъ грѣхъ съ нимъ случился: упалъ какъ-то и ногу себѣ дюже зашибъ. Такъ съ тѣхъ поръ у насъ и живетъ,—ходить ужъ почти что не можетъ. Да мы—ничего; не объѣстъ насъ,—семья у насъ большая, его ѣду, почитай, и не видать; а ребятки-то къ нему страхъ охочи: зимою все около него трутся, да сказки эти слушаютъ; отъ сосѣдей иной разъ наберется десятокъ цѣлый. Ничего, пущай живетъ, пока Господь жисти даетъ...

За этого старика мы можемъ быть спокойны: ему не придется умирать брошеннымъ въ углу, какъ собакѣ. Его поэтическая жилка, побуждавшая его жадно слушать бабушкины сказки, подъ трескъ лучины и говоръ веретена, въ былыя, давно прошедшія времена, тамъ, далеко на родинѣ, въ глуши Новгородской губерніи, въ бѣдной избѣ, топившейся по-черному,—это поэтическая жилка сослужила ему теперь великую службу подъ старость лѣтъ: она выдѣлила его изъ массы такихъ же безпомощныхъ, какъ онъ, стариковъ, она придала ему нѣкоторую цѣнность въ глазахъ практичныхъ людей. Вотъ онъ, десятки лѣтъ мечтавшій о тепломъ уголкѣ, сидитъ теперь окруженный дѣтскими кудластыми головками; жадно слушаютъ ребята, росшія до сего времени въ сытой, но сухо-практической обстановкѣ, сказанія

о фантастическихъ приключеніяхъ Марьи Моревны, прекрасной королевны, или о подвигахъ храбраго богатыря Ильи Муромца, и заносится дѣтское воображеніе на самый край свѣта, туда, гдѣ бабы бѣлье въ океанѣ полощутъ, а вальки на небо кладутъ, и туда, гдѣ стоитъ золотая гора, а на ней живетъ красная дѣвица, яркое солнышко... Дѣлись же, старикъ, произведеніями русскаго народнаго творчества съ этими бѣдными дѣтьми, мысль которыхъ не находитъ себѣ иной пищи, кромѣ той, которую даритъ имъ окружающій ихъ узенькій міръ, погруженный исключительно въ матеріальные расчеты и заботы о наживѣ; живи, слѣпой поселюга, и напоминай сытымъ сибирякамъ, что кромѣ міра реальнаго существуетъ еще міръ фантазіи, міръ забытыхъ ими идеаловъ: красоты, радовавшей сердца людей,—могущества и силы, употреблявшихся на борьбу со зломъ и въ защиту слабыхъ, — великодушія, прощавшаго побѣжденныхъ враговъ, милосердія, снисходившаго къ страждущимъ, вдовамъ, сиротамъ и плѣнникамъ, — ты, вѣдь, тоже—плѣнникъ, старикъ!... Напомни имъ, этимъ потомкамъ, въ седьмомъ-восьмомъ колѣнѣ, тѣхъ русскихъ людей, которые въ поискахъ за счастьемъ углубились въ невѣдомую страну,—что они братья по крови жалкимъ, по мнѣнію ихъ, рассейцамъ, о которыхъ они судятъ только по такимъ, какъ вы, несчастнымъ поселенцамъ да по голодающимъ новоселамъ, бредущимъ на Амуръ и выпрашивающимъ у нихъ подъ окнами кусокъ хлѣба. Суровыя условія сибирской жизни закалили сердца предковъ этихъ людей: они направляли ихъ вниманіе только на борьбу съ природой да на самозащиту отъ враговъ; преданія же старины казались имъ безполез-

ными игрушками въ сравненіи съ жизненною важностью ихъ упорной борьбы за существованіе. И вотъ, тогда какъ нѣмецъ-колонистъ перечтетъ по именамъ всѣхъ своихъ предковъ до пятаго или шестого колѣна и разскажетъ ихъ біографію, нынѣшніе сибиряки оказываются уже утратившими всякое представленіе о томъ, кто и откуда они: десятый развѣ скажетъ вамъ, что они—коренные жители Сибири и что какой-то воевода Ермакъ покорилъ ихъ подъ власть русскаго Царя, обложилъ податьми и отдалъ часть ихъ земель пришедшимъ изъ Китая бурятамъ. И больше ничего не съумѣетъ сибирякъ выжать изъ себя по части исторіи своего народа и разсказать этимъ скучающимъ дѣтскимъ головкамъ, жадно ищущимъ пищи для своихъ развивающихся мыслительныхъ способностей. Жмитесь же тѣснѣе къ старику-поселенцу, дѣти: онъ успѣетъ еще посвятить васъ въ сказанія и преданія русскаго народа, къ которому принадлежите и вы!.. И когда вы выростете, дѣти, не забывайте о старомъ поселенцѣ: будьте снисходительнѣе и милосерднѣе къ тѣмъ жалкимъ собратьямъ его по несчастью, которые ходятъ у васъ подъ окнами, или ночуютъ въ темной тайгѣ! Пріютите ихъ, помогите имъ въ ихъ нуждахъ: можетъ-быть не всѣ сѣмена ваши упадутъ на каменистую почву... Додумайтесь, дѣти, до истины, что не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ; да вспоминайте хоть изрѣдка — когда выростете—о сказочныхъ герояхъ, созданныхъ фантазіей русскаго народа и клавшихъ жизнь свою за други своя!...

Въ центрѣ крупнаго селенія стоитъ довольно большое, одноэтажное, почернѣвшее отъ времени, кое-гдѣ на углахъ и у фундамента прогнившее уже зданіе; съ

улицы—крыльцо; съ него входъ въ сѣни; налѣво и направо ведутъ двѣ двери во внутреннія помѣщенія. Войдемте въ любое изъ нихъ.

Это — комната сажени по три кругомъ, съ четырьмя окнами, въ коихъ половина стеколъ побита и замѣнена дощечками, сахарной бумагой и тряпьемъ. Налѣво — русская печь, съ плитой, въ которую вмазанъ котелъ; полъ—грязный, съ большими щелями, въ которыя легко проскочить ногѣ ребенка; стѣны сильно закопчены, воздухъ удушливый, спертый, синій отъ прогорклаго махорочнаго дыма. По стѣнамъ стоятъ, какъ въ больницахъ, ногами на середину комнаты, деревянныя, узкія кровати, съ какимъ-то невозможнымъ хламомъ, наваленнымъ на нихъ и замѣняющимъ тюфяки и подушки; въ углахъ комнаты и возлѣ плиты — еще нѣсколько кучъ хлама. И куда вы ни оглянитесь — вездѣ люди и люди: ихъ человѣкъ одиннадцать здѣсь, лежащихъ на кроватяхъ, сидящихъ у оконъ, валяющихся на полу. А какіе типы, какія выраженія лицъ!.. Гдѣ ты, реалистъ-художникъ? Бери свои кисти и рисуй: ты лучшихъ натурщиковъ не найдешь для выраженія на полотнѣ человѣческаго горя и страданья, физическаго и нравственнаго, или остатковъ уже безсильной и потому угрюмой злобы, или полнаго равнодушія къ догорающей жизни и ожиданія близкой смерти, или наконецъ — льстиваго, гадкаго въ своемъ лицемѣріи взгляда вотъ этого человѣка, прежде другихъ вскочившаго съ своей постели къ тебѣ навстрѣчу, когда ты вошелъ въ это убѣжище старости, болѣзней, нищеты и... преступленій.

Вы догадываетесь теперь, куда вы попали, хотя не рѣшаетесь еще вѣрить себѣ, читатель? Но нѣтъ, это

не ошибка: вы — въ одной изъ лучшихъ сельскихъ богадѣленъ, имѣющихся въ Иркутской губерніи.

Она всегда густо наполнена поселенцами, эта богадѣльня: вмѣсто шести человѣкъ въ каждой изъ двухъ комнатъ ютится, особенно въ зимнее время, по десяти-двѣнадцати; эти несчастные идутъ сюда, когда уже ноги отказываются имъ служить, и они лишаются возможности работать или просить милостыню подъ окнами. Здѣсь они находятъ уголъ и тепло, — а бездомному, привыкшему замерзать на большихъ дорогахъ, бродячему нищему возможность лежать въ *своемъ* углу, да еще въ теплѣ — кажется просто роскошью, и поэтому они не обращаютъ вниманія на то, что̀ насъ, нездѣшнихъ обитателей, приводитъ въ ужасъ: ихъ не безпокоятъ ни щели въ полу, ни прокисшій воздухъ въ ихъ жильѣ, ни отсутствіе кровати и тюфяковъ, ни грязь и слизь, вездѣ понасѣвшая густыми слоями. Вотъ только на счетъ пищи плохо, жалуются они: даютъ по два фунта чернаго хлѣба на человѣка въ день — и больше ничего; приходится по очереди отправляться за милостынькой, которую обмѣниваютъ на чай, а иногда и на картофель или крупу. Присмотра нѣтъ никакого: богадѣльщики сами должны убирать за собой, топить печи, мести полы; но работать, чистоты ради, они не привыкли, да и стары они и дряхлы, иначе вѣдь и не пошли бы сюда; поэтому ничего кромѣ топки печей да варки чаю и картофеля они не дѣлаютъ, и поэтому-то богадѣльня и пришла въ такой ужасный видъ. Доставкой дровъ и хлѣба призрѣваемымъ завѣдуетъ волостное правленіе, которое расходуетъ на этотъ предметъ проценты съ капитала, образовавшагося изъ двадцатипятикопѣечныхъ взносовъ поселенцевъ, дѣлавшихся при каждомъ обмѣнѣ

ими билетовъ на жительство; было и нѣсколько пожертвованій со стороны денежныхъ лицъ деревни, которыя разочли, что имъ выгоднѣе и спокойнѣе дать что-нибудь для скорѣйшаго устройства богадѣльни, нежели возиться съ ищущими ночлега и назойливо просящими хлѣба бродягами-нищими. Лѣтъ тридцать тому назадъ заведена была начальствомъ и мѣстнымъ духовенствомъ рѣчь о постройкѣ этого убѣжища для „паразитовъ-общества"; тогда же волость пожертвовала старый хлѣбный амбаръ на постройку зданія; но пока разсматривали „положеніе о богадѣльнѣ" въ разныхъ высшихъ инстанціяхъ, прошло не менѣе какъ лѣтъ пятнадцать, такъ что пожертвованный лѣсъ, все время валявшійся подъ открытымъ небомъ безъ всякаго призора, успѣлъ сгнить: пришлось прикупать новый матеріалъ и изыскивать для этого средства, — за этимъ дѣломъ прошло еще лѣтъ пять. Но вотъ, наконецъ, постройка богадѣльни была окончена, хотя уже съ самаго перваго дня своего существованія зданіе имѣло видъ далеко не презентабельный, будучи все въ заплатахъ; можно было бы пускать богадѣльщиковъ, но опять вышла какая-то задержка въ инстанціяхъ, и зданіе пропустовало еще лѣтъ пять, а бездомные старики и старухи ходили только мимо него, ища себѣ пріюта, да съ завистью на него посматривали... Счастливый случай столкнулъ одного изъ такихъ бездомныхъ стариковъ съ важнымъ начальствующимъ лицомъ; оно впервые узнало отъ старика, къ своему удивленію, о злой судьбѣ богадѣльни, и немедленно дало нужное распоряженіе, такъ что безполезно простоявшее нѣсколько лѣтъ зданіе наконецъ-таки стало отвѣчать своему назначенію.

Я нарочно подольше остановился на исторіи этой бо-

гадѣльни, какъ на весьма хорошо характеризующей отношеніе общества и властей къ вопіющимъ нуждамъ поселенцевъ. Кромѣ этой, существуетъ въ губерніи еще десятка полтора или два богадѣленъ; но и въ нихъ можетъ найти себѣ пріютъ развѣ одна сороковая часть всѣхъ нуждающихся въ призрѣніи дряхлыхъ стариковъ и старухъ; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ большинствѣ прочихъ богадѣленъ призрѣваемымъ не дается даже хлѣба, и они должны прокармливать сами себя, какъ знаютъ и умѣютъ. Содержатся богадѣльни (т.-е. даются дрова и ремонтируется зданіе, нерѣдко кѣмъ-либо пожертвованное, — обществомъ или отдѣльнымъ лицомъ *), или на общественный счетъ, или на церковныя суммы, или наконецъ, на проценты съ какого-нибудь капитала, имѣющаго спеціальное назначеніе и какими-нибудь судьбами попавшаго въ распоряженіе крестьянскаго общества.

Остальные инвалиды-поселенцы, не призрѣнные отдѣльными лицами или не попавшіе въ богадѣльни, бродятъ изъ двора во дворъ, пока ихъ носятъ ноги, и питаются подаяніемъ, или живутъ по-двое и по-трое въ какой-нибудь избушкѣ у подобнаго имъ бѣдняка, составляя нѣчто въ родѣ коммунъ, въ которыя поступаютъ на общія потребности всѣ милостыни и куски, какіе удастся собрать членамъ артели. Я видѣлъ такую артель, изъ двухъ старухъ и одного старика, имѣвшихъ въ общей сложности 230 лѣтъ отъ роду: одна изъ старухъ была слѣпая и не слѣзала уже съ печи; но товарищи

*) Одно зданіе, какъ мнѣ извѣстно, пожертвовано для этой цѣли поселенцемъ-же, завѣщавшимъ все свое имущество обществу для этого дѣла.

ея еще бодро ходили по селу, выпрашивая у бабъ, которыя посердобольнѣе, не только куски хлѣба, но подчасъ и шанежки (сдобныя булочки), и кусокъ баранины въ праздникъ, и кусочекъ кирпичнаго чая.

Но довольно, однако, объ этомъ предметѣ: сколько ни говори, а его никогда не исчерпаешь и не представишь даже одной сотой части той массы горя, лишеній, обидъ и страданій, которыя претерпѣваютъ ссыльные въ Сибири, а также одной сотой части неудобствъ, вредныхъ вліяній и вообще зла, которыя причиняетъ ссылка самой Сибири и ея кореннымъ жителямъ *). Зададимъ же себѣ, для успокоенія совѣсти, обычный вопросъ: скоро ли настанетъ конецъ всему этому?—и постараемся перейти, со вздохомъ облегченія, къ другому предмету: не на однихъ же поселенцáхъ сошлась клиномъ жизнь сибирская, и надо думáть, что многое, помимо судебъ этихъ пасынковъ Сибири, найдется въ ней любопытнаго.

---

*) Мы даже не упомянули здѣсь о той массѣ расходовъ и всякихъ хлопотъ, которые причиняются ссылкой и ссыльными сибирскому населенію: сколько переписки въ волостяхъ и сельскихъ управахъ ведется о ссыльныхъ, сколько гоняется разсыльныхъ съ пакетами, сколько конвоировъ и сторожей выставляется волостями, сколько бѣглыхъ или больныхъ приходится доставлять въ городъ, и т. д. — всѣмъ этимъ расходамъ времени и денегъ трудно даже подвести итогъ!...

V.

## ПО УЛУСАМЪ МОНГОЛО-БУРЯТЪ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

**Торжественное путешествіе. -- Буряты-христіане. — Домашній бытъ тункинцевъ.—Бурятская свадьба.—Вѣрованія и богослуженіе шаманистовъ. — Бурятскіе культурменши. — Домашній бытъ, семейная и общественная жизнь шаманистовъ.**

Два съ половиной вѣка назадъ на территоріи нынѣшней Иркутской губерніи происходили кровавыя битвы: завоеватели двинулись съ двухъ сторонъ на бурятъ, за нѣсколько столѣтій до прихода русскихъ, осѣвшихъ въ Ангарской долинѣ, вытѣснивъ оттуда въ глухія сѣверныя мѣстности тунгузовъ. То были вѣка господства грубой силы. Сильнѣйшій всегда оставался правымъ, ибо успѣхъ былъ на его сторонѣ. Сколько этихъ сильнѣйшихъ перебывало въ разное время въ Пріангарьѣ—объ этомъ только смутно, по нѣкоторымъ китайскимъ лѣтописямъ, догадывается европейская наука!

Странныя имена народовъ, чуждо теперь звучащія даже для привычнаго уха историка,—эти Го-эй, Кику, Као-че, Шивэй—канули въ вѣчность, и отъ пребыванія ихъ на берегу р. Ангары не осталось и слѣда, если не считать нѣсколькихъ „писаницъ", т.-е. грубо высѣченныхъ рисунковъ на прибрежныхъ скалахъ; но какимъ именно народомъ изъ тѣхъ, которые послѣдовательно

вытѣсняли одинъ другого изъ Пріангарья, завѣщаны намъ въ поученіе эти памятники своего здѣсь пребыванія—остается по сію пору неразгаданнымъ.

Настала очередь и бурятъ. На нихъ почти одновременно двинулись енисейскіе казаки — съ сѣверо-запада, съ низовьевъ Ангары, и красноярскіе казаки — съ запада, по направленію нынѣшняго московскаго тракта. Неизвѣстное номадамъ огнестрѣльное оружіе успѣшно дѣлало свое дѣло: цѣлыя полчища бурятъ, цѣлыя тысячи ихъ бѣжали въ ужасѣ отъ жалкой горсти бородатыхъ людей, „холопей бѣлаго царя", — какъ они себя называли,—шедшихъ все далѣе на востокъ, въ поискахъ за пушниной. Особенно прочную память оставилъ о себѣ одинъ изъ нихъ, Иванъ Похабовъ (достославное имечко!), тотъ самый, который основалъ Иркутскій острогъ въ 1661 году на нынѣшнемъ мѣстѣ города. Онъ привелъ долготерпѣливыхъ бурятъ въ отчаяніе, перебивъ ихъ цѣлыя сотни, при сборѣ ясака; онъ привязывалъ по нѣскольку человѣкъ изъ тѣхъ, которые не хотѣли креститься, къ одной жерди и топилъ ихъ въ холодныхъ струяхъ Ангары... Возмущенные цѣлымъ рядомъ подобныхъ насилій, балаганскіе буряты убили въ 1658 г. казаковъ, собиравшихъ съ нихъ ясакъ, и съ женами и дѣтьми бѣжали въ Монголію, черезъ Тунку, долиной рѣки Иркута. За ними двинулись туда же и тункинскіе буряты, напуганные разсказами своихъ единоплеменниковъ о жестокости казацкаго предводителя. Весь югъ Иркутской губерніи опустѣлъ.

Прошло лѣтъ тридцать. Въ Монголіи начались кровавыя междуусобицы, отъ которыхъ сильно терпѣли пришельцы; къ этому же времени они прослышали, что Похабова въ Ангарѣ уже нѣтъ, что въ Россіи сѣлъ на

престолъ новый царь (Петръ I), что посланные царя вступаютъ въ договоры съ бурятскими князьками, обезпечивая этимъ послѣднимъ разныя льготы и права и признавая бурятъ собственниками занятыхъ ими издревле земель (къ 1688-му году относится заключеніе договора посланникомъ Головинымъ съ шестью бурятскими тайшами о вѣчномъ подданствѣ ихъ и родовичей ихъ русскому царю). Всѣ эти слухи ободрили бѣглецовъ и побудили ихъ мало-по-малу возвратиться на свои старыя пепелища.

Нѣкоторые роды вернувшихся оказались въ значительной степени омонголившимися. Впрочемъ, достовѣрно неизвѣстно, чему именно слѣдуетъ приписать различіе, которое нынѣ замѣчается въ двухъ группахъ бурятъ Иркутской губерніи. Но фактъ тотъ, что одни изъ нихъ болѣе статны, красивы, говорятъ языкомъ, отличнымъ отъ языка другой группы, носятъ характерную и даже изящную одежду, исповѣдуютъ буддійскую (ламайскую, какъ ее здѣсь называютъ) религію *); другіе же—въ значительной степени ординарнѣе первыхъ, болѣе низкопоклонны и льстивы, исповѣдуютъ шаманскую вѣру, очень некрасивы лицомъ, и въ послѣднее время значительно поддались вліянію русскихъ. Къ первымъ принадлежатъ тункинскіе буряты и—какъ переходная ступень ко вторымъ—аларскіе; ко вторымъ—кудинскіе, идинскіе и балаганскіе. Немногочисленные буряты вѣдомства Нижнеудинской Землицы составляютъ особую

---

*) Впрочемъ, незначительная часть тункинскихъ бурятъ, по одному извѣстію, исповѣдывала шаманскую религію до 70-хъ годовъ нынѣшняго вѣка и только тогда перешла къ ламаизму, по приказанію тайши, „запретившаго старую вѣру“.

группу, какъ кажется, въ Монголію не убѣгавшую; теперь она въ значительной степени уже обрусѣла, по крайней мѣрѣ—одна ея часть.

Я сижу въ домѣ зажиточнаго бурята тункинскаго вѣдомства, 3-го Хонгодорскаго рода. Домъ недавно выстроенъ, по-русски (но на шипахъ по угламъ, а не на вырубахъ, не „крюкомъ"), о трехъ комнатахъ, съ сѣнцами и высокимъ крыльцомъ. Въ первой комнатѣ, самой большой, занимающей половину дома, стоитъ русская печь и рядомъ съ ней туземный очагъ, съ навѣшеннымъ надъ нимъ котломъ. Это кухня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣчто въ родѣ „кунацкой", пріемной: для всѣхъ „простого званія" (т.-е. небогатыхъ) родовичей, за дѣломъ и безъ дѣла толкущихся ежедневно около своего патрона - богача. Вторая половина дома представляетъ собою двѣ комнаты: въ одной живетъ хозяйка съ дѣтьми, въ другой постоянно возсѣдаетъ, если онъ дома, самъ хозяинъ въ компаніи съ наиболѣе почетными гостями и пьетъ нескончаемые чаи, да куритъ одну за другой крохотныя монгольскія трубочки на полуаршинныхъ чубукахъ. Въ числѣ почетныхъ гостей нахожусь, въ данный моментъ, и я, — „такой большой чиновникъ, что даже безъ свѣтлыхъ пуговицъ по бурятамъ ѣздитъ", — какъ говорятъ обо мнѣ тункинцы, изумленные пріѣздомъ въ эту глушь человѣка, который „до всего доходитъ, обо всемъ спрашиваетъ, не дерется и не ругается и благодарностей за свой пріѣздъ не требуетъ".

Стѣны комнаты хорошо выструганы и еще бѣлы. По одной стѣнѣ висятъ на гвоздяхъ связки шкурокъ, — собольихъ, рысьихъ, колонковыхъ, выдровыхъ и лисьихъ. Тутъ же — нѣсколько ружей, непривлекательныхъ на видъ, съ самодѣльными, буквально—„топорными"—ло-

жами, съ кремневымъ запаломъ; дуло у нѣкоторыхъ, для крѣпости, перевязано ремешками. И изъ такихъ то ружей, правда—при помощи подставки („сошекъ“), которую носитъ съ собой охотникъ, лучшіе изъ бурятскихъ и русскихъ „промышленниковъ“ бьютъ соболя не иначе какъ въ голову, чтобы не испортить пулькой шкуры... Вдоль стѣнъ стоятъ мѣстами горки столиковъ,—по три столика другъ на другѣ; нижній столикъ имѣетъ около 3/4 арш. длины, 1/2 аршина ширины и 6 вершковъ вышины; размѣры второго и третьяго — соотвѣтственно меньше: такъ, вышина второго—5 вершк., третьяго—только 4 вершк. Всѣхъ столиковъ въ комнатѣ до 12-ти; нѣкоторые изъ нихъ грубо расписаны масляными красками, другіе изящно разрисованы голубымъ, краснымъ и золотомъ и лакированы; чѣмъ меньше столикъ, тѣмъ онъ красивѣе расписанъ и пышнѣе украшенъ рѣзьбой. Эти столики подаются при угощеніяхъ гостей, по одному на 2—5 человѣкъ, или—если гость очень важный—ему ставится особый, самый красивый столикъ. Въ комнатѣ помѣщается еще большой сундукъ, обитый желѣзомъ и жестью, въ которомъ хозяинъ держитъ свои деньги и другіе цѣнные предметы. Больше мебели—никакой.

Какъ и всѣ прочіе, находящіеся въ комнатѣ,—я сижу на коврикѣ, искусно сшитомъ изъ лоскутовъ шкурокъ съ козьихъ и оленьихъ ногъ и медвѣжьихъ лапъ; эти коврики разложены по полу вдоль стѣнъ. Наиболѣе почетнымъ гостямъ, кромѣ лучшихъ ковриковъ, даютъ еще подушки подъ спину; такихъ подушекъ лежитъ штукъ десять на сундукѣ въ обыкновенное время. Теперь большая половина ихъ разобрана гостями, сидящими поджавъ ноги „калачикомъ“ на коврикахъ и прислонясь спиной къ

подушкѣ и стѣнѣ. Передо мной поставленъ столикъ; на немъ моя походная чернильница и нѣсколько листовъ бумаги. Писать, поджавъ ноги, неудобно; но я стараюсь не быть смѣшнымъ и потому мужественно переношу неудобства полукультурнаго быта.

Собесѣдники мои—люди разныхъ состояній. Большинство изъ нихъ совсѣмъ не говоритъ по-русски, кромѣ нѣсколькихъ словъ, т.-е. немногимъ развѣ лучше, чѣмъ я говорю по-бурятски. Двое или трое кое-что понимаютъ и изъясняются короткими ломаными фразами. Дѣятельнымъ толмачомъ служитъ мой проводникъ, обрусѣвшій ясачный староста Хойготскаго рода; безъ него мое дѣло было бы совсѣмъ плохо. Замѣчательно, что тункинскіе буряты отчасти сходны, въ этомъ отношеніи, съ исчезающимъ теперь типомъ петербургскихъ нѣмцевъ, которые за десять-двадцать лѣтъ жизни среди русскихъ научаются только ругаться по-русски... Однажды, между жителями двухъ сосѣднихъ улусовъ зашелъ споръ, какой улусъ долженъ выставить лошадей подъ меня, подъ мой вьюкъ и подъ проводниковъ. Сначала горячо бранились по-бурятски, потомъ кто-то рванулъ за уздцы приведенную другимъ лошадь. „Нохóй!“ (собака) услышалъ я возгласъ обиженнаго. „Шукинъ-шынъ!“—далъ сдачи проводникъ, но тотчасъ же самъ получилъ оскорбленіе, въ видѣ нелестнаго упоминовенія его родительницы,—и тутъ уже пошло со всѣхъ сторонъ щедринское — „мать... мать...“ Иллюзія была полная; я забылъ, что нахожусь въ глухомъ улусѣ Тункинскаго вѣдомства далекой Иркутской губерніи: мнѣ представилась тихая и широкая рѣка въ центрѣ Великороссіи, паромъ у берега, десятки телѣгъ, сгрудившихся въ одну неразбериху у спуска, и кучки православныхъ мужиковъ, азартно пе-

реругивающихся изъ-за права въѣзда на паромъ. Мнѣ стало лестно, что хоть за ругательствами русскими признается, по ихъ образности, безспорная пальма первенства всѣми народами, имѣющими съ нами дѣло, отъ нѣмцевъ и англичанъ до монголо-бурятъ включительно!

Конечно, это... лестно, но удивительнаго въ этомъ ничего нѣтъ. Вся двухъ съ половиной вѣковая просвѣтительная дѣятельность русскихъ по отношенію къ бурятамъ сводится почти къ нулю. Въ исторіи сохранилась запись только объ одномъ культурно-промышленномъ предпріятіи русскихъ завоевателей въ XVII вѣкѣ: это присылка какого-то кузнеца и плавильщика въ Балаганскій острожекъ въ 1665 году, для выплавки руды изъ желѣзныхъ рудниковъ, брошенныхъ убѣжавшими бурятами. А до этого и затѣмъ, по историческимъ даннымъ, русскіе „промышленники“ занимались въ теченіе почти цѣлаго вѣка только однимъ излюбленнымъ промысломъ: грабежомъ и обманомъ, при помощи спаиванія „братскихъ“, или „твари“, какъ они ихъ презрительно называли. „Тварью“ называютъ сибирскіе крестьяне бурятъ и по сію пору; даже къ крещенымъ, но еще не обрусѣвшимъ бурятамъ крестьяне относятся высокомѣрно, какъ къ низшей расѣ: „хоть крещеный, а все же не далеко ушелъ отъ твари“, говорятъ они, и при малѣйшемъ столкновеніи своихъ интересовъ съ интересами „твари“ осыпаютъ эту послѣднюю градомъ отборнѣйшихъ русскихъ ругательствъ. Конечно, это относится только къ бѣднымъ „братскимъ“; съ богатымъ — дѣло иное: ему льстятъ, съ нимъ обходятся назойливо-фамиліарно, его угощаютъ и сажаютъ подъ образа, будь онъ даже не крещенъ; но за-глаза — и его не иначе честятъ, какъ „тварью“, хотя ужъ не въ презрительномъ, а въ злобно-

завистливомъ тонѣ. Правительство вспоминало иногда, особенно въ текущемъ столѣтіи, о необходимости взять на себя культурно-просвѣтительную миссію въ сибирскихъ странахъ, но существеннаго въ этомъ отношеніи ничего не было сдѣлано отчасти потому, что высшія административныя инстанціи предпочитали вносить „свѣточъ знанія въ мракъ невѣжества" исключительно при помощи циркуляровъ по адресу низшихъ инстанцій, отчасти и потому, что маленькіе представители власти, ближе прочихъ стоявшіе къ массамъ, всегда бывали и скудоумны, и вороваты, да и теперь—какъ извѣстно—оставляютъ желать еще очень многаго. Для характеристики этихъ культуртрегеровъ можно было бы привести массу анекдотическихъ примѣровъ изъ печатныхъ источниковъ; ограничусь двумя-тремя, менѣе извѣстными. Про одного балаганскаго воеводу разсказываютъ, что имъ послано было донесеніе такого рода: „полгорода выгорѣло, а изъ другой половины ползутъ тараканы на волю; дозвольте ужъ сжечь и сію половину: покрайности, не дурно сгоритъ, не ночью, и людишки хоть животы свои уберегутъ." Правда, воеводѣ на это отвѣтили: „города не жечь, и тебѣ, воеводѣ, тараკановъ не слушать;" но предполагать, что высшая иркутская администрація сіяла своей просвѣщенностью—нѣтъ основаній. Извѣстно, напр., что Иркутскій губернаторъ Пятницкій, бывшій при ген.-губ. Рупертѣ, глубокомысленно обсуждалъ на одномъ собраніи важное значеніе предпріятія англичанъ, задумавшихъ въ то время провести въ Лондонѣ подъ рѣкой *Сеной* туннель. О корыстолюбіи былыхъ администраторовъ Сибири—высшихъ, среднихъ и низшихъ—распространяться нечего: губернаторовъ и вице-губернаторовъ отрѣшали отъ должностей, предавали

суду, рубили имъ головы, вѣшали ихъ,—а толку изъ этого не выходило никакого. Преемникъ повѣшеннаго оказывался хуже потерпѣвшаго кару, а посылаемый на ревизію самъ попадалъ подъ судъ за хищничества, затмевавшія дѣянія предшественниковъ. Въ сферѣ административныхъ мѣропріятій грандіозныя нелѣпицы чередовались съ буффонадами; вотъ изъ числа послѣднихъ одна, извлеченная однимъ сибирскимъ изслѣдователемъ изъ архивныхъ дѣлъ текущаго столѣтія.—„Предписаніе вол. правленію. Земскій судъ черезъ подрядчика приготовилъ образцовыя розги, изъ коихъ одну для приготовленія по ней таковыхъ же къ употребленію при наказаніяхъ при семъ препровождаетъ, предписывая вол. правленію прислать причитающіяся за посылаемую розгу деньги 5 копеекъ.“*)

Легко понять, что кому-кому, а купцему (въ данномъ случаѣ—инородцамъ) доставалось больше всѣхъ другихъ на орѣхи; въ этомъ отношеніи администрація оказывалась въ союзѣ съ простыми крестьянами, русскими родомъ. Культура русская обращалась всегда къ инородцу своей грязной стороной.

Крестьяне при всякомъ случаѣ пытаются поживиться около „твари“, а если это не удается, то пускаютъ въ ходъ свой обширный лексиконъ ругательствъ; представители образованнаго класса,—всѣ эти земскіе засѣдатели и проч. стараются перещеголять одинъ другого „строгостью и неослабностью“ обхожденія съ этими „канальями“ и для этого начинаютъ выпускать залпы бранныхъ словъ, лишь только ступятъ ногою на бурятскую землю, или даже не вылѣзая еще изъ экипажа, въ которомъ

*) Ровинскій. „Изв. Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. 1872 г., т. III.

пріѣхали, и этимъ расчищаютъ себѣ путь... къ бурятскому кошелю. Такимъ образомъ выходитъ, что бранныя слова на русскомъ діалектѣ слишкомъ часто долетаютъ до уха бурятъ, значительно чаще „хорошихъ“ словъ, и нѣтъ ничего удивительнагò, что хорошимъ словамъ, полузабытымъ и самими русскими, бурята не научились, а научились только ругаться.

Однако, вернемся назадъ, въ парадную пріемную Сыдыбъ Идыгѣева.

— А кто у васъ тутъ Василій Ивановъ Бурмаевъ? Мнѣ говорили въ степной думѣ, что онъ хорошій охотникъ, „агнаха́“,—поясняю я по-бурятски.

Собесѣдники въ недоумѣніи переглядываются: они не поняли, очевидно, о комъ идетъ рѣчь. Я еще разъ поясняю. Вступается и мой толмачъ: „Вашька, Вашька Бурмаевъ“,—объясняетъ онъ. Нѣсколько человѣкъ начинаютъ что-то оживленно говорить другъ съ другомъ; видно, что они убѣждаютъ въ чемъ то одного изъ сидящихъ среди нихъ, но тотъ растерянно смотритъ то на одного, то на другого.

— Ну, Буха Бурмаевъ,—кажется, еще такъ его зовутъ,—говорю я, заглядывая въ записную книжку.

Сразу поднимается всеобщее и веселое галдѣніе: „она, вона!“—кричатъ всѣ и указываютъ на того самаго субъекта, котораго только что убѣждали въ чемъ-то. Онъ виновато улыбается и тычетъ себѣ въ грудь пальцемъ, повторяя: „агнаха̀, агнаха̀.“

— Да развѣ вы своего имени не знаете? Вѣдь вы крещены?—спрашиваю я.

— Крестныкъ, крестныкъ... Вашька — вѣрно! — раздается кругомъ.

Таковы эти „обращенные въ лоно христіанской цер-

кви“, какъ ихъ называютъ отцы миссіонеры въ своихъ отчетахъ. Не далеко ушло то время, когда—по свидѣтельству одного изъ бывшихъ миссіонеровъ (впослѣдствіи разстригшагося и напечатавшаго свои записки)—бурятъ привлекали къ крещенію всѣми средствами, отъ внушеній и приказаній до выдачи въ награду ситцевыхъ рубахъ, трехрублевыхъ ассигнацій и шейныхъ крестовъ включительно. Еще понынѣ существуетъ законъ, въ силу котораго новокрещенные инородцы освобождаются на три года отъ платежа ясачной подати. Эта мѣра оказывала, вѣроятно, незначительные результаты, потому что допускались мѣропріятія и другого рода. Такъ, нѣкто X., бурятскій тайша, получилъ чинъ губернскаго секретаря и орденъ Владиміра 4-ой степени за то, что крестился самъ, окрестилъ всѣхъ родовыхъ старшинъ своего вѣдомства и тысячу или болѣе душъ простыхъ бурятъ. Въ настоящее время семейство этого тайши имѣетъ дворянское званіе и на этомъ основаніи податей не платитъ и натуральныхъ повинностей не отбываетъ, хотя владѣетъ по захватно-родовому праву двумя сотнями лучшихъ десятинъ пашни и утуговъ изъ общественныхъ земель. Самъ X., хотя крестился и выказалъ особое усердіе къ дѣлу просвѣщенія заблудшихъ, остался въ душѣ ламаитомъ *); кромѣ христіанскаго, онъ имѣлъ четыре ламаитскихъ имени: онъ бывалъ нѣсколько разъ боленъ, а ламы—врачуя кого-нибудь—даютъ паціенту новое имя, чтобы діаволъ, изгнанный ими изъ тѣла больного, не нашелъ обратной дороги туда. Тотъ же X.,

*) Здѣшнихъ буддистовъ принято называть ламаитами, потому будто бы, что ихъ религія и обряды значительно разнятся отъ чисто буддійскихъ.

какъ увѣряютъ буряты, выстроилъ въ тункинскомъ дацанѣ особую часовню, въ которой помѣщается раззолоченный бурханъ; но входъ въ нее заколоченъ наглухо, и посторонній человѣкъ даже не догадается объ ея существованіи. Въ родахъ бурятъ-шаманистовъ также встрѣчаются „потомственные почетные граждане", отцы которыхъ возведены были въ это званіе за разныя услуги, оказанныя ими дѣлу крещенія бурятъ; тѣмъ не менѣе, многіе изъ этихъ почетныхъ гражданъ будто бы постоянно участвуютъ въ религіозныхъ празднествахъ по шаманскому обряду.

Если таковы поборники христіанства, то каковы же должны быть люди изъ массы,—той массы, которая только пассивно повиновалась распоряженіямъ своихъ всесильныхъ главарей? Вышеупомянутый миссіонеръ утверждаетъ, что нѣкоторые изъ бурятъ, войдя во вкусъ полученія трехрублевокъ и рубахъ, крестились по нѣскольку разъ, и это сообщеніе въ высокой степени вѣроятно. Отъ самихъ тункинскихъ бурятъ я слышалъ разсказы о томъ, какъ они исполняютъ христіанскіе обряды. Великимъ постомъ начинаетъ разъѣзжать по улусамъ десятникъ, посланный изъ степной думы по предложенію миссіонера, и наблюдаетъ, чтобы взрослые буряты постились хотя бы по три дня, засчитываемые имъ за говѣнье; конечно, отъ сдабриванья кирпичнаго чая молокомъ и масломъ трудно отказаться, и поэтому съ наблюдателемъ входятъ въ компромиссы. Затѣмъ, въ назначенный миссіонеромъ день, тотъ же десятникъ препровождаетъ христіанъ извѣстнаго улуса въ церковь, на исповѣдь; дорогой онъ ихъ учитъ, что надо дѣлать: „стой смирно, крестись и говори попу на все, что будетъ спрашивать, — „грѣшенъ..." И стоитъ бурятъ въ

церкви, робко и удивленно озираясь по сторонамъ, неумѣло крестится и твердитъ: „грышенъ"; а миссіонеръ отмѣчаетъ въ вѣдомостяхъ количество являющихся къ исповѣди. Уклоняющихся отъ нея бываетъ не много....

Вотъ описаніе одного случая обращенія заблудшаго на путь истинный; за достовѣрность его ручаюсь, потому что онъ произошелъ незадолго до моего пріѣзда въ Тунку. Шерапхонскаго рода, Охобокскаго улуса, бурятъ Лонсонъ Оздоновъ уклонялся много времени отъ принятія крещенія, хотя его отецъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ счелъ нужнымъ креститься. Лонсона неоднократно увѣщевали послѣдовать благому примѣру его отца, но онъ оставался упорнымъ приверженцемъ ламаитскаго ученія. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія его упорствомъ, тайша посылаетъ особаго нарочнаго и приказываетъ привесть Лонсона въ думу; тутъ его бьютъ, сажаютъ на сутки въ „каюту" (т.-е. въ арестантскую), а потомъ направляютъ подъ присмотромъ въ церковь...

Почти у всѣхъ новокрещенныхъ можно видѣть въ ихъ юртахъ и домахъ предметы ламайскаго богослуженія: бурханы (статуэтки боговъ или барельѣфы), образа, писанные на матеріи, и т. п.; христіанскихъ же иконъ нѣтъ. Кажется, что рѣшительно всѣ, даже старые христіане, носятъ на груди амулеты, по внѣшнему виду похожіе на карманные часы, или же кожаные четырехугольные мѣшечки (ладонки): внутри этихъ амулетовъ находится небольшой бурханъ и молитва, писанная по-монгольски. У одного изъ видныхъ членовъ думы, христіанина, стоитъ въ его домѣ, совершенно открыто, ламайскій алтарь, съ бурханами, чашечками съ рисомъ, водкой и проч., украшенный павлиньими перьями; тутъ же, надъ столомъ, висятъ христіанскія иконы въ фольго-

выхъ ризахъ. На ламайскія лѣтнія празднества, происходящія въ тункинскомъ дацанѣ, собирается масса народу; отправляются присутствовать на богослуженіи не только явные и тайные ламаиты, но и русскіе крестьяне и казаки,—любопытства ради. Публика чувствуетъ себя на этихъ празднествахъ прекрасно: пьютъ, ѣдятъ, устраиваютъ скачки, борьбу, съ призами для побѣдителей; иногда устраивается, или, по крайней мѣрѣ, еще недавно устраивалась, общая охота облавой. Къ вычурнымъ религіознымъ церемоніямъ ламъ (съ маскарадной процессіей, при громѣ барабановъ, тарелокъ и рѣзкихъ звукахъ дудокъ и трубъ) относятся довольно равнодушно: въ самые торжественные моменты смѣхъ и шутки въ публикѣ не прекращаются. Впрочемъ, все здѣсь сказанное относится только къ лѣтнему, самому излюбленному празднику—„майдеръ"; при какой обстановкѣ проводятъ другіе два—достовѣрныхъ свѣдѣній у меня нѣтъ *).

*) Можетъ быть не лишне сообщить нѣкоторыя подробности по этому вопросу, собранныя мною въ степной думѣ и у частныхъ лицъ. Всѣхъ ламаитовъ въ Тункинскомъ вѣдомствѣ считается нынѣ до 4440 душъ обоего пола (бурятъ же, принявшихъ крещеніе,—около 9200). При дацанѣ живутъ пять духовныхъ лицъ. Богослуженіе совершается ими ежедневно, кромѣ тѣхъ дней, которые они употребляютъ на разъѣзды по улусамъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ самымъ почетнымъ образомъ, угощаютъ всѣмъ, что есть лучшаго, и ублажаютъ разными приношеніями. Во время этихъ разъѣздовъ ламы продаютъ бурхановъ, врачуютъ больныхъ, совершаютъ краткія богослуженія. Въ дацанѣ господствуютъ монастырскіе порядки: личнаго имущества у ламъ нѣтъ; отлучаться они могутъ изъ дацана только для совершенія требъ и названныхъ экскурсій; женщины въ ихъ жилища входить не смѣютъ. Кромѣ ежедневныхъ службъ въ дацанѣ, происходящихъ при полномъ отсутствіи молельщиковъ, въ годъ бываетъ до 60 праздничныхъ, болѣе или менѣе торжественныхъ, служеній, привлекающихъ немногочисленныхъ зрителей изъ сосѣднихъ улусовъ, а

Какъ въ Тункѣ, такъ и въ Аларскомъ вѣдомствѣ, имѣющемъ свой небольшой дацанъ, настолько затруднительно различить ламаита отъ христіанина, что въ думскія смѣты расходовъ вносятся статьи по содержанію дацановъ наравнѣ со статьями по содержанію миссіонерскихъ становъ, и вся смѣта расходовъ по вѣдомству распредѣляется по душамъ, безъ различія ихъ вѣроисповѣданія; такимъ образомъ, ламаитъ участвуетъ въ содержаніи миссіонерскихъ становъ, а христіанинъ— дацановъ. Вообще, вѣротерпимость у бурятъ-ламаитовъ—полнѣйшая, если не считать достаточно понятнаго предпочтенія, отдаваемаго ими, какъ и большинствомъ людей всякихъ племенъ и нарѣчій, той вѣрѣ, въ которой они родились и которую исповѣдывали ихъ отцы и дѣды; но рядомъ съ этимъ наблюдается все большее развитіе скептицизма и господство обрядности, въ ущербъ вѣрованію, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Сегодня угощая ламу и покупая у него бурхановъ, бурятъ завтра смѣется надъ его обжорствомъ, ругаетъ его попрошайкой, а старые свои бурханы выкидываетъ, какъ уже негодные, въ оврагъ. Споровъ о вѣрѣ съ русскими — не бываетъ вовсе, какъ мнѣ говорили, не потому, чтобы боялись спорить, а просто потому, что это предметъ неинтересный: „ты считаешь за лучшее ходить въ русскую церковь,—ходи, это твое дѣло; а я пойду на май-

---

три раза въ году бываютъ большіе праздники, именно: 1) *Сагалиха* (бѣлый мѣсяцъ, нашъ „Новый годъ") — въ послѣднихъ числахъ января или въ первыхъ числахъ февраля, при новолуніи; 2) *Майдерир-ихэ* (большое торжественное шествіе)—въ іюлѣ мѣсяцѣ, тоже въ новолуніе; 3) *Зулэн-хуруле* (свѣтлое служеніе)—въ ноябрѣ. Службы въ первый и третій праздники совершаются въ дацанѣ, а въ „майдеръ"—и внѣ его, на открытомъ воздухѣ.

деръ, потому что и прежде ходилъ каждый годъ,"—вотъ и весь разговоръ. Благодаря этой-то индифферентности, православіе—хотя и по внѣшности только—приняло значительное количество бурятъ („почему бы и не креститься, если того требуютъ, или если это можетъ быть выгодно?") тункинскаго и аларскаго вѣдомствъ, и между крещеными есть и первые богачи, и бѣдняки. Совсѣмъ другое дѣло у шаманистовъ.

Совершенно несостоятельная, по сравненію съ буддизмомъ, шаманская религія, не представляющая собой законченной философской системы, не имѣющая въ своемъ распоряженіи письменъ, представляющая собою лишь культъ испуганнаго невѣдомыми ужасами человѣческаго ума, лишеннаго положительныхъ знаній, кромѣ узкопрактическихъ,—эта религія обладаетъ однако, повидимому, качествомъ приковывать къ себѣ умы вѣрующихъ крѣпче, чѣмъ буддизмъ, такъ что въ шаманистскихъ вѣдомствахъ дѣятельность миссіонеровъ даетъ лишь незначительные результаты даже въ количественномъ отношеніи *). Кромѣ того и самый контингентъ неофитовъ изъ числа шаманистовъ значительно отличается отъ сплошныхъ группъ крещеныхъ тункинскихъ бурятъ: изъ шаманистовъ крестятся, преимущественно, отдѣльныя личности, прибѣгающія къ этому только по крайней нуждѣ; напр., когда женихъ и невѣста сочувствуютъ другъ другу, но бракъ ихъ, по шаманскому обряду, состояться не можетъ, вслѣдствіе препятствій со стороны родственниковъ невѣсты, требующихъ отъ жениха ка-

*) Замѣтимъ кстати, что число крещеныхъ кочевыхъ инородцевъ достигаетъ въ Иркутскомъ округѣ 29%, а въ Балаганскомъ — 34% общаго ихъ числа.

лымъ, который превосходитъ его средства, то влюбленные бѣгутъ въ миссіонерскій станъ, сегодня—крестятся, а завтра, повѣнчавшись, возвращаются въ улусъ, уже не опасаясь, что бракъ ихъ будетъ расторгнутъ родовичами. Иногда такія бѣгства въ станъ происходятъ даже съ согласія отца невѣсты, не имѣющаго средствъ справить дорого стоющую свадьбу и не надѣющагося почему-либо получить хорошій калымъ отъ другого жениха. Или, напр., жена захочетъ уйти отъ мужа: лучшимъ для этого средствомъ служитъ обращеніе къ содѣйствію миссіонера; часто такая неофитка совсѣмъ уходитъ отъ своего мужа-шаманиста *), который лишается, такимъ образомъ, калыма, за нее уплаченнаго (надо замѣтить, что размѣры калыма бываютъ весьма солидны: до 500—1000 рублей, деньгами и скотомъ); но чаще

*) Для иллюстраціи приводимъ выдержки изъ дѣла, возникшаго по жалобѣ инородца Ашаева, 3-го Буяновскаго рода, Кансальскаго вѣдомства. Ашаевъ жаловался въ свою управу, что его жена убѣжала въ миссіонерскій станъ креститься, взявъ съ собою 11-лѣтнюю дочь; имъ было внесено за жену въ калымъ ея отцу 354 р., да на лѣченіе ея, черезъ шамановъ, онъ извелъ скота разнаго въ жертвы на 550 р.; въ виду такихъ расходовъ, Ашаевъ проситъ управу принять мѣры къ возвращенію жены; „если же она уже крестилась, то вернуть ему дочь, хотя бы крещеную, ибо по издревле установленному шаманскому обычаю—въ случаѣ побѣга жены, дѣти остаются у отца.“ При этомъ, А. обѣщаетъ „воспитывать дочь по христіанскому обряду (?) и выдать ее впослѣдствіи въ замужество за крещенаго инородца, принявъ зятя въ домъ, ибо онъ, А., нынѣ уже старъ, къ работѣ неспособенъ и никакихъ другихъ дѣтей, кромѣ упомянутой дочери, не имѣетъ“. По справкѣ въ миссіонерскомъ станѣ оказалось, что и мать, и дочь уже крещены; а относительно возвращенія дочери отцу о. благочинный отозвался, что не его дѣло, „да къ тому же не было еще примѣра, чтобы язычникъ бралъ у ма-

бываетъ, что крестившаяся жена возвращается жить къ язычнику-мужу, имѣя теперь противъ него постоянно наготовѣ оружіе,—свою принадлежность къ христіанству, обусловливающую ей возможность въ каждую данную минуту уйти отъ мужа подъ покровительство гражданскихъ властей, если бы мужъ сталъ, напр., тиранить ее. Иногда бываетъ и такъ, что первымъ крестится мужъ и заставляетъ креститься и повѣнчаться съ нимъ и жену, чтобы она не пыталась убѣжать отъ него. Такимъ образомъ, среди шаманистовъ оказывается много семей смѣшаннаго вѣроисповѣданія, въ коихъ, напр., отецъ и сыновья язычники, а мать и дочери—христіанки, или же отецъ и мать язычники, а сынъ—не бывшій въ состояніи, по бѣдности, уплатить калыма за жену — христіанинъ, равно какъ и его жена. Любопытно еще то, что средній уровень зажиточности хозяйствъ крещеныхъ изъ среды шаманистовъ значительно ниже прочихъ бурятъ этого вѣдомства, пребывающихъ въ шаманствѣ, чего не замѣчается при сравненіи крещенаго и некрещенаго населенія Тункинскаго и Аларскаго вѣдомствъ *).

---

тери-христіанки дочь-христіанку на воспитаніе къ себѣ;" въ случаѣ же преслѣдованій со стороны отца, о. миссіонеръ грозитъ обратиться за защитой новоокрещенныхъ „къ высшей администраціи".

*) Могу подтвердить цифрами все сказанное здѣсь. Въ Кудинскомъ вѣдомствѣ, Иркутскаго округа, 2082 хозяйствъ шаманствующихъ, 55 христіанскихъ и 34 хозяйства смѣшанныхъ вѣроисповѣданій; отсюда видна незначительность успѣховъ, сдѣланныхъ христіанствомъ въ этой мѣстности. На одно шаманствующее хозяйство приходится, въ среднемъ, душъ обоего пола 4,8 и десятинъ запашки — 8,5; а на одну крещеную семью—3,1 душъ и 3,1 десят., т.-е. того и другого менѣе, чѣмъ въ предыдущей группѣ. Хозяйствъ, не занимающихся земледѣліемъ, среди первыхъ—только 1,7%, а среди вторыхъ—10,9%;

Однако, надо возвратиться къ прерванному разсказу о моемъ знакомствѣ съ тункинскими бурятами. Разспросы объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о земельныхъ распорядкахъ, о земледѣльческомъ и скотоводческомъ хозяйствѣ—видимо утомили присутствующихъ; чаще и чаще слышались томительные вздохи, все меньшее количество собесѣдниковъ оставалось сидѣть на коврикахъ, а прочіе, по одному исчезали въ „кунацкую". Утомился и я, переспрашивая объ одномъ и томъ же по нѣскольку разъ, на разные лады, чтобы быть увѣреннымъ въ правильности даваемыхъ мнѣ отвѣтовъ. Но вотъ—открывается дверь и входитъ старикъ съ пергаментнымъ лицомъ, одѣтый въ шелковый голубой халатъ.

— Менду!—говоритъ онъ хозяину.

— Менду!—отвѣчаетъ тотъ.

— Тама менду!

— Тама менду!

И такъ далѣе. Всѣхъ привѣтствій четыре, которыя всякій входящій обязанъ сказать каждому изъ членовъ общества, и на каждое изъ его привѣтствій ему должны отвѣчать тѣмъ же. Привѣтствія эти значатъ: здравствуй, самъ-ли здоровъ, семейство-ли здорово, скотъ-ли здоровъ?—Если общество довольно многочисленно, какъ было, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, то эти чисто-китайскія церемоніи бываютъ довольно-таки тягостны, и мнѣ не разъ приходилось прерывать работу, съ досадой ожидая конца этимъ „менду". Теперь вошедшій старикъ не считалъ, впрочемъ, нужнымъ здороваться

---

хозяйствъ, не имѣющихъ рабочихъ лошадей, среди первыхъ 6,4%, а изъ числа вторыхъ — 27,3%. Такимъ образомъ, первые во всемъ богаче послѣднихъ.

съ мелкой сошкой изъ числа присутствующихъ и, поздоровавшись съ хозяиномъ, со мной, съ моимъ провожатымъ и двумя-тремя родовичами, усѣлся на коврикѣ, который ему тотчасъ очистили, и кинулъ всѣмъ остальнымъ одно общее „хай менду“ (всѣ здравствуйте).

— Ты зачѣмъ ко мнѣ не заѣзжалъ, а? Старый Барунъ обидѣть хотѣлъ? Старый Барунъ всѣхъ большихъ чиновниковъ угощалъ, а ты не хотѣлъ?

Начались объясненія, для чего и какъ я ѣзжу. Въ это время вошла хозяйка, женщина лѣтъ 30, одѣтая въ своеобразный національный домашній костюмъ: на ней, сверхъ юбки, было нѣчто въ родѣ теплаго ватнаго платья, крытаго сѣрымъ сукномъ, съ разрѣзомъ сзади, достигающимъ пояса; рукава платья, широкіе у плечъ, доходили, съуживаясь, до кистей рукъ; по подолу, по поясу, съ обѣихъ сторонъ разрѣза, по воротнику и на рукавахъ нашиты широкія ленты чернаго плиса. На ногахъ у хозяйки были „унты“,—сапоги домашняго издѣлія изъ мягкой кожи, безъ твердой подошвы и безъ каблуковъ. Голову бурятка обвязала краснымъ платкомъ, концами назадъ; изъ-подъ платка свѣшивались на плечи и на грудь двѣ косы, каждая изъ которыхъ была сплетена, по крайней мѣрѣ, изъ десятка болѣе мелкихъ. Въ ушахъ—массивныя серебряныя серьги съ чернью, въ вершокъ величиною, съ подвѣской изъ маржана (композиція краснаго цвѣта, напоминающая видомъ своимъ кораллъ).

Хозяйка принесла подносъ съ бутылкой водки и рюмками. Увидѣвъ это, гости попроще стали выходить въ переднюю комнату; остались лишь хозяинъ, старикъ Барунъ, да еще трое наиболѣе подходящихъ къ избранной компаніи бурятъ, не считая насъ, пріѣхавшихъ.

— Кушайтъ!—говоритъ хозяинъ, подавая мнѣ рюмку.

Я обращаюсь за совѣтомъ къ моему личардѣ, старостѣ—пить ли или просить хозяина прежде отпить.

— Пейте, — говоритъ онъ; — у нихъ принято, чтобы гость пилъ раньше.

— Ну, менду вамъ,—говорю, принимая рюмку и отпивая отъ нея.

— Зачѣмъ мало пилъ?

— Боло (довольно),— говорю. — Садабъ (благодарю)! Присутствующіе весело улыбаются, польщенные моими отвѣтами на ихъ языкѣ. Водка оказалась прескверная, а закуски — никакой; я вспомнилъ, что въ привезенной мной корзинѣ, кромѣ чая и сахара, было коечто съѣстное, въ томъ числѣ и вареныя яйца; такъ какъ корзина оставлена была въ сѣняхъ, то я пошелъ за ней.

„Пріемная" оказалась пустой; весь народъ вышелъ на дворъ и былъ въ большомъ оживленіи: буряты, большіе любители всякаго спорта, воспользовались случайнымъ сборищемъ своимъ и свободнымъ временемъ и тотчасъ же устроили скачки. Двое пріятелей дали по рублевкѣ „за руки" и отправились на своихъ „бѣгунцахъ", въ сопровожденіи нѣсколькихъ свидѣтелей, къ далекой юртѣ, версты за три отъ дома моего хозяина, чтобы оттуда примчаться вскачь, къ ожидающей ихъ толпѣ. Такія скачки устраиваются тункинцами при каждомъ удобномъ случаѣ. Неповоротливый и неуклюжій при ходьбѣ, тункинецъ-бурятъ совершенно перерождается, лишь только сядетъ на коня, хотя бы этому коню была 10 руб. цѣна. Сидитъ онъ на конѣ небрежно-граціозно, помахивая плетью, и чувствуетъ себя вполнѣ въ своей сферѣ, привыкнувъ уже съ трехлѣтняго возраста взбираться всякому коню на спину и не однажды

поплатившись, за свою удаль, разбитымъ носомъ или шишкой на лбу. Тункинецъ не сдѣлаетъ двухсотъ саженей пѣшкомъ къ ближайшему сосѣду; женщины ихъ ѣздятъ верхомъ не хуже мужчинъ. Сѣдло составляетъ гордость тункинца: есть сѣдла, окованныя серебромъ съ чеканкой, стоимостью въ 50, до 100 и болѣе рублей; лошадь можетъ быть плохой, но у молодечествующаго бурята сѣдло непремѣнно должно быть дорогое. Стремена подвѣшиваютъ высоко; стремя — плоское, тарелочкой; обѣ луки у сѣдла — высокія.

Въ ожиданіи появленія скачущихъ, двое молодыхъ стали бороться: схватились за предплечья и давай кружиться и дергать одинъ другого на себя и въ бокъ; толпа тотчасъ составила около нихъ тѣсный кругъ. Результаты борьбы еще не выяснились, когда раздались крики нѣкоторыхъ сторожившихъ появленіе всадниковъ. Вмигъ всѣ кинулись навстрѣчу скачущимъ: кто взобрался на изгородь утуга *), кто вскочилъ на лошадь, иные влѣзли на крышу амбара. Побѣдителя встрѣтили криками восторга; побѣжденный, отставшій сажень на двадцать, старался привести оправданія своему пораженію, но его слушали съ ясно выраженной насмѣшкой на лицѣ. Лошади тяжело дышали, быстро поводя животомъ.

Я раскрылъ корзину; она никогда не замыкалась на замокъ: тѣмъ не менѣе, еще ни разу, во время моихъ странствованій по Сибири, у меня не случалось покражъ съѣстного, и я, поэтому, сильно удивился, когда — вмѣсто двухъ десятковъ яицъ — въ корзинѣ оказалось ихъ только штуки три... Неужели тункинцы такіе воры?

---

*) Утугъ — унаваживаемый сѣнокосъ.

подумалъ я въ первую минуту. — Но нѣтъ, — все прочее, даже сахаръ, оказалось цѣлымъ. Эту загадку разъяснилъ мнѣ, впослѣдствіи, мой провожатый. Тункинцы, равно и другіе буряты, не держатъ куръ, чтобы они не портили утуговъ (на этомъ же, будто бы, основаніи не разводятъ они и свиней); изъ любопытства заглянувъ въ мою корзину, молодежь увидѣла яйца, которыхъ многіе изъ нихъ ни разу въ жизни не ѣдали: и вотъ, изъ чистаго баловства, мой запасъ провизіи былъ вмигъ расхищенъ, причемъ расхитителямъ даже въ голову не приходило, что ихъ поступокъ не есть одно баловство. Конечно, я только посмѣялся по поводу этой чисто дѣтской выходки 20—30-лѣтнихъ шалуновъ.

Оставленные мною почетные гости успѣли, за мое отсутствіе, покончить съ первой бутылкой водки и приняться за вторую. Мнѣ стоило большого труда, не обижая хозяевъ, отказываться отъ слѣдовавшихъ одна за другой рюмочекъ. Но за то я сдѣлалъ честь и видимое удовольствіе хозяйкѣ, исправно занявшись поданнымъ мнѣ бурятскимъ деликатессомъ — саламатой, которая приготовляется такъ: въ кипящее масло сыплютъ тонкой струей поджаренную муку, постоянно размѣшивая ее; получается на днѣ сосуда нѣчто въ родѣ жидкой кашицы, поверхъ которой плаваетъ слой масла пальца въ три. Хотя я преизрядно занялся этимъ жирнѣйшимъ кушаньемъ, но никакой изжоги послѣ ѣды не чувствовалъ. Затѣмъ стали пить чай; мнѣ подали въ стаканѣ кирпичнаго чаю съ густымъ топленымъ молокомъ, а буряты пили изъ деревянныхъ китайскихъ чашечекъ. Языкъ у моихъ собесѣдниковъ сильно развязался послѣ двухъ бутылокъ водки; я слушалъ и старался наводить разговоръ на интересующіе меня предметы. Говорили

объ охотѣ, о торговлѣ съ Монголіей, куда возятъ, во вьюкахъ, бумажныя ткани, плисъ, сукно, ножевый товаръ и проч., и оттуда пригоняютъ гурты быковъ, для иркутскаго рынка.

— И большую торговлю у васъ ведутъ? Кто у васъ самый крупный торговецъ?

Старикъ съ пергаментнымъ лицомъ привсталъ на колѣни и съ достоинствомъ ударилъ себя въ грудь.

— Я самый большой торговецъ! Больше Барунъ Олзоева нѣтъ барята!

— О, о! Тиме (такъ), тиме! Зубальда (да)!...—поддержали его родовичи.

— Барунъ, если хочетъ — все можетъ купить! Онъ у исправникъ бывалъ, и у губернаторъ бывалъ! Барунъ тридцать... нѣтъ, больше!.. пятьдесятъ лошадей каждый годъ два раза съ товаромъ въ Монголію посылаетъ, а на лошади товару на 300 рублей! Да, вотъ каковъ Барунъ!..

— У, Барунъ очень богатый человѣкъ! Онъ спорилъ прошлый годъ,—говоритъ: у меня денегъ больше одного пуда будетъ!... Принесли вѣсы, стали вѣшать: все пачки, все пачки, перевязанныя бичевками... Пудъ тридцать фунтовъ оказалось!.. — съ восхищеніемъ сообщилъ мой провожатый.

— Я хорошій барятъ, — разсказывалъ дальше Барунъ.—Я своихъ барятъ люблю!.. Когда тайша подати брать хочетъ, я все плачу, — больше тысячи рублей плачу!...

— Ну, потомъ, конечно, собираете съ нихъ, да еще и благодарности мало-мало... того?..

Кругомъ поднялся смѣхъ; Барунъ что-то сталъ торопливо объяснять, но я рѣшительно ничего не понялъ

изъ его рѣчей, ибо старикъ пришелъ уже въ такое состояніе, когда люди даже на своемъ родномъ языкѣ перестаютъ выражаться связно. Потомъ я узналъ, что Барунъ облагаетъ родовичей лишь вполнѣ „божескими“ процентами, именно: за полгода 10 коп. съ рубля, между тѣмъ какъ мелкіе ростовщики берутъ за ссуду не менѣе 36, а то 60 и даже 120% годовыхъ. Вѣроятно, это самое и хотѣлъ мнѣ сказать тункинскій крезъ въ свое оправданіе.

Вечеромъ часовъ въ десять, когда я—по дорожному—уже собирался укладываться спать, хозяинъ спросилъ меня:

— Поѣдемъ, свадьбу смотрѣлъ, ну?

Конечно, я не отказался отъ такого рѣдкаго случая; и вотъ мы — хозяинъ съ хозяйкой, нѣсколько принарядившейся по этому случаю, мой провожатый и я — отправились верхами на свадьбу, версты за двѣ. Ночь была — зги не видать; тѣмъ не менѣе, лошади ступали увѣренно, какъ бы идя по гладкой дорогѣ. Когда, впослѣдствіи, я какъ-то при дневномъ свѣтѣ увидѣлъ эту „дорогу“, по которой мы ѣхали въ веселую свадебную ночь, то удивился, какимъ чудомъ я проѣхалъ благополучно по этимъ безчисленнымъ кочкамъ, вышиною въ полъ аршина и выше, тѣсно стоящимъ одна возлѣ другой, по рытвинамъ, образованнымъ вешними водами и дождями, и по прочимъ прелестямъ некультурнаго дикаго мѣста, на которомъ и тропинки не было видно, потому что каждый всадникъ, или, вѣрнѣе, лошадь каждаго всадника избираетъ себѣ курсъ въ этой болотистой Коймарской долинѣ по своему личному вкусу; телѣги, или даже первобытныя двухъ-колесныя арбы (тырга) тамъ не употребляются.

Свадебный пиръ происходилъ въ просторной, хотя старой юртѣ, принадлежавшей родителямъ невѣсты. Бурятская юрта—это бревенчатый, четырехъ-, пяти-, шести или восьмиугольный срубъ, крытый тесомъ или корой лиственницы, поверхъ которой, для устойчивости, накладываютъ слой дерна; въ крышѣ, поддерживаемой четырьмя столбами, оставляется отверстіе для дыма; огонь раскладывается посреди юрты, непосредственно на землѣ; остальная же площадь основанія юрты забирается иногда досками. Мебели въ юртахъ не бываетъ никакой: сидятъ на полу, на коврикахъ или войлокахъ, или безъ оныхъ, если хозяинъ бѣднякъ. Никакихъ перегородокъ нѣтъ; только нѣкоторыя женщины устраиваютъ себѣ пологи, за которыми спятъ, кормятъ дѣтей, совершаютъ свои туалеты. По стѣнамъ стоятъ сундуки съ рухлядью, а на нихъ горы подушекъ, набитыхъ шерстью. Тутъ же стоитъ деревянная посуда для молока и арсы (особый видъ квашенаго молока), а на кольяхъ помѣщаются болѣе цѣнные предметы: чайники, чашки и пр. У входа юрты устраиваютъ иногда слѣва и справа чуланчики, для склада разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей и припасовъ, такъ что получается нѣчто вродѣ крытыхъ сѣнецъ. О войлочныхъ или кожаныхъ юртахъ, служившихъ, несомнѣнно, прототипомъ нынѣшнихъ, теперь ужъ и помина нѣтъ, даже въ самыхъ малокультурныхъ бурятскихъ вѣдомствахъ, каковы тункинское *) и китойское; да и въ нынѣшнихъ бревенчатыхъ юртахъ зимою уже никто

*) Не могу, впрочемъ, утверждать этого относительно той отдаленной части тункинскаго вѣдомства, по верховьямъ рѣки Оки, въ которой побывать мнѣ не пришлось.

не живетъ: онѣ служатъ только въ качествѣ лѣтняго жилого помѣщенія, а зимой въ нихъ хранятъ припасы; бѣдные же буряты, не имѣющіе надворныхъ построекъ, ставятъ зимою въ юрты скотину. Въ лѣтникахъ, куда буряты перекочевываютъ на лѣто, русскихъ избъ почти ни у кого нѣтъ,—все юрты; и дѣйствительно, для лѣта юрты очень удобны: они гораздо прохладнѣе избъ, содержатъ больше воздуха и лучше вентилируются. Сознавая эти преимущества юртъ, въ нѣкоторыхъ пограничныхъ съ бурятскими вѣдомствами мѣстностяхъ и русскіе крестьяне устраиваютъ себѣ юрты, какъ бы взамѣнъ дачъ. Съ своей стороны, уже около ста лѣтъ назадъ, буряты оцѣнили превосходство русскихъ избъ въ зимнее время: и теперь нѣтъ ни одного бурята, кромѣ самыхъ жалкихъ бѣдняковъ, который не имѣлъ бы избы съ русской печью. Разсказываютъ, что первыя попытки измѣны дѣдовскимъ обычаямъ, т.-е. замѣны юртъ избами, навлекли на отступниковъ гнѣвъ божествъ, которые позадушили ночами не мало виновныхъ; и только обильныя жертвоприношенія мало-помалу умилостивили грозныхъ онгоновъ... Объясняютъ это такъ: бурятки не умѣли, на первыхъ порахъ, управляться съ русской печью и напускали на ночь такого угара въ избу, что нерѣдко сосѣдямъ приходилось на утро выволакивать всѣхъ членовъ семейства новатора на снѣгъ, при чемъ нѣкоторые изъ наказанныхъ злыми духами все же не оживали. Лишь цѣною многихъ жизней состоялась побѣда избы надъ юртою; теперь, хотя богачи-буряты и продолжаютъ строить себѣ высокія и обширныя юрты для лѣтняго жилья, но большую часть года они проводятъ уже въ домахъ, которые бываютъ о нѣсколькихъ комнатахъ, съ рѣзными перегородками

и изразцовыми голландками, ничѣмъ не уступая домамъ русскихъ сельскихъ богачей. Старое значеніе юрты, какъ жилья по преимуществу, сказывается, впрочемъ, въ слѣдующемъ, и теперь существующемъ обычаѣ: у каждаго женатаго члена семьи, хотя и не отдѣленнаго, должна имѣться своя юрта, тогда какъ зимній домъ можетъ быть общій съ другими членами семьи; поэтому, отецъ-бурятъ, собираясь женить сына, приступаетъ, первымъ дѣломъ, къ постройкѣ или покупкѣ юрты для него. Бѣдные отцы начинаютъ строить для своихъ подростковъ-сыновей юрты задолго до времени ихъ брачной зрѣлости, напр., за 5—10 лѣтъ, каждый годъ прибавляя къ постройкѣ по нѣскольку тяжелымъ трудомъ заработанныхъ или добытыхъ бревенъ.

Блестящія искры и темно-багровые клубы дыма, вылетавшіе изъ крыши одной юрты, указали бы мнѣ, будь я даже и безъ проводниковъ, гдѣ именно происходило свадебное торжество. Изъ темноты выдѣлилось и окружило насъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Перекинувшись съ моими спутниками двумя-тремя фразами, они приняли отъ насъ поводы нашихъ лошадей и утонули съ ними въ окружавшемъ ихъ мракѣ. Мы же вошли въ бальную залу.

Посреди нея горѣлъ яркій огонь, постоянно поддерживаемый вновь подбрасываемыми въ костеръ длинными сухими полѣньями лиственицы; этотъ костеръ служилъ единственнымъ источникомъ свѣта въ юртѣ, имѣвшей до 15 аршинъ въ длину и ширину. Всю лѣвую сторону юрты занимала танцующая публика; направо сидѣли и стояли зрители. Насъ тотчасъ провели къ самому огню и предложили для сидѣнья обрубки деревьевъ; на такихъ же импровизированныхъ сидѣньяхъ, а то и просто на

землѣ, сидѣло тутъ же до десятка пожилыхъ и старыхъ бурятъ, пившихъ чай изъ деревянныхъ чашекъ. Простые смертные толпились за нами, не предъявляя правъ на мѣсто у огня и на участіе въ пиру. Впрочемъ, самый пиръ, въ смыслѣ истребленія яствъ и питій, происходилъ въ другомъ мѣстѣ и значительно раньше нашего пріѣзда; теперь же давался балъ *).

Танцующіе занимали всю лѣвую половину юрты; ихъ было человѣкъ до шестидесяти,—все больше молодежь, хотя, среди нея можно было замѣтить мужчинъ и женщинъ, достигшихъ, по крайней мѣрѣ, 30-тилѣтняго возраста. Всѣ были одѣты въ хорошіе костюмы, но не въ самые парадные; напр., ни на одномъ мужчинѣ не было атласныхъ халатовъ, женщины же имѣли на себѣ только небольшое число лентъ, унизанныхъ серебряными монетами, а самыя дорогія ожерелья — отсутствовали. Надо думать, что некрупное „соціальное положеніе“ жениха и невѣсты и самый характеръ этой части празднества способствовали большей простотѣ костюмовъ. Среди зрителей было много мужчинъ и парней въ затрепанныхъ халатахъ; многіе изъ такихъ, нисколько не стѣсняясь, принимали участіе въ танцѣ. Женскіе костюмы не были лишены вкуса: преобладало сочетаніе цвѣтовъ чернаго съ краснымъ, съ украшеніями изъ золота и серебра и красныхъ же маржановъ.

Вотъ господствующій костюмъ мѣстныхъ дѣвушекъ: красная шерстяная юбка, окаймленная черной плисовой лентой по подолу, не достаетъ пола и не прикрываетъ

---

*) Настоящее описаніе брачнаго празднества отнюдь не претендуетъ на полноту и серьезное этнографическое значеніе, ибо я описываю только то, что видѣлъ лично.

ногъ, обутыхъ въ русскіе сапоги съ свѣтлыми подковками; черная суконная или плисовая поддевка, съ густыми сборками около перехвата, сдѣланнаго въ самой таліи; поясъ, состоящій изъ золотой позументной ленты; черезъ лѣвое плечо—красная шелковая лента, завязанная на правой сторонѣ, у пояса, бантомъ *); отъ невысокаго стоячаго воротника поддевки спускаются по спинѣ, значительно ниже пояса, двѣ шелковыя ленты, съ нашитыми на нихъ золотыми и серебряными монетами; черная шляпа, обшитая бархатомъ, имѣющая форму тазика, краями вверхъ, съ заостряющимся возвышеніемъ посрединѣ, для помѣщенія головы. Волосы заплетены въ двѣ косы, спускающіяся напередъ, по плечамъ. Зимою поверхъ этого костюма одѣвается шуба баранья, или лисья, или другая какая, смотря по состоянію; шляпа же замѣняется круглой шапкой изъ выдры, украшенной по околышку собольимъ мѣхомъ, а на макушкѣ — посеребренной, вычурной формы, шишечкой. На шею, въ торжественныхъ случаяхъ, одѣвается ожерелье, состоящее изъ многочисленныхъ нитокъ „маржана", съ подвѣшенными къ нимъ золотыми монетами, въ числѣ коихъ встрѣчаются и заграничныя, нерѣдко весьма старинныя. Въ общемъ, женскій костюмъ довольно красивъ и хорошо гармонируетъ съ смуглыми лицами и черными волосами бурятскихъ красавицъ. Здѣсь, кстати, замѣтить, что тункинскіе буряты и бурятки нѣсколько красивѣе прочихъ: они статнѣе, не такъ скуласты, и прорѣзы ихъ глазъ не такъ узки, какъ напримѣръ, у кудинскихъ, капсальскихъ и другихъ бурятъ.

*) Эта лента надѣвается, кажется, только на брачныя празднества.

Происходившій на моихъ глазахъ танецъ заключался въ слѣдующемъ. Участвующіе мужчины и женщины, вперемежку, безъ всякаго порядка, берутся за руки, тѣсно прижавшись плечомъ къ плечу и образуя одинъ большой кругъ; затѣмъ, подъ звуки пѣсни, которую сами же и поютъ, переступаютъ съ ноги на ногу, нѣсколько при этомъ присѣдая и подвигаясь медленно слѣва направо; кажется, что въ этой тѣснотѣ, въ постоянномъ прикосновеніи плеча къ плечу сосѣда — и заключается вся привлекательность этого танца. Мотивъ пѣсни однообразный, не гармоничный, состоящій изъ двухъ музыкальныхъ фразъ. Поютъ о томъ, какъ хороша невѣста, какой молодецъ женихъ и какъ богатъ калымъ. Въ теченіе того часа, который я пробылъ на бурятскомъ балу, немузыкальная пѣсня не прекращалась ни на минуту, и танцующіе не уставали присѣдать и переступать съ ноги на ногу, при каждомъ шагѣ подвигаясь лишь вершка на 2—3; впрочемъ, иные, менѣе выносливые, выходили изъ круга отдохнуть или покурить, и на мѣсто ихъ становились свѣжіе танцоры.

А тѣмъ временемъ почетные гости, не переставая, пили чай, который имъ подливали женщины ковшемъ изъ большихъ, тутъ-же у огня стоявшихъ корчагъ. Пировавшіе почти не выпускали изъ рта маленькихъ китайскихъ трубочекъ, которыя безпрерывно наполнялись новыми щепотками табаку и закуривались отъ того же костра. Куреніе развито у бурятъ, насколько я могъ подмѣтить, не всѣхъ вѣдомствъ сплошь, а мѣстами: такъ, напримѣръ, я не помню, чтобы среди кудинскихъ было много курильщиковъ; за то у молькинцевъ мнѣ встрѣчались улусы, въ которыхъ поголовно всѣ, даже женщины

(особенно—старухи), имѣли трубки во рту; среди ту
кинскихъ бурятъ куреніе также развито.

Утомясь глядѣть на присѣданія танцующихъ и сл
жить предметомъ наивнаго любопытства остальной пу
лики, изучавшей меня, какъ заморскаго звѣря, не толь
посредствомъ зрѣнія, но и осязанія, я спросилъ про
жатаго, что же еще имѣетъ происходить интереснаго
пиру?

— Да вотъ, все такъ же...

— Все ходить будутъ да присѣдать? Развѣ на дру
какой-нибудь манеръ они не танцуютъ?

— Нѣтъ, все такъ! Поютъ себѣ да топчутся, по
устанутъ ноги служить, али глотки.

— А долго это протянется, какъ вы думаете?

— Да часовъ до двухъ или до трехъ ночи пропляшу

— Ну, братъ, я ужъ соскучился, и спать хочет
Нельзя ли какъ-нибудь удрать отсюда?

— Что-жъ, поѣдемте! И мнѣ чтой-то тоскливо стало
Мы и безъ хозяевъ дорогу найдемъ домой.

Я отлично выспался на постели, приготовленной д
меня на полу, изъ козьихъ и бараньихъ шкуръ. Утро
назначенъ былъ отъѣздъ въ другой родъ, Бадархонск
но тункинцы торопиться не любятъ, да и не научили
еще спѣшить, будучи полными хозяевами своего вр
мени. Сначала долго не приводили верховыхъ коней по
насъ, а потомъ случилась и еще задержка: невѣста,
сопровожденіи группы поѣзжанъ изъ числа ея близки
родственниковъ и родственницъ, пріѣхала къ моимъ х
зяевамъ благодарить за посѣщеніе ея пира. Въ течен
2—3 дней невѣста съ провожатыми объѣзжаетъ, таки
образомъ, всѣхъ своихъ родственниковъ, даже самы
дальнихъ. Въ каждомъ домѣ они поютъ и пляшутъ, ка

описано выше; ихъ повсюду угощаютъ чаемъ, бараниной, тарасуномъ и дарятъ невѣсту деньгами, сукномъ, шелковой матеріей и т. п. Близкіе родственники дарятъ щедрѣе (напримѣръ, даютъ овцу или кочерика - бычка), отдаленные же или небогатые даютъ немного, но не меньше, чѣмъ на рубль. Объѣздивъ всю родню, попрощавшись, такимъ образомъ, съ нею и какъ бы получивъ отъ нея разрѣшеніе на выходъ изъ рода (буряты женятся только на женщинахъ изъ чужого рода), невѣста ѣдетъ уже не домой, а къ жениху, въ юртѣ котораго и происходитъ новый двухъ или трехдневный пиръ, на которомъ участвуютъ родственники обѣихъ сторонъ. Этимъ свадьба, будто бы, и заканчивается; совершаются ли при этомъ какія - нибудь церемоніи религіознаго характера, осталось для меня невыясненнымъ.

Третій Хонгодорскій родъ не хотѣлъ отпускать меня, какъ простого какого - нибудь смертнаго: провожатыхъ оказалось человѣкъ восемь, въ томъ числѣ старикъ Барунъ и хозяинъ Сыдыбъ, — всѣ, конечно, верхами. Подъ пытливыми взорами этихъ многочисленныхъ профессоровъ верховой ѣзды, мнѣ, чтобы не осрамиться, ничего не оставалось дѣлать, какъ самымъ безпечнымъ образомъ относиться къ некультурнымъ прелестямъ дороги и отъ времени до времени легкими ударами бурятской плети поторапливать лошадь, — на наиболѣе ровныхъ, конечно, мѣстахъ... И я былъ не мало польщенъ, когда Барунъ сказалъ моему тѣлохранителю:

— А ничего, можетъ мало-мало ѣздить!..

Судьбѣ угодно было, однако, ярко иллюстрировать мнѣ разницу между моей и лихой бурятской ѣздой. Навстрѣчу намъ показалась фигура всадника, мчавшагося на полныхъ рысяхъ, не обращая вниманія на кочки,

рытвины и прочія удобства пути. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, бросая на меня быстрые и неласковые взгляды, всѣ буряты дружно и охотно привѣтствовали его возгласами „менду“ и затѣмъ вступили въ разговоръ; тѣмъ временемъ я успѣлъ достаточно разсмотрѣть его, но налюбоваться имъ не успѣлъ. Онъ былъ сухощавъ и строенъ, выраженіе его лица было повелительное; глаза черные, какъ уголь, лишь слегка съуженные; носъ—совсѣмъ не бурятскій,—приплюснутый, а тонкій, орлиный; волосы на головѣ у него были срѣзаны, почти что сбриты (это дѣлается при помощи остраго ножа), но отъ макушки шелъ по спинѣ чубъ, заплетенный въ косу и удлиненный, изъ щегольства, черными шелковыми нитями, какъ это дѣлаютъ китайцы. На всадникѣ былъ голубой халатъ съ перелинкой, мягкіе, вышитые блестками, сапоги и небольшая круглая шапочка на затылкѣ, подвязанная шнуркомъ подъ подбородокъ. Сѣдло и уздечка сверкали серебряными украшеніями. Это былъ типъ легендарнаго бурятскаго богатыря, перваго на войнѣ и охотѣ.

— Кто это такой? Почему онъ одѣтъ иначе, чѣмъ вы? Почему у него коса, а у васъ нѣтъ ея?—задалъ я рядъ вопросовъ старостѣ и Баруну.

— Такъ у насъ въ старину одѣвались, и косы тогда носили. Ну, а теперь все это выводится... Можетъ-быть, человѣкъ десять такихъ, какъ онъ, найдется во всей нашей Тункѣ, которые во всемъ старыхъ обычаевъ держатся. А онъ еще и роду хорошаго... Всѣ его почитаютъ, да!..

Больше я ничего не могъ узнать объ интересномъ всадникѣ; и потомъ, при моихъ дѣловыхъ бесѣдахъ съ бурятами, я съ нимъ уже не встрѣчался: за него давалъ отвѣтъ его отдѣленный братъ, въ которомъ я ничего

особеннаго не замѣтилъ, такъ что только нѣсколько дней спустя узналъ, что улусъ, въ которомъ живетъ бурятскій богатырь, остался уже за нами.

Возлѣ какого-то ручья мои провожатые стали спѣшиваться.

— Тутъ нашъ грань!—сказалъ Барунъ.—Дальше чужой земля пошла, дальше мы не ѣдемъ. Прощай!.. Будь здорова!..

Я также поспѣшилъ слѣзть съ коня, не желая нарушать національнаго этикета. Послѣдовали рукопожатія, а нѣкоторые, кромѣ того, прикладывали мою руку къ своему лбу. Повторять тотъ же маневръ я не рѣшался, боясь слишкомъ ужъ уронить престижъ своего званія, а что̀ именно слѣдовало дѣлать по бурятскому церемоніалу—не зналъ; поэтому я былъ радъ, когда сцена прощанія нѣсколько сократилась чьимъ-то возгласомъ:

— А вонъ—бадархонскіе навстрѣчу ѣдутъ!

Дѣйствительно, по ту сторону ручья показались трое всадниковъ, выѣхавшихъ навстрѣчу къ „своей грани", въ качествѣ представителей отъ рода. Большіе любители церемоній эти номады, да и много же у нихъ свободнаго времени имѣется для выполненія ихъ!

— Прощай! Ѣзжай къ намъ, когда назадъ будешь!—кричалъ Барунъ.

— Ѣзжай!—отзывался и Сыдыбъ.

Надо замѣтить, что я не рѣшился предложить этому богачу какую-нибудь плату за свое содержаніе въ теченіе полутора сутокъ и счелъ болѣе удобнымъ подарить его женѣ маленькія стальныя ножницы, бывшія со мной; этотъ подарокъ привелъ въ восхищеніе не только бурятку, но и самого Сыдыба, которому она тотчасъ похвасталась вещицей. Въ дальнѣйшемъ путешествіи по

Тункѣ мнѣ уже не приходилось останавливаться у такихъ богачей, такъ что я спокойно давалъ деньги, или самимъ хозяйкамъ, или ихъ ребятамъ; понятно, что никакихъ договоровъ о размѣрѣ платы быть не могло, тѣмъ болѣе, что — какъ я узналъ впослѣдствіи — почти всѣ лица, принимавшія меня у себя, заранѣе уговаривались съ своимъ родомъ о вознагражденіи за мое содержаніе изъ родовыхъ суммъ, и мои рублевки являлись, такимъ образомъ, совершенно сверхсмѣтнымъ и неожиданнымъ для нихъ доходомъ.

---

Буряты-шаманисты, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, гораздо ординарнѣе, менѣе оригинальны тункинскихъ бурятъ. Эти послѣдніе возсоздаются въ памяти наблюдателя въ яркихъ краскахъ, съ рельефно очерченными контурами; почти каждый улусъ ихъ имѣетъ свою физіономію, каждый собесѣдникъ изъ числа ихъ носитъ на себѣ печать индивидуальности. Кудинскіе буряты, которыхъ я знаю лучше прочихъ изъ числа шаманствующихъ, рисуются мнѣ въ сѣрыхъ тонахъ, съ блѣдными, расплывчатыми контурами фигуръ; лица мелькаютъ одно за другимъ, и почти не на комъ остановиться, — такъ они всѣ похожи другъ на друга. Можетъ быть, яркости впечатлѣнія, вынесеннаго изъ Тунки, соотвѣтствуетъ самая обстановка, въ которой приходилось жить это время: красивая мѣстность, окаймленная цѣпью высокихъ горъ, масса рѣчекъ, озеръ и болотъ, переѣзды верхомъ изъ рода въ родъ кавалькадами въ 8—10 человѣкъ, ночлеги при типичной бытовой обстановкѣ, все это запечатлѣвалось въ памяти и давало живую окраску лицамъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло;

наоборотъ,—степная мѣстность, лишь изрѣдка перерѣзаемая маловоднымъ ручьемъ или сухимъ оврагомъ, скучные переѣзды на тряской бричкѣ или въ кошевкѣ, отсутствіе рѣзкихъ отличій въ внѣшнемъ видѣ улусовъ и въ внутреннемъ убранствѣ домовъ,—все это предрасполагало относиться безразлично и къ самимъ жителямъ степныхъ вѣдомствъ, считать ихъ одной компактной массой, лишенной яркихъ индивидуальныхъ особенностей.

Кудинцы, идинцы и другіе буряты одѣваются очень просто: халатъ ниже колѣнъ, перепоясанный ремнемъ или бечевкой, — вотъ и весь верхній костюмъ, если не считать шапки или малахая съ длинными наушниками и сапогъ, или бродней, или ичигъ. Женщины одѣваются также весьма просто и безвкусно: платье ситцевое или шерстяное, въ видѣ блузы, безъ таліи, доходитъ до щиколокъ; на головѣ—круглая шапочка, въ видѣ низкаго цилиндра; при торжественныхъ случаяхъ, напр., угощая гостя, бурятка накидываетъ на спину, ближе къ лѣвому плечу, какой-нибудь платокъ, хотя бы самый грязный, развернутый во всю величину и завязанный вокругъ шеи двумя сосѣдними концами: этотъ платокъ служитъ знакомъ отличія домоправительницы отъ прочихъ женщинъ; безъ него она ни за что не выйдетъ къ гостю. Дѣвушки-бурятки носятъ мужскіе халатики, стригутъ волосы совсѣмъ коротко *) и употребляютъ, вмѣсто го-

*) Нѣкоторые изъ бурятъ бывшаго идинскаго вѣдомства устраиваютъ себѣ весьма комичную прическу: они очень коротко обстригаютъ всю голову, даже брѣютъ ее ножемъ, оставляя только узкую, пальца въ два шириной, полосу [illegible] длинныхъ волосъ по линіи, граничащей съ лицомъ, отъ одного уха до другого, надъ самымъ лбомъ.

ловного убора, простыя фуражки, такъ что, по костюму, ничѣмъ не отличаются отъ подростковъ мужского пола. Становясь невѣстой, дѣвушки начинаютъ отпускать свои волосы; женщины уже заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, связывая вмѣстѣ на груди. Въ этомъ видѣ онѣ служатъ хозяйкамъ для привязыванія ключей отъ сундуковъ и чулановъ: у иной виситъ на косѣ цѣлая связка ключей, вѣсомъ, по крайней мѣрѣ, въ фунтъ. Въ бывшемъ идинскомъ вѣдомствѣ нѣкоторыя женщины, особенно старухи, носятъ лѣтомъ штаны до колѣнъ и мужскія рубахи поверхъ,—больше ничего: фигура такой старухи, съ трубкой во рту, босая, въ круглой шапочкѣ, съ абсолютно голымъ ребенкомъ, сидящимъ у ней на спинѣ („на закукоркахъ")—весьма курьезна на взглядъ культурнаго человѣка. Не менѣе курьезны, но болѣе пошлы фигуры нѣкоторыхъ мужчинъ-щеголей, надѣвающихъ на голое тѣло пиджакъ или сюртукъ: лоснящееся отъ жира и пота круглое лицо такого красавца, его узкіе, какъ щели, глаза, сильно выдающіяся скулы, голыя шея и грудь—все это очень эффектно дисгармонируетъ съ нѣмецкимъ пиджакомъ Охъ, спинжакъ, спинжакъ,—вонъ, въ какую глушь ты уже забрался!..

И по характеру своему, и по умственному складу, буряты степныхъ мѣстностей рѣзко отличаются отъ тункинскихъ: они гораздо скрытнѣе и лживѣе тункинцевъ, болѣе подобострастны передъ всякимъ начальствомъ и, въ общемъ, похожи на нелюбимую, загнанную собаку, бродящую по закоулкамъ двора съ опущеннымъ хвостомъ и подозрительно поглядывающую по сторонамъ въ постоянномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ вылетитъ откуда-нибудь полѣно ей въ ноги. Достаточнаго объясненія этой черты ихъ характера я дать не умѣю; но мнѣ

кажется, что близкое, сравнительно, сосѣдство степныхъ бурятъ съ русскими, легкій доступъ и проѣздъ къ нимъ всякаго рода начальства, давно начавшееся участіе ихъ въ капиталистическомъ сельскохозяйственномъ производствѣ послужили главнѣйшими факторами въ дѣлѣ перевоспитанія кочевниковъ кудинскаго, капсальскаго, улейскаго, молькинскаго и другихъ вѣдомствъ. Земледѣліемъ они стали заниматься уже лѣтъ сто назадъ, тогда какъ въ Тункѣ земледѣліе и сейчасъ находится еще въ зачаточномъ состояніи, а нѣкоторые улусы этого вѣдомства еще понынѣ живутъ исключительно скотоводствомъ и охотой (въ отдаленныхъ окинскихъ улусахъ даже сѣна, говорятъ, не заготовляютъ: скотъ и лошади ходятъ всю зиму на подножномъ корму). Этотъ ранній переходъ къ земледѣлію степныхъ бурятъ указываетъ на то обстоятельство, что они, въ силу нѣкоторыхъ причинъ, уже въ прошломъ вѣкѣ оказались не въ состояніи сохранить свои бытовыя особенности, подъ давленіемъ русской культуры; напримѣръ, въ настоящее время кудинскіе и капсальскіе буряты продаютъ уже массу хлѣба и значительную часть своего утужнаго сѣна (съ удобренныхъ луговъ: оно лучше простого лугового) на иркутскомъ и на другихъ, болѣе мелкихъ, рынкахъ. Тункинскіе же буряты, значительно удаленные отъ Иркутска и торговыхъ трактовъ, имѣющіе въ своемъ сосѣдствѣ лишь около 350 дворовъ крестьянъ и казаковъ Тункинской волости (тогда какъ бурятскихъ хозяйствъ насчитывается до 2,800), до сихъ поръ располагающіе возможностью держать значительное ко[illegible]ство скота и заниматься звѣроловствомъ въ об[illegible] размѣрахъ, — съумѣли лучше прочихъ сохр[illegible] бытовыя особенности, менѣе другихъ под

скому вліянію и понынѣ принимаютъ лишь незначительное участіе въ промышленно-земледѣльческомъ производствѣ *).

Изъ многихъ и многихъ бурятъ степныхъ вѣдомствъ, съ которыми мнѣ приходилось знакомиться, я лучше всего запомнилъ Василія Ивановича, бурята кудинскаго вѣдомства; но онъ мнѣ памятенъ по причинамъ, весьма отличнымъ отъ тѣхъ, которыя способствовали тункинцамъ Сыдыбу, Баруну и другимъ запечатлѣться въ моей памяти.

Стало уже значительно темнѣть, когда я по первопутку, цѣлиной по утугамъ, изгороди которыхъ были уже разобраны, подъѣзжалъ въ саняхъ къ двору Василія Ивановича. Мое знакомство съ бурятами было тогда еще не велико, но, по видѣнному уже раньше, я ожидалъ, что меня подвезутъ къ избѣ, стоящей одиноко и сиротливо среди обширныхъ утуговъ, что не будетъ кругомъ дворовой огорожи и никакихъ построекъ, кромѣ жалкой стойки для скота или старой юрты, ее замѣняющей; въ избѣ я ожидалъ увидѣть десятокъ робкихъ въ первое время, а потомъ назойливо любопытныхъ мужчинъ, грязныхъ и дурно пахнущихъ; полъ въ избѣ окажется сплошь исплеваннымъ, потому что, замѣтить кстати, буряты плюютъ феноменально часто: нисколько не преувеличи-

*) Въ тункинскомъ вѣд., не считая вполнѣ скотоводческихъ и охотничьихъ окинскихъ улусовъ, приходится, въ среднемъ, запашки на 1 хозяйство 4,9 десятинъ, а въ кудинскомъ вѣд. 8,5 дес., въ аларскомъ 13,6 дес., бохансномъ 18,6 дес., укырскомъ 20,0 дес. По количеству-же скота (въ переводѣ на крупный) на 1 хозяйство, вѣдомства эти стоятъ въ обратномъ порядкѣ: въ тункинскомъ 14,7 шт., въ кудинскомъ 12,6 шт., аларскомъ 10,1, боханскомъ 10,2, въ укырскомъ 11,6 штукъ.

вая, скажу, что въ теченіе трехъ-четырехъ-минутнаго разговора иной бурятъ успѣваетъ выпустить слюну тонкой струей на полъ или на одежду своихъ сосѣдей, словомъ, куда попало, не менѣе пяти-шести разъ; чѣмъ объяснить эту привычку — рѣшительно не знаю: даже куреніе не можетъ быть достаточнымъ тому объясненіемъ *). Затѣмъ, я ожидалъ, что изба начнетъ все больше и больше наполняться разнообразной публикой, которая, не стѣсняясь, будетъ громко и оживленно переговариваться на своемъ нарѣчіи и пугливо-недовѣрчиво молчать или давать лаконическіе, иногда и лживые, отвѣты, когда бесѣдовать съ ней попробую я, на русскомъ языкѣ. Потомъ подадутъ мнѣ грязно-зеленый самоваръ, никогда не мытый стаканъ, чашку свѣжаго, но припахивающаго уже, отъ грязной посуды, молока. Наконецъ, послѣ моего чаепитія, во время котораго я тщетно буду стараться завязать болѣе оживленный разговоръ, часть публики разойдется, а прочая будетъ внимательно слѣдить за тѣмъ, какъ я устраиваюсь на ночлегъ, какъ раскладываю коверъ, одѣяло и подушку, снимаю обувь и платье; въ числѣ наблюдателей будутъ присутствовать и женщины, но я уже не стану ихъ конфузиться, ибо знаю по опыту, что единственное средство удалить любопытныхъ — это потушить свѣчку. Признаться, вся эта перспектива, не разъ уже повторявшаяся, не очень меня привлекала, и я съ нѣкоторымъ нервнымъ раздраженіемъ ожидалъ момента, когда „кошевка" моя остановится, когда раздастся лай десятка, невѣсть откуда

*) Въ прочихъ вѣдомствахъ я такихъ завзятыхъ плевальщиковъ, каковы кудинцы, уже не встрѣчалъ, хотя куреніе табаку тамъ достаточно распространено.

взявшихся, собак... [illegible]
ѣхалъ."

Но когда онъ [illegible]
жили кошевку со [illegible]
найти какой-нибудь [illegible]
женія, то замѣтилъ, что [illegible]
не у одинокой, хмурой [illegible]
по сторонамъ которой [illegible]
строекъ; словомъ, это [illegible]
крестьянина-сибиряка [illegible]
новилась кошевка. [illegible]
не послѣднимъ [illegible]
Иркутска. На [illegible]
изъ дома выбѣжало [illegible]
которыхъ я со [illegible]
щуюся уже фигуру [illegible]
со мной по улусамъ. [illegible]
отчасти въ родѣ [illegible]
неніе другихъ [illegible]

Большая комната [illegible] почти
полна народомъ. [illegible] и я
хотѣлъ идти въ [illegible]

— Не сюда! Вотъ [illegible] окликнулъ меня
засѣдатель.

Я вошелъ [illegible] въ изумленіи. Это
былъ кабинетъ [illegible]. Письменный столъ
съ бумагами, [illegible] для письма, компасомъ
и термометромъ. [illegible] съ книгами и знакомыми
обертками [illegible] журналовъ, пружинный
сафьяновый диванъ, [illegible] мебель, барометръ-анероидъ
на ст[illegible] нѣсколько олеографій и фотографичес[illegible]
въ рамкахъ, два-три [illegible]

углу—нѣсколько образовъ въ блестящихъ ризахъ, съ горящей передъ ними лампадкой; двѣ свѣчи съ абажуромъ на письменномъ столѣ и стѣнная лампа пріятно освѣщали комнату; медвѣжья шкура у стола и персидскій коверъ на стѣнѣ довершали впечатлѣніе... Не вѣрилось, что находишься въ какомъ-то медвѣжьемъ захолустьѣ, а не въ городѣ, въ столицѣ сибирской.

— Кто же здѣсь хозяинъ?—спросилъ я въ недоумѣніи засѣдателя, продолжая стоять посреди европейскаго кабинета, въ мокрыхъ валенкахъ и въ полушубкѣ.

Не отвѣчая, засѣдатель юркнулъ изъ кабинета и черезъ нѣсколько секундъ вернулся съ личностью, мало гармонировавшей съ окружавшей ее обстановкой. Это былъ типичный бурятъ, приземистый и плотный, съ шарообразной, коротко остриженной головой, безъ признака усовъ и бороды, съ выдающимися скулами и узкими прорѣзами глазъ, вѣки которыхъ какъ-будто срослись въ внѣшнихъ углахъ своихъ; онъ былъ въ національномъ халатѣ невысокаго достоинства и въ ичигахъ (мягкихъ сапогахъ изъ домодѣльной кожи). Эта фигура, по внѣшности и манерѣ низко кланяться,—въ поясъ, сложивъ руки на животѣ,—почти ничѣмъ не отличалась отъ нѣскольких другихъ фигуръ, пролѣзшихъ за нею въ дверь кабинета.

— Вы... хозяинъ здѣшній?

— Я-съ. Имѣю честь представиться: кочевой инородецъ такого-то рода, кудинскаго вѣдомства, Василій Ивановъ.

Я извинился за безпокойство, причиненное моимъ пріѣздомъ, и, снявъ полушубокъ, хотѣлъ его вынести въ первую комнату.

— Не трудитесь относить, пусть здѣсь остается: тамъ

на него наши еще наплюютъ... Такой необразованный народъ!—сказалъ хозяинъ.

— Что же это, мнѣ, гостю, приходится просить васъ, хозяина, и прочихъ садиться?.. Садитесь же, пожалуйста, поговоримъ!

— Помилуйте-съ, мы и постоимъ.

Однако, натянутость первыхъ минутъ знакомства мало-по-малу разсѣялась. Кабинетъ скоро наполнился двумя десятками родовичей, хотя къ собесѣдованію было приглашено „человѣкъ пять"; разговоры стали подъ конецъ довольно оживленны: много говорилъ Василій Ивановичъ, да и прочіе, ободренные его примѣромъ, изрѣдка вставляли свои замѣчанія, поправляли и дополняли его отвѣты. Этотъ вечеръ далъ мнѣ больше матеріала о бытѣ бурятъ и объ условіяхъ ихъ землепользованія и хозяйства, чѣмъ десять вечеровъ въ другихъ улусахъ.

Василій Ивановичъ не представляетъ собою вполнѣ исключительнаго явленія: такихъ, болѣе или менѣе интеллигентныхъ бурятъ, не порвавшихъ связи съ своимъ народомъ и живущихъ въ его средѣ, мнѣ встрѣтилось впослѣдствіи еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ они—люди состоятельные: это общая у нихъ черта, ибо культура и образованіе прививаются пока лишь къ самымъ богатымъ. Дѣды и отцы ихъ наживали добро всякими правдами и неправдами, эксплуатируя своихъ родовичей, захватывая и распахивая общественныя земли и получая съ нихъ баснословные урожаи въ первые удачные года (до 300 пуд. овса съ хозяйственной десятины, говорилъ Василій Ивановичъ); занимались скупкой и торговлей скотомъ, строили мельницы; словомъ—добывали деньгу всякими способами. Вѣроятно, при своихъ торговыхъ операціяхъ они имѣли случаи познакомиться съ

культурнымъ бытомъ городскихъ жителей; къ тому же, за послѣдніе 30—40 лѣтъ, и въ самомъ Иркутскѣ особенно быстро стала развиваться умственная жизнь: тайга нѣсколько поддалась подъ натискомъ западно-россійской образованности; тонъ стали задавать люди умственнаго труда, а не таежные и якутскіе хищники, считавшіе Иркутскъ за кабакъ, въ которомъ можно съ шикомъ просадить награбленныя денежки; открывались одно за другимъ учебныя заведенія и изъ нихъ многія—на завѣщанные капиталы тѣхъ же, но раскаявшихся или понявшихъ „духъ времени“ хищниковъ; открыли свои дѣйствія отдѣлы географическаго и техническаго обществъ; основаны были музей и библіотека; весь городъ подтянулся, подчистился и вывелъ синяки и кровоподтеки съ своего пьянаго лица... Вотъ это-то движеніе и могло какимъ-нибудь образомъ отозваться на нѣсколькихъ бурятахъ, имѣвшихъ частыя сношенія съ городомъ; нѣтъ, напр., ничего удивительнаго, если они встрѣтились въ городѣ съ истинно культурными людьми и были поражены наглядной разницей между этими послѣдними и господами изъ тайги. Въ результатѣ этого знакомства съ городской культурой было то, что богачи-буряты убѣдились въ практической пользѣ грамотности и образованія и начали учить своихъ сыновей. Въ одномъ изъ инородческихъ вѣдомствъ живетъ нынѣ бурятъ, кончившій курсъ техническаго училища, въ другомъ — прошедшій курсъ въ учительской семинаріи, нѣсколько человѣкъ еще учатся въ настоящее время, иные въ Иркутскѣ, а одинъ—въ университетѣ, въ Россіи.

Чтó представитъ изъ себя впослѣдствіи эта учащаяся молодежь, угадать трудно; закончившіе же образованіе вернулись въ степи и стали—кто головой или тайшей,

кто просто сельскимъ хозяиномъ, безъ всякаго виднаго общественнаго положенія. Но достойно вниманія, что, устроивъ свою личную жизнь на интеллигентный ладъ, эти піонеры европейской цивилизаціи во многомъ слѣдуютъ въ общественной жизни рутинѣ, установившейся испоконъ вѣка, и даже въ пріемахъ хозяйства являются лишь довольно робкими новаторами*). То ли они считаютъ себя слишкомъ слабыми, чтобы начать походъ противъ мрака повальнаго невѣжества и суевѣрія, въ которомъ пребываютъ ихъ родовичи, то ли имъ кажется въ личныхъ интересахъ невыгоднымъ становиться въ антагонизмъ съ существующимъ строемъ жизни, — рѣшать не берусь; но знаю за достовѣрное, что, напр., одинъ изъ нихъ, производящій на первый взглядъ впечатлѣніе вполнѣ культурнаго человѣка, получающій газеты и журналы, оказывается высокопробнымъ эксплуататоромъ и деспотомъ, даже тираномъ по отношенію къ сѣрой массѣ подначальныхъ ему бурятъ. Еще недавно, пользуясь своею законною властью, онъ столь жестоко высѣкъ (конечно, черезъ усердныхъ исполнителей) одного провинившагося бурята, что несчастнаго пришлось обкладывать, по бурятскому испытанному рецепту, сырымъ мясомъ, для заживленія ранъ и поддер-

*) Впрочемъ, говоря вообще, земледѣліе у бурятъ стоитъ чуть ли не на высшей степени интенсивности и раціональности, чѣмъ у русскихъ. Такъ, буряты унавоживаютъ часть своихъ луговъ; съ этихъ «утуговъ» получается въ дождливые годы большой урожай очень хорошаго сѣна, но въ засуху трава выгораетъ и поѣдается кобылкой. Во избѣжаніе этого немногочисленныя группы бурятъ орошаютъ луга, при помощи системы канавокъ. Крестьяне стали перенимать у нихъ способъ унавоживанія луговъ, но «богуловъ», т.-е. орошенныхъ луговъ, у нихъ еще и въ поминѣ нѣтъ.

жанія жизни въ истерзанномъ тѣлѣ. Другой бурятъ-интеллигентъ печется о распространеніи образованія среди своихъ родичей, хлопочетъ о мѣстной школѣ, настойчиво и даже назойливо испрашиваетъ для нея какое-то грошовое пособіе отъ правительства, но никакъ не можетъ догадаться, что одной десятой части его состоянія хватитъ для устройства нѣсколькихъ образцовыхъ училищъ, безъ всякаго пособія отъ правительства. Все снаружи какъ-будто ладно у этихъ культурныхъ господъ, и они даже сильно привлекаютъ къ себѣ симпатіи заѣзжихъ людей, при первомъ или второмъ знакомствѣ съ ними; а копнешь подальше — анъ бурятъ-кулакъ и скажется, во всей своей некультурной неприглядности. Конечно, въ этомъ значительную еще роль играетъ наслѣдственность.

Василій Ивановичъ отличается отъ прочихъ культурныхъ бурятъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, тѣмъ, что онъ самоучка, нигдѣ, кромѣ сельской школы, не учился, нахватался кое-какихъ знаній и развилъ въ себѣ любовь къ чтенію уже самостоятельно; кромѣ того, онъ менѣе прочихъ отклонился и въ своей личной жизни отъ быта простыхъ бурятъ: онъ ходитъ въ халатѣ и въ ичигахъ, самъ не прочь покосить съ работниками, помогаетъ сваливать мѣшки съ хлѣбомъ, не затруднится помочь пастуху загнать коровъ на задній дворъ; другіе же культурные буряты ходятъ уже въ сюртукахъ и брюки имѣютъ на выпускъ, а въ операціяхъ своего хозяйства участвуютъ лишь въ качествѣ наблюдателей и руководителей. Большинство ихъ, чуть ли не всѣ—крещены, а нѣкоторые даже имѣютъ унаслѣдованное потомственное гражданство, дарованное ихъ дѣдамъ или отцамъ за ревностное ихъ отношеніе къ дѣлу распро-

страненія христіанства среди бурятъ. Василій Ивановичъ—шаманистъ, и у воротъ его дома безобразно болтаются на шестахъ нѣсколько штукъ козлиныхъ шкуръ, принесенныхъ въ жертву при шаманскомъ богослуженіи. Я бесѣдовалъ съ нимъ по этому поводу: онъ уклончиво объяснилъ, что не считаетъ возможнымъ стать въ антагонизмъ съ своимъ народомъ, что надѣется, оставаясь шаманистомъ и участвуя въ ихъ языческихъ обрядахъ, оказать своимъ вліяніемъ на прочія стороны ихъ быта больше пользы, чѣмъ онъ могъ бы сдѣлать, если бы крестился. Но мнѣ сдается, что Василій Ивановичъ, какъ онъ тамъ ни говори, просто не вѣритъ въ христіанство, да притомъ же чуть-чуть продолжаетъ побаиваться и шамановъ, хотя читаетъ „Русскую Старину", „Восточное Обозрѣніе" и „Земледѣльческую Газету"; да наконецъ, онъ разсчиталъ, вѣроятно, что личной для себя, осязательной пользы отъ крещенія онъ не получитъ (не тѣ времена!), а связь его съ родовичами, по отношенію къ которымъ онъ является теперь почти что полновластнымъ патріархомъ, все жъ таки нѣсколько нарушится, ему же въ ущербъ.

Хозяйство Василія Ивановича велико: у него въ разныхъ мѣстахъ, въ улусѣ, на заимкахъ и въ русскихъ селахъ—шесть домовъ; онъ содержитъ четыре мельницы и имѣетъ одинъ изъ трехъ паевъ въ винокуренномъ заводѣ; до десяти кабаковъ содержится имъ по русскимъ селеніямъ (если бы было дозволено открывать кабаки въ улусахъ, то онъ прибралъ бы къ рукамъ все Кудинское, а можетъ-быть—и сосѣднее Капсальское вѣдомство и часть Китойскаго); скота у него до 150 головъ, лошадей до сотни; ежегодно засѣваетъ по 40—50 десятинъ. Онъ занимается скупкой хлѣба, поставкой его на винокурен-

ные заводы и держитъ въ своихъ амбарахъ запасъ зерна, тысячъ въ десять пудовъ, на случай „недостатка продовольствія" у родовичей, которыхъ охотно ссужаетъ хлѣбомъ за отработки или почтенные проценты и за кличку благодѣтеля въ прибавокъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, къ наукѣ и ея представителямъ питаетъ особое уваженіе и оказываетъ послѣднимъ немаловажныя услуги (напр., сопровождалъ по экскурсіямъ одного иностраннаго ученаго); своего единственнаго сына хочетъ провести въ университетъ, а пока что, — взялъ для первоначальнаго обученія учителя изъ ссыльно-поселенцевъ, платя ему 10 рублей въ мѣсяцъ, на готовомъ содержаніи; однако намѣревается пріучать сына къ физическому труду и въ каникулярное время заставлять его работать вмѣстѣ съ батраками. И, тѣмъ не менѣе, какъ я сказалъ, у воротъ его висятъ яманьи шкуры, а въ юртѣ развѣшены какія-то священныя веревочки изъ конскаго волоса и хранятся бурачки съ заключенными въ нихъ идолами; въ кабинетѣ же горитъ лампада передъ образами. Я указалъ ему на это противорѣчіе.

— Вы это у насъ часто встрѣтите,—сказалъ онъ въ поясненіе.—Мы молимся нашимъ онгонамъ, т.-е., вѣрнѣе сказать, присутствуемъ при томъ, какъ имъ молится нашъ шаманъ; проѣзжая мимо шаманскаго мѣста *), мы приносимъ въ жертву духамъ хоть одинъ

---

*) Такъ называются горы, на которыхъ погребенъ какой-нибудь шаманъ: на этихъ горахъ лѣсъ не рубится, и шаманисты никогда не ходятъ туда. Подобныя этимъ священныя заказныя рощи имѣются и на сѣверѣ Россіи, напр., въ Олонецкомъ краѣ. Кромѣ могилъ шаманскихъ, уваженіемъ пользуются нѣкоторыя озера, одиноко стоящія большія деревья, утесы и проч.; съ каждымъ изъ этихъ предметовъ поклоненія связана какая-нибудь легенда.

конскій волосъ, хоть крошечную щепотку табаку; а въ то же время почитаемъ нѣкоторыхъ вашихъ святыхъ, особенно Николая чудотворца. Въ селѣ Лиственичномъ, у озера Байкала, есть барельефъ этого святого: на поклоненіе ему ходитъ туда не мало бурятъ, или же встрѣчаютъ его на пути, когда лѣтомъ его обносятъ по деревнямъ; и духовенство, которое насъ охотно допускаетъ къ образу, въ накладѣ не остается... Вотъ тоже въ Тункѣ есть образъ Николая, на которомъ онъ изображенъ съ раскосыми глазами, какъ у монголовъ; онъ такъ и называется „бурятскимъ Николой" и въ большомъ у насъ почетѣ. Мы всегда празднуемъ день 9-то мая моленьями—кырыкэ и гульбой; гуляемъ и на Пасхѣ, которую называемъ „улан-ундыгын", краснымъ яйцомъ; иногда Пасха ваша совпадаетъ съ нашимъ національнымъ праздникомъ, „ад-а-дулекэ", когда подрѣзаемъ хвосты и гривы у лошадей, для сбора волоса: тогда гуляемъ особенно усердно. Тоже и имена христіанскія носятъ многіе изъ некрещеныхъ: меня вотъ зовутъ Василій Ивановъ, и другого имени у меня нѣтъ, а я шаманистъ; есть женщины Александры и Софьи, никогда не крестившіяся. За то можете встрѣтить крещенаго, котораго всѣ называютъ Ербаской, и онъ себя знаетъ только за Ербаску, тогда какъ по спискамъ онъ значится Петромъ, потому что онъ христіанинъ...

— Ну, вотъ видите,—перебилъ я его:—значитъ, у васъ переходъ въ христіанство нисколько не отчуждаетъ человѣка отъ родовичей, остающихся язычниками. А между тѣмъ вы объясняли свою вѣрность шаманской религіи именно тѣмъ, что не хотите быть отрѣзаннымъ ломтемъ?

— Знаете, есть большая разница между простымъ и

бѣднымъ человѣкомъ, и такимъ, какъ я. Ему все простится, потому что если онъ что̀ сдѣлаетъ, то изъ крайней нужды; а про меня будутъ говорить: самъ захотѣлъ, никто не принуждалъ!

Онъ подыскивалъ выраженія, сбивался и конфузился.*) Я попросилъ его продолжать свой разсказъ, что̀ онъ и сдѣлалъ съ видимымъ удовольствіемъ.

— У насъ именъ, которыя ничего другого не обозначаютъ, кромѣ именъ, очень мало, а все больше предметами называютъ: напр., быкъ, большой молотъ, стрѣла. Если бурятка родитъ, то перваго, вошедшаго въ юрту, просятъ дать новорожденному имя; иные шутники изъ крещеныхъ или русскихъ, которымъ вздумаетъ дуракъ-бурятъ оказать эту честь, даютъ глупыя имена: вотъ, вамъ встрѣтятся, напр.: чашка, самоваръ, а то и хуже бываетъ... Теперь же все больше входитъ въ моду обычай давать русскія имена новорожденнымъ: ко мнѣ часто приходятъ родовичи съ просьбой „посмотрѣть въ календарѣ, какихъ нынче святыхъ? Да получше какихъ выбери“, — уговариваютъ. Ну, и раздаешь имъ имена, полегче и позвучнѣе которыя.

Мнѣ, при дальнѣйшихъ разъѣздахъ, пришлось-таки раза два-три давать, по просьбѣ отцовъ-язычниковъ, имена ихъ новорожденнымъ, и „кумовья“ мои остава-

*) Отцы-миссіонеры констатируютъ въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ фактъ, что богатые буряты болѣе упорно держатся язычества, чѣмъ бѣдняки: „они охотно слушаютъ бесѣды о христіанской вѣрѣ и сами соглашаются, что шаманская вѣра, по ихъ же выраженію, „дурунда (ерунда) одна“, но на предложеніе перемѣнить ее на лучшую обыкновенно говорятъ: „видишь, старики-то наши по шаманской вѣрѣ, такъ и намъ не хотѣлось бы ужь перемѣнять ее...“ (*Щегловъ*, Хронолог. перечень.)

лись очень довольны, когда я охотно исполнялъ эту просьбу, притомъ серьезнымъ образомъ.

Патронатство, въ родѣ того, которое сказывается въ отношеніяхъ Василія Иванова къ его родовичамъ, весьма обыкновенно у бурятъ. Каждый богачъ имѣетъ большее или меньшее число кліентовъ, по отношенію къ которымъ онъ является защитникомъ и благодѣтелемъ: онъ ихъ выручаетъ въ періоды сбора податей, платя за нихъ *) и выбирая ссуду впослѣдствіи по мелочамъ, преимущественно, — путемъ отработокъ или натурой (сѣномъ, хлѣбомъ, скотомъ); онъ же ссужаетъ сѣменами подъ работу, раздаетъ излишнюю áрсу, даетъ и дойныхъ коровъ на содержаніе и для пользованія отъ нихъ молокомъ за извѣстную плату, снимаетъ у нихъ въ аренду покосные паи и утуги, и т. д. Изъ всѣхъ этихъ экономическихъ отношеній вытекаютъ слѣдующіе результаты: цѣлая масса бурятъ находится въ полной кабалѣ у нѣсколькихъ главарей; средняго класса, не эксплуатирующаго и не эксплуатируемаго, почти нѣтъ; многіе изъ недостаточныхъ, при неурожаѣ или падежѣ скота, опускаются до полной безхозяйственности: такъ, встрѣчались старики-бобыли, никогда не бывшіе женатыми, никогда не имѣвшіе своего угла и своей животины, всю жизнь промаявшіеся по работникамъ у благодѣтелей, никакъ не умѣя распутать узловъ той кабальной системы, которою ихъ опутали эти „милостивцы“.

Тѣмъ не менѣе, традиціи прежняго „варварскаго“ состоянія бурятъ, когда родъ составлялъ, должно быть,

*) Этимъ объясняется фактъ почти полнаго отсутствія казенныхъ недоимокъ за бурятскими вѣдомствами; тайши всегда ставятся въ примѣръ волостнымъ старшинамъ, не умѣющимъ, да и не могущимъ такъ успѣшно „очищать“ подати.

нѣчто въ родѣ коммуны, настолько еще сильны, что богачъ, который вымоталъ, и родовичи, которые дозволили вымотать силы изъ человѣка, — не считаютъ все же себя вправѣ пустить дряхлаго и неспособнаго къ работѣ старика на всѣ четыре стороны и хладнокровно смотрѣть, какъ онъ будетъ гдѣ-нибудь околѣвать подъ заборомъ. У бурятъ нѣтъ нищихъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы—культурные россіяне—понимаемъ это слово: сирота, калѣка, вдова или немощный старикъ не бродятъ у нихъ подъ окнами, вымаливая кусокъ хлѣба. Эти слабые члены родовой общины содержатся всѣмъ родомъ (а роды нынѣ состоятъ обыкновенно изъ 100—200 хозяйствъ), переходя изъ избы въ избу, изъ юрты въ юрту, живя въ каждой опредѣленное число дней и въ каждой изъ нихъ являясь равноправнымъ членомъ семьи, имѣющимъ мѣсто у очага, у котла съ арсой или чаемъ, получающимъ отъ хозяйки кусокъ мяса такой же величины, какъ и прочіе куски, которые раздаются ею сыновьямъ и дочерямъ. Можетъ-быть, въ частныхъ случаяхъ такому мірскому питомцу приходится осязательно чувствовать, что онъ — незваный гость; можетъ-быть, въ иныхъ юртахъ каждый кусокъ, ему перепадающій, становится у него поперекъ горла, благодаря обильной приправѣ изъ попрековъ и брани; но, въ общемъ, бурятскимъ мірскимъ сиротамъ живется много покойнѣе, чѣмъ русскимъ, и „прокормить міромъ бабу“ считается у нихъ простой обязанностью, а не рѣдкою добродѣтелью, которая заслуживала бы удивленія и похвалы.

У бурятъ, какъ у всѣхъ номадовъ и охотничьихъ племенъ, всѣ черныя работы, всѣ домашнія производства и заботы составляли удѣлъ женщинъ; мужчины же только

охотились или, болѣе бѣдные, пасли скотъ. Но эти золотыя для мужчинъ времена давно отошли въ область преданій; а съ развитіемъ земледѣлія, которое происходило въ зависимости отъ уменьшенія возможности охоты, на мужчинъ стало ложиться все больше и больше трудовъ, особенно — въ лѣтнее время. Тѣмъ не менѣе, и теперь женщина въ бурятскомъ быту представляетъ собой равноцѣнную рабочую силу съ мужчиной: помимо того, что она принимаетъ участіе въ земледѣльческихъ работахъ, она ведетъ сложное и хлопотливое молочное хозяйство, производитъ всѣ мелкія домашнія работы, она же обшиваетъ все семейство и, наконецъ, она находитъ еще время выдѣлывать кожи (мнетъ ихъ голыми руками) и шить изъ нихъ унты и ичиги. Въ группахъ бурятъ, наименѣе пришедшихъ понынѣ въ соприкосновеніе съ культурой, рѣзко бросается въ глаза различіе въ обязанностяхъ женщинъ и мужчинъ: послѣдніе болтаются зимой безъ всякаго дѣла, тогда какъ первыя — постоянно въ хлопотахъ. Непрерывная работа сильно отражается на внѣшнемъ благообразіи буряткъ: онѣ на видъ кажутся всегда старше своего возраста и хуже сохраняются, чѣмъ мужчины. Впрочемъ, разница въ возрастѣ мужа и жены бываетъ часто не кажущаяся только, но и дѣйствительная: у бурятъ довольно распространенъ обычай женить сыновей еще въ очень раннемъ возрастѣ, иногда 11 или 12 лѣтъ. Невѣстка, дѣвушка лѣтъ 18—20, берется въ домъ и представляетъ собой рабочую силу въ хозяйствѣ (но не даровую, ибо за нее выплачивается калымъ): разумѣется, ко времени расцвѣта силъ мужа, его жена уже отцвѣтаетъ и вскорѣ становится уже неспособной къ дѣторожденію. Между тѣмъ, буряты чрезвычайно любятъ дѣтей; ихъ племя, если и не сокращается въ числен-

ности, то — во всякомъ случаѣ — размножается очень медленно *), и — нужно полагать — безсознательное чувство самосохраненія побуждаетъ бурятское племя желать рожденія дѣтей. Этимъ-то всеобщимъ чувствомъ объясняется также, до нѣкоторой степени, фактъ существованія у нихъ двоеженства, а въ очень рѣдкихъ случаяхъ — и троеженства.

Имѣть болѣе одной жены могутъ себѣ позволить только богатые буряты **), потому что за каждую жену надо платить крупный калымъ; вслѣдствіе этого многоженство мало развито: напримѣръ, въ Кудинскомъ вѣдомствѣ, на двѣ тысячи семействъ приходится только 73 двоеженческихъ семьи, 1 — троеженческая и 12 такихъ, въ которыхъ мужья умерли, а осталось послѣ каждаго по двѣ вдовы. Далѣе, замѣчается, что болѣе чѣмъ въ одной трети случаевъ первыя жены оказываются старше мужей на нѣсколько лѣтъ (до девяти лѣтъ — включительно), вторыя же всегда значительно моложе первыхъ, причемъ разница въ годахъ достигаетъ 20—38 лѣтъ (въ четвертой части всѣхъ случаевъ); наконецъ, большинство первыхъ женъ — бездѣтны, тогда какъ изъ числа вторыхъ — лишь очень немногія не имѣютъ дѣтей. Это обстоятельство и служитъ достаточнымъ объясненіемъ

---

*) За 30 лѣтъ, со времени X ревизіи, приписное русское населеніе (безъ ссыльно-поселенцевъ) трехъ округовъ Иркутской губерніи увеличилось на 25,8%, а бурятское—только на 6,7%.

**) Доказательства этому не трудно представить: въ многоженческихъ семьяхъ Кудинскаго вѣдомства имѣется, въ среднемъ, по 26 головъ скота на хозяйство, въ прочихъ-же — по 9 головъ; не имѣющихъ скота — въ числѣ первыхъ нѣтъ, а среди прочихъ—6%; запашка составляетъ, въ среднемъ, у первыхъ по 15 десятинъ на 1 хозяйство, а у вторыхъ—только восемь десятинъ, и т. д.

причины существованія двоеженства у бурятъ: мужъ, убѣдясь, что отъ перваго его брака съ женщиной, нерѣдко старше его годами, дѣтей не будетъ, беретъ другую жену, если достаточно состоятеленъ, и вновь начинаетъ питать надежду не остаться безъ потомства. Какъ высоко цѣнятся дѣти у племенъ, живущихъ въ суровыхъ жизненныхъ условіяхъ и какъ бы предчувствующихъ близость своего исчезновенія съ лица земли, видно на примѣрѣ якутовъ: у нихъ цѣнится дороже (т.-е. уплачивается бо́льшій калымъ *)—та дѣвушка, которая забеременѣетъ еще до свадьбы, или которая выходитъ замужъ уже съ ребенкомъ на рукахъ; случается, что дѣвичьяго ребенка старики не хотятъ отдавать въ семью мужа, считая его цѣнностью и принадлежностью своего хозяйства, и по этому поводу возникаютъ даже судбища между сторонами. Относительно бурятъ также приходилось слышать, будто до-брачное поведеніе дѣвушки, въ результатѣ котораго произошло то, что мы—культурные люди—называемъ „безчестьемъ всей фамиліи",—отнюдь не служитъ для заблудшей препятствіемъ ко вступленію въ законный бракъ. Вдовы-бурятки не состоятъ ни подъ чьимъ контролемъ; обыкновенно, именно онѣ-то услаждаютъ, по мѣрѣ силъ, жизнь тѣмъ горевымъ бобылямъ-мужчинамъ, которые за недостаткомъ средствъ остаются

*) Дѣвушка, выдаваемая замужъ, разсматривается рѣшительно какъ товаръ: если, напр., свадьба сыграна, но мужъ не можетъ сразу выплатить весь калымъ, то родители жены отбираютъ ее у него и держатъ у себя по году и больше, до тѣхъ поръ пока весь калымъ не будетъ выплаченъ сполна. Такимъ женамъ случается иногда забеременѣть, тайкомъ отъ родителей видясь съ мужемъ какъ съ любовникомъ.

весь свой вѣкъ холостяками. Кстати замѣтить, что женщинъ у бурятъ относительно меньше, нежели мужчинъ: на 100 послѣднихъ, въ общемъ, приходится только 91 женщина *), а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вѣдомствахъ эта цифра опускается даже до 81; отсюда можно заключить, что далеко не всѣ буряты имѣютъ возможность обзавестись семьей, и что развитію многоженства препятствуетъ также и эта особенность полового состава бурятскаго племени.

Мужчины-буряты въ зимнее время занимаются лишь возкой дровъ изъ лѣса домой, да доставкой сѣна и хлѣба на базары для продажи; разумѣется, состоятельныя лица, держащія работниковъ, такими черными работами себя не утруждаютъ, и поэтому—рѣшительно ничего не дѣлаютъ. Промысловъ у бурятъ почти нѣтъ,—даже извозомъ занимаются лишь немногіе; ремеслъ они не знаютъ, если не считать кузнечнаго; даже деревянную и глиняную посуду они выдѣлываютъ не сами, а покупаютъ ее у русскихъ ремесленниковъ, разъѣзжающихъ съ своими произведеніями по улусамъ и промѣнивающихъ ихъ на хлѣбъ. Бондари с. Никольскаго, Оекской волости, заѣзжаютъ верстъ за 250, въ Тунку, и живутъ тамъ по нѣскольку зимнихъ мѣсяцевъ, выполняя многочисленные заказы. Не развита у бурятъ и мелочная торговля: это зависитъ, отчасти, отъ нѣкоторыхъ бытовыхъ условій ихъ **), напримѣръ, отъ кочевокъ изъ зимниковъ въ лѣт-

*) По тремъ округамъ Иркутской губ., въ коихъ нынѣ числится приписного населенія инородческихъ вѣдомствъ: 44,763 мужчинъ и 40,929 женщинъ.

**) *А. Щаповъ* категорически утверждаетъ, что буряты не допускаютъ торгашескихъ сдѣлокъ въ предѣлахъ своего рода, а дозволяютъ ихъ только по отношенію къ дальнимъ родамъ; по отношенію къ русскимъ—ограниченій нѣтъ (Изв. В. Спб. Отд., 1875 г.).

ники и обратно, а иногда еще и въ „осенники“, отъ разбросанности самихъ улусовъ, не похожихъ на русскія, компактно застроенныя селенія, — отчасти и отъ трудности борьбы съ русскими торговцами, имѣющими въ этомъ дѣлѣ за собой опытъ цѣлыхъ столѣтій, набившими себѣ руку въ искусствѣ „не обманешь—не продашь“, наконецъ, солидарными другъ съ другомъ до извѣстной степени въ томъ отношеніи, что каждый изъ нихъ хорошо понимаетъ невыгоду, которая произойдетъ для русскаго торгующаго класса, если число Васильевъ Ивановичей увеличится; что же касается до питейной торговли, то производство ея въ улусахъ воспрещено самимъ закономъ, тѣмъ самымъ старающимся, хоть и тщетно, уберечь кочевниковъ отъ эксплуатаціи кабачныхъ дѣлъ мастеровъ. Такимъ-то образомъ, въ бурятскихъ вѣдомствахъ, на пространствѣ цѣлыхъ десятковъ верстъ, нѣтъ ни одной лавочки, гдѣ бы можно было купить какую-нибудь хозяйственную мелочь или нѣкоторые пищевые продукты, къ которымъ буряты начинаютъ уже привыкать. Этимъ обстоятельствомъ пользуются средне-зажиточные и недостаточные крестьяне сосѣднихъ съ бурятами волостей, также не знающіе, къ чему приложить свои руки въ теченіе длинной зимы или какими заработками пополнить мизерные запасы своего хлѣба.

Такой хитроумъ сколачиваетъ кое-какъ капиталъ рублей въ десять, покупаетъ сотню омулей *) съ душкомъ, луку, табаку листового (иногда есть и свой), спичекъ, мыла, деревянной посуды, нитокъ, иголокъ и т. п., а

---

*) Рыба изъ озера Байкала, которую солятъ, какъ селедки; въ розницу продается по 10—15 к. за штуку.

если капиталъ позволяетъ, то и полведра или ведро водки,—и ѣдетъ съ этимъ товаромъ „шойданичать“, т.-е. маклачить, шибайничать. Деньги у бурятъ водятся рѣдко: они ими раздобываются только для уплаты податей, да для покупки соли и другихъ необходимѣйшихъ предметовъ; поэтому торгъ съ „шойданикомъ“ происходитъ мѣновой, при чемъ подразумѣваемой единицей счета служитъ фунтъ „круглой“ ржи (т.-е. въ зернѣ). Многіе маклаки ѣздятъ по улусамъ ежегодно и потому умѣютъ „мало-мало талалыкать по-ихнему“; почти въ каждомъ большомъ улусѣ торговецъ заводитъ себѣ „дружка“, у котораго онъ останавливается и ночуетъ, при чемъ хорошій „дружокъ“ накормитъ не только мужика, но и его лошадь: предполагается, что и бурятъ, въ свою очередь, воспользуется когда-нибудь гостепріимствомъ маклака, но такъ какъ тотъ живетъ нерѣдко гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ трактовъ, то буряту, можетъ-быть, никогда и не случится побывать въ гостяхъ у „дружка“, проѣздомъ въ городъ или на базаръ. За услугу торговецъ продаетъ нужное дружку добросовѣстнѣе, чѣмъ прочимъ, а иногда, расчувствовавшись угощеніемъ— даетъ хозяйкѣ пару иголокъ въ презентъ; этимъ и ограничиваются расходы маклака по содержанію себя и лошади въ дорогѣ. Съ прочими братскими торговля производится такъ.

— Сколько за омуля?—спрашиваетъ бурятъ.

— Да вотъ, почтенный, у меня мѣрочка есть сдѣлана: небольшая и мѣрочка-те, фунта три всыпешь, гляди!.. Дюже хорошъ омулекъ-то!

Бурятъ смотритъ на лукошко и соображаетъ, что зерна войдетъ въ него, дѣйствительно, немного. Начинаетъ сыпать,—и въ ужасъ приходитъ, сколько въ лукошко

вошло... А дѣло просто: лукошко у хитроума сдѣлано съ выдвижнымъ дномъ, такъ что отсыпать пришлось не три, а цѣлыхъ шесть фунтовъ зерна, и дряблый омуль обошелся братскому не въ 9, а въ 18 коп.; если же болѣе догадливый начнетъ обижаться, то ему не миновать драки, или, по меньшей мѣрѣ, цѣлаго ушата брани. Весною, когда раздаютъ бурятамъ изъ запасныхъ магазиновъ ярицу на посѣвъ, около нихъ располагаются тѣ же торгаши, пріѣзжающіе для этихъ случаевъ исключительно съ водкой да съ лукомъ и калеными яйцами на закуску. Такая торговля даетъ еще больше барышей торговцу; за то многіе братскіе возвращаются домой съ далеко не полнымъ запасомъ сѣмянъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ операцій торгашъ всю зиму кормится отъ доходовъ съ затраченнаго на торговлю капитала въ 10 рублей, да и самый капиталъ, нерѣдко занятый подъ проценты же, оказывается къ концу операціи налицо.

Не имѣя, къ чему приложить руки зимою, даже бѣдняки-буряты, если они не нанялись въ годовые работники, вынуждены сидѣть въ бездѣйствіи и нетерпѣливо ожидать весны съ ея заработками. У женщинъ работы зимою также меньше. Приготовленіе пищи въ бурятскомъ быту составляетъ очень немногосложное занятіе. Если случится стегно конины, или баранина, или коровье мясо, то оно варится въ котлѣ самымъ примитивнымъ образомъ, безъ приправъ, потому что цѣнится не наваръ, а самое мясо; но небогатые буряты не видятъ его по цѣлымъ недѣлямъ, и въ это время пища ихъ состоитъ исключительно изъ чая съ молокомъ и хлѣбомъ и арсы.

Кирпичный чай крошатъ, чтобы лучше разваривался, на особой доскѣ съ приспособленнымъ къ ней рѣзакомъ;

еще болѣе дешевый, такъ называемый, зеленый чай, также плиточный, толкутъ въ деревянной ступѣ, чтобы превратить въ порошокъ попадающіяся въ немъ цѣлыя вѣтки, въ гусиное перо толщиной. Болѣе культурные буряты имѣютъ самовары и чайники; бѣдняки варятъ чай въ котлахъ, иногда подбавляя къ нему муки, молока, сала или масла и соли: тогда чай служитъ какъ бы кушаньемъ и его пьютъ безъ хлѣба. Арса—это творожистый видъ молока, остатокъ отъ приготовленія тарасуна, хмѣльного напитка. Этотъ напитокъ играетъ столь большую роль въ бурятскомъ обиходѣ (водки пьютъ мало: ее трудно достать и она дорога), что о приготовленіи его стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Въ одномъ улусѣ думскій засѣдатель распорядился, по моей просьбѣ, относительно приготовленія тарасуна въ нашемъ присутствіи. Въ чугунный котелъ, стоящій на треножникѣ посреди юрты, вливается $1^1/_4$ ведра кислаго молока (простокваши, по-бурятски—„куренги"); лучшимъ молокомъ для добыванія тарасуна считается кобылье, но за неимѣніемъ таковаго—въ огромномъ большинствѣ случаевъ употребляется коровье. Подъ котломъ разводится сильный огонь; „куренга" начинаетъ кипѣть. На разстояніи двухъ аршинъ отъ котла ставится ушатъ, до половины налитый холодной водой; въ нее опущенъ глиняный кувшинъ, съ плотно придѣланной деревянной крышкой. Въ этой послѣдней два отверстія: одно въ вершокъ діаметромъ, центральное, и другое боковое—очень маленькое, черезъ которое пропускаютъ въ кувшинъ мѣрку (палочку) для опредѣленія количества добытаго тарасуна. Котелъ закрывается двух-половинчатой деревянной крышкой, имѣющей форму усѣченнаго конуса; въ верху крышки также сдѣлана дыра, въ 1 в.

діаметромъ. Котелъ и кувшинъ, служащій холодильникомъ, соединяются колѣнчатой деревянной трубкой, изогнутой подъ угломъ около 135°; концы трубки накладываются на отверстія въ крышкахъ котла и кувшина. Затѣмъ, бурятка беретъ изъ лоханки, съ густо разведенной глиной, мокнувшія тамъ тряпки и обкладываетъ ими всѣ щели и прорѣзы въ крышкѣ котла и оба мѣста соединенія трубки съ котломъ и холодильникомъ. Хозяйка мнетъ глину руками и, для смачиванія ея и тряпокъ, прыскаетъ водой изъ рта.

— А грязная это работа,—говорю я засѣдателю.

— Это что: все-жъ-таки глина, а не что-нибудь. Вотъ, у побѣднѣе которыхъ, такъ тряпокъ и глины не полагается, а просто назьмомъ коровьимъ обмазываютъ: разминаютъ его въ рукахъ и мажутъ, какъ глиной.

Василій Ивановичъ, о которомъ я уже упоминалъ, объяснилъ мнѣ потомъ, что никакого усовершенствованія въ дѣлѣ приготовленія тарасуна буряты ввести не могутъ: „и сами знаемъ, что лучше бы металлическія трубки и холодильникъ завести, да акцизъ не дозволяетъ; за тайное винокуреніе тогда наше производство тарасуна считаться будетъ, и со свѣту насъ сживутъ, вмѣстѣ и съ трубками."

Вотъ весь несложный процессъ добыванія тарасуна; все остальное—дѣло огня. „Куренга" кипитъ подъ нѣкоторымъ давленіемъ, пары ея стремятся по трубкѣ въ кувшинъ-холодильникъ и осаждаются въ немъ въ видѣ тарасуна, мутноватой или даже почти безцвѣтной жидкости. Уже черезъ 45 минутъ отъ начала кипяченія получаются двѣ бутылки довольно крѣпкаго напитка; чѣмъ дольше оно продолжается, тѣмъ жиже получается тара-

сунъ, хотя количество его и можно догнать до 3-хъ бутылокъ. Если куренга хороша, т.-е. молоко было жирное, отъ коровъ, стоявшихъ на хорошемъ сухомъ или подножномъ корму (лучшій кормъ — майскій и іюньскій подножный, когда трава цвѣтетъ и сочна), то тарасунъ получается крѣпостью до 20°; отъ плохой, „тощей“ куренги можно добыть тарасунъ въ 10° — 12°, и притомъ непріятнаго вкуса и запаха сыворотки.

Крѣпкій тарасунъ, почти безъ малѣйшаго запаха, даже съ непривычки пьется безъ отвращенія; вкусъ его—кисловатый, довольно острый; буряты его почти что обожаютъ и даже предпочитаютъ „русской“ водкѣ. Меня увѣряли, что тарасунъ хмѣльнѣе водки, хотя и слабѣе ея по содержанію спирта: „болѣе трехъ чашекъ чайныхъ выпить трудно“, говорили буряты, съ удовольствіемъ выпивающіе по три чашки водки. Тарасуну придаютъ также лѣкарственное значеніе: отъ употребленія его будто бы хорошо возстановляются силы человѣка, перенесшаго тяжкую болѣзнь; онъ способствуетъ пріобрѣтенію полноты, исправляетъ дѣятельность желудка, и т. д.

Во время тайлагановъ выпивается масса заранѣе приготовленнаго тарасуна; при посѣщеніи почетныхъ гостей также непремѣнно изготовляется свѣжій тарасунъ; словомъ, это — бурятскій деликатесъ, замѣняющій имъ, вмѣстѣ съ чаемъ, всѣ наши напитки, отъ пива до заграничныхъ винъ включительно. Остатокъ отъ добыванія тарасуна, бѣлое пѣнистое вещество, сливается въ чаны, гдѣ оно слеживается, твердѣетъ и, подъ названіемъ арсы, служитъ затѣмъ главной пищей несостоятельныхъ бурятъ. Арсу разбавляютъ водой, сдабриваютъ

свѣжимъ молокомъ, если оно есть, всыпаютъ горсть ржаной муки для густоты и ѣдятъ въ видѣ тягучаго горячаго киселя.

Тайлаганы, о которыхъ было упомянуто, представляютъ собой остатки бывшихъ въ прежнія времена охотничьихъ празднествъ послѣ облавъ на дичь и звѣрей, которыя производились цѣлыми группами бурятскихъ родовъ. Объ этихъ облавахъ остались нынѣ лишь смутныя воспоминанія у стариковъ *); но тайлаганы и теперь составляютъ лучшіе моменты въ жизни бурятъ. Эти празднества устраиваются лѣтомъ, но съ такимъ расчетомъ, чтобы не помѣшать спѣшнымъ земледѣльческимъ работамъ. Въ тайлаганѣ участвуютъ одинъ или нѣсколько родовъ; являться на него могутъ лица всѣхъ возрастовъ и обоего пола, за исключеніемъ замужнихъ женщинъ **). Расходы по производству тайлагановъ пред-

*) Объ облавахъ (аба-хайдак) появилась недавно въ „Изв. Вост. Сиб. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ.“ (№ 2, 1890) любопытная замѣтка забайкальскаго бурята Ирдыни Вамбоцыренова. — Въ Кудинскомъ вѣдомствѣ послѣдняя „аба“ происходила, будто бы, въ 1870 г.; собралось на нее до 1500 чел.

**) Это запрещеніе замужнимъ женщинамъ участвовать въ тайлаганахъ также указываетъ, по моему мнѣнію, на существующую преемственную связь между тайлаганами и облавами: въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ мужья, сыновья и даже дочери уходили на облавы (дѣвушки и молодые парни подвозили въ таборы пищу), хозяйки должны были оставаться домовничать и заготовлять для облавщиковъ мясо, тарасунъ и проч.; необходимое *тогда* стало безполезнымъ обычаемъ *теперь*, переживаніемъ, которое играетъ видную роль въ обычаяхъ всѣхъ народовъ.—*Щаповъ* полагаетъ, что бабы-бурятки не участвуютъ въ облавахъ потому, что онѣ—чужого рода: это замѣчаніе было бы неоспоримо, еслибы не было извѣстно, что въ облавахъ принимаютъ участіе по 5—10 родовъ, а не одинъ только родъ.

варительно разверстываются на паи, при чемъ богачи берутъ на себя — изъ чести — по нѣскольку паевъ, бѣдные — по одному, а совершенные голяки участвуютъ въ гуляньи наравнѣ съ прочими, не неся никакихъ расходовъ. Въ одномъ изъ родовъ кудинскаго вѣдомства праздновалось въ 1887 г. четырнадцать тайлагановъ; за это время было съѣдено мяса и хлѣба и выпито тарасуна на сумму 2620 р.; въ родѣ числится 108 хозяйствъ, такъ что на одно — приходится, *въ среднемъ*, свыше 24 рублей расходу; въ дѣйствительности же раскладка была сдѣлана такъ, что на бѣдныя хозяйства палъ только одинъ „пай" расходовъ, равный 8 рублямъ, а на богатыхъ — по 4 и по 5 паевъ, т.-е. по 32 — 40 руб. Животныя, предназначенныя въ жертву духамъ на тайлаганахъ, закалываются шаманами, потомъ зажариваются и поѣдаются всѣми участниками; иные берутъ съ собой куски мяса для оставшихся дома больныхъ и дѣтей. Потомъ начинается попойка, и заготовленные запасы тарасуна быстро исчезаютъ; появляются „мертвыя тѣла", лежащія въ разнообразныхъ позахъ по широкой степи; старики, которымъ нечего дѣлать дома, отправляются другъ къ другу въ гости — „архидачить", и эти проводы тайлагана продолжаются иной разъ дней пять. А на мѣстѣ тайлагана остаются бѣлѣть только кости животныхъ, съѣденныхъ въ честь добрыхъ и злыхъ онгоновъ, да шкуры нѣсколькихъ амановъ и жеребятъ еще долго болтаются по вѣтру на высокихъ шестахъ, пока не сгніютъ и не распадутся на клочья.

Мелкія моленія, совершаемыя по желанію отдѣльныхъ лицъ по разнымъ экстреннымъ случаямъ, называются кырыкэ. На одномъ изъ нихъ я случайно присутствовалъ.

Мы подъѣзжали утромъ къ одному улусу, состоящему

изъ десятка невзрачныхъ избъ, безъ всякаго порядка разбросанныхъ на пространствѣ доброй квадратной версты. Стоялъ легкій морозъ. Кошевка безшумно скользила по пушистому, недавно выпавшему снѣгу. Бѣлая равнина сливалась на горизонтѣ съ бѣлымъ краемъ неба. Было тихо, уныло и сурово; даже собаки, обыкновенно издалека уже встрѣчавшія насъ своимъ злобнымъ лаемъ, какъ незваныхъ нарушителей покоя ихъ жалкихъ улусовъ, кажущихся имъ центромъ вселенной, святая-святыхъ всего сущаго,—даже эти чуткіе стражи почему-то безмолвствовали на этотъ разъ. И вдругъ изъ мертвой тишины выдѣлился и фантастично пронесся по мертвому царству какой-то печальный и протяжный звукъ,—не то обрывокъ человѣческаго пѣнія, не то предсмертный вопль невѣдомаго звѣря, не то плачъ духа пустыни. Я чутко насторожился, противъ своей воли; нервы натянулись, какъ струны, въ ожиданіи новаго звука. И онъ опять выплылъ изъ тишины, пронесся надъ равниной и замеръ на далекомъ горизонтѣ. Потомъ стали чаще и чаще доноситься и другіе звуки, менѣе высокаго тона, и стало ясно, что это—пѣснь, прерываемая плачемъ, или плачъ, перемѣшивающійся съ пѣснью. Но это не походило на причитанье русскихъ бабъ надъ покойникомъ; это было нѣчто еще болѣе мрачное и безотрадное: въ причитаніяхъ слышится плачъ и тоска живого по мертвому; въ пѣніи шамана—плачъ и тоска самого мертвеца.

Когда мы, благополучно преодолѣвъ десятокъ препятствій, т.-е. разобравъ попадавшіяся намъ на пути огорожи утуговъ, добрались, наконецъ, до мѣста, откуда только-что неслись эти мистическіе вопли,—они больше уже не возобновлялись. Вторая половина кырыкэ была исполнена безъ всякихъ вокальныхъ эффектовъ: шаманъ

ограничивался лишь бормотаньемъ или болѣе громкой дикціей какихъ-то — не то молитвъ, не то — заклинаній; такъ ли это слѣдовало по ритуалу, или это было сдѣлано исключительно въ виду моего присутствія — не знаю. На берегу небольшого ручья ярко горѣлъ разложенный на землѣ костеръ; въ трехъ шагахъ отъ него стояла двуколесная бурятская арба, въ щели которой былъ воткнутъ рядъ молодыхъ березокъ, съ привѣшенными къ ихъ вѣтвямъ пестрыми лоскутками матерій. Къ этой-то святынѣ и направлялъ свои моленія и заклинанія шаманъ, невзрачный человѣчекъ, одѣтый въ овчинный халатъ зипунъ, какъ и всѣ прочіе бывшіе здѣсь буряты, и отличавшійся отъ нихъ только косичкой, спускавшейся отъ затылка до половины спины. Отъ времени до времени онъ бралъ ложкой изъ небольшого корытца, стоявшаго близъ костра, нѣкоторое количество разжиженной арсы и брызгалъ ею на четыре стороны свѣта или выливалъ въ огонь: думаю, что поэтому сами буряты называютъ свои моленья, въ разговорѣ съ русскими, „брызганьемъ“. Однажды, собираясь уже уѣзжать изъ посѣщеннаго мною улуса, я замѣтилъ, что публика еще не расходится; на мой вопросъ, чего они ждутъ? одинъ старикъ-весельчакъ отвѣтилъ:

— А вотъ, уѣдешь, будемъ мало-мало брызгать.

— Это по какому случаю?

— А вотъ, ты хорошо пріѣхалъ и хорошо уѣхалъ: потому и брызгать будемъ.

— И тарасуну мало-мало того?..

— И тарасунъ кушать будемъ, ха, ха!..

Оказалось, что почти въ каждомъ родѣ, изъ тѣхъ, которые я посѣтилъ, происходили послѣ моего отъѣзда „брызганья“, въ благодарность духамъ за то, что мой

пріѣздъ обошелся благополучно для бурятъ, да чтобъ и впредь этотъ пріѣздъ не отозвался на нихъ какимъ либо дурнымъ образомъ. . Сколько горькихъ опытовъ нужно, однако, имѣть, чтобы такъ бояться всякаго лица, похожаго на начальство, какъ боятся буряты!..

Въ частной жизни шаманъ не пользуется никакимъ особеннымъ значеніемъ, одѣвается и работаетъ, какъ и прочіе родовичи; да и къ самымъ моленьямъ шаманскимъ буряты относятся, по крайней мѣрѣ—съ внѣшней стороны, весьма равнодушно и даже непочтительно; помыслы всѣхъ присутствующихъ на моленіи направлены преимущественно на рѣшеніе вопросовъ, скоро ли хозяинъ, совершающій „кырыкэ", начнетъ угощать и много-ли заготовлено у него мяса и тарасуна?

Тѣмъ не менѣе, какъ выяснено выше, нынѣшняя просвѣтительная дѣятельность миссіонеровъ среди бурятъ оказывается безсильной въ борьбѣ съ этимъ отживающимъ, одряхлѣвшимъ культомъ... Плохую помощь просвѣщенію бурятъ миссіонерами оказываютъ и убогія школы, которыя заведены, по настоянію администраціи, въ каждомъ вѣдомствѣ на счетъ мѣстныхъ мірскихъ суммъ. Буряты всѣми способами стараются отвертѣться отъ повинности содержать школы и отъ обязанности наполнять своими дѣтьми классныя комнаты; какъ мнѣ передавали, въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ эта послѣдняя обязанность почти что приравнена натуральнымъ повинностямъ и разверстывается, вмѣстѣ съ ними, по душамъ; въ другихъ—поступившимъ въ школу дѣтямъ платится жалованье, въ размѣрѣ $1^1/_2$—3 р. въ мѣсяцъ; въ нѣкоторыхъ, наконецъ, устроены при школахъ „пансіоны", гдѣ мальчики харчуются и спятъ, избавляя такимъ образомъ своихъ родителей отъ расходовъ по содер-

жанію ихъ. Отданные такъ или иначе въ науку ребята учатся неохотно и посѣщаютъ классы весьма неисправно; нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что бо́льшая половина ихъ не овладѣваетъ даже механизмомъ чтенія, а прочіе ограничиваются пріобрѣтеніемъ одного этого примитивнаго знанія, которое — къ тому же — вскорѣ забывается, не находя себѣ достаточнаго примѣненія въ жизни.

---

Я не задавался цѣлью исчерпать въ этомъ очеркѣ предметъ, о которомъ велъ рѣчь. Очертить жизнь какого-нибудь племени, хотя бы незначительнаго по численности, — выяснить его отличительныя особенности отъ другихъ племенъ, описать его бытъ, его духовную жизнь, — все это дѣло весьма сложное и не можетъ быть выполнено удовлетворительнымъ образомъ въ краткомъ очеркѣ. Чтобы по возможности ограничить область настоящаго изложенія, я почти не касался здѣсь вопросовъ экономической категоріи, — ничего не сказалъ объ имущественной состоятельности бурятъ, объ ихъ земледѣліи, скотоводствѣ, и т. п.; такимъ образомъ вся статистико-экономическая сторона вопроса почти не затронута въ этомъ очеркѣ по той причинѣ, что представить ее здѣсь въ достаточной степени невозможно, а дать какія-нибудь отрывочныя свѣдѣнія этого рода значитъ только испортить тему *).

*) Заинтересованные этими вопросами читатели могутъ найти нѣкоторые отвѣты на нихъ въ вышедшихъ недавно изъ печати „Матеріалахъ по изслѣдованію быта сельскаго населенія въ Иркутской губ.“, изд. мин. гос. имущ., 1890 г., — откуда и позаимствованы приводимыя въ этомъ очеркѣ цифровыя данныя.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что по предлагаемому очерку можно составить себѣ правильное понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ быта бурятъ; иной читатель можетъ даже рѣшиться отвѣтить себѣ на вопросы,—что именно представляетъ изъ себя теперь бурятское племя, и какова будущность этой группы людей, судьбой и нуждами которыхъ у насъ такъ мало интересуются въ Россіи? Что касается меня лично, то я на эти вопросы могъ бы отвѣтить лишь слѣдующимъ образомъ.

Когда я ѣздилъ по бурятскимъ улусамъ, то мое настроеніе духа и степень симпатіи къ новымъ знакомымъ подвергались значительнымъ колебаніямъ: сегодня—я наслаждался простотой, непосредственностью и наивностью кочевниковъ, съумѣвшихъ, повидимому, сохранить нѣкоторыя доблестныя качества „варварскихъ" народовъ, еще не перевоспитанныхъ европейской культурой; назавтра—мнѣ предстояло впадать въ пессимизмъ по поводу характернѣйшихъ проявленій ихъ скрытности, лживости и тупости; при извѣстной обстановкѣ—я любовался ловкостью и удалью этихъ родныхъ сыновъ степей, а попавъ въ иной домъ, я брезгливо прикасался къ ихъ никогда немытой посудѣ, съ опасеніемъ глядѣлъ на скребущихъ головы и плюющихся собесѣдниковъ, и т. п. Вотъ и теперь, когда я пытаюсь подвести итогъ сказанному въ этомъ очеркѣ и вообще тому, что я знаю о бурятахъ, то я затрудняюсь точно формулировать,—какого же рода общее впечатлѣніе я вынесъ изъ моего знакомства съ этимъ племенемъ? Суждено ли ему утратить современемъ свои національныя черты и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась группа такъ называемыхъ осѣдлыхъ или ясачныхъ инородцевъ, которые приняли крещеніе еще въ прошломъ столѣтіи („пятое колѣно, какъ

мы крещены“, говорили мнѣ въ одной деревнѣ) и теперь уже такъ обрусѣли, что ихъ и отличить трудно отъ сибиряковъ-крестьянъ,—или же это племя, вступивъ въ ряды европейски цивилизованныхъ націй, съумѣетъ, однако, сохранить свои національныя черты, какъ съумѣли сохранить ихъ нѣкоторыя другія племена, пріобщенныя къ европейской семьѣ народовъ посредствомъ медленнаго культурнаго на нихъ воздѣйствія? Такъ или иначе, но чѣмъ скорѣе пройдутъ буряты ту переходную ступень, на которой они теперь находятся, ступень между кочевымъ бытомъ шаманистовъ и осѣдлымъ образомъ жизни грамотнаго земледѣльца, тѣмъ бóльшій это будетъ выигрышъ въ отношеніи прогресса человѣчества.

## VI.

## ИЗЪ ЭКСКУРСІЙ ПО НИЖНЕУДИНСКОМУ ОКРУГУ.

**Ясачные буряты Степной Землицы.—Великій сибирскій трактъ и эпическій исправникъ.—Крестьяне изъ казаковъ.—Поѣздка въ пещеры.—Памятное приключеніе. — Камень-Богатырь. — Карагазы. — Піонеры европейской культуры на дальнемъ востокѣ.**

Мнѣ и моему товарищу по работамъ, Н. Г. Козлову, предстояло ознакомиться съ бытомъ бурятскаго населенія Нижнеудинской Степной Землицы и съ племенемъ карагазовъ, причисленныхъ къ этому вѣдомству — по оффиціальной терминологіи—„для одного счета“; эта поѣздка дала мнѣ столько любопытныхъ впечатлѣній, какъ ни одна изъ другихъ, сдѣланныхъ мною по Иркутской губерніи.

Главное селеніе вѣдомства, с. Солонцы, съ 350 жителями, отстоитъ отъ г. Нижнеудинска верстахъ въ 30-ти на юго-востокъ; около Солонцовъ и далѣе, вверхъ по р. Удѣ верстъ на сорокъ, расположено нѣсколько мелкихъ улусовъ: затѣмъ тянутся къ югу и юго-западу, вплоть до русско-китайской границы, верстъ на 200—300, незаселенныя пространства, — цѣлое море пустынной тайги, болотъ и камня. По зимнему пути еще можно, хотя и съ немалымъ трудомъ, перебраться черезъ одну небольшую полоску этой мрачной тайги, сдѣлавъ верстъ

сорокъ въ узенькихъ саняхъ въ одну лошадь, и достигнуть другой группы улусовъ и селеній Землицы, расположенныхъ по теченію р. Іи *); но въ лѣтнее время приходится дѣлать объѣздъ, выбираясь на московскій трактъ: эту круговую дорогу считаютъ въ 200 верстъ длиною. Мы отправились въ путь въ первыхъ числахъ декабря, когда уже выпалъ снѣгъ, болота замерзли, а рѣки стали, и потому намъ пришлось испытать лишь малую долю тѣхъ прелестей, которыя ожидаютъ туриста, путешествующаго лѣтомъ по этимъ дебрямъ.

Степей въ Степной Землицѣ совсѣмъ нѣтъ: это сплошь лѣсная мѣстность. Объясненіе несоотвѣтствія названія съ характеромъ мѣстности надо искать въ исторіи. Когда красноярскіе казаки двинулись на востокъ, по направленію къ озеру Байкалу, то они, какъ передаетъ исторія, встрѣтили довольно упорное сопротивленіе со стороны „братскихъ", жившихъ въ предѣлахъ нынѣшняго Нижнеудинскаго округа. Для полнаго усмиренія туземцевъ былъ тогда же основанъ (въ 1648 г.) Покровскій городокъ, теперешній гор. Нижнеудинскъ. Въ восточную часть округа, въ территорію волостей Кимильтейской, Куйтунской и Тулуновской, входятъ клиномъ хорошія земли, отчасти и степи, изъ сосѣдняго Балаганскаго округа; надо думать, что именно эта мѣстность была заселена тѣми инородцами, которые пытались два съ половиной вѣка назадъ дать отпоръ движенію казаковъ на востокъ; когда же это имъ не удалось, то они и были вытѣснены изъ своихъ степей колонизаторами, шедшими по пятамъ казаковъ и повсюду предъявлявшими права на лучшія

*) Какъ Ія, такъ и Уда принадлежатъ къ бассейну р. Ангары; первая имѣетъ длины около 500 в., вторая — до тысячи, но обѣ не судоходны, по обилію пороговъ.

земли, оставляя въ распоряженіе туземцевъ худшія. По крайней мѣрѣ, къ началу нынѣшняго столѣтія нижнеудинскимъ бурятамъ уже не принадлежало ни одного клока изъ степей, которыя занимаютъ мѣстами широкія площади вдоль московскаго тракта и къ сѣверу отъ него. Когда въ 1858—60 годахъ производился злосчастный опытъ принудительнаго переселенія въ Восточную Сибирь десяти тысячъ штрафныхъ солдатъ, переименованныхъ въ казаки, то для нѣкоторыхъ изъ проектированныхъ станицъ была избрана довольно удобная мѣстность по берегу р. Уды, ниже г. Нижнеудинска. Изъ архивныхъ матеріаловъ оказывается, что въ облюбованной казачьимъ начальствомъ мѣстности жили буряты. Чтó и какъ происходило при отводѣ земли подъ казачьи поселенія — неизвѣстно: сохранился только приговóръ бурятъ, по которому они отказались отъ всякихъ правъ своихъ на эту мѣстность, и сами, распродавъ будто бы свои дома новымъ колонистамъ, переселились вверхъ по Удѣ, въ мѣстность нынѣшней Землицы, гдѣ уже было нѣсколько поселеній и улусовъ ихъ сородичей. Бурятское преданіе гласитъ объ этомъ дѣлѣ нѣсколько иначе: начальство предложило будто бы бурятамъ, жившимъ по нижнему теченію Уды, или перечислиться въ казаки, оставаясь на мѣстахъ, или подобру-поздорову убираться съ облюбованной подъ станицы территоріи *); но одна мысль о зачисленіи въ казачье сословіе такъ напугала бурятъ (они успѣли уже, вѣроятно, присмотрѣться къ казачьимъ порядкамъ), что они ударились въ бѣгство, побросавъ дома. Такимъ-то образомъ произо-

*) Въ отведенныхъ подъ поселенія казаковъ участкахъ числится около 11 тыс. десятинъ.

шло, что названіе „Степной Землицы" пріурочено теперь къ мѣстности, въ которой нѣтъ ничего похожаго на степь.

Этимъ же обстоятельствомъ—проживаніемъ въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ—объясняется громадное различіе бытовыхъ черть населенія Землицы. Жители трехъ *селеній* этого вѣдомства, въ томъ числѣ и Солонцовъ, по типу лица, образу жизни, языку и проч. весьма, если не совершенно, схожи съ сибиряками-крестьянами; между тѣмъ жители сосѣднихъ *улусовъ* сохранили всѣ типическія особенности бурятскаго племени, хотя уже давно крещены: они называются „осѣдлыми" инородцами, но тѣмъ не менѣе у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть даже „лѣтники", куда они перебираются изъ „зимниковъ" въ то же время и по тѣмъ же причинамъ, какъ и буряты, именуемые „кочевыми" и живущіе въ другихъ округахъ Иркутской губ. Замѣчательно, что жители с. Солонецкаго и двухъ другихъ, вполнѣ обрусѣлые, называются „ясачными"; а это названіе обыкновенно присвоивается бурятамъ, стоящимъ еще только на переходной ступени между кочевымъ и осѣдлымъ бытомъ. Словомъ, „Степная Землица" поражаетъ наѣзжаго человѣка разнаго рода противорѣчіями, въ которыхъ не всегда бываетъ легко разобраться.

Дурныя естественныя условія, въ которыхъ живутъ буряты нѣкоторыхъ улусовъ этого вѣдомства, гибельно отражаются на экономическомъ благосостояніи, на здоровьи и на численности племени. До 17% общаго числа хозяйствъ (150 душъ обоего пола) находятся въ отсутствіи; многія изъ нихъ не ведутъ никакого хозяйства, живя батраками въ притрактовыхъ селеніяхъ; другіе имѣютъ домообзаводство на земляхъ ближайшихъ кре-

стьянскихъ обществъ, которыя въ былыя времена не препятствовали имъ занимать удобныя къ культурѣ, но пустовавшія пространства, а теперь, когда земли вблизи селеній „подобрались", начинаютъ вытѣснять чужаковъ.

Одинъ улусъ (Орикъ) недавно пересталъ существовать вовсе, потому-что мѣсто, облюбованное бѣжавшими отъ казатчины бурятами, оказалось непригодно въ земледѣльческомъ отношеніи: хлѣба ежегодно вымерзали, и орикцы вынуждены были переселиться въ другія мѣста. Населеніе Землицы и посейчасъ еще какъ-будто не осѣло окончательно: каждый годъ по нѣскольку семей переселяется на новыя заимки или же, найдя ихъ непригодными, переходитъ на другія мѣста, или вновь возвращается на прежнее свое пепелище. Обиліе болотъ способствуетъ существованію эндемій и губительнымъ нашествіямъ нѣкоторыхъ эпидемій: зобатость, нерѣдко въ связи съ кретинизмомъ, и слѣпота здѣсь довольно обыкновенныя явленія; горячка же (вѣроятно, какой-нибудь видъ тифа) нерѣдко выхватываетъ жертвы десятками; такъ, улусъ Шерагульскій въ недавнее время болѣе чѣмъ на половину опустѣлъ, вслѣдствіе свирѣпствовавшей въ немъ горячки. И вообще, надо полагать, численность нижнеудинскихъ бурятъ сильно сократилась съ того времени, когда они давали серьезный отпоръ шедшимъ на нихъ „холопамъ Бѣлаго Царя": ихъ оказывается теперь только 1,300 душъ обоего пола, вмѣстѣ съ отсутствующими,—а такое число было бы слишкомъ ничтожно для упорной защиты родныхъ степей.

---

Еще въ Иркутскѣ я узналъ, что на р. Удѣ, выше с. Солонцовъ, есть удивительная пещера, въ которой гео-

логъ Н. Д. Черскій прожилъ около мѣсяца, все же не успѣвъ довести своихъ изслѣдованій до конца. Мнѣ рекомендовали обратиться въ Нижнеудинскѣ къ мѣстному казначею, г. Дрянову, побывавшему за 40 лѣтъ своей государственной службы во многихъ должностяхъ и поэтому знающему округъ какъ свои пять пальцевъ. Драгоцѣнный старожилъ далъ намъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ относительно снаряженія экскурсіи въ пещеры; оказалось, что онъ самъ былъ въ ней въ 1858 году, но о геологическихъ работахъ въ ней Черскаго въ 1875 году ничего не слыхалъ.

Нѣсколько недѣль промаявшись въ разъѣздахъ по округу, сдѣлавъ за это время около тысячи верстъ на лошадяхъ, иной разъ по отвратительнѣйшей дорогѣ, имѣвъ удовольствіе многократно ночевать и въ холодныхъ, и въ угарныхъ, въ душныхъ и грязныхъ избахъ, мы съ особымъ удовольствіемъ наслаждались тепломъ и уютностью квартиры г. казначея и слушали его безконечные разсказы о видѣнномъ имъ и слышанномъ за его долгій вѣкъ. Онъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что верстъ 25 ниже города, на р. Укъ, при впаденіи ея въ Уду, есть очень красивый водопадъ; но смотрѣть его надо лѣтомъ, когда воды бываетъ много, а зимой онъ вымерзаетъ.

— Скажите, Дмитрій Степановичъ, — тотъ Зыбинъ, съ которымъ вы ходили въ пещеру, былъ здѣшнимъ исправникомъ?

— Какъ же, какъ же, онъ самый. Я при немъ и служилъ по полиціи. Замѣчательный былъ человѣкъ-съ!...

— Да, кое что слышно о немъ отъ крестьянъ еще и теперь! Вспоминаютъ, какъ имъ тогда солоно приходилось на дорожныхъ работахъ...

— Солоно-то солоно, да за то вѣдь и трактъ былъ такой, что и теперь говорятъ еще о „зыбинскомъ трактѣ!“ Послѣ него вѣдь лѣтъ десять не ремонтировали какъ слѣдуетъ,—ну, и довели до теперешняго состоянія.

...А это состояніе дѣйствительно ужасно!

Чтобы понять огромное значеніе московскаго тракта для всей Восточной Сибири, слѣдуетъ бросить взглядъ назадъ, въ предразсвѣтныя сумерки сибирской общественной жизни. Когда въ XVII в. русскіе подвигались все далѣе и далѣе на востокъ, то для обезпеченія своего тыла и удержанія покоренныхъ племенъ въ подданствѣ устраивали острожки и городки по берегамъ рѣкъ, служившихъ въ тѣ времена главнѣйшими путями сообщенія. Слабая въ численномъ отношеніи горсть пришельцевъ требовала изъ далекой метрополіи постоянныхъ подкрѣпленій людьми, оружіемъ, порохомъ, одеждой и нужнѣйшими предметами домашняго обихода, а взамѣнъ этого посылала пушнину въ качествѣ ясака и товаровъ. Такимъ образомъ, между центромъ и окраинами поддерживались непрерывныя сношенія, однако, чрезвычайно затруднявшіяся, вслѣдствіе неудобствъ водныхъ путей,—порожистыхъ, длинныхъ, пригодныхъ для плаванія только пять-шесть мѣсяцевъ въ году. Поэтому уже въ концѣ XVII в. сказалась настоятельная потребность въ устройствѣ удобнаго сухопутнаго сообщенія съ Москвой: было приступлено къ проведенію „сибирскаго“ („московскаго“ тожъ) тракта, узкой лентой, въ 3—4 саж. шириной, извивающагося черезъ хребты Уральскіе и болота Барабинскія, черезъ нижне-удинскую тайгу и балаганскія степи. Эта узенькая ленточка, то утопающая въ трясинахъ, то вздымающаяся по горнымъ переваламъ, теряющаяся въ глухихъ дебряхъ, преры-

ваемая могучими потоками—Иртышемъ, Обью, Енисеемъ и Ангарой, да десятками второстепенныхъ рѣкъ и рѣчекъ,—еще и понынѣ служитъ единственнымъ связующимъ звеномъ между столицей Россіи, Москвой, и Иркутскомъ, который не безъ основанія называютъ „столицей Сибири“ по его центральному положенію, по торговому и культурному значенію.

Уже много лѣтъ, какъ по этому тракту непрестанно движутся взадъ и впередъ длинные обозы, отъ 50 до 100 и болѣе возовъ въ каждомъ: „внизъ“, какъ здѣсь говорятъ,—т. е. по направленію къ Иркутску,—идутъ товары всякаго рода, отъ керосина, гвоздей и крупичатой муки до кружевъ, шампанскаго и сигаръ включительно; вверхъ, въ Россію, идутъ чаи, чаи, мѣха и опять чаи, безъ конца чаи. За годъ входитъ и выходитъ черезъ Московскую заставу въ Иркутскѣ до 75 тыс. возовъ. Медленно переступаютъ эти десятки тысячъ коней, шагъ за шагомъ отмѣривая полторы тысячи верстъ, которыя легли между Томскомъ и Иркутскомъ: отъ 35 до 40 дней употребляется на этотъ путь, если погода стоитъ хорошая; но если польетъ на нѣсколько дней дождь, то нѣкоторые участки тракта превращаются въ непролазныя болота, въ которыхъ по ступицу тонутъ ѣдущіе въ одну колею воза; тогда случается, что станокъ въ 25—30 верстъ дѣлается съ трудомъ только въ сутки, а весь путь требуетъ не менѣе 50—60 дней. Мученія, испытываемыя возчиками и лошадьми въ это время, трудно описать: воза опрокидываются, оси и колеса ломаются, дуги лопаются, люди выбиваются изъ силъ и заболѣваютъ, а трупы лошадей усѣиваютъ эти злосчастные участки „великаго сибирскаго тракта“, на радость воронью, собакамъ, а подчасъ—и семьѣ волковъ.

Причины этого невозможнаго состоянія нѣкоторыхъ участковъ — троякаго рода. Первыя принадлежатъ къ категоріи естественныхъ; таковы: болотистый и сырой грунтъ, отсутствіе природныхъ стоковъ дождевой воды, обильные осадки въ извѣстные періоды года; вторыя— находятся въ зависимости отъ условій обознаго движенія: тысячи возовъ идутъ „колесо въ колесо", одной парой колей, прорѣзая сырую почву, какъ ножемъ; будь въ употребленіи дышловая упряжка,—говорятъ знатоки дѣла,—ничего подобнаго нынѣшнему состоянію тракта не было бы. Третья причина — это ремонтъ тракта помощью натуральной повинности, лежащей исключительно на сельскомъ населеніи; объ этой послѣдней причинѣ стòитъ сказать нѣсколько словъ особо.

Когда правительство приняло въ свое вѣдѣніе устройство Сибирскаго тракта, оно прежде всего озаботилось заселить его, обезпечивая этимъ правильность передвиженія по немъ казенныхъ людей и транспортовъ. Въ безлюдныхъ мѣстахъ тракта были принудительно поселяемы крестьяне изъ Россіи, которые освобождались отъ податей, но обязывались отбывать гоньбу („ямъ") и, кстати, какъ наиболѣе заинтересованные, содержать самый трактъ въ сколько-нибудь проѣздномъ состояніи. Постепенно, однако, движеніе по тракту увеличивалось и ремонтъ его становился непосильнымъ тѣмъ немноголюднымъ сельскимъ обществамъ, которыя образовались изъ потомковъ первоначально поселенныхъ ямщиковъ; тогда администрація стала давать имъ помощь людьми изъ ближайшихъ селеній. Впослѣдствіи дорожная повинность все разросталась и, наконецъ, возложена была на населеніе не только притрактовое, но и всѣхъ сосѣднихъ мѣстностей. Послѣдее понятіе оказалось очень растяжи-

мымъ: людей выгоняли „на дорогу“ верстъ за 600 отъ ихъ мѣстожительства. Вслѣдствіе отсутствія строгой нормировки, дорожная повинность стала самой доходной статьей въ ряду прочихъ для полицейскаго начальства: каждое послабленіе въ отбываніи ея оплачивалось крупными кушами, и нѣтъ ничего удивительнаго, что эта архаическая повинность дожила въ той же формѣ до нашихъ дней...

Каждые четверо крестьянъ рабочаго возраста должны выставлять одного работника на 30 дней въ году (кромѣ экстренныхъ нарядовъ), снабдивъ его двумя лошадьми съ таратайкой, лопатой, топоромъ и съѣстными припасами. На трактъ выходятъ, обыкновенно, къ 1-му іюня и работаютъ весь мѣсяцъ, подъ наблюденіемъ старостъ, волостныхъ старшинъ, засѣдателей и исправниковъ. Подневольная и неоплачиваемая работа, вдали отъ дома, на скудныхъ харчахъ, передъ самой страдой — настолько удручающе дѣйствуетъ на крестьянъ - хозяевъ, что они всячески стараются отлынивать отъ нея: имѣющіе деньги нанимаютъ за себя какихъ-нибудь бобылей, ссыльно-поселенцевъ или отставныхъ солдатъ, платя съ „дорожной души“ 7 — 10 рублей, а болѣе бѣдные, хотя и идутъ лично „на трактъ“, но съ твердымъ намѣреніемъ сработать какъ можно меньше и хуже. И тѣ, и другіе, и наймиты, и бѣдняки, мало заинтересованные въ дѣлѣ успѣшнаго исправленія тракта, не ожидающіе себѣ никакой награды за труды, все время работъ стоятъ въ антагонизмѣ съ распорядителями, стараются обмануть ихъ на чемъ только можно и работаютъ лишь изъ-подъ палки. Дѣло нерѣдко доходило до открытаго неповиновенія: рабочіе сжигали балаганы, въ которыхъ больше проводили часовъ въ отдыхѣ, чѣмъ на дорогѣ

съ лопатой въ рукахъ, и разбѣгались по домамъ; старшины и засѣдатели мчались за ними въ погоню, ловили, сажали въ колодки, — но работы отъ этого ничего не выигрывали, и трактъ приходилъ все въ болѣе отчаянное состояніе.

Такъ было до Зыбина, такъ же пошло и послѣ него. За послѣднее время администрація, не рѣшаясь уже прибѣгать къ зыбинскому режиму, убѣдилась, что единственный способъ обхода печальнаго будущаго, т. е. превращенія тракта въ непролазное болото, заключается въ замѣнѣ натуральной дорожной повинности подряднымъ или хозяйственнымъ ремонтомъ, подъ наблюденіемъ знающихъ инженеровъ и техниковъ, а не полицейскихъ засѣдателей. Этому въ настоящее время положенъ почивъ, въ предѣлахъ иркутскаго генералъ-губернаторства, на счетъ особо учрежденнаго повознаго сбора; натуральная же повинность, сохраненная для производства болѣе мелкихъ ремонтныхъ работъ, значительно упорядочена: людямъ и конямъ выдается продовольствіе, на важнѣйшихъ участкахъ за работами наблюдають техники, „выгонъ на дорогу“ ограниченъ 200—250 верстнымъ разстояніемъ, причемъ время, употребленное на путь туда и обратно, считая по 50 в. въ день, вычитается изъ обязательнаго мѣсяца работы, и т. д. Эпическій же исправникъ Зыбинъ приводилъ трактъ въ хорошее состояніе нѣсколько иными мѣрами, въ числѣ коихъ „строгость“, во всѣхъ ея видахъ, занимала первое мѣсто. Надо отдать, однако, справедливость и его замѣчательной личной энергіи; изъ разныхъ анекдотовъ о немъ сообщу, для примѣра, слѣдующіе.

Крестьянамъ одного селенія было приказано Зыбинымъ разыскать къ предстоящему ремонту мѣстонахожденіе гальки.

— Не вдомекъ, какъ ее искать, ваше-скородіе, гальку эту самую!—слабо протестовалъ староста.

— Ты мнѣ, сивая борода, лазаря не пой! Мнѣ тебя учить, что-ли?.. Ну, ладно, поучу. Тетеревиныя мѣста знаете,—вѣдь вы промышлёные? а тетереву галька, вѣдь, нужна, — онъ ее глотаетъ?.. Такъ около тетеревиныхъ мѣстъ и ищите ее!.. Да непремѣнно образчики мнѣ подайте, какъ назадъ поѣду; и въ туяскахъ принесите, а не въ платкахъ!

Мужики кланялись и почесывались, а проводивъ начальство, подивились маленько: „ишь, дошлый какой,—всяку примѣту знатъ!.. А на что это онъ ее, паря, въ туяскахъ велѣлъ подать?"..

Въ сухое весеннее время состоялось представленіе образчиковъ найденной гальки.

— Ну, хорошую нашли?

— Надо быть, хорошую, вашескородіе.

— Ладно. Давай сюда ковшъ воды... Лей въ туясъ... лей еще!

Зыбинъ взялъ берестяной бурачокъ и сталъ въ немъ взбалтывать воду; мужики сжались и переглянулись другъ съ другомъ. Исправникъ посмотрѣлъ въ туясокъ, молча подошелъ къ одному депутату, выплеснулъ ему часть содержимаго на бороду, сдѣлалъ то же съ другимъ, съ третьимъ и отдалъ туясъ старостѣ: онъ былъ пустъ. Депутаты, не смѣя вытереть бородъ, молча же поклонились начальнику и гуськомъ повышли изъ комнаты.

Еще черезъ недѣлю опять явились депутаты съ новымъ образчикомъ гальки; Зыбинъ произвелъ тотъ же опытъ: представленное оказалось нерастворимымъ въ водѣ.

— Теперь ладно. Отчего же вы мнѣ, курицыны дѣти,

сразу гальки не добыли, а глины принесли? За дурака, что ли, меня считаете?

— Виноваты, вашескородіе, да ужь больно далеко за ней ѣздить будетъ, за галькой-то, а глина эта въ сухмень все равно, чтó галькой дѣлается.

— Въ сухмень-то такъ, а въ мокреть—чтó изъ нея будетъ, не знаешь? Такъ свою бороду спроси, она тебѣ, можетъ быть, скажетъ.

Для изслѣдованія состоянія тракта и требующихся ремонтныхъ работъ Зыбинъ избиралъ самые дождливые дни: онъ бралъ съ собой писаря и отправлялся въ легкой бричкѣ по тракту. Потоки дождевой воды указывали ему естественные уклоны мѣстности; ямы и ложбины, оазисы крѣпкаго грунта и особенно жидкія трясины также хорошо сказывались въ это время; все это записывалось писаремъ, подъ диктовку Зыбина, карандашемъ на клочкѣ бумаги. Когда наступало время ремонта, то онъ совершался по готовому плану, безъ топографическихъ изслѣдованій: Зыбинъ хваталъ лопату и указывалъ направленіе отводной канавы, самъ вязалъ фашинникъ, обучая рабочихъ, рѣзалъ дернъ и показывалъ, какъ слѣдуетъ обшивать имъ откосы. Онъ съ утра до вечера леталъ отъ одной партіи къ другой, и—горе тѣмъ, кого онъ замѣчалъ въ небрежномъ выполненіи урока! Розги, говорятъ старики, заготовлялись десятниками про запасъ, и въ каждомъ балаганѣ ихъ хранилось по нѣскольку пучковъ. Но иногда онъ взбадривалъ лѣнивыхъ и другими средствами.

Такъ, однажды онъ встрѣтилъ рабочаго, везшаго таратайку съ галькой; Зыбинъ подошелъ, посмотрѣлъ.

— Распрягай коня!

Разсуждать у него не полагалось; поэтому мужикъ съ трепетомъ исполнилъ приказаніе.

— Вези на себѣ таратайку!

Взялся мужикъ за оглобли, крякнулъ, повезъ. Зыбинъ пошелъ рядомъ, ведя коня подъ уздцы. Шли, шли; мужикъ сталъ пыхтѣть; наконецъ, дойдя до пригорка, остановился.

— Ну, чтó, дружокъ, измучился?

— Измучился, вашескородіе.

— Такъ вѣдь везъ—ты, другъ любезный, а не лошадь, и то саженъ двѣсти отмѣрилъ; а она больше твоего впятеро свезетъ. Зачѣмъ же ты за семь верстъ везешь три пуда гальки, а не полную таратайку, какъ я приказывалъ?.. Вѣдь ты всего два конца въ день даешь и къ вечеру все также устанешь, а пользы ни себѣ, ни людямъ не сдѣлаешь!.. Ну, запрягай коня, да впередъ—смотри у меня!

Такими и подобными мѣрами Зыбинъ наводилъ панику на ремонтныхъ рабочихъ, а смѣтливымъ веденіемъ работъ увѣковѣчилъ свое имя.

---

Недружелюбнѣе прочихъ группъ населенія относятся ко всѣмъ крестьянскимъ тяготамъ, особенно же къ дорожной повинности, „крестьяне изъ казаковъ",—тѣ самые штрафованные солдаты, которые были въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ пригнаны изъ Европейской Россіи, переименованы въ казаки и поселены въ разныхъ пунктахъ Иркутской губ. и Забайкальской обл. Присланныя толпы глубоко несчастныхъ или въ корень развращенныхъ людей должны были колонизировать пу-

стынныя дебри и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отбывать казачью службу въ городахъ, на кордонахъ, и т. п. Этотъ послѣднiй опытъ колонизацiи края ссыльнымъ элементомъ и перевоспитанiя самого элемента посредствомъ ссылки рѣшительно не удался: большинство штрафованныхъ оказалось врагами осѣдлой и трудовой жизни на чужой сторонѣ, а распорядители ихъ судебъ — недостойными лицами, способными испортить своими нечистыми и жесткими руками самое хорошее дѣло. „Кадеты", — такъ прозвали старожилы новыхъ казаковъ, — пьянствовали, воровали и грабили; земли почти не обрабатывали; дома, выстроенные для нихъ старожилами или ими самими (изъ-подъ палки), они побросали, распродавъ данный имъ казною скотъ и домашнюю утварь. Старожилы отказывались брать ихъ даже въ работники,—такъ хороша была ихъ репутацiя. Разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ глухихъ забайкальскихъ поселенiяхъ до прихода „кадетъ" не знали—что̀ такое замки; но пришельцы быстро научили употребленiю ихъ. Казачью службу вновь поселенные исполняли такъ плохо, что ихъ приказано было не посылать въ командировки и на отвѣтственные пункты. Въ концѣ-концовъ, въ 1871 году, казаки эти были переименованы въ „крестьянъ изъ казаковъ", съ причисленiемъ ихъ къ волостямъ и съ приравненiемъ въ правахъ и обязанностяхъ къ государственнымъ крестьянамъ; желавшимъ вернуться въ Россiю или уйти въ другiе округи сибирскiе на заработки—это было разрѣшено; сыновья же бывшихъ казаковъ должны были „избрать себѣ родъ жизни", т.-е. приписаться къ какимъ-либо крестьянскимъ или мѣщанскимъ обществамъ. Такъ какъ никто себѣ не врагъ, а подати мѣщанскiя въ нѣсколько разъ легче крестьян-

скихъ, то значительное количество подлежавшихъ „избранію рода жизни“ приписалось въ мѣщане.

Отъ всѣхъ этихъ причинъ, бывшія казачьи станицы быстро опустѣли; четыре же станицы на р. Удѣ, расположенныя на бывшей бурятской территоріи, страшно потерпѣли еще и отъ наводненія въ іюнѣ 1870 г., которымъ были снесены и разрушены ихъ дома, затоплены огороды и пашни, истребленъ на половину домашній скотъ. Изъ 519 человѣкъ, поселенныхъ въ 1860 г. въ нижне-удинскихъ станицахъ, оставалось къ 1887-му г. на лицо только 65, т.-е. 13%; изъ числа же остальныхъ ушло назадъ въ Россію 49 чел., сослано въ каторгу за новыя преступленія 17 чел., бѣжало—еще до расформированія полка—32 чел., было убито 9 ч. и умерло „естественною смертью“ 154 ч., живутъ на сторонѣ 117 ч. и „состоитъ въ безвѣстной отлучкѣ“ 76 чел. Оставшіеся на-лицо 65 ч., съ женами и дѣтьми (нѣкоторымъ „дѣтямъ“ уже по 30 лѣтъ) живутъ нынѣ въ четырехъ поселкахъ, отрабатываютъ земли немного, скота держатъ также немного, избы имѣютъ грязноватыя, на русскій средній ладъ. По внѣшнему своему виду, казачьи селенія очень разнятся отъ коренныхъ сибирскихъ деревень: дома стоятъ въ линію, хмурые, на-половину необитаемые, съ заколоченными окнами; жизни на улицѣ мало; все, что̀ видитъ глазъ, сумрачно, нехозяйственно, временно. Казачьи станицы какъ-бы удивляются самому факту своего существованія и съ усиліемъ рѣшаютъ вопросъ: что́-же будетъ дальше? А пока этотъ вопросъ еще не рѣшенъ, не сто́итъ и заводить заботу о лучшемъ устройствѣ жизненнаго уклада, какъ личнаго, такъ и общественнаго.

Особенно страдаетъ отъ этой неувѣренности въ зав-

трашнемъ днѣ и въ свои собственныя силы строй общественной жизни: неурядица въ мірскихъ дѣлахъ царитъ полная; никто не знаетъ своихъ правъ и обязанностей или знать ихъ не хочетъ по той причинѣ, что бывшіе казаки не желаютъ подчиниться волостному начальству, нести волостныя тяготы и отбывать крестьянскія повинности. На мои вопросы объ ихъ теперешнемъ житьѣ-бытьѣ трое изъ присутствовавшихъ на бесѣдѣ стариковъ отвѣтили, что крестьянская сѣрая жизнь имъ не нравится, что подчиняться волости они не согласны и что „лонись прошеніе подали опять въ казаки обернуться, да вотъ что-то долго отвѣта нѣтъ. Вы, ваше благородіе, не знаете-ли чего о нашемъ дѣлѣ?"

Я отвѣтилъ, что не знаю ничего вѣрнаго, но что лично думаю—не бывать имъ опять въ казакахъ, такъ какъ идутъ слухи о расформированіи даже двухъ остальныхъ казачьихъ полковъ, Иркутскаго и Енисейскаго, за отсутствіемъ въ нихъ нужды. Это сообщеніе очень не понравилось старикамъ, и они выразили къ нему крайнее недовѣріе.

— Мало ли чтó брешутъ? Всего не переслушаешь!...

Потомъ я разспрашивалъ сыновей этихъ бывшихъ казаковъ,—согласны ли они съ отцами относительно превосходства казачины надъ крестьянствомъ и мѣщанствомъ?

— Да мы не помнимъ хорошо того времени, а старики намъ его хвалятъ: ну, и мы съ ними за одно дали свое согласіе. А кто е знаетъ доподлино,—лучше ли, хуже ли будетъ? За то, по крайности, свѣтъ увидишь!

— А не разсказывали вамъ старики, какъ ихъ муштровали отцы-командиры, сколько палокъ о нихъ обломано было, сколько спинъ исполосано?..

— Ну, нѣтъ, теперя не тѣ времена пошли!.. Мы своего согласія на такое озорство не даемъ! Оно, тогда, извѣстно, другой народъ былъ: съ нимъ безъ палки трудно ладить оказывалось; а мы на это несогласны будемъ!

Скоро вымрутъ старики, люди прежней формаціи: отойдутъ въ область темныхъ преданій разсказы о добычливой и веселой жизни казаковъ въ командировкахъ и на кордонахъ; тѣснѣе сольется жизнь бывшихъ станицъ съ жизнью крестьянской волости, и потомство осѣвшихъ въ чужой сторонѣ 13-ти процентовъ ссыльныхъ колонизаторовъ возьмется крѣпко, хотя и не совсѣмъ по доброй волѣ, за лямку земледѣльца, переставъ лелѣять мечты о коренномъ измѣненіи своей сѣренькой, однообразной жизни. Но вотъ любопытный вопросъ изъ области психики народныхъ массъ: если все это исполнится, если изъ положенія неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ человѣка потомки „кадетовъ" превратятся въ истыхъ земледѣльцевъ и сольются съ устойчивой крестьянской массой,—счастливѣе ли они будутъ тогда, чѣмъ теперь, когда они видятъ заманчивую цѣль впереди, когда ждутъ съ часа на часъ, что вотъ-вотъ выйдетъ указъ, и они, верхомъ на конѣ, будутъ снисходительно, сверху внизъ, смотрѣть на копошащуюся по землѣ пѣшую массу сѣраго крестьянства?...

---

Въ Солонцахъ предстояло нанять проводниковъ для посѣщенія интересовавшихъ насъ пещеръ. Г. Дряновъ назвалъ намъ трехъ солонецкихъ ясачныхъ, когда то сопровождавшихъ его и Зыбина въ экспедицію; но почтенный старецъ не принялъ во вниманіе того тридцатилѣтняго промежутка времени, который легъ между годомъ его экспедиціи и временемъ нашего съ нимъ зна-

комства: двое изъ рослыхъ и бравыхъ молодцовъ-проводниковъ того времени оказались, по справкамъ, уже умершими, а третій превратился въ дряхлаго старика, съ трудомъ бродившаго по улицѣ солонецкой за подаяніемъ, и его слабыя, дрожавшія ноги не годились уже ни для какихъ иныхъ экскурсій, кромѣ тѣхъ, которыя доставляли ему нынѣ куски горькаго подаяннаго хлѣба.

На помощь намъ пришелъ письмоводитель инородной управы, назвавъ двухъ братьевъ Шуртовыхъ, которые были участниками экспедиціи геолога Черскаго; конечно, мы съ радостью и надеждой на успѣхъ нашего предпріятія ухватились за Шуртовыхъ.

Имъ было отъ 35-ти до 40-ка лѣтъ; рослые, плечистые, съ великорусскимъ типомъ лица и свѣтлыми, почти льняными волосами, они совсѣмъ не походили на инородцевъ, хотя бы и „ясачныхъ". Распивая съ нами чай, они сдержанно и нѣсколько конфузливо передавали кой-какія подробности своего сорокапятидневнаго житья въ пещерѣ съ преданнымъ служителемъ науки.

— Сначала оно, конечно, жутко и тоскливо бывало, особливо когда одному оставаться доводилось. Баринъ уйдетъ куда-нибудь въ глубь съ своими молоточками,— его и во-вѣкъ не разыщешь, потому что проходовъ разныхъ—тьма-тьмущая; одинъ изъ насъ сидитъ на вольномъ воздухѣ, на стану обѣдъ готовитъ: станъ у самаго входа былъ, вродѣ какъ бы подъ кумполомъ каменнымъ; ну, а который барина дожидается въ „сборной"—этакъ одна хоромина въ пещерѣ у насъ прозывалась,—тому очень тоскливо бывало. Темно кругомъ—страсть: горитъ тебѣ одна свѣчка, а тишь-то какая,—могила, и только!.. Однова, сидимъ мы такъ-то съ бариномъ, а Николай приходитъ и спрашиваетъ насъ:

„Вы что, говоритъ, слышите?“—Нѣтъ, говоримъ, ничего не слышимъ! А что?—„А то, говоритъ, что такая гроза на дворѣ, какой я, кажись, никогда еще и не видалъ! Громъ громыхаетъ, ровно оглушить хочетъ, бурей лѣсины такъ и ломаетъ, дождь льетъ такой, что... Чистыя страсти Господни!“ Баринъ на это сейчасъ вскочилъ, пошелъ смотрѣть и слушать, и мы за нимъ пошли. „Твоя правда, Николай, — говоритъ баринъ: буря ужасная, а тамъ — хоть бы что-нибудь слышно было“. И сейчасъ записалъ, когда все это случилось,—такой старательный былъ господинъ! Живы они теперь будутъ, да гдѣ проживаютъ?

Я отвѣтилъ, что̀ зналъ, и спросилъ, сколько они получали за работу.

— По рублю съ четвертью въ день, — хорошо платилъ,—и харчи готовые: ѣшь и пей, сколько хочешь. За харчами разъ въ недѣлю который-нибудь изъ насъ въ Солонцы ѣздилъ, а то и въ городъ. Только на счетъ вина строгъ баринъ былъ: больше рюмки не давалъ, а на прочее—запрету не было. Мы, бывало, чаю напьемся и выспимся; опять поѣдимъ и опять спать: а онъ все пишетъ, все пишетъ!

Удостовѣрясь въ неподложности проводниковъ, мы стали сговариваться относительно нужныхъ для поѣздки приготовленій.

— Вы то изъ харчей что̀ берите, да лошадей промыслите, а мы все прочее заберемъ: сѣдла надо взять, ружья, топоръ требуется, веревки, — говорилъ старшій братъ, Николай. — Тамъ вѣдь версты три верхомъ по горѣ ѣхать придется, такъ безъ сѣделъ неловко вамъ будетъ; и орудіе на всякій случай не мѣшаетъ взять,— неровенъ часъ звѣрь встрѣтится.

Всѣ мы съ оживленіемъ бесѣдовали о предстоящемъ пути; договорились заплатить проводникамъ по три рубля и взять для нихъ харчей и чаю. Ѣхать рѣшили на слѣдующій день, 5-го декабря 1888 года, часа въ три ночи, чтобы успѣть засвѣтло окончить осмотръ пещеръ и выѣхать до ночи въ обратный путь. Всѣ приготовленія кончены были еще съ вечера.

Сибирская, плохо построенная изба успѣла за ночь сильно нахолодать. Когда меня осторожно разбудилъ хозяинъ, и я, при мгновенно воскресшей мысли о предстоящемъ удовольствіи, хотѣлъ было тотчасъ же высвободиться изъ-подъ овчиннаго тулупа, то меня сразу кинуло въ дрожь и я юркнулъ назадъ, въ нагрѣтое гнѣздо.

— Оно точно, стыдь порядочная,—говорилъ сконфуженно Игнатъ Алексѣичъ.—Однако, хозяйка сичасъ желѣзную печь затапливать будетъ, такъ изба живо нагрѣется.

Я ухватился за этотъ предлогъ и съ наслажденіемъ еще плотнѣе укутался овчиной. Хозяйка громыхала полѣнами о стѣнки желѣзной печи; скоро послышался шипъ и трескъ мерзлыхъ лиственичныхъ дровъ; фантастическіе отблески пламени начали перебѣгать по стѣнамъ комнаты, въ тщетныхъ усиліяхъ разогнать ночной мракъ. Игнатъ то-и-дѣло хлопалъ дверями, готовясь въ путь: онъ былъ однимъ изъ двухъ ямщиковъ, взявшихся насъ везти. Его хозяйка спѣшно управлялась за перегородкой съ самоваромъ и съ жареньемъ пирожковъ къ чаю. Надо вставать!.. Я зажегъ свѣчу, досчиталъ до пяти и сразу вскочилъ, торопясь надѣвать валенки и теплое платье. Тѣмъ временемъ отъ печи стало уже нести тепломъ, а ночной мракъ испуганно спрятался въ самые дальніе

углы нашей горницы, за сундуки, за шкафъ и наваленныя кучей дорожныя наши вещи. Товарищъ все еще спалъ.

— Н. Г., вставайте! Ѣхать пора,—уже двадцать минутъ четвертаго!

Ни звука, ни послушанья... Даже обидно: самъ зябъ, всталъ, хлопочешь, а онъ—спитъ!

— Очень ужь крѣпко почиваютъ,—резюмировалъ мои старанія присѣвшій на сундукъ Игнатъ.—Извѣстно, дѣло дорожное! Доведись и нашему брату такъ-то...

— Ты мѣшокъ съ харчами не забудь, Алексѣичъ: онъ въ сѣнцахъ на крюкѣ виситъ,—окликнула хозяйка изъ-за перегородки.

— Зачѣмъ забывать: садиться будемъ, тогда и вынесу; а теперь если складть, такъ собаки еще доберутся.

— Н. Г.! Вставайте,—въ пещеры ѣхать пора!..

— А? что? Что такое?

— Въ пещеры ѣхать, вотъ что!.. И самоваръ уже готовъ.

Зная по себѣ, какъ отрезвляюще дѣйствуетъ на заспавшагося человѣка чувство холода, я сдернулъ съ Н. Г. доху. Онъ протестовалъ слабо, съ сознаніемъ правоты моихъ дѣйствій; весело пыхтѣвшій и фыркавшій самоваръ, внесенный хозяйкой, окончательно вселилъ въ него рѣшимость, не откладывая дѣла, приступить къ началу хлопотливаго дня.

Мы допивали чай и доѣдали горячіе, плававшіе въ маслѣ пирожки, камнемъ ложащіеся на желудокъ непривычнаго къ сибирскому меню человѣка и только бодрящіе бывалаго странника, когда раздался звонъ бубенцевъ подъ окнами, фырканье лошадей и скрипъ морознаго снѣга подъ полозьями останавливающихся саней.

— Это Шуртовы пріѣхали,—сказалъ Игнатъ и, торопливо допивъ чашку, вышелъ на дворъ.

— Удивительно, какъ они не простужаются, — замѣтилъ Н. Г.:—выпилъ чуть-ли не шесть чашекъ, весь вспотѣлъ и сейчасъ же на морозъ!

— И морозъ-то градусовъ въ двадцать, не меньше. Впрочемъ, у карагазовъ, вѣроятно, еще не то увидимъ по части стоицизма и выносливости; да и сами, если еще поѣздимъ, — такія же штуки, пожалуй, научимся дѣлать...

Вошелъ Игнатъ, таща мѣшокъ.

— Тутъ все складено: баранина, хлѣбъ, булки, свѣчи... Чай, сахаръ особо положите, али сюда же?.. А за виномъ я еще вечоръ сбѣгалъ; бутылку въ сѣно уложилъ, ей тамъ спокойно будетъ: а то, если ее тоже въ мѣшокъ...

— Ну, хорошо, хорошо, укладывайте, какъ знаете.

Мы вышли садиться. Озябшіе кони нетерпѣливо фыркали, перебирая ногами и позвякивая бубенцами. Фигуры Шуртовыхъ, облеченныхъ поверхъ полушубковъ въ огромные бараньи тулупы, съ обширными малахаями на головѣ, съ ружьями за спиной, поразили насъ своимъ великолѣпіемъ и громадностью: мы едва узнали въ этихъ мастодонтахъ нашихъ вчерашнихъ знакомыхъ, скромно ежившихся на табуреткахъ и отказывавшихся отъ дальнѣйшаго угощенія послѣ каждой выпитой чашки. Сѣдла, топоры и проч. были сложены къ нимъ въ розвальни; въ нашей легонькой кошевочкѣ лежали только мѣшокъ съ провизіей и драгоцѣнная бутылка, о цѣлости которой особенно любовно заботился Игнатъ.

— Готовы?.. Трогай!—раздалось съ переднихъ саней.

Быстро замелькали мимо немногочисленные домишки с. Солонецкаго; вотъ и послѣдній. Крутой поворотъ на-

право, туча мелкаго снѣга, взметаннаго ногами коней и раскатившейся кошевкой, и вотъ—едва проложенная, но легкая дорожка по мелколѣсью. Хоть холодно, но хорошо! Полный мѣсяцъ разливаетъ предутренній молочно-серебристый свѣтъ, тихо трепещущій надъ глубоко задумавшимися полянами и перелѣсками; звѣзды усиленно мерцаютъ, стараясь проникнуть своими нѣжными лучами черезъ толщу луннаго тумана, окутавшаго землю; тишина, властвующая въ этомъ заколдованномъ краѣ, не уступаетъ даже веселому звону бубенцовъ и окрику ямщиковъ: такъ и чувствуется, что нашъ поѣздъ оживляетъ лишь крошечное пространство, со всѣхъ сторонъ тѣснимое громадой самоувѣренной тиши, вѣками накоплявшейся въ тайникахъ этихъ боровъ и логовъ.

Воротникъ тулупа быстро покрывается непріятнымъ куржакомъ; глаза рѣжетъ какъ ножемъ, и слезы нависаютъ на рѣсницахъ, превращаясь въ льдинки; носъ надо отъ времени до времени внѣдрять въ нагрѣтыя шеей боковыя части воротника; боишься шевельнуть рукою или ногою, чтобы не пустить подъ одѣвающую насъ кошму струю непрошеннаго двадцатиградуснаго мороза. И тѣмъ не менѣе такъ весело и легко на душѣ, какъ рѣдко бывало даже во время наиболѣе комфортабельныхъ переѣздовъ по лучшей дорогѣ, въ просторныхъ, крытыхъ саняхъ. Радуешься тому, что впереди—цѣлый день неиспытаннаго удовольствія, цѣлый рядъ новыхъ ощущеній, а не пріѣвшіеся уже разговоры съ молчаливой и недовѣрчиво настроенной группой домохозяевъ о землѣ, объ урожаяхъ, о скотоводствѣ.

Предстояло сдѣлать верстъ тридцать или тридцать пять. Первая треть пути шла по мѣстности, носившей еще на себѣ слѣды близости человѣка: тамъ и здѣсь попадались

еще небольшіе зароды накошеннаго сѣна; на краю поляны виднѣлся иногда легкій балаганъ изъ большихъ кусковъ коры лиственицы, которыми обкладываютъ остовъ изъ жердей, составленныхъ въ конусъ; полотно дороги достаточно ясно выдѣлялось изъ окружавшихъ ее пространствъ лѣса, луговъ и болотъ; въ двухъ-трехъ мѣстахъ оказались даже легкіе мосточки, переброшенные черезъ топкіе въ лѣтнее время ручьи. Но вотъ пошла настоящая дичь: ни одного саннаго слѣда, ни признака человѣка; дорога—тамъ, гдѣ стоящія и лежащія деревья даютъ возможность проѣхать; а гдѣ ихъ мало, тамъ еще легче сбиться съ прямого пути, и ямщики ѣдутъ наугадъ или руководствуются затесами на деревьяхъ, сдѣланными топоромъ любителей-рыболововъ, которые изрѣдка, разъ въ два года, проѣзжаютъ этой глухой тропой на одинъ рыбный плесъ р. Уды. Вверхъ, внизъ по пригоркамъ, опять вверхъ, внизъ, — и чудится, что этой вереницѣ пригорковъ и лѣсныхъ гигантовъ конца не будетъ... Кошевка переваливается съ боку на бокъ, круто вздымается на лѣсину, лежащую поперекъ нашего пути, обрывается съ нея внизъ, издавая зловѣщій хряскъ, но мы—уже опытные путники—сидимъ твердо, прижавшись всѣмъ корпусомъ въ уголъ и упираясь ногами въ передокъ: принявъ такія мѣры предосторожности, мы вылетимъ въ снѣгъ только въ томъ случаѣ, если кошевка перевернется вверхъ дномъ.

Вотъ и солнце взошло, брызнувъ золотыми лучами по ослѣпительно-бѣлому покрову земли и деревьевъ.

— Эхъ, поздненько въ дорогу собрались,—какъ бы не опоздать! — замѣчаетъ въ унисонъ нашимъ мыслямъ Игнатъ.

— А что, далеко еще осталось?

— Да верстами то недалече, а главное-то—дорожка поиспортится: вотъ, какъ спускаться начнемъ, тутъ плохое мѣстечко будетъ...

Еще поиспортится?!.. А намъ думалось, что мы вкусили уже отъ предѣльныхъ неудобствъ таежной дороги!..

Да, все въ мірѣ относительно,—въ этомъ я еще разъ убѣдился, когда начался спускъ по дну каменистой пади. Онъ тянулся только съ версту, но дѣлали мы его не меньше часу. Огромные камни, на которые приходилось втаскивать и съ которыхъ мы на рукахъ спускали кошевку, преграждали путъ; трещины и рытвины—на каждомъ шагу; незамерзшій еще горный ручеекъ, журчащій въ глубинѣ каменнаго, въ аршинъ шириною, канала; черезъ этотъ каналъ прыгали мы—люди, лошади, сани—одни граціознѣе другихъ, и хлопъ! кто-нибудь оступается и падаетъ, вызывая общій веселый хохотъ. Послѣ первой же сотни шаговъ стало такъ жарко, что тулупъ надо было бросить въ сани, но и подъ легкимъ полушубкомъ-пиджакомъ потъ струился градомъ.

Чѣмъ глубже мы спускались, тѣмъ красивѣе становились бока пади. Все выше и выше уходили отъ насъ, купаясь въ золотѣ утренняго солнца и въ блѣдной бирюзѣ чистаго неба, лѣсные гиганты, свѣсившіеся надъ самыми краями каменныхъ утесовъ. Здѣсь, внизу, еще царятъ предутреннія сумерки, еще таятся ночныя тѣни, а глянешь вверхъ—все тамъ залито блескомъ, нестерпимымъ для незащищеннаго консервами глаза. А впереди все шире и шире становится панорама долины р. Уды: лѣсокъ внизу, широкая, налѣво и направо скрывающаяся за боковыми утесами бѣлоснѣжная лента рѣки, высокія и мрачныя, темной тайгой опушенныя горы напротивъ, спускающіяся къ рѣкѣ почти отвѣсной стѣной.

Въ правомъ углу картины виднѣлась коническая вершина этой гряды, господствующая надъ всей мѣстностью.

— Вотъ, въ этой самой вершинѣ—пещеры и есть; только ихъ не видать снизу,—говоритъ Константинъ Шуртовъ.

Но меня сейчасъ занимаютъ не отдаленныя еще и къ тому же невидныя пещеры, а утесъ, стоящій налѣво, у устья пади. Когда-то, въ одну изъ геологическихъ эпохъ, здѣсь мчался бурный горный потокъ, сердито омывавшій свои каменные берега; онъ бѣшено врывался въ многоводную Уду, имѣвшую тогда версты три ширины и десятки саженъ глубины: горный молодецъ врывался, но тотчасъ же и исчезалъ въ этой огромной массѣ мчавшейся воды... Прошли тысячелѣтія, и отъ горнаго потока остался лишь жалкій ручеекъ, исподволь пробившій себѣ въ мягкихъ породахъ каналъ, въ родѣ городской водосточной трубы; и только въ періоды великихъ дождей ручеекъ осмѣливается вспоминать свою былую мощь: онъ пѣнится, бурлитъ, выходитъ изъ своего тѣснаго ложа, разливаясь по всему дну пади, и спѣшитъ докончить много вѣковъ назадъ начатую работу,—скатить внизъ, въ долину Уды, тѣ громадные кубы и плиты камня, которые остались лежать на днѣ пади, свидѣтельствуя о былой силѣ горнаго ручья и о нынѣшней его ничтожности. Но то, что̀ было подъ силу потоку, не подъ силу ручью, хотя бы и разбушевавшемуся: сто и тысячепудовыя глыбы лежатъ покойно, насмѣхаясь надъ усиліями пѣнящихся вокругъ нихъ мутныхъ струй, и развѣ какой-нибудь десятипудовый валунъ, покачнувшись съ подмытаго основанія, медленно перевернется нѣсколько разъ и съ шумомъ покатится по каменистому ложу, доставивъ своимъ пораженіемъ кратковременную радость безсильному потомку

мощнаго доисторическаго героя. А съ вышины своихъ полутораста саженъ презрительно смотритъ на эту борьбу пигмеевъ угловой утесъ-гигантъ, производя рѣзкій контрастъ своимъ ярко-краснымъ цвѣтомъ съ окружающими его сѣрыми, зелеными и голубыми тонами лѣсной растительности и неба. Будто циклопы сложили эту громаду изъ правильно обтесанныхъ камней: ясно видны снизу прямоугольныя трещины, отдѣляющія одинъ циклопическихъ размѣровъ кирпичъ отъ другого; хорошо сохранился отвѣсъ стѣнъ, но парапетъ ихъ и бастіоны уже разрушаются: по угламъ ихъ происходитъ осыпь измельченныхъ вѣтромъ и водою бурокрасныхъ, желѣзистыхъ породъ песчаника, а край стѣны уже глубоко изрѣзанъ мощною рукою Хроноса, представляя рядъ неправильной формы зубцовъ. На противоположной сторонѣ устья пади также высится утесъ, но не столь грозный, съ округленными формами и одѣтый растительнымъ покровомъ. Позади насъ, въ вершинѣ пади, откуда мы только-что спускались, эти два удинскихъ стража медленно сдвигаются, сжимая отдѣляющее ихъ другъ отъ друга пространство,—высохшее ложе горнаго потока.

Я безмолвно удивлялся этой суровой картинѣ чисто сибирской природы, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ. Его звукъ глухо и лѣниво поползъ въ глубину пади и съ утроенной силой весело вернулся оттуда, перекатываясь отъ одного утеса къ другому. Это младшій Шуртовъ догадался познакомить насъ съ извѣстнымъ ему эффектнымъ эхо этой мѣстности.

Сѣли въ кошевку и быстро помчались по низменной береговой полосѣ Уды; небольшой прыжокъ на ледъ рѣки, еще полверсты до другого берега,—и вотъ мы на мѣстѣ. Надо устраивать станъ.

Лошади распряжены и стоятъ въ сторонѣ; веселый огонь шипитъ и трещитъ въ кострѣ, искусно сложенномъ опытными въ этомъ дѣлѣ таежниками; повѣшенный на сошкахъ мѣдный чайникъ сейчасъ закипитъ; всѣ мы сидимъ, поджавъ ноги, на кошмахъ вокругъ разложенной на тюменскомъ коврѣ провизіи. Какъ вкусна разогрѣтая на угляхъ баранина, какъ хорошо пробѣжалъ по жиламъ глотокъ изъ тщательно сохраненной Игнатомъ бутылки! Челюсти всѣхъ такъ усердно жуютъ, что разговоры ведутся самые отрывочные. А вотъ и чай, горячій-горячій, въ чашкахъ, ручки которыхъ холодны какъ ледъ... Никогда ни одинъ культурный пикникъ не проходилъ для меня такъ радостно, какъ этотъ незатѣйливый завтракъ, въ глуши нижнеудинской тайги, въ тридцати верстахъ отъ ближайшаго жилья!

— Однако, собираться надо,—говоритъ старшій Шуртовъ: тутъ еще добрыхъ версты три будетъ.

Оба ямщика объявляютъ свое намѣреніе также посмотрѣть пещеры: „въ кои-то вѣки доведется быть еще, а може—и вовсе не доведется!“ Но такъ какъ лошадей всего четыре, то сверхкомплектнымъ экскурсантамъ придется идти пѣшкомъ.

— Ничаго,—говоритъ, радостно ухмыляясь, Игнатъ,—мы отъ васъ не отстанемъ: въ гору-то не дюже шибко и вы поѣдете!

Лошади осѣдланы; мы садимся; раздаются послѣдніе окрики: „свѣчи взяли? веревки гдѣ?.. Ахъ, грѣхи,—веревку вѣдь забыли!... Ну, вожжу давай! А топоръ?... Ладно, пошелъ!“ На стану вещи остаются раскиданными: ихъ берется стеречь суровый стражъ—сама тайга; только баранину и хлѣбъ, на всякій случай, подвѣсили въ мѣшкѣ на сукъ.

Начинается довольно крутой подъемъ по заросшей лѣсомъ горѣ. Четверо всадниковъ ѣдутъ то въ хвостъ одинъ другому, тó выбирая каждый себѣ путь по вкусу. По сторонамъ смотрѣть почти некогда: надо зорко слѣдить за конемъ, чтобы не удариться колѣномъ о дерево, надо глядѣть въ оба, чтобы вытянувшейся вѣткой не исцарапать себѣ лица. Двое пѣшихъ туристовъ пошли кратчайшей дорогой къ намѣченному пункту встрѣчи по болѣе крутому подъему: мы ихъ давно потеряли изъ вида, и я высказываю свое безпокойство о нихъ Константину Шуртову.

— Они-то заблудятся? Чай, на промыселъ тоже не одинъ годъ уже ходятъ. Раньше нашего дойдутъ.

Кругомъ тайга; даже полотно рѣки и противоположный низкій берегъ, все уходившій въ глубь, по мѣрѣ того какъ мы поднимались, скрылись у насъ изъ виду. Тѣмъ не менѣе, пріѣхавъ какъ-разъ на условленный пунктъ, къ выдающемуся на рѣку уступу горы, мы застали уже на мѣстѣ нашихъ пѣшеходовъ, мирно покуривавшихъ трубочки. Здѣсь надо было спѣшиться, привязать коней и дальше идти уже пѣшкомъ.

Мы вышли на самый край уступа и по узенькому карнизу стали огибать вершину горы, еще высоко поднимавшуюся надъ нами. Сначала было недурно идти; но чѣмъ дальше, тѣмъ карнизъ становился уже и, наконецъ, сошелъ на нѣтъ: приходилось идти по очень крутому косогору, градусовъ 60-ти наклономъ, имѣя надъ головой массивъ каменной отвѣсной громады, а внизу, на стосаженной глубинѣ, ледъ рѣки Уды. Весь откосъ покрытъ былъ мелкимъ листвякомъ; крупныхъ деревъ не было, потому что мелкій слой почвы не выдерживалъ большой тяжести, и переросшее норму дерево,

вырванное съ корнемъ первой значительной бурей, падало, увлекая съ собой еще нѣсколько сосѣдей и ломая встрѣчный молодятникъ: тамъ, далеко внизу, лежали цѣлые ряды и баррикады этихъ жердей. По словамъ Шуртовыхъ, лѣтомъ было удобно подниматься по откосу прямо съ рѣки, цѣпляясь за эту поросль; но зимой она служила плохую службу: ставъ хрупкими отъ мороза, мелкія деревца ломались подъ рукой, какъ гнилушки, и только обманывали насъ. Снѣгъ, сравнявшій подъ общей пеленой всѣ впадины и выступы, еще болѣе мѣшалъ успѣху нашего движенія: ноги скользили, руки безуспѣшно цѣплялись за жидкіе пучки травы, выглядывавшіе изъ-подъ-снѣга, и неуклюжія фигуры туристовъ въ полушубкахъ и катанкахъ одна за другой сползали на нѣсколько саженъ внизъ, до перваго серьезнаго препятствія,—остроребраго камня, или полувзрослой листвены, крѣпче другихъ сидящей въ трещинѣ скалы.

Наши вожаки справлялись съ трудностями пути, конечно, болѣе удовлетворительно, нежели мы, и далеко ушли впередъ; ямщики, не взявшіе на себя никакой обязанности по отношенію къ намъ, также хлопотали только о себѣ; и вотъ мы съ Н. Г. остались въ самомъ хвостѣ экспедиціи. Напрасны были наши окрики: шедшіе впереди не слышали ихъ, поглощенные интересомъ минуты, или не обращали на нихъ вниманія... Наконецъ, случился эпизодъ, доказавшій мнѣ, что „дѣло такъ идти дальше не можетъ“: Н. Г. поскользнулся и повисъ на рукахъ, вытянувшись во всю длину своего тѣла по откосу и безпомощно болтая ногами; я, желая придти къ нему на помощь, уперся на поднятый съ земли сукъ и... хряскъ! сукъ разлетается на мелкіе

куски, а я, перекувыркнувшись, совершаю на спинѣ небольшое путешествіе книзу...

Не знаю, какъ далеко я отклонился бы отъ истиннаго направленія пути, если бы мнѣ не встрѣтилась благодѣтельная преграда, въ видѣ поперекъ лежавшаго ствола лиственицы, упиравшагося о молодыя, вертикально росшія особи. Почувствовавъ, что мое непроизвольное путешествіе закончилось, я оглянулся: не за что ухватиться рукой, не на что поставить ногу, да и пошевелиться даже боязно; а тамъ, повыше, все еще безпомощно виситъ на рукахъ добрѣйшій Н. Г.

— Шуртовы!... Игнатъ!...—взываемъ мы.

Ни отклика, ни звука!... Я проникаюсь важностью минуты, энергично вынимаю изъ чехла револьверъ и дѣлаю два выстрѣла. Это дѣйствуетъ: сначала слышатся окрики, а потомъ изъ-за одного выступа скалы показываются и наши усердные проводники.

— Вы что жъ это насъ бросили? Развѣ можно такъ?— говорю я по возможности строже, игнорируя наше комично-горестное положеніе, когда они помощью вожжей принялись извлекать насъ.

— Да мы, что жъ?... Дорожка, думали, одна: сбиться, значитъ, нѣкуда,—спокойно дойдете; а поди жъ ты вотъ, какая оказія приключилась!

— То-то оказія!... Нѣтъ, пріятели, теперь вотъ какъ: одинъ изъ васъ ступай впереди, а другой — позади насъ. Этакъ намъ много спокойнѣе будетъ.

Дѣйствительно, при новомъ расположеніи силъ, экспедиція пошла значительно успѣшнѣе впередъ, и черезъ четверть часа мы стали уже твердой ногой на ровную платформу, сдѣлавъ около трехъ четвертей версты (по глазомѣру) вдоль этого памятнаго для насъ карниза.

— Вотъ, здѣсь и есть входъ въ малую пещеру; вотъ онъ!—указалъ Константинъ на зіявшую въ толщѣ горы, какъ ночь черную, щель.

Я оглянулся предварительно кругомъ — и забылъ на время о пещерѣ; было чѣмъ залюбоваться.

Глубоко внизу подъ нами тянулась бѣлая лента Уды: направо она уходила вдаль, налѣво круто загибала подъ береговыми утесами и терялась въ цѣломъ рядѣ коническихъ вершинъ, обступившихъ ее съ обѣихъ сторонъ. Вся мѣстность, сколько могъ обнять глазъ, была заставлена этими громадами: изъ-за ближайшихъ, суровыхъ и мрачныхъ, выглядывалъ второй рядъ, уже болѣе свѣтлыхъ тоновъ, а тамъ, заслоняя горизонтъ, вырисовывались на голубоватомъ фонѣ неба бѣлыя острореберыя пирамиды Саянскихъ хребтовъ. Тишина надъ этой величественной картиной царила невозмутимая... И мнѣ припомнилось стихотвореніе Тургенева о концѣ человѣчества.

Вотъ перестали копошиться темныя точки у подножія горделивыхъ Юнгфрау и Финстерааргорна; бѣлая пелена плотно надвинулась въ самую глубь рѣчныхъ долинъ; зло и страданія скрылись подъ снѣжными покровами; ничто уже не нарушаетъ покоя природы, уставшей отъ милліардо-лѣтней дѣятельности. Земля наслаждается отдыхомъ и крѣпко спитъ, потому что исчезли безпокойные микробы, ее тревожившіе: нѣтъ нигдѣ даже слѣда человѣческаго. Послѣдній изъ этихъ микробовъ уже погибъ и застылъ съ выраженіемъ пытливаго вопроса на безкровномъ лицѣ, а снѣжный покровъ надъ нимъ дѣлается все толще и толще... Тихо кругомъ, — величественно хорошо!.. „Спятъ громадныя горы, спитъ зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей!...“

А здѣсь, на этой скалѣ, стою я, ничтожный червякъ, дерзко заглядывая въ тайны вѣчной матеріи, задавая себѣ вопросы объ ея прошедшемъ и будущемъ, любуясь настоящимъ!

— Однако, идти надо, — запоздаемъ!.. раздалось у меня надъ ухомъ.

Мечты исчезли, осталась дѣйствительность.

Одна изъ пещеръ, теперь называемая Большой, была открыта, по преданію, нѣсколькими карагазами въ погонѣ ихъ за убѣгавшей рысью. Къ какому времени относится это событіе—преданіе не объясняетъ; но надо полагать, что оно произошло не ближе конца прошлаго столѣтія, потому что уже въ 1813 г. ее посѣтилъ „пробирный мастеръ“ Харинскій, объ экспедиціи котораго имѣются свѣдѣнія въ печати. Въ самой пещерѣ сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько надписей мѣломъ другими бывавшими здѣсь туристами. Древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1817 году и свидѣтельствуетъ, что пещеру посѣтилъ знаменитый сподвижникъ Трескина и Пестеля, исправникъ Лоскутовъ, — тотъ самый, который былъ арестованъ Сперанскимъ при первомъ же свиданіи ихъ.

Этотъ удивительный типъ, засѣкавшій людей до смерти, производившій гомерическія хищенія, для удобства ѣздившій, какъ гласитъ преданіе, лѣтомъ на саняхъ, столь грозный полубогъ, что крестьянинъ, услыхавшій отданный Сперанскимъ приказъ объ арестѣ временщика, упалъ Сперанскому въ ноги съ воплемъ: „батюшка, да вѣдь это самъ Лоскутовъ“!—этотъ волкъ съ человѣчьимъ обликомъ былъ, повидимому, весьма любознателенъ и не пропускалъ безъ личнаго знакомства ничего, сколько-нибудь интереснаго „въ ввѣренномъ ему краѣ“. Кромѣ этого автографа въ пещерѣ, мнѣ пришлось видѣть еще

подпись его на живописномъ утесѣ ангарскаго Средняго Каменнаго острова, въ двухстахъ верстахъ ниже города Балаганска: этотъ утесъ посѣщаютъ, главнымъ образомъ, ради изображенныхъ на немъ фигуръ звѣрей и непонятныхъ знаковъ, сдѣланныхъ какимъ-то древнимъ народомъ, неизвѣстнымъ исторіи края *).

Кромѣ лоскутовской, виднѣются еще надписи какого-то Беккера (1829 г.), одного священника, единственной бывшей здѣсь женщины—Маріи Овсянниковой, Дрянова, Зыбина и др. (1858 г.), правителя дѣлъ Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общества, К. К. Неймана (1867 г.) и еще нѣсколькихъ человѣкъ. Большая пещера была, такимъ образомъ, уже давно извѣстна—не только мѣстнымъ жителямъ, но и въ ученомъ мірѣ. Впрочемъ, у первыхъ, а отчасти и у другихъ существовали о ней довольно ложныя представленія: такъ, ясачные считали ее населенной племенемъ волосатыхъ карликовъ и имѣющей до 30 верстъ длины; Харинскій также приводитъ эту цифру, говоря объ общей длинѣ всѣхъ корридоровъ и залъ. Хотя эти представленія весьма далеки отъ правды, какъ увидимъ ниже, но все же Большая пещера была извѣстна давно; что же касается Малой, предъ входомъ въ которую мы находились, то она стала извѣстна лишь съ средины нынѣшняго столѣтія, когда какіе-то экскурсанты отправились въ Большую пещеру не снизу, не съ рѣки, какъ это дѣлалось до того времени, а сбоку, той дорогой, по которой пришли мы.

Въ совершенно отвѣсной части утеса, нѣсколько саженъ ниже его вершины, поросшей лѣсомъ, зіяетъ тем-

*) Такія изображенія называются „писаницами“, а здѣсь упомянутое урочище извѣстно у мѣстныхъ жителей подъ именемъ „тунгузскаго капища“.

нымъ пятномъ гротъ; со всѣхъ сторонъ надъ входомъ въ него нависли острореберные, выдавшіеся параллепипеды. Отвѣсная стѣна, обращенная къ рѣкѣ, кажется сложенной рукою титана изъ громадныхъ кирпичей бураго цвѣта; въ дѣйствительности же — это песчаники, давшіе продольныя и поперечныя трещины. Материкомъ этимъ породамъ служатъ известняки и зеленовато-сѣрые сланцы. Подъ ногами въ изобиліи валяются обломки разрушенныхъ породъ,— отъ большихъ плитъ и многогранниковъ до мелкаго щебня включительно.

Мы зажигаемъ свѣчи и свободно проходимъ во внутренность грота.

Фантастическое зрѣлище иллюминаціи какого-то сказочно-своеобразнаго зала удерживаетъ насъ на мѣстѣ: стѣны и потолокъ горятъ безчисленными огнями; причудливой формы хрустальные сосуды и неизвѣстнаго назначенія предметы заграждаютъ путь смертному. Вотъ дивная по изяществу урна; вотъ полый конусъ; вотъ полусфера въ два аршина діаметромъ, прислоненная къ камню: ея стѣнки не толще стекла карманныхъ часовъ, и когда вы внутрь этого полушарія вводите руку съ зажженной свѣчей, то все оно загорается огнями радуги; вотъ гладко выточенный „штыкъ“, — заостренный на верхнемъ концѣ цилиндръ въ сажень вышины и вершокъ толщины; вотъ сахарная голова, вся плотная, безъ пустоты внутри; вотъ чаша съ застывшими въ ней мыльными пузырями,—каждая стѣнка этой полусферы пузырей представляетъ собой тончайшей работы хрустальную пластинку: ихъ много, очень много, въ самыхъ разнообразныхъ другъ къ другу наклонахъ, и всѣ они блещутъ яркими красками, отражая пламя свѣчи. Съ потолка свѣшиваются пучки бахромы и гирлянды; на полу мѣ-

лѣзть въ проходъ: рѣшено было впереди всѣхъ лѣзть проводникамъ, потомъ намъ двумъ, потомъ ямщикамъ. Съ топоромъ въ одной рукѣ и съ свѣчой въ другой Константинъ сталъ огибать большой камень, заваливший входъ въ пещеру и оставившій только узкія щели по бокамъ. Дошла очередь и до меня.

Не скажу, что пріятно было совершать десятисаженное путешествіе ползкомъ и на четверенкахъ въ узкой и низкой каменной трубѣ, куда-то внизъ, потомъ вверхъ, потомъ опять внизъ,—все время по слою мельчайшаго ила, тучей поднимавшагося при моемъ движеніи и забивавшагося въ носъ, ротъ и глаза. Однако, искусъ конченъ, и мы становимся на ноги. Передъ нами узкій корридоръ, отъ 1½ фут. до 1 саж. ширины, сажени 4—5 вышины. Бока его то отвѣсны, то сходятся подъ острымъ угломъ въ вышинѣ. Стѣны состоятъ изъ песчаника, покрытаго до нѣкоторой высоты корой известковыхъ отложеній, образующихъ разныя выпуклости, величиною отъ горошины до головы человѣка. Мѣстами въ стѣнахъ имѣются отверстія въ 1—1½ вершка въ діаметрѣ, служащія устьями какихъ-то глубокихъ, извилистыхъ каналовъ; происхожденіе ихъ составляетъ тайну и для Черскаго. Когда мы подносили свѣчу къ этимъ дырамъ, изъ нихъ слышался тревожный пискъ.

— Это летучка,—объяснили Шуртовы.—Мы ихъ для барина много натаскали. Во всей пещерѣ только и нашли живой твари!

И дѣйствительно, поизслѣдовавъ нѣсколько дыръ, Константинъ вытащилъ изъ одной маленькую летучую мышь, жалобно пищавшую отъ страха. Посмотрѣвъ на плѣнницу, мы ее пустили обратно въ ея тѣсную обитель.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этого входнаго корридора,

состоятъ изъ песчаниковъ. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ уже и ниже становился проходъ и, наконецъ, закончился тупикомъ: здѣсь оказалась огромная осыпь измельченнаго песчаника, которымъ, повидимому, и засыпанъ былъ, въ одну изъ позднѣйшихъ эпохъ, дальнѣйшій ходъ пещеры. Въ лѣвой ея стѣнѣ, въ видѣ узкой кишки, 2—2½ футовъ вышины и ширины, идетъ „Проклятая Дыра“,—названіе, данное ей Черскимъ за неудобства, которыя онъ переносилъ, работая въ ней на четверенкахъ или въ лежачемъ положеніи. Этотъ проходъ обоими концами своими сообщается съ пещерой и почти весь занесенъ иломъ. Вся длина Малой пещеры около 50 саженъ, а Проклятой Дыры—25 саж.

Время подвигалось быстро впередъ, такъ что приходилось разстаться съ ледяными чудесами Малой пещеры. Насъ ослѣпилъ дневной свѣтъ, когда мы вышли изъ подземелья. Всѣ оживленно бесѣдовали о видѣнномъ, проходя по продолженію карниза нѣсколько десятковъ саженъ, до слѣдующей площадки, которая образовалась передъ входомъ въ Большую пещеру. Здѣсь мы невольно поддались нервному настроенію нашихъ проводниковъ, не безъ робости говорившихъ, что надо лѣзть сначала ползкомъ сажень десять, что ими найденъ былъ „съ ученымъ бариномъ“ въ илу цѣлый медвѣдь съ кожей и волосами, что въ Большой пещерѣ можно легко заблудиться, и т. п.

— Мы-то потомъ, какъ попривыкли, ходили въ ней какъ по своей избѣ, потому-что баринъ повсюду на стѣнахъ стрѣлочки мѣлкомъ нарисовалъ, куда къ выходу идти: смотри на нихъ и ступай смѣло!

Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей попритихъ нѣсколько и буйно-веселый Игнатъ. Посовѣщались, въ какомъ порядкѣ

лѣзть въ проходъ: рѣшено было впереди всѣхъ лѣзть проводникамъ, потомъ намъ двумъ, потомъ ямщикамъ. Съ топоромъ въ одной рукѣ и съ свѣчой въ другой Константинъ сталъ огибать большой камень, заварившій входъ въ пещеру и оставившій только узкія щели по бокамъ. Дошла очередь и до меня.

Не скажу, что пріятно было совершать десятисаженное путешествіе ползкомъ и на четверенкахъ въ узкой и низкой каменной трубѣ, куда-то внизъ, потомъ вверхъ, потомъ опять внизъ,—все время по слою мельчайшаго ила, тучей поднимавшагося при моемъ движеніи и забивавшагося въ носъ, ротъ и глаза. Однако, искусъ конченъ, и мы становимся на ноги. Передъ нами узкій корридоръ, отъ 1½ фут. до 1 саж. ширины, сажени 4—5 вышины. Бока его то отвѣсны, то сходятся подъ острымъ угломъ въ вышинѣ. Стѣны состоятъ изъ песчаника, покрытаго до нѣкоторой высоты корой известковыхъ отложеній, образующихъ разныя выпуклости, величиною отъ горошины до головы человѣка. Мѣстами въ стѣнахъ имѣются отверстія въ 1—1½ вершка въ діаметрѣ, служащія устьями какихъ-то глубокихъ, извилистыхъ каналовъ; происхожденіе ихъ составляетъ тайну и для Черскаго. Когда мы подносили свѣчу къ этимъ дырамъ, изъ нихъ слышался тревожный пискъ.

— Это летучка,—объяснили Шуртовы.—Мы ихъ для барина много натаскали. Во всей пещерѣ только и нашли живой твари!

И дѣйствительно, поизслѣдовавъ нѣсколько дыръ, Константинъ вытащилъ изъ одной маленькую летучую мышь, жалобно пищавшую отъ страха. Посмотрѣвъ на плѣнницу, мы ее пустили обратно въ ея тѣсную обитель.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этого входнаго корридора,

имѣющаго до 45 саженъ длины, путь былъ загроможденъ огромными плитами, весьма правильной формы, нерѣдко лежавшими наискось, отъ одной стѣны до другой: болѣе мелкіе обломки этихъ плитъ лежали плашмя на полу корридора. По строенію и по формѣ своей, онѣ казались чуждыми образовавшимъ корридоръ породамъ, и г. Черскій далъ относительно происхожденія ихъ любопытное объясненіе, которое я приведу ниже. Въ одномъ мѣстѣ корридоръ во всю его ширину былъ перерѣзанъ двухсаженной глубины рвомъ, черезъ который были переброшены двѣ жидкія лѣсины: это шурфъ въ илѣ, который пробивалъ Черскій, но безуспѣшно, потому что ни любопытныхъ остатковъ организмовъ, ни дна илистаго наноса онъ не открылъ.

Наконецъ, корридоръ конченъ: мы входимъ въ первый залъ — „Сборный". Это — сводчатое подземелье какого-нибудь средневѣковаго монастыря, полуразрушеннаго землетрясеніемъ или взрывомъ непріятелькой мины: стѣны и своды еще держатся, но огромныя глыбы уже лежатъ на полу, загромождая нѣкоторыя части залъ, а другія грозно нависаютъ надъ головой смѣльчака, рискнувшаго зайти въ это царство мрака и тайны. Шесть свѣтлыхъ точекъ въ нашихъ рукахъ неспособны разогнать тьмы, царящей здѣсь многія тысячелѣтія: угловатыя тѣни отъ лежащихъ и свѣсившихся громадъ только перебѣгаютъ, при нашемъ приближеніи, съ одного конца залы на другой, постоянно сливаясь однако въ безграничное черное пятно наверху.

— Вотъ здѣсь, бывало, баринъ сиживалъ и все писалъ, все писалъ: этотъ камень у нас , столомъ и прозывался,—ишь, какой гладкій!... Камней натаскаетъ и начнетъ ихъ поливать кислотой,—а они какъ зашипятъ!...

Одинъ разъ намъ огонь велѣлъ разложить: смотрѣли—не потянетъ ли куда дымъ? Да нѣтъ, никуда не тянуло, такъ что мы и не рады были, что занялись этимъ. А вонъ еще какія здѣсь штучки лежатъ—гляньте-ка!

Посреди залы лежало нѣсколько стволовъ съ такими большими развѣтвленіями, что эти деревья никакъ не могли проникнуть въ пещеру черезъ входный корридоръ: очевидно было, что они попали сюда инымъ путемъ. Деревья вполнѣ сохранили свою крѣпость и структуру („лиственя", —опредѣлили Шуртовы), но стали легки, какъ бы отвердѣвшая вата. Сколько тысячелѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ они были занесены сюда грознымъ потокомъ, прорвавшимся въ закрытый нынѣ проходъ? Сколько тысячелѣтій нужно атмосферѣ, чтобы такъ обработать древесную массу?... Мы откололи отъ одного ствола нѣсколько кусковъ себѣ на память: топоръ едва бралъ эту окаменѣлую массу пуха.

Налѣво и направо отъ „Сборной залы" идетъ проходъ, саженъ въ восемь ширины, раздѣленный обвалами на нѣсколько корридоровъ. Эти послѣдніе переплетаются между собою, идутъ одинъ выше другого и вмѣстѣ съ узкими отрогами главнаго корридора составляютъ цѣлую сѣть, цѣлый лабиринтъ проходовъ и залъ, въ которыхъ не легко оріентироваться сразу. Боязнь запутаться и навѣки остаться погребеннымъ въ этихъ мрачныхъ подземельяхъ еще болѣе возбуждаетъ воображеніе туриста. Мракъ и фантастическая измѣнчивость тѣней на темно-бурыхъ стѣнахъ придаютъ одному и тому-же проходу новый видъ каждый разъ, какъ по немъ идешь, такъ что не сразу опредѣлишь, —былъ ли уже здѣсь, или это непосѣщенный еще корридоръ? Такимъ-то путемъ и создалась легенда о 30-ти-верстной длинѣ

пещеры, тогда какъ общее протяженіе корридоровъ, по Черскому, не превышаетъ 270 саженей.

Высота ихъ варьируетъ значительно: есть проходы, въ которыхъ нельзя выпрямиться; есть залы вышиною до 6 саженъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе своеобразныхъ или чѣмъ-инымъ замѣчательныхъ пунктовъ окрещены Черскимъ, и названія ихъ написаны имъ мѣломъ на стѣнахъ. Такъ, одна небольшая зала, въ которой кто-то изъ посѣтителей (можетъ быть—священникъ), подавленный суровымъ величіемъ окружающаго, написалъ на стѣнѣ „съ нами Богъ“—названа „часовней“; другая названа „залой Неймана“; единственный корридоръ, представляющій болѣе отрадное зрѣлище, благодаря украшающимъ его ледянымъ сталактитамъ и наледи на полу (нигдѣ во всей пещерѣ, кромѣ этого мѣста, ледяныхъ образованій нѣтъ), названъ въ память единственной же посѣтительницы пещеры—„Маріинымъ корридоромъ“. Замѣчателенъ также корридоръ, потолокъ и даже стѣны котораго покрыты известковыми натеками свѣтло-бурыхъ оттѣнковъ; правда, сталактиты не велики и не особенно изящны, но глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на зрѣлищѣ болѣе свѣтлой картины, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ собой другія части пещеры. Что касается сталагмитовъ, то ихъ только одинъ, но очень большой: 3½ футовъ высоты и 1 ф. въ діаметрѣ; къ сожалѣнію, онъ расколотъ пополамъ, очевидно, еще въ древнія времена.

Я сидѣлъ въ „Сборной залѣ“ на камнѣ и заносилъ въ памятную книжку нѣсколько строкъ о видѣнномъ и перечувствованномъ. Спутники мои, довѣрясь значкамъ Черскаго на стѣнахъ, разбрелись по ближайшимъ закоулкамъ и проходамъ. Кругомъ меня тьма была такъ

густа, что ее, кажется, можно было ощупать руками, а тишина, могильная, таинственная, шумѣла въ ушахъ и глухо-ритмично откликалась въ тактъ трепетно бившемуся сердцу. Мечты, образы, вопросы, одни фантастичнѣе другихъ, вспыхивали и потухали въ разгоряченномъ мозгу: то представлялось, что случится обвалъ и мы окажемся погребенными заживо въ этой обширной могилѣ; то рисовалось отдаленное прошлое этой щели въ горѣ; то ухо настораживалось на послышавшійся шорохъ: упала ли пластинка отъ плиты песчаника, потревоженной нами, или...?

Рѣка Уда бурлитъ и кипитъ. Ея воды стоятъ высоко и разливаются широко, омывая вершину того утеса, внутри котораго я сижу. Уда знаетъ, что ей предстоитъ ко времени появленія человѣка на землѣ прорыть себѣ въ этомъ каменномъ массивѣ русло глубиною во сто саженъ, и она злится на глыбы и скалы, мѣшающія ея работѣ, реветъ и кипитъ грязной пѣной. Но вотъ случилось нѣчто стихійное: кора земная хрустнула, сжалась; надвинулся пластъ на пластъ; образовались трещины въ нихъ. Въ прибрежномъ утесѣ Уды также появилась новая длинная щель. Бѣшено хлынули туда спертыя волны рѣки, расширяя себѣ путь въ мягкихъ породахъ, вымывая ихъ и разрушая... Прошелъ одинъ мигъ вѣчности—десятилѣтія, вѣка или тысячелѣтія—все равно! Опять произошло нѣчто стихійное, многое разрушившее, кое-что создавшее, и, между прочимъ, остановившее маленькій потокъ: грязно-бурая вода заняла щель во всю ея вышину и стала тихо осаждать илъ, образуя изъ него мощный слой... Опять одинъ мигъ вѣчности— и нѣтъ болѣе воды: илъ сохнетъ, превращаясь на поверхности слоя въ твердую кору; эта каменная кора

покрываетъ теперь толщу летучаго ила подобно тому, какъ ледъ покрываетъ зимою воды пруда. И вотъ наступила весна: откуда-то хлынули вешнія воды, прудъ могуче вздыхаетъ—и нѣтъ его ледяного покрова. То же случилось и въ пещерѣ прибрежнаго утеса: бѣшеный потокъ опять ворвался въ нее какимъ-то путемъ, мигомъ унесъ отстоявшійся илъ, вдребезги взломалъ иловую кору и усѣялъ входный корридоръ ея обломками, которые и посейчасъ свидѣтельствуютъ о совершившейся катастрофѣ. Можетъ-быть, этими льдинами былъ загроможденъ выходъ изъ пещеры: запертъ и усмиренъ новый потокъ, такъ безжалостно разрушившій работу своего предшественника. Юнецъ смирился, одумался, заглянулъ въ вѣчность, узналъ свою судьбу и поспѣшилъ возобновить илистыя сооруженія, какъ памятъ своего преходящаго существованія... За эти миги безконечности Уда успѣла уже глубоко уйдти внизъ, прорывъ себѣ ложе въ каменной толщѣ, такъ что двуногимъ козявкамъ, которыя имѣютъ копошиться на землѣ въ одно изъ послѣдующихъ мгновеній вѣчности, будетъ, пожалуй, съ трудомъ вѣриться, безъ этихъ ясныхъ доказательствъ, что когда-то воды рѣки были не менѣе чѣмъ на сто саженъ выше ихъ обычнаго уровня, или что на этомъ мѣстѣ бушевало когда-то огромное прѣсноводное море. И вотъ наступаетъ еще новый моментъ: вода въ пещерѣ исчезла, испарилась, отложивъ новую массу ила, съ погребенными въ немъ останками тогда существовавшаго животнаго міра; илъ высохъ, образовались известковые налеты на стѣнахъ и потолкѣ, стволы лиственицъ, занесенныхъ потокомъ, стали легки какъ пухъ, — тогда-то появился здѣсь въ первый разъ человѣкъ, а одну секунду спустя заглянулъ уже исправникъ

Лоскутовъ узнать,—все ли здѣсь въ исправности и нѣтъ-ли чего такого, что требовало бы его начальническаго вмѣшательства *).

Какой-то дикій вопль разсѣялъ эти картины далекаго прошлаго... Я вздрогнулъ и почувствовалъ, какъ холодныя мурашки пробѣжали у меня отъ затылка къ ногамъ: въ разныхъ темныхъ углахъ зала появились гномы съ факелами въ рукахъ; какія-то черныя чудища быстро скользили вдоль стѣнъ дальнихъ корридоровъ; волосатые карлы проворно карабкались и прыгали по камнямъ, угрожающе потрясая оружіемъ, которое зловѣще сверкало металлическимъ блескомъ...

— Да вы здѣсь, баринъ?... А мы думали, что это вы насъ ревете!

Кошмаръ исчезъ... Игнатъ первымъ соскочилъ съ высокаго уступа на мягкій грунтъ залы и сталъ передо мной, со свѣчей въ рукахъ.

— Кто жъ это реветъ? Кого нѣтъ?

Не было старшаго Шуртова; пошли на его крики. Оказалось, что онъ невредимъ, но, оступившись въ одномъ корридорѣ, уронилъ свѣчу и остался въ глубокой темнотѣ; къ вящему его ужасу, съ нимъ не оказалось спичекъ, и онъ завопилъ благимъ матомъ о помощи. Этотъ случай настроилъ нашу разыгравшуюся было компанію на пугливый ладъ: ямщики и даже проводники стали на каждомъ шагу оглядываться, какъ бы не сбиться съ

*) Представленная здѣсь смѣна явленій, приведшихъ пещеру въ ея настоящій видъ, а также и большинство цифровыхъ, точно обоснованныхъ данныхъ, извлечены мною изъ «Отчета изслѣд. пещеры», И. Д. Черскаго, помѣщеннаго въ «Изв. Вост. Сиб. Отд. И. Р. Г. О.», т. VI и VII, 1875—76 гг.

дороги, такъ что уже намъ съ Н. Г. пришлось ихъ ободрять и успокоивать.

— Храни Богъ!—говорили они, — случится что́, такъ тутъ и подохнешь, какъ собака: ни въ жисть не выберешься!

Еще нѣсколько характерныхъ данныхъ о Большой пещерѣ. Воздухъ въ ней чрезвычайно сухой; движенія воздуха въ залахъ нѣтъ, такъ что слѣды ногъ въ илѣ, сдѣланные 14 лѣтъ назадъ Черскимъ съ Шуртовыми, вполнѣ сохранились до нашего посѣщенія. Только въ входномъ корридорѣ существуетъ легкая тяга воздуха, и слѣды оказались, поэтому, занесенными тонкимъ слоемъ ила. Температура въ пещерѣ, повидимому, почти постоянна, но въ разныхъ пунктахъ различна, въ зависимости, вѣроятно, отъ толщи горнаго массива, отдѣляющаго внутренность пещеры отъ внѣшняго міра. Такъ, за 20—22 дня, съ конца іюля до половины августа, въ теченіе коихъ дѣлались Черскимъ наблюденія, термометръ Цельсія показывалъ въ „Сборной залѣ" неизмѣнно—$2,_4$°, въ „Медвѣдѣ"—1°, въ „Ползучемъ корридорѣ"—$0,_2$°, въ „Проклятой же дырѣ „Малой пещеры" температура оказалась самой низкой изъ наблюденныхъ, именно—$4,_8$°. Въ толщѣ наноснаго ила была найдена масса останковъ разныхъ млекопитающихъ, въ томъ числѣ уже вымершихъ или исчезнувшихъ изъ этой мѣстности видовъ: цѣлый остовъ медвѣжонка съ шкурой и волосами, кусокъ кожи носорога, останки песца, антилопы, первобытнаго быка и т. д.; слѣдовъ же пребыванія древняго человѣка не найдено никакихъ. Изъ расположенія обѣихъ пещеръ можно вывести твердо обоснованное заключеніе, что когда-то онѣ составляли одно цѣлое, но соединявшій ихъ проходъ былъ въ одну изъ катастрофъ заваленъ осыпью, кото-

рую мы и видѣли въ дальнемъ концѣ „Малой пещеры“.

За неимѣніемъ съ собой мѣла для произведенія надлежащей надписи на стѣнахъ, мы съ Н. Г. сложили въ „Сборной залѣ“ пирамидку изъ камней, водрузили въ нее большой обломокъ лиственницы и въ расщеплины ея вложили, для увѣковѣченія своихъ именъ, по визитной карточкѣ, написавъ на нихъ карандашомъ имена и фамиліи прочихъ спутниковъ, годъ и число нашей экскурсіи въ этотъ тайникъ геологическихъ факторовъ. Если ближайшіе по времени посѣтители не истребятъ этихъ скромныхъ свидѣтелей нашего посѣщенія пещеры, то можетъ случиться, что какой-нибудь геологъ XXV вѣка будетъ съ любопытствомъ разсматривать визитныя карточки людей XIX вѣка, уже покрытыя налетомъ известковыхъ отложеній.

Выбравшись на четвереньках изъ каменной кишки на наружную площадку, мы всѣ съ облегченіемъ вздохнули. Горы начали покрываться легкой дымкой наступавшихъ сумерекъ; двѣ-три яркія звѣзды уже загорѣлись на потемнѣвшемъ горизонтѣ; послѣдніе золотистые лучи догоравшей зари пытались еще придать радостный колоритъ картинѣ, но угрюмый сумракъ зимней ночи уже надвигался быстрыми шагами съ сѣверо-востока, затушевывая мелкія подробности ландшафта и напоминая намъ, что пора идти къ стану, если мы хотимъ избѣгнуть ночного путешествія верхомъ по откосамъ горъ, не имѣя даже таежной тропы передъ собою. Въ знакъ радости, мы дали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья и револьвера, прислушались къ раскатамъ ихъ, замиравшимъ вдали, въ излучинѣ рѣки, и собрались въ обратный путь. Но неужели опять идти по этому надоѣдливому и небезопасному карнизу? Нельзя ли пройти

другимъ путемъ, продолженіемъ предыдущаго, — нѣсколько обогнуть утесъ, въ удобномъ мѣстѣ подняться на его платформу и по ней дойти до мѣста, гдѣ привязаны кони? Этотъ путь показался мнѣ заманчивымъ потому, что выступъ карниза по ту сторону пещеры, до перваго поворота, который его скрывалъ изъ глазъ, былъ довольно широкъ и удобенъ для пѣшехода. Я послалъ старшаго Шуртова осмотрѣть карнизъ за поворотомъ и опредѣлить, легокъ ли будетъ подъемъ на платформу утеса? Онъ ушелъ, и мы закурили трубки и папиросы, усѣвшись на камняхъ, и оживленно бесѣдовали о видѣнномъ.

— Да, есть-таки дьявольскія штучки на землѣ, — философски замѣтилъ Константинъ Шуртовъ.

— Почему же дьявольскія?

— Да нешто такая дыра отъ Бога? Нѣтъ, не Его святыхъ рукъ это дѣло!

— А развѣ дьяволъ что-нибудь сотворилъ на землѣ?

— Ну, этого не говорите. Я вотъ слышалъ отъ одного человѣка, какъ это дѣло было.

— Пожалуйста, Константинъ, разскажите!

Но въ эту минуту къ намъ долетѣлъ окрикъ развѣдчика:

— Го-го!.. Идите смѣло!

Мы двинулись. До поворота, гдѣ насъ ожидалъ Николай, дѣло шло хорошо; но чѣмъ дальше, тѣмъ карнизъ становился уже и, наконецъ, сталъ сходить на нѣтъ. А крутизна откоса становилась все болѣе зловѣща, хотя, можетъ-быть, это только такъ казалось, благодаря наступившимъ уже въ глубинѣ сумеркамъ. Наконецъ, стали: дальше въ горизонтальномъ направленіи идти было нельзя.

— Чего-жъ это вы смотрѣли? Куда вы насъ завели?.. Что-жъ, теперь опять назадъ ворочаться?!

На наши гнѣвные упреки развѣдчикъ виновато объяснялъ, что онъ „по этой дорожкѣ допрежъ не хаживалъ, а теперь глянулъ впередъ — оно будто ладно показалось,—а вотъ, поди-жъ, какая оказія приключилась!“

— Надо лѣзть наверхъ!—рѣшили оба Шуртовы.

Первыя 10—15 саженъ шло, сравнительно, не дурно: и я, и Н. Г. управлялись „своими средствіями“, хотя сильно „упарились“; но вотъ передъ нами новый подъемъ, еще болѣе крутой, не менѣе чѣмъ въ 65°. Мы попробовали на немъ свои силы, но тотчасъ же раскаялись: ноги утаптывали снѣгъ, руки съ отчаяніемъ хватались за камни и корни все болѣе рѣдкихъ и низкорослыхъ деревцовъ, но изъ всѣхъ стараній нашихъ ничего или почти ничего не выходило. А подъемъ еще далеко высился надъ нами, пропадая въ ночной мглѣ: мракъ начиналъ уже окутывать все окружающее, и только ближайшіе предметы выдѣлялись своими расплывчатыми и обманчивыми контурами на бѣлой пеленѣ снѣга.

Произошло краткое совѣщаніе, во время котораго новый рядъ горькихъ укоризнъ выпалъ на долю опростоволосившагося развѣдчика.

— Надо веревкой дѣвствовать: безъ нея ничего не подѣлашь,—рѣшили таежные обыватели.

Игнатъ, какъ самый ловкій изъ всѣхъ насъ, взялся закрѣплять веревку. Онъ отдалъ бывшій при немъ мѣшокъ съ свѣчами, отбитыми сталактитами и проч. одному изъ Шуртовыхъ и какъ кошка полѣзъ въ гору, оставивъ у насъ одинъ конецъ отъ двухъ связанныхъ вожжей. Ему вызвался сопутствовать неразлучный его товарищъ, другой ямщикъ, а мы, основательные

люди, остались ожидать результатовъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышалось откуда-то сверху: „готово!“ Я распорядился, чтобы первымъ лѣзъ Константинъ, затѣмъ должны были совершать восхожденіе мы съ Н. Г., а старшему Шуртову слѣдовало пребывать въ арьергардѣ.

Тонкая вожжа, невѣдомо за что прикрѣпленная, дрожитъ какъ струна; цѣпко хватаешься за нее, сдирая кожу съ ладоней; ноги скользятъ по снѣгу и служатъ плохо... А внизу все темнѣе и темнѣе становится полутораста-саженная глубина, и надъ головой все еще высится проклятый подъемъ! Вонъ и деревцовъ не стало: одни острореберные камни торчатъ наружу изъ-подъ снѣжной пелены. Игнатъ опять кричитъ: „готово!“—„А за что зацѣпилъ?“—„За камень!“—„Крѣпко будетъ?“—„Не сумлѣвайтесь!..“ А все же беретъ сомнѣніе: вдругъ Игнатъ ошибся, и камень, только примерзшій къ землѣ, поддастся? Или—вдругъ веревка, перетершись объ острое ребро, лопнетъ?...

Упершись пятками въ выдавшійся камень, я лежу на спинѣ, или, если хотите, стою, прислонясь къ покатой стѣнѣ, и отдыхаю послѣ третьяго подъема. Мускулы дрожатъ, въ вискахъ стучитъ, нервы напряжены, потъ крупными каплями течетъ по пылающимъ щекамъ. Теперь карабкается Н. Г.: онъ уже на полдорогѣ и проходитъ самое трудное мѣсто, надъ которымъ я не мало побился. Я даю ему совѣты, куда ставить ногу, за что схватиться, — и вдругъ вижу, что, держась за ту же тонкую 8-мисаженную вожжу, начинаетъ подниматься коренастый и тяжелый Шуртовъ.

— Куда лѣзешь? Вѣдь веревка можетъ лопнуть! Жди, пока тебѣ крикнутъ!

На слѣдующемъ подъемѣ та же исторія: опять, не

дождавшись сигнала, Шуртовъ начинаетъ лѣзть, подвергая и себя, и Н. Г. чрезвычайной опасности.

— Оставаться на мѣстѣ, или...

— Да скучно здѣсь одному!

Тогда было, дѣйствительно, не до веселья, но долго потомъ разбиралъ меня смѣхъ каждый разъ, какъ вспомню, бывало, коренастаго, шестипудового мужика, „промышлёнаго“, коренного таежника, которому „скучно“, т.-е. боязно оставаться одному въ восьми саженяхъ отъ товарищей.

Семь разъ закидывалъ Игнатъ веревку. Вотъ пошелъ голый камень: снѣгъ не держался на этой открытой для вѣтровъ скалѣ; вотъ уже нѣтъ темной громады надъ самой головой; вотъ еще нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ уже безъ помощи веревки... ухъ, какъ славно посидѣть подъ защитой каменной глыбы, на подвѣтренной ея сторонѣ, и сушиться около костра, уже разведеннаго расторопнымъ Игнатомъ! Мы поднялись этой отчаянной дорожкой саженъ на семьдесятъ надъ горизонтомъ пещеры, а надъ уровнемъ рѣки находились въ 170 саженяхъ; высшая же точка этого утеса, оставшаяся нѣсколько въ сторонѣ отъ насъ, имѣетъ до 215 саженъ высоты.

Теперь надо было искать лошадей: мы зашли съ другой стороны, а въ темнотѣ трудно было вполнѣ оріентироваться, такъ что насъ тревожила мысль, скоро ли ихъ удастся найти? Но не прошло и четверти часа послѣ того, какъ ямщики отправились на розыски, — и отдаленные крики ихъ возвѣстили намъ, что лошади уже найдены. Мы пошли на голоса̀.

— Къ самой кручѣ подошелъ, за темью-то чуть-было не слетѣлъ! — разсказывалъ Игнатъ. — Ну, думаю, гдѣ-

нибудь тутъ онѣ должны быть! Посвисталъ этакъ, а жеребчикъ мой откликается, — заржалъ! Соскучился, видно.

Вотъ знакомый уже, отлогій спускъ къ стану. Кони торопятся къ корму,—надо ихъ сдерживать. Ѣду, ничего не видя подъ ногами коня; раза два слѣзаю на крутыхъ откосахъ. Ну, наконецъ, мы и дома!.. Домомъ, уютнымъ, прелестнымъ, показалось мнѣ наше становище на открытомъ берегу Уды.

Еще ярче, чѣмъ утромъ, пылаетъ костеръ, обдавая насъ пріятнымъ тепломъ. Мы теперь пьемъ чай и ѣдимъ не торопясь, потому что надо выкармливать коней, да и луна должна вскорѣ взойдти, и тогда лучше ѣхать будетъ. Какъ чудесно лежать на коврѣ, раскинувъ ноющія отъ усталости, непривычныя къ столь тяжкимъ испытаніямъ руки и ноги!..

— Константинъ! А вы начали было разсказывать о сотвореніи міра, да некогда было тогда; разскажите-ка теперь!

— Да что разсказывать-то, Н. М?... Извѣстно, вамъ смѣшно покажется: люди мы неученые.

— Вотъ потому-то и любопытно знать, какъ вы объ этомъ думаете.

— Да я, по правдѣ сказать, до двадцати пяти годовъ проживши, никогда и не слыхивалъ ничего такого; а тутъ бѣлковать одновá пошелъ съ товарищемъ, да и зашли страсть какъ далеко: отбились отъ своей сторонки Богъ знаетъ куда! И набрели мы на зимовье гадалейскихъ промышлёныхъ. Зашли; а тамъ тоже два человѣка сидятъ шерагульскихъ, ночевать расположились. То да се, чай пьемъ, кой о-чемъ говоримъ... Вотъ тутъ одинъ

изъ этихъ-то, ужъ въ годахъ человѣкъ, и обсказалъ мнѣ все, какъ было.

И Константинъ разсказалъ мнѣ любопытную легенду монгольско-русскаго происхожденія о сотвореніи міра...*)

— Грѣхи, грѣхи!..— замѣтилъ Игнатъ, внимательно выслушавъ разсказъ, и, помолчавъ минуту, прибавилъ уже своимъ дѣловитымъ тономъ:—Однако, пора и собираться!

Сборы въ обратную дорогу кончились быстро, благо почти все было пріѣдено и выпито. Усѣлись и тронулись въ путь. На этотъ разъ я уже равнодушно и даже недружелюбно посматривалъ на разныя препоны, которыя намъ ставила живописная, но некультурная дорога, потому что нервы были до-нельзя утомлены, суставы болѣли, и надъ всѣми чувствами господствовало одно только желаніе: спать, спать! А тутъ еще эти камни, рытвины, колоды!

Наконецъ-то проклятое ущелье, которымъ мы такъ восхищались утромъ, осталось за нами! Теперь, ночью, если бы и желать, то нельзя было бы любоваться его скалистыми боками, потому что лунный свѣтъ накладывалъ на нихъ такія густыя тѣни и такъ рѣзко выдвигалъ блики, что получался странный хаосъ черныхъ и бѣлыхъ пятенъ, въ которыхъ нельзя было разобраться. Вотъ полоса тайги уже позади насъ. Лошади пошли крупной рысью по гладкой дорогѣ; колокольцы неумолчно вызваниваютъ свои двѣ ноты; Игнатъ весело свищетъ... Подъ кошмой такъ хорошо, тепло!..

— Вставайте, баринъ,—пріѣхали!

---

*) Подобнаго рода легенда, но болѣе цѣльнаго характера, помѣщена во второмъ очеркѣ изъ числа предлагаемыхъ въ этой книгѣ.

***

...Добрый будда Очирвани какъ-то случайно увидалъ приготовленную злымъ докшитомъ чашу, въ которой налито было зло и горе, припасенныя этимъ демономъ для рода человѣческаго. Пожалѣлъ Очирвани людей и рѣшилъ уничтожить предназначенное для нихъ зло; но куда его дѣвать? Спрятать чашу гдѣ-нибудь на небѣ или въ облакахъ, — докшитъ начнетъ искать и непремѣнно найдетъ; вылить содержимое на землю, — такъ это именно и нужно для выполненія замысловъ врага людского... И добрый будда рѣшилъ вмѣстить въ одномъ себѣ все зло, пріуготованное для людей: пусть они, милліоны, блаженствуютъ, онъ одинъ будетъ страдать за нихъ! Очирвани взялъ своей божественной рукой чашу со зломъ и выпилъ ее всю, единымъ духомъ, до послѣдней капли...

Съ тѣхъ поръ онъ страдаетъ неописуемо: его тѣло стало синимъ отъ адскихъ мукъ и горитъ вѣчнымъ огнемъ; его лицо стало звѣринымъ; онъ испускаетъ страшные вопли; руки и ноги его корчатся, такъ что онъ не можетъ уже сохранять спокойно-созерцательной позы, приличествующей буддѣ. И тѣмъ не менѣе его самопожертвованіе не вполнѣ достигло цѣли: онъ забылъ облизать чашу злого докшита, и врагъ человѣческій, найдя ее пустой, постарался набрать съ ея стѣнокъ и набралъ цѣлую каплю зла, которую и бросилъ на землю. Вотъ эта самая капля и породила все то зло и горе, въ которыхъ поднесь пребываетъ родъ людской. Но какъ велико было бы теперь страданіе людей, какими бы злыми они были, если бы Очирвани не выпилъ почти всего содержимаго большой чаши!... За этотъ великодушный подвигъ онъ и

чтится наравнѣ съ другими величайшими буддами и, несмотря на его ужасный видъ, называется добрымъ богомъ *).

Вѣроятно, какая-нибудь подобная этой легенда связана и съ любопытнымъ произведеніемъ природы, которое называется нижнеудинскими бурятами „Эхе-баба“, что значитъ „большой отецъ“, т.-е. дѣдушка. Къ сожалѣнію, полной легенды о „дѣдушкѣ“ мнѣ не пришлось слышать, и я узналъ только, что „онъ“ былъ когда-то добрымъ духомъ, но болѣе сильные боги превратили его за какое-то дѣло въ камень; однако, и теперь этотъ „камень-богатырь“ пользуется почетомъ не только у бурятъ, но и у коренныхъ русскихъ, потому что обладаетъ еще способностью оказывать милости почитающимъ его.

— Пріѣзжалъ лонись къ намъ рыбачить изъ города чиновникъ N.,—разсказывали мнѣ въ деревнѣ Порогѣ.— Онъ, почитай, каждый годъ ѣздитъ, большую къ этому занятію охоту имѣетъ. Вотъ и вздумайся ему порыбачить на томъ самомъ плесѣ, надъ которымъ „камень-богатырь“ стоитъ. Передъ ловлей N. досталъ водки, налилъ полный стаканчикъ и выплеснулъ ее въ рѣку: „это, говоритъ, вашему дѣдушкѣ, чтобы рыбалка удачливая была...“ И что жъ вы думаете?! Какъ ни вытащутъ сѣть — пятокъ или десятокъ рыбъ выбираютъ, куда ни забросятъ — тутъ она, рыба-то, и есть! Полную почти

*) Въ описаніи буддійской выставки, бывшей въ 1888 г. въ Иркутскѣ, объ Очирвани не сообщено подобной легенды. Тамъ сказано только слѣдующее: „Очирвани считается послѣднимъ изъ буддъ-міроправителей. Въ его время жизнь людей будетъ продолжаться 10 лѣтъ, а животныя уменьшатся въ нѣсколько разъ. Изображается въ пляшущей позѣ, съ звѣриной головой и съ огненными волосами“, и т. д.

лодку наклали, едва до берега добрались, — вотъ какъ дѣдушка-то за ласку отдаривать умѣетъ!

Мы поѣхали посмотрѣть этого добраго „дѣдушку". Онъ стоитъ верстахъ въ пяти отъ д. Пороговъ, на лѣвомъ берегу р. Уды, на высокомъ утесѣ, отвѣсно спускающемся къ водѣ и столь же неприступномъ со стороны суши; эта неприступность „дѣдушки" и способствуетъ въ значительной мѣрѣ его славѣ. На платформѣ утеса, надъ самымъ обрывомъ возвышается камень, вѣроятно саженъ 3 — 4 высоты, имѣющій форму человѣка, стоящаго на колѣняхъ или сидящаго низко, съ подогнутыми подъ себя ногами. Глубокія трещины на камнѣ обрисовываютъ его шею и складки широкаго платья; руки кажутся сложенными на груди и спрятанными въ складкахъ, но можетъ показаться и такъ, что онѣ отсѣчены по самыя плечи. Голова фигуры нѣсколько опущена: „дѣдушка" погруженъ въ глубокую думу, или съ жалостью глядитъ съ высоты пятидесяти саженъ на пигмеевъ-людей, робко удивляющихся ему снизу и возносящихъ ему мольбы.

Но если употребить въ дѣло бинокль, то фантазія быстро уступитъ мѣсто дѣйствительности: камень-богатырь окажется простой, полуразрушенной влагой и атмосферой скалой со многими выступами и трещинами, не имѣющими никакого отношенія къ фигурѣ человѣка, но удачно скрадывающимися въ раккурсѣ, при наблюденіи снизу и невооруженнымъ глазомъ. Если вы любитель наивныхъ и поэтическихъ сказаній народныхъ, если вы хотите восхищаться тѣмъ, чѣмъ восхищается народъ, удивляться тому, чему удивляется онъ,—никогда не пускайте въ дѣло разныхъ ухищреній людей науки, будь это хотя бы скромный бинокль, потому что если вы

вздумаете смотрѣть на легендарнаго „дѣдушку“ не глазами народа, а какими-то бѣсовскими стеклами, то этотъ „дѣдушка“ именно вамъ, невѣрующему, покажется обыкновеннымъ камнемъ-песчаникомъ, и вся прелесть народнаго сказанія разсѣется для васъ, какъ дымъ.

---

Опять глухая тайга, навѣвающая уныніе даже на сангвиника. Вотъ-вотъ сдвинутся черныя стѣны деревъ, стоящія по сторонамъ узенькой дорожки, и раздавятъ это миніатюрное насѣкомое, которое ползетъ все дальше въ глубь лѣсной дичи, осмѣливаясь назойливой трелью погромковъ и колокольцевъ нарушать покой мохнатыхъ чудищъ, опушенныхъ снѣгомъ. Это мы съ Н. Г. ѣдемъ къ карагазамъ на сугланъ, бывающій разъ въ году въ мѣстности, находящейся верстахъ въ 30-ти отъ с. Солонецкаго.

Къ какому племени принадлежатъ карагазы—наукой точно не установлено: одни считаютъ ихъ отраслью самоѣдскаго племени, другіе—тюркскаго, третьи—тюркско-татарскаго; но вѣрно то, что названіе ихъ очень близко къ слову „киргизы“. а съ другой стороны—языкъ ихъ весьма сходенъ съ якутскимъ. Внѣшность ихъ такова: они малы ростомъ, сухощавы, любятъ производить быстрыя движенія, но малосильны; волосы у нихъ черные, гладкіе; бороды и усовъ, хотя бы тощихъ, почти ни у кого нѣтъ; небольшіе, но живые глаза и не сильно выдающіяся скулы придаютъ ихъ лицу болѣе пріятное выраженіе, чѣмъ выраженіе лица бурятъ. Племя это очень малочисленно: ихъ оказалось въ 1888 г. только 431 чел. обоего пола, тогда какъ прежде, увѣряетъ преданіе, ихъ было нѣсколько тысячъ душъ. Со времени X-й ревизіи число мужчинъ уменьшилось на 22%; если такое же уменьшеніе происходило и въ предшествовав-

шіе періоды, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ преданіи о былой численности этого любопытнаго племени. Повальныя болѣзни, особенно оспа, и теперь съ успѣхомъ дѣлаютъ свое дѣло: въ теченіе одного 1887 г. умерло до 15 человѣкъ отъ этой болѣзни, благодаря преступно небрежному или корыстному отношенію мѣстнаго медицинскаго персонала къ дѣлу прививки оспы карагазамъ.

Круглый годъ они кочуютъ съ мѣста на мѣсто на пространствѣ около ста тысячъ квадратныхъ верстъ. Они живутъ зимою въ кожаныхъ юртахъ, лѣтомъ— въ берестяныхъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ только по нѣскольку дней или недѣль, пока хватаетъ мховъ въ ближайшей окрестности для ихъ оленей. Лѣтомъ они заходятъ въ предгорья Саяна, спасая своихъ драгоцѣнныхъ олешекъ отъ овода: этотъ „гнусъ" держится только въ низинныхъ мѣстностяхъ и не забирается далеко въ горы. Въ началѣ зимы карагазы начинаютъ постепенно подвигаться на сѣверъ, и около Николина дня собираются къ рѣчкѣ Рубахиной на суглань, т. е. на сходъ, гдѣ производится ими уплата ясака, получка изъ казны хлѣба, пороха и свинца въ долгъ, крещеніе родившихся за годъ (всѣ карагазы — *христіане*) и выполненіе прочихъ обязанностей граждан русской земли. Такимъ образомъ, съ этимъ вымирающимъ племенемъ можно имѣть случай познакомиться только разъ въ году, когда оно бываетъ въ сборѣ, въ полномъ составѣ, дней десять; въ остальное же время года карагазы кочуютъ въ разбродъ, подраздѣляясь на пять улусовъ, по 10—26 хозяйствъ въ каждомъ. Каждый улусъ знаетъ свою часть тайги, и каждая изъ юртъ имѣетъ довольно опредѣленныя мѣста стоянки въ теченіе всего года, переходя въ извѣстномъ порядкѣ съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ,

нѣкоторые изъ карагазовъ (до 20 хозяйствъ) уже значительную часть года проводятъ въ одной и той же мѣстности, именно близъ Бирюсинскихъ золотыхъ пріисковъ, разрабатывая золото „старательскимъ“ способомъ, доставляя туда же сѣно, накошенное косой-горбушей или надерганное руками на таежныхъ прогалинахъ, производя рубку дровъ и лѣса для надобностей пріисковъ и получая за всѣ работы и продукты плату харчами, матеріей, порохомъ и водкой.

— Кажись, послѣдняя!—говоритъ ямщикъ, переѣзжая въ третій разъ въ бродъ рѣчку Рубаху. Камни пронзительно визжатъ подъ желѣзными полозьями саней; мы ежимся, подбираемъ ноги и съ опаской смотримъ на быстро текущую струю воды, не замерзшую еще на двадцати-градусномъ морозѣ. „Берегитесь замочиться,— говорили намъ въ селѣ, провожая насъ: пропадете за ничто; бывало ужъ съ нѣкоторыми такъ-то!“ Дѣйствительно, промочить хотя бы только валенки на ногахъ во время такой переправы значитъ обречь себя по меньшей мѣрѣ простудѣ или ревматизму: вѣдь хорошенько нельзя будетъ обсушиться даже въ юртахъ карагазовъ,— а когда еще до нихъ доберешься? Успѣешь закоченѣть не одинъ разъ!

Но вотъ тайга какъ-будто порѣдѣла: мы подымаемся немного въ гору; впереди, на прогалинѣ, виднѣются свѣтлые блики костровъ; цѣлая свора злыхъ собакъ мчится намъ навстрѣчу; ямщикъ старается принять самую внушительную осанку и грозно покрикиваетъ на лошадей и собакъ. Наша пара налетаетъ на столпившуюся кучку оленей и пугливо шарахается отъ нихъ въ сторону; съ своей стороны и мы съ любопытствомъ глядимъ на животныхъ, которыхъ прежде удавалось ви-

дѣть только въ зоологическихъ садахъ. Здѣсь и тамъ виднѣются какія-то коническія сооруженія, изъ вершинъ которыхъ вылетаютъ искры и дымъ.

— Шуленгà, шуленгà, староста!—вопитъ ямщикъ.

Нѣсколько юркихъ фигуръ выскакиваютъ къ намъ слѣва и справа, хватаютъ для чего-то лошадей подъ уздцы и во весь духъ бѣгутъ, въ качествѣ скороходовъ, къ одной изъ юртъ. Вотъ мы и пріѣхали.

Обыкновенно карагазовъ посѣщаютъ во время суглана только хорошо имъ извѣстныя начальствующія лица, притомъ заранѣе увѣдомляющія о днѣ своего прибытія: исправникъ съ засѣдателемъ, фельдшеръ, священникъ. Прочіе, доброхотные посѣтители — купцы, мѣщане и казаки изъ Нижнеудинска и слободъ — пріѣзжаютъ опасливо, безъ шума, останавливаясь предварительно гдѣ-нибудь въ тайгѣ и выходя пѣшкомъ на развѣдки, потому что цѣли ихъ пріѣздовъ — не вполнѣ легальныя. Поэтому неожиданный и шумный пріѣздъ какихъ-то неизвѣстныхъ людей всполошилъ всѣхъ отъ мала до велика: черезъ минуту, когда мы торжественно вылѣзали изъ глубокой кошевки, все племя, чуть-ли не до грудныхъ дѣтей включительно, было уже на ногахъ и толпилось въ нѣкоторомъ, довольно почтительномъ отъ насъ отдаленіи. Ночь была темна, увидѣть они ничего не могли, кромѣ двухъ темныхъ фигуръ нашихъ; очевидно, что они ждали услышать какой-нибудь залпъ начальническихъ привѣтствій и по энергіи его судить о чинѣ и должности пріѣхавшихъ; но, къ ихъ изумленію, тишина не нарушалась ничѣмъ, кромѣ лая неугомонившихся еще псовъ и слабаго позвякиванія колокольцевъ надъ головой уставшаго коренника. Впрочемъ, нашъ пріѣздъ врядъ ли поднялъ ихъ со сна: бо̀льшая часть

этихъ сыновъ тайги проводятъ всѣ ночи суглана въ веселіи, испивая отъ зелена́-вина и выдѣлывая граціозныя па́ около костровъ; это вѣдь ихъ единственный праздникъ въ году, мѣсто общихъ свиданій, время, свободное отъ всякихъ трудовъ, потому что пища бываетъ ими заготовляема заблаговременно, а чаю и водки — сколько хочешь пей въ счетъ будущихъ благъ.

Изъ юрты вышелъ пожилой карагазъ, самъ шуленга̀, ничѣмъ по внѣшности отъ другихъ не отличавшійся. На ломаномъ русскомъ языкѣ онъ пригласилъ насъ войти въ его обиталище, отгибая уголъ покрышки юрты. Она состояла изъ двухъ дюжинъ жердей, искусно сложенныхъ въ конусъ и обтянутыхъ длиннымъ кожанымъ платомъ. Вершина конуса оставалась открытой для прохода дыма отъ костра, разложеннаго среди юрты; снѣгъ вокругъ огня былъ устланъ оленьими шкурами, на которыхъ сидѣли какія-то живыя существа, но при невѣрномъ свѣтѣ костра и подъ ихъ неуклюжими одѣяніями нельзя было сразу опредѣлить ихъ полъ и возрастъ.

Такого рода жилище защищаетъ лишь отъ вѣтра; костеръ же грѣетъ только ту сторону тѣла, которая обращена къ нему, а другая продолжаетъ зябнуть. Эти жалкіе люди всю зиму не снимаютъ мѣховыхъ одеждъ, разъ одѣтыхъ; они не утруждаютъ себя умываніемъ и смѣной бѣлья, послѣднимъ — потому, что лишь немногіе изъ мужчинъ носятъ на тѣлѣ ситцевыя рубахи, пока онѣ не истлѣютъ, а женщины признаютъ пока только одно произведеніе мануфактуры — миткалевые головные платки. Новорожденнаго обтираютъ снѣгомъ, кладутъ въ лубковую колыбель на подстилку изъ мховъ, закутываютъ всю эту систему въ оленій мѣхъ и держатъ такъ

по нѣскольку дней, не вынимая ребенка, въ увѣренности, что мохъ впитаетъ въ себя всѣ его выдѣленія; вмѣсто соски, ему суютъ въ ротъ продолговатый кусокъ медвѣжьяго жира. Воспитаніемъ его никто не занимается: его кормятъ,—чего же больше? Отцовская собака является лучшимъ другомъ и нянькой ребенка: онъ спитъ, обнявшись съ нею; онъ учится ходить, держась за ея спину; она его моетъ, облизывая ему лоснящееся послѣ обѣда лицо... Когда ребенокъ начнетъ подростать и ходить, ему шьютъ кожаную одежду, въ родѣ той, какую носятъ взрослые, и онъ ее смѣняетъ на другую только тогда, когда она совсѣмъ износится или станетъ ему тѣсна и коротка. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что смертность между дѣтьми карагазовъ сравнительно велика: скорѣе надо удивляться тому, что смертность эта еще не такъ велика, какъ можно было бы ожидать *); но ужъ если ребенокъ пройдетъ черезъ всѣ эти искусы, то онъ становится истымъ карагазомъ, стойкимъ и терпѣливымъ въ лишеніяхъ, безпечнымъ и лѣнивымъ при довольствѣ, жаднымъ на пищу, хотя бы худшаго качества, какова падаль. Однажды подъ путниками, ѣхавшими зимою на Бирюсинскіе пріиски, провалился ледъ на одной рѣчкѣ, и одна изъ лошадей утонула; ее стали было вытаскивать изъ воды, но, за-

*) Дѣти до 7 лѣтъ составляютъ 19% общаго числа карагазовъ обоего пола, тогда какъ у крестьянъ-старожиловъ трехъ округовъ Иркутской губ. этотъ процентъ равенъ 21, но за то у кочевыхъ бурятъ онъ еще меньше и равенъ только 17%. Стариковъ же, свыше 60 л. отъ роду, у карагазовъ почти вдвое менѣе, чѣмъ у другихъ группъ населенія, что служитъ доказательствомъ существованія огромныхъ лишеній и опасностей, которымъ подвергаются взрослые карагазы.

мѣтивъ, что она уже захлебнулась, оставили ее вытащенной наполовину. На обратномъ пути, приближаясь къ мѣсту катастрофы, путники замѣтили нѣсколько быстро исчезавшихъ въ опушкѣ лѣса человѣческихъ фигуръ, а когда подъѣхали ближе къ трупу лошади, то увидали, что заднія ноги ея отрублены и унесены, конечно — не кѣмъ инымъ, какъ карагазами, единственными обитателями этой трущобы. Правда, для посторонняго слушателя остается недоказаннымъ, для себя ли унесли карагазы этотъ лакомый кусокъ? Можетъ-быть, и не для себя, а въ пищу своимъ многочисленнымъ собакамъ; но, по общему отзыву лицъ, знакомыхъ съ привычками и бытомъ этого племени, подобное предположеніе вполнѣ невѣроятно, потому что собаки карагазскія кормятся сами, изрѣдка развѣ догрызая кости, которыхъ не осилили зубы ихъ хозяевъ. Разсказываютъ также, что карагазы представляютъ собой любопытный примѣръ племени, лишеннаго почти всякой предусмотрительности: убивъ звѣря или наловивъ рыбы, карагазъ и его семья ѣдятъ до отвала въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока хватитъ добычи, и только когда послѣдній кусокъ съѣденъ, карагазъ идетъ вновь на промыселъ, а семья кормится до его возвращенія оленьимъ молокомъ, если оно есть, или разваренной сараной (корень растенія Lilium Martagon), безъ труда добытой изъ норокъ запасливой полевки (arvicola), или сидитъ голодная. Впрочемъ, въ послѣднее время, какъ замѣчено выше, нѣкоторыя семьи начинаютъ работать для пріисковъ. Зависитъ ли этотъ переходъ къ болѣе постоянному труду исключительно отъ уменьшенія звѣря въ тайгѣ, или же отъ болѣе общихъ причинъ, напр., вслѣдствіе проникновенія культурныхъ привычекъ въ

ихъ юрты,—сказать трудно. Но фактъ таковъ: изъ 13,800 руб., которые заработало, хотя и не все получило, отъ всѣхъ своихъ промысловъ это племя въ 1888 году, 8 тыс. руб. падаетъ на охоту, $1^1/_2$ тысячи—на золото, 4 тысячи на сѣнокошеніе, а остальная сумма — на мелкіе заработки, въ родѣ рубки лѣса, перевозки грузовъ на пріиски и проч.

Тѣмъ не менѣе, охота и сейчасъ остается главнымъ средствомъ ихъ существованія: изъ 28 семей занимаются этимъ промысломъ 68, въ томъ числѣ 27 исключительно имъ однимъ. Таежный промыселъ, да и самая жизнь оленеводовъ немыслимы безъ собакъ: дѣйствительно, только у пяти хозяйствъ ихъ нѣтъ, тогда какъ даже хозяйствъ, не имѣющихъ собственныхъ юртъ и живущихъ изъ милости въ чужихъ, нѣсколько больше (семь). Главнѣйшую цѣнность изъ предметовъ охоты представляетъ соболь: его было добыто въ 1888 г. 570 штукъ, на 4 т. р. Далѣе слѣдуютъ изюбри (cervus elaphus), рога которыхъ по веснѣ даютъ огромный доходъ удачливому промышленнику: отъ 50 до 150 р. за пару. Эти рога, когда покровы ихъ еще мягки и налиты кровью, высоко цѣнятся китайцами, которые приготовляютъ изъ нихъ возбуждающее половую дѣятельность средство; но такъ какъ непосредственныхъ сношеній карагазы съ китайцами не имѣютъ, то они продаютъ драгоцѣнные рога тункинскимъ бурятамъ, которые перепродаютъ ихъ уже китайскимъ купцамъ. Во время дальняго переѣзда до Тунки мягкіе рога сильно портятся, хотя ихъ солятъ, и много теряютъ въ цѣнѣ, да и буряты не упускаютъ случая поприжать карагаза, такъ что онъ рѣдко выручаетъ за свою добычу болѣе 50 р.; въ общемъ, однако, зюбри даютъ отъ тысячи до двухъ рублей въ годъ

дохода всему племени. Затѣмъ слѣдуютъ бѣлки, которыхъ бьютъ по 2—5 тыс. шт. въ годъ, смотря по ихъ „урожаю" (шкурки продаются по 12—18 к.), сохатые, медвѣди и проч. Карагазы начинаютъ выходить на промыселъ съ 12—13-лѣтняго возраста. Они стрѣляютъ прекрасно: изъ дрянного кремневаго ружья карагазъ почти безъ промаха попадаетъ соболю въ голову, чтобы не испортить шкурки, хотя малокалиберная пулька и не можетъ значительно продырявить и обезцѣнить ее, по увѣренію русскихъ охотниковъ.

Еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія у карагазовъ лошадей совсѣмъ не было; теперь 22 хозяйства имѣютъ уже 37 лошадей, пріобрѣтенныхъ у тункинскихъ бурятъ. Съ развитіемъ коневодства идетъ параллельно упадокъ оленеводства, которое, подъ вліяніемъ какихъ-то могучихъ причинъ, находится наканунѣ своей гибели. Олень составляетъ для нихъ почти все: они питаются его молокомъ и мясомъ, ѣздятъ на немъ верхомъ, подпиливъ его вѣтвистые рога, запрягаютъ въ легкія салазки, если предстоитъ путь по культурной мѣстности (напр., когда ѣдутъ сдавать ясакъ въ городъ), перевозятъ на немъ тяжести, до 5 пудовъ на самцѣ („быкѣ"), шьютъ себѣ одежду изъ его шкуръ, выдѣлываютъ кожи для покрышки юртъ. Карагазъ безъ оленей—это то же, что земледѣлецъ безъ земли, орудія, рабочаго скота и дома; поэтому-то значительное сокращеніе оленеводства карагазовъ служитъ самымъ вѣскимъ доказательствомъ ихъ обѣдненія и переживанія ими въ настоящее время какого-то критическаго момента. Не болѣе 30-ти лѣтъ назадъ были еще хозяева, имѣвшіе по 300 и болѣе оленей, а въ началѣ этого вѣка богачи насчитывали у себя, какъ говорятъ, даже по тысячѣ штукъ этого неприхот-

ливаго домашняго животнаго, для котораго не надо припасать корма и строить дворовъ, который не требуетъ никакого ухода за собой. Въ настоящее же время только у одного хозяина еще насчитывается сотня олешекъ, у остальныхъ же—значительно меньше, преимущественно до 10 штукъ (около 40 хозяйствъ), въ среднемъ вообще—по 14 шт. у хозяина, при чемъ у пятерыхъ уже вовсе нѣтъ оленей, а у всего племени оказывается только 1,100 штукъ.

Весьма любопытенъ практикуемый карагазами способъ надзора за пасущимся стадомъ. Выбравъ мѣсто, гдѣ много бѣлыхъ мховъ, составляющихъ пищу оленей, карагазъ дѣлаетъ верхомъ на одномъ изъ самцовъ большой кругъ около стада и затѣмъ привязываетъ самца на веревкѣ въ срединѣ этого круга къ дереву; сдѣлавъ это, хозяинъ можетъ идти въ юрту, которую женщины успѣли уже сложить изъ вновь нарубленныхъ жердей и привезенныхъ на оленяхъ кожъ (если дѣло происходитъ лѣтомъ, то кожи, во избѣжаніе порчи ихъ отъ дождя, замѣняются древесной корой); онъ можетъ спокойно ложиться спать,—и ни одинъ олень не перешагнетъ того круга, который былъ сдѣланъ хозяиномъ верхомъ на самцѣ. Не подборъ ли далъ въ результатѣ ряда вѣковъ такія дисциплинированныя стада?

По входѣ въ юрту шуленги мы не тотчасъ замѣтили довольно подозрительную фигуру „культурнаго человѣка" въ черненномъ полушубкѣ, нерѣшительно переминавшагося съ ноги на ногу. Кромѣ него, въ юртѣ оказались двѣ женскія фигуры и двое дѣтей, черные глазенки которыхъ робко, но съ любопытствомъ выглядывали изъ-подъ груды оленьихъ шкуръ.

— Садись, вотъ здѣсь!—пригласилъ шуленга.

Я съ опасеніемъ поглядѣлъ на то мѣсто, которое онъ показывалъ. Дѣло въ томъ, что намъ говорили, будто у карагазовъ есть пріятный для нѣкоторыхъ начальническихъ сердецъ обычай дарить всякому власть имѣющему ту шкуру, на которой онъ сидѣлъ. „Исправнику стелютъ хорошаго медвѣдя, засѣдателю—кожу сохатаго, фельдшеру—оленью; вамъ, вѣроятно, засѣдательскій почетъ окажутъ,“ —предрекали намъ бывалые люди. Понятно, что мы не очень-то добивались высокой чести быть приравненными засѣдателю и со страхомъ ожидали увидѣть постланныя намъ новыя шкуры, потому что шуленга еще на дворѣ успѣлъ перекинуться съ ямщикомъ нѣсколькими словами; но, къ нашему благополучію и душевному успокоенію, оказалось, что шкуры—старыя, расхожія, на которыхъ только-что сидѣли, вѣроятно, самъ хозяинъ съ своимъ культурнымъ гостемъ.

— Чай пить будешь?—спрашиваетъ шуленга и, послѣ нашего утвердительнаго отвѣта, киваетъ головой женщинамъ. Одна изъ нихъ тотчасъ поднимается на колѣни, снимаетъ съ колышка крюкъ, висящій на цѣпи надъ костромъ, накладываетъ нѣсколько кусковъ льда въ нашъ желѣзный эмалированный чайникъ, предварительно съ любопытствомъ осмотрѣвъ невиданный предметъ со всѣхъ сторонъ, и подвѣшиваетъ его къ огню.

И вотъ, всѣ мы сидимъ, поджавъ ноги, какъ истыя дѣти Востока, покуривая и вперивъ глаза въ пламя костра, которое всегда властно притягиваетъ къ себѣ взоры окрестъ сидящихъ, будь то бродяги въ лѣсу, или охотники въ зимовьѣ, или участники веселаго пикника на лужайкѣ. Лиственичныя полѣнья шипятъ и трещатъ, чайникъ пофыркиваетъ, фигуры людей, закутанныхъ въ мѣха и кожи, сидятъ неподвижно, и такъ чудно стано-

вится на душѣ, будто видишь любопытный и знаменательный сонъ и боишься звукомъ своего голоса нарушить странное состояніе духа: это на минуту открылась передъ нашими удивленными очами даль канувшихъ въ вѣчность временъ. Мы здѣсь вошли въ сферу, совершенно чуждую всему остальному міру. Что̀ значатъ для обитателей этой доисторической юрты вопросы, поставленные европейской цивилизаціей? Какое отношеніе къ нимъ имѣютъ задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудится передовой отрядъ человѣчества? Что̀ для нихъ прогрессъ, реакція, политическая свобода, борьба капитала и труда, страстное исканіе идеаловъ утратившими вѣру сердцами, подвиги людей науки, ужасы предстоящей усовершенствованной борьбы народовъ, которымъ кажется тѣсно на землѣ?... Карагазъ ничего объ этомъ не слышалъ: для него весь свѣтъ — это тайга, олени, бѣлка, да изрѣдка вопросъ, гдѣ бы достать хлѣба и пороха въ долгъ до суглана. Такъ было для него вчера, такъ было пятьдесятъ, сто, двѣсти лѣтъ назадъ, такъ будетъ продолжаться и еще неопредѣленное время, пока племя его съ своими аттрибутами — оленемъ и юртой — не перестанетъ существовать, какъ индивидъ, пока оно не расплывется, не сольется съ окружающимъ его болѣе живучимъ населеніемъ. — „Прочь съ дороги!“ — грозно кричатъ культурные янки жалкой кучкѣ индѣйцевъ и сознательно истребляютъ ее, потому что она тормозитъ ходъ культуры; но это „прочь“ гораздо ранѣе еще было сказано не янки индѣйцамъ, а самой неумолимой культурой всему, что̀ не умѣетъ приладиться къ ней, между прочимъ и затерянной въ нижнеудинской тайгѣ кучкѣ карагазовъ. И вотъ, въ первый разъ еще попавъ лицомъ къ лицу съ этимъ живымъ

мертвецомъ, съ этимъ представителемъ доисторической эпохи (потому что—какое дѣло исторіи до карагаза и въ нынѣшнее даже время!), я почувствовалъ себя въ совершенно чуждой мнѣ сферѣ, и языкъ мой долго не рѣшался грубо нарушить дѣловыми вопросами ходъ таежной мистеріи...

Молчаніе было нарушено ямщикомъ, вошедшимъ въ юрту, управившись съ лошадьми; тогда разговорились и мы съ шуленгой. Конечно, прежде всего предстояло дать объясненіе того дѣла, которое привело насъ, небывалыхъ и нежданыхъ гостей, на сугланъ. Шуленга разумѣлъ плохо, и намъ не малаго труда стоило убѣдить его, что мы не полицейскіе чины и не за ясакомъ пріѣхали, и что, сдѣлавъ перепись, новыхъ сборовъ налагать не будемъ, а только хотимъ узнать „по правдѣ", какъ живутъ они, въ чемъ особенно нуждаются и... и скоро ли вымрутъ до послѣдняго человѣка?

— А это кто у васъ въ гостяхъ? — спросилъ кто-то изъ насъ, указывая на культурную фигуру.

— Такъ-съ... изъ Нижнеудинскова, по своимъ дѣламъ-съ, — отвѣтилъ торопливо гость за шуленгу.

— Не съ водочкой ли пріѣхали собольковъ покупать?

— Нѣтъ-съ, какъ можно! Мы законы объ этомъ оченно хорошо знаемъ. А такъ, въ родѣ какъ бы съ давнишними знакомыми повидаться пріѣхалъ.

Постоявъ еще нѣсколько минутъ, поприглядѣвшись къ намъ, понявъ, должно быть, нашъ миролюбивый образъ мыслей, гость уже спокойно сказалъ хозяину:

— Ну, шуленга, я пойду спать къ Ивашкѣ въ юрту!

И ушелъ, развязно пожелавъ намъ „пріятнаго сна".

Конечно, это былъ одинъ изъ хищниковъ, которые рвутъ безпомощное тѣло карагазскаго племени на части

и пьютъ его кровь, ускоряя часъ его гибели помощью могущественнѣйшаго орудія борьбы культуры съ варварствомъ—алкоголя. Эксплуатація сибирскихъ инородцевъ русскими промышленниками началась съ того самаго момента, когда эти двѣ категоріи узнали о существованіи одна другой, и надо полагать, что честь заслуги передъ культурой въ дѣлѣ истребленія этихъ варваровъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, именно особаго типа торговцамъ. Съ полуштофомъ въ одной рукѣ и связкой табаку—въ другой, промышленникъ отважно проникаетъ въ глубь туруханскихъ болотъ, уссурійскихъ степей, нижнеудинской тайги, являясь чуть-ли не единственнымъ связующимъ звеномъ между русскимъ народомъ и полудикими племенами, которыя учатся по немъ судить о благахъ осѣдлой жизни. Администрація уже давно взяла карагаза подъ свое особое покровительство: ему отпускаются изъ казны въ долгъ порохъ, свинецъ и хлѣбъ по умѣреннымъ цѣнамъ; но все, что дѣлается хорошаго въ этомъ направленіи, разрушается промышленниками, умѣющими ловко пользоваться слабыми сторонами бюрократическаго режима: сегодня—выдаютъ карагазу изъ казенныхъ складовъ припасы, а завтра—они какими-то судьбами оказываются въ рукахъ купца, у котораго карагазъ кругомъ въ долгу. Онъ получаетъ угощеніе водкой, хмелѣетъ, начинаетъ чувствовать потребность разгуляться послѣ таежной скуки, пропиваетъ и будущій „урожай“ бѣлки, а передъ отъѣздомъ въ тайгу валяется въ ногахъ купца, вымаливая себѣ опять же въ долгъ хоть немного муки и пороху.

Хлѣба карагазы ѣдятъ мало: у нихъ выходитъ не болѣе пяти пудовъ муки въ годъ на человѣка (муку подбавляютъ въ кипящее молоко, или дѣлаютъ изъ нея

лепешки, которыя пекутъ въ золѣ костра); тѣмъ не менѣе, безъ муки они уже жить не могутъ. Такъ же необходимы для ихъ существованія порохъ и свинецъ. Однако, всѣ эти продукты выдаются имъ изъ казны въ недостаточномъ количествѣ, и всю недохватку они вынуждены забирать у купцовъ и золотопромышленниковъ; а у этихъ послѣднихъ цѣны таковы: за фунтъ пороха, вмѣсто казенныхъ 76 к., берется торговцемъ 2 р., за свинецъ—вмѣсто 18½ к.—30 к., за пудъ муки—вмѣсто 1 р. 50 к.—до 3 руб., и сверхъ того—„христіанскіе" проценты „за подожданіе" уплаты. Только на этихъ трехъ продуктахъ карагазы переплачиваютъ купцамъ 2½ тыс. рубл. ежегодно. Но имъ нужны и еще другіе продукты и предметы: чай, соль, табакъ, ножи, ружья, ситецъ, платки, водка; за все это онъ переплачиваетъ вдвое и втрое. При самой расплатѣ, производящейся не деньгами, а мѣхами или работой, карагазъ опять остается въ накладѣ, потому что кредиторы наживаютъ на этой операціи столько, сколько захотятъ: за пудъ сѣна платятъ на пріискахъ должнику-карагазу только 40—50 к., тогда какъ независимому человѣку платится рубль. Этой системой кредита карагазъ опутывается, какъ тенетами, становится вѣчнымъ должникомъ купца: есть такіе, которые уже позадолжали на 200—300 рублей.

Очевидная безпомощность карагазовъ въ дѣлѣ ихъ торговыхъ сношеній съ купцами такъ велика, что мѣстная администрація уже не одинъ разъ обращалась къ высшей съ представленіями о необходимости взять въ руки правительства дѣло снабженія этого племени всѣмъ для него необходимымъ, а не только хлѣбомъ, порохомъ и свинцомъ, да и то въ недостаточномъ количествѣ. Конечно, эти палліативныя мѣропріятія не могли бы

спасти карагазовъ отъ руки времени; тѣмъ не менѣе, въ самое послѣднее время мѣстный исправникъ опять составилъ проектъ подобнаго рода опеки. Губернское начальство, не столь оптимистически настроенное по отношенію къ филантропической дѣятельности чиновъ полиціи, оставило проектъ безъ вниманія. Такимъ образомъ, карагазамъ не откуда ждать себѣ спасенія.

Ясакъ въ кабинетъ Его Величества вносится карагазами въ количествѣ 635 р. въ годъ, что составляетъ по 5 р. 83 к. съ наличнаго работника (охотника); уплата производится собольими шкурами, по особымъ расцѣнкамъ казенной палаты. Эти расцѣнки слишкомъ сильно колеблются: такъ, въ трехлѣтіе 1884 — 1887 гг. лучшій соболь принимался по цѣнѣ 19 руб. 50 к., а въ слѣдующее трехлѣтіе—по 8 р. 83 к., вслѣдствіе чего заготовленнаго карагазами количества соболей далеко не хватило на покрытіе оклада, и за ними осталось въ недоимкѣ 335 р. Во время суглана же продаются съ аукціоннаго торга соболя, поступающіе въ уплату долга за продукты, забранные изъ казны; покупщиками являются нѣсколько купцовъ, которые очень сдержанно перебиваютъ другъ у друга товаръ, вслѣдствіе чего и часть долговъ казнѣ остается изъ года въ годъ въ недоимкѣ (въ 1888 г. — 204 р). Но еще задолго до взноса ясака и аукціона на сугланъ пробираются разныя темныя личности—спиртоносы: они опаиваютъ карагазовъ дурманной водкой и скупаютъ массу лучшихъ шкурокъ; за стаканъ водки идетъ иногда шкурка, стоющая 2—3 р. Администрація хорошо знаетъ объ этомъ тайномъ промыслѣ, но мѣры, ею принимаемыя для огражденія легкомысленныхъ инородцевъ отъ соблазна, имѣютъ нѣсколько юмористическій характеръ... Вотъ образчикъ этихъ мѣропріятій:

„Предписывается вамъ, — пишетъ исправникъ шуленгѣ,—озаботиться безнедоимочнымъ сборомъ ясака и уплатить долгъ за порохъ, свинецъ и хлѣбъ; не допускать продажи лучшихъ соболей въ частныя руки; не допускать на сугланъ пріѣзжающихъ съ виномъ, съ цѣлью спаивать карагазовъ и пользоваться у нихъ покупкою по дешевымъ цѣнамъ пушнины. Для этого рекомендуется вамъ, во-первыхъ, избрать такое мѣсто для суглана, которое нельзя было бы объѣхать окольными путями, и, во-вторыхъ, на пути къ суглану въ удобныхъ мѣстахъ поставить надзоръ изъ благонадежныхъ карагазовъ, которымъ приказать обыскивать всѣхъ ѣдущихъ на сугланъ, и если у нихъ окажется вино, то таковое отобрать, а самихъ ихъ арестовать до моего пріѣзда...“

Это выходитъ очень трогательно: легкомысленнымъ людямъ строго предписывается самимъ ограждать себя отъ искушеній!.. На сугланъ посылаютъ также нѣсколько десятскихъ изъ ближайшей волости и бурятской Землицы; но, по отзывамъ самихъ карагазовъ, эти сторожа и являются обыкновенно самыми усердными пособниками спиртоносовъ. Дѣятельность этой мелкоты сильно подрываетъ аферы болѣе крупныхъ промышленниковъ, которые не успѣваютъ угоняться за ними. Въ злобѣ на этихъ конкурентовъ одна изъ крупныхъ щукъ пишетъ въ полицейское управленіе слѣдующее „заявленіе“:

„Пользуясь отсутствіемъ изъ города полицейскихъ властей, 7-го сего декабря уѣхали на сугланъ, безъ разрѣшенія, покупщики пушного товара: служащіе отъ енисейскихъ купцовъ и мѣщанъ и здѣшніе спиртоносы. А такъ какъ законъ воспрещаетъ до открытія суглана дѣлать скупъ пушного товара, то поэтому прошу полицейское управленіе отобрать виды у тѣхъ лицъ, кото-

рыя безъ разрѣшенія уѣхали на сугланъ, такъ какъ ясакъ государственный еще не собранъ, недоимки за свинецъ, порохъ и хлѣбъ не получены. А поэтому поѣздка вышеназванныхъ лицъ есть не что иное, какъ противозаконный поступокъ, который долженъ преслѣдоваться...“

Эта похвальная забота купца N. о государственныхъ интересахъ подлежитъ для меня сомнѣнію, и вотъ почему. Мы возвращались отъ карагазовъ, позванивая бубенцами и колокольцами, далеко слышными въ этой таежной тиши. Вдругъ нашъ коренникъ энергично заржалъ и, къ нашему удивленію, изъ чащи раздалось отвѣтное ржаніе.

— Спиртоносы хоронятся отъ насъ, — говоритъ ямщикъ, ухмыляясь; — услыхали, что ѣдемъ, и свернули въ сторону.

Проѣхали еще нѣсколько верстъ; ночь окончательно вступила въ свои права; мѣсяцъ еще не всходилъ.

— Кажись, ѣдутъ вершные! — говоритъ опять ямщикъ.

И вотъ у самыхъ саней появляется на бѣлесоватомъ фонѣ снѣжнаго покрова фигура мощнаго вороного коня. Его всадникъ, закутанный въ мѣха, кажется огромной статуей, высоко господствующей надъ нами. Конь нетерпѣливо крутитъ головой какъ-разъ надо мной, и меня мгновенно охватываетъ сложное чувство боязни какого-либо „происшествія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ злобы на неизвѣстнаго, повелительно приказывающаго ямщику остановиться.

— Стой!.. Что́ за люди?

Мы не приготовились къ этому неожиданному вопросу и молчимъ; только рука моя судорожно ищетъ висящій у пояса револьверъ...

— Что за люди?—повторяетъ всадникъ вопросъ. За нимъ обрисовывается силуэтъ другого, на сѣромъ конѣ, съ большими тороками за сѣдломъ.

— Чиновники изъ Иркутскова, ваша милость!—говоритъ ямщикъ, снимая шапку.

— Прочь съ дороги!...—кричу я, задыхаясь отъ внезапнаго прилива бѣшенства.

Наши кони рванулись, и фигуры двухъ всадниковъ исчезли въ ночной мглѣ.

— Это самъ купецъ N.,—говоритъ ямщикъ, нахлобучивая шапку.—На сугланъ тоже ѣдетъ: сзади-то, видѣли, приказчикъ торока везетъ? По боченку водки въ каждомъ!

Я не сталъ упрекать его въ малодушіи. N. и К•—сила, отъ которой ямщику пришлось бы плохо, если бъ онъ вздумалъ выказать по отношенію къ нимъ проблескъ самостоятельности. Но хотя все случившееся было въ порядкѣ вещей и примитивно просто, безсильная злоба на кого-то и на что-то еще долго душила меня. Злился ли я на свое безсиліе помочь чѣмъ-нибудь оставшимся тамъ, въ кожаныхъ юртахъ, легкомысленнымъ и темнымъ сынамъ тайги; самоувѣренное ли нахальство таежнаго дѣльца было слишкомъ возмутительно; подобострастіе ли ямщика больно рѣзнуло меня по сердцу, или все это, вмѣстѣ взятое, тяжелымъ камнемъ навалилось на меня,—не знаю...

Вернемся къ шуленгѣ въ юрту.

Мы напились чаю и улеглись спать. Странная это была ночь: ощущеніе было такое, какъ-будто насъ постигло несчастье въ пути, и мы укрылись въ тайгѣ, подъ развѣсистой пихтой, ждать благодатнаго разсвѣта; совсѣмъ не сознавалось, что мы „дома“, въ постоянномъ

жилищѣ людей, не знающихъ иного крова, кромѣ этого жалкаго шатра. Къ утру костеръ погасъ и стало очень холодно; я проснулся и старался согрѣться, плотнѣе закутываясь въ шубу. Проснулся и шуленга. Почувствовавъ холодъ обѣими сторонами своего тѣла, а не одной только, онъ, не поднимаясь, сильнымъ пинкомъ ноги разбудилъ одну изъ женщинъ; та вскочила, выбѣжала изъ юрты и вернулась съ охапкой дровъ. Костеръ опять затрещалъ. Дремота одолѣвала, но я закурилъ папиросу, чтобы разогнать сонъ и не терять немногихъ часовъ, которые были въ моемъ распоряженіи для наблюденія жизни карагазъ. Женщина сѣла, поджавъ ноги, и стала поправлять свой туалетъ: она что-то сдѣлала съ волосами, перемѣнила грязный головной платокъ на болѣе свѣжій; потомъ, разстегнувъ и спустивъ платье съ плечъ, стала усиленно чесать себѣ лопатки и бока... Это пріятное занятіе ея было прервано короткимъ возгласомъ шуленги, все еще лежавшаго врастяжку; женщина, какъ была полуголой, не давъ себѣ даже времени натянуть платье на плечи, кинулась къ своему владыкѣ, достала изъ-подъ сѣдла, служившаго ему изголовьемъ, трубку, набила табакомъ, закурила уголькомъ изъ костра и сунула ее, совсѣмъ готовую, мужу въ ротъ: тому оставалось только потягивать махорочный ѳиміамъ. Такъ начался день у нихъ, такъ онъ и продолжался: всѣ работы по „дому", отъ мельчайшей до самой тяжелой, исполняются женщинами: хозяинъ только командуетъ, если онъ дома. Онъ считаетъ своей только работу вдали отъ юрты,—охоту, добываніе золота, рубку лѣса.

Юрта была слишкомъ мала, чтобы собрать въ ней всѣхъ „юртохозяевъ" для бесѣды; поэтому Н. Г. съ частью народа ушелъ въ сосѣднюю юрту, а я остался

у шуленги и началъ распросы вперемежку съ переписью всѣхъ членовъ племени. Карагазы отвѣчали довольно охотно, но часто путали записи, не понимая вопросовъ или не умѣя дать отвѣта на русскомъ языкѣ, которымъ хоть сколько-нибудь владѣли далеко не всѣ; изъ женщинъ же почти ни одна не знаетъ ни слова порусски. Христіанами они, конечно, называются только по имени, но о своихъ дѣйствительныхъ вѣрованіяхъ ничего намъ не сказали. Одно хозяйство карагазское оказалось живущимъ въ русскомъ селеніи, гдѣ оно имѣетъ домъ, скотъ, запашку: глава его еще въ дѣтствѣ остался сиротой, попалъ въ работники въ село, женился тамъ и прочно осѣлъ. Но примѣръ его довольной жизни (у него 7 лошадей и 6 коровъ) не соблазняетъ соплеменниковъ. На мой вопросъ, не тяготятся ли они своей суровой и скучной жизнью, въ тайгѣ, не думаютъ ли осѣсть гдѣнибудь поближе къ культурнымъ районамъ, шуленга взволнованно отвѣтилъ, при одобрительныхъ возгласахъ и замѣчаніяхъ присутствовавшихъ:

— Пока мы живы—не будетъ этого, а наша смерть придетъ—пусть дѣти за себя думаютъ!

И онъ указалъ на нѣсколькихъ ребятишекъ, внимательно наблюдавшихъ происходившее. Обсуждать сравнительныя достоинства и недостатки земледѣльческаго и кочевого быта не приходилось, и я только записалъ дословно категорическій отвѣтъ представителя племени.

Во время переписи сдѣланъ былъ перерывъ по случаю угощенія, намъ предложеннаго. Закололи молодого олененка, и самъ шуленга—изъ почтенія къ намъ—занялся жареніемъ на спицахъ надъ огнемъ костра самыхъ вкусныхъ частей — языка, мозга и печени. Его несложная стряпня выходила очень удачной.

Опять уже наступала ночь, когда мы управились съ дѣлами; надо было ѣхать, чтобы къ утру поспѣть въ село, гдѣ предстояла подобная же работа. Но отъѣздомъ мы не торопились: вѣдь это были послѣднія минуты, которыя мы проводили въ обществѣ карагазовъ; вѣроятно, намъ никогда въ жизни не придется уже увидать ихъ вновь, ни послушать ихъ добродушнаго смѣха, такъ странно звучавшаго въ этой угрюмой и жалкой обстановкѣ, ни поговорить съ ними, прибѣгая къ потѣшной мимикѣ, для вразумительности, объ ихъ друзьяхъ—собакахъ, оленяхъ, соболяхъ, и объ ихъ врагахъ—волкахъ, медвѣдяхъ, купцахъ...

Но вотъ ямщикъ настойчиво зоветъ садиться: „лошади застоятся“,—говоритъ онъ. Надо ѣхать! Мы прощаемся съ шуленгой и съ другими, бывшими въ юртѣ. Тутъ происходитъ нѣчто, чуть было не отравившее намъ послѣднюю минуту пребыванія въ карагазской юртѣ: жена шуленги подноситъ мнѣ, низко кланяясь, шкурку соболя; хозяйская дочь держитъ наготовѣ другую для Н. Г.

— Бери! У насъ всегда такъ,— убѣждаетъ шуленга.

Но мы даемъ хозяйкѣ два рубля за угощеніе, рѣшительно отказываемся отъ подарковъ и идемъ садиться въ кошевку. Озябшія лошади лихо берутъ съ мѣста; стая собакъ съ лаемъ и воемъ прыгаетъ около ихъ мордъ. Намъ вслѣдъ раздаются громкіе и протяжные крики; потомъ—бацъ-бацъ!—нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ въ нашу честь. Я отвѣчаю имъ тремя выстрѣлами изъ револьвера. Отдаленные крики благодарятъ насъ за этотъ знакъ вниманія.

Прощайте, бѣдняки!..

## VII.

# ИЗЪ ЖИЗНИ СЕЛА КАТОЯ.

Основа благоденствія катойцевъ. — Усовершенствованная система торговыхъ операцій. — Первая проба силъ: кучка побѣдила, масса посрамлена. — Еврей Хаимъ Бухманъ играетъ въ крупную. — Засѣдатель Ксенофонтъ Акимычъ развлекаетъ гостя анекдотами. — „Всѣ по мѣстамъ!“ или засѣдательское „quos ego“!

Въ предѣлахъ Иркутской губерніи, въ обѣ стороны отъ сибирскаго, или, какъ его тамъ называютъ — отъ московскаго тракта, встрѣчаются мѣстами значительныя по размѣрамъ безлѣсныя пространства—„степи“ тожъ. Но это не тѣ роскошныя, манящія своей душистой зеленью, полныя лѣни и нѣги южно-русскія степи, которыя многократно воспѣты въ прозѣ и стихахъ, а степи другого характера, — сухія, угрюмыя, изрытыя ложами нынѣ почти безводныхъ ручьевъ, едва одѣтыя жалкой травяной растительностью, а мѣстами уже распаханныя площадями въ нѣсколько квадратныхъ верстъ.

Несомнѣнно, что когда-то и здѣсь была сплошная тайга, угрюмо дремавшая въ своей дѣвственной неприкосновенности; когда-то, подъ защитой плотнаго покрова опавшей хвои и поваленныхъ бурей гигантовъ-деревъ, или гдѣ-нибудь въ падяхъ, на сторонѣ, обращенной къ полуночи,—здѣсь сохранялись снѣгъ и ледъ до конца

іюня мѣсяца, исподоволь пропитывая суглинистую почву влагой и превращая ее мѣстами въ непроходимыя болота, изъ которыхъ брало начало многое множество рѣчекъ и ручьевъ, впадавшихъ въ притоки мощной красавицы Ангары, — въ извилистый Китой или въ быструю Бѣлую, или въ чуть ли не въ тысячеверстную Оку, или въ злую Ію, отъ времени до времени и теперь бушующую въ своихъ крутыхъ берегахъ. Но уже нѣсколько столѣтій отошло въ вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ перестала шумѣть въ этой мѣстности глухая тайга, какъ высохли непроходимыя болота и какъ одинъ за однимъ стали чахнуть быстроводные ручьи и рѣчки; исчезъ лѣсъ, явились степи.

Что̀ произошло здѣсь? Случайные ли неистовые лѣсные палы истребили вѣковѣчную тайгу, или же часть номадовъ-бурятъ, не ужившаяся въ Забайкальи и передвинувшаяся сюда на жительство, сознательно приготовляла огнемъ и желѣзомъ пастбищныя пространства для своихъ безчисленныхъ стадъ? Ни наука, ни преданія не даютъ точнаго отвѣта на эти вопросы; извѣстно только, что степныя пространства ангарскаго бассейна были уже заселены бурятами къ моменту прихода русскихъ казаковъ, т.-е. къ началу XVII вѣка, къ концу его здѣсь и тамъ въ дѣвственную почву восточно-сибирскихъ степей стала врѣзываться русская соха, а нынѣ бурятскія земли представляютъ собой уже лишь незначительные островки среди моря русскихъ крестьянскихъ владѣній и государственныхъ пустопорожнихъ земель, никѣмъ не занятыхъ.

Въ моментъ, къ которому относится нашъ разсказъ, стоитъ прекрасная погода, такъ называемое „бабье лѣто“.

Уже октябрь на дворѣ, а осени еще и не бывало, — только по утрамъ даютъ себѣ чувствовать легкіе заморозки, одѣвающіе стебельки травъ и неопавшіе еще листья низенькихъ кустарниковъ въ серебристые уборы. Дождей уже пять недѣль не видѣли, такъ что озими растутъ туго, особенно въ этихъ степяхъ, изсушенныхъ за лѣто солнцемъ и вѣтрами. Однако, это обстоятельство не страшитъ земледѣльца: онъ знаетъ по многолѣтнему опыту, что озими поправятся въ свое время, лишь бы будущая весна не была засушливой; за то онъ не нарадуется уборкѣ хлѣбовъ, которая выдалась на рѣдкость, такъ что снопы и сушить не надо, — знай молоти, да ссыпай крупное, тяжелое зерно въ мѣшки и смѣло вези на базаръ, потому что и сыромолотную рожь почти не отличишь отъ овинной. И вотъ почему на базарѣ въ с. Катоѣ особенно людно и оживленно, а двѣнадцать кабачныхъ сидѣльцевъ катойскихъ не нахвалятся торговлей.

Катой—чисто русское селеніе, расположенное среди безбрежнаго степного пространства, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ московскаго тракта; замкнутымъ кольцомъ кругомъ Катоя на десятки верстъ тянутся бурятскія владѣнія. Когда и какимъ путемъ затесалось русское селеніе сюда, въ самый центръ бурятскихъ улусовъ,—никто, ни люди, ни документы, писанные стариннымъ, кудреватымъ почеркомъ на толстой синей бумагѣ, объяснить не могутъ; однако, фактъ налицо: триста домовъ катойскихъ, съ двумя церквами, — одной новой, каменной, другой старой деревянной, уже покосившейся,—съ двѣнадцатью питейными заведеніями „распивочно и на выносъ“ и пятью оптовыми складами вина, да съ тремя десятками разныхъ лавокъ и лавочекъ, въ которыхъ

можно найти все нужное крестьянину или буряту,—отъ самыхъ дрянныхъ стеклянныхъ бусъ до шелковыхъ и атласныхъ матерій включительно, — эти триста домовъ, вытянутые въ довольно правильныя линіи, составляютъ рѣзкій контрастъ съ окружающими ихъ на нѣкоторомъ разстояніи, за предѣлами крестьянской дачи, бурятскими улусами, состоящими изъ безпорядочно разбросанныхъ избъ, юртъ и нежилыхъ построекъ, безъ правильно обозначенной улицы, безъ огородовъ и бань, безъ лавокъ, кабаковъ и церквей, словомъ—безъ всего того, что составляетъ столь характерную особенность русскихъ поселеній. Такое счастливое расположеніе с. Катоя среди бурятскихъ улусовъ создало ему значеніе крупнаго торговаго центра: сюда ѣздятъ тысячи бурятъ продавать хлѣбъ и покупать вино да разные товары и предметы для домашняго обихода,—ибо среди самихъ инородцевъ почти нѣтъ ни скупщиковъ хлѣба, ни торговцевъ, ни тѣмъ болѣе—кабачиковъ.

Итакъ, Катой—крупный торговый центръ, что видно уже изъ цифръ, опредѣляющихъ количество существующихъ въ немъ кабаковъ, складовъ и лавокъ; но самый важный нервъ его торговаго значенія составляетъ скупка хлѣба агентами нѣсколькихъ винокуренныхъ заводовъ, приткнувшихся въ разныхъ пунктахъ кругомъ бурятскихъ владѣній. Десятки тысячъ пудовъ зерна ежегодно скупаются каждымъ изъ этихъ агентовъ и пересылаются на заводы; десятки тысячъ рублей пускаются ими въ обращеніе осенью, такъ что не малаго труда стоитъ кабачникамъ выудить всѣ эти рубли обратно изъ крестьянскихъ и бурятскихъ кармановъ въ заводскія кассы. Вотъ эта ссыпка хлѣба и составляетъ главную торговую

операцію с. Катоя, привлекая къ нему массу бурятъ, которые уже около ста лѣтъ назадъ принялись за земледѣліе и къ нашему времени успѣли вздрать сохами значительную часть своихъ дѣвственныхъ степей.

Сегодня пятница—базарный день въ с. Катоѣ; поэтому Иннокентій Иванычъ, скупщикъ отъ быстрорѣченскаго винокуреннаго завода, всталъ чуть-свѣтъ, въ пятомъ часу утра, и уже сидитъ за чаемъ, торопливо допивая второй стаканъ и изрѣдка перекидываясь отрывочными словами съ тутъ же сидящимъ приказчикомъ своимъ, черкесомъ-поселенцемъ, Оглы-Ахметомъ, или „по-катойскому"—Вакулъ Ахметычемъ. И хозяинъ, и приказчикъ поспали сегодня только часа два, потому что ночью нѣсколько разъ принимались за дѣло: ссыпали хлѣбъ у катойскихъ крестьянъ, привезшихъ для продажи по мѣшку и по два контрабандой, подъ покровомъ ночной темноты. Начальство нынѣ издало строжайшее циркулярное предписаніе волостнымъ и сельскимъ властямъ: не допускать продажи хлѣба крестьянами до засыпки ими всей недоимки въ хлѣбный магазинъ; а недоимки этой числится за нѣкоторыми по 20 и по 30 четвертей, такъ что всего урожая ихъ не можетъ хватить для полной расплаты „съ казной". И вотъ по ночамъ, когда вновь назначенный и поэтому еще не уходившійся староста, измучившись за день съ недоимщиками, заснетъ крѣпкимъ сномъ и станетъ неспособнымъ исполнять приказанія „хватать" и „не пущать",—по соннымъ улицамъ с. Катоя осторожно, безъ обычныхъ крика и брани возчика, ѣдетъ телѣга по направленію къ дому кого-либо изъ скупщиковъ. Здѣсь очевидно уже поджидаютъ „контрабанду": быстро распахиваются и еще быстрѣе захло-

пываются за въѣхавшей на дворъ телѣгой надежныя ворота, и происходитъ разговоръ, при свѣтѣ слабо мигающаго въ фонарѣ сальнаго огарка.

— Ты, что ль, Кузьма?

— Я самый, Вакулъ Ахметычъ! Чистые грѣхи, скажу тебѣ: покуда доѣхалъ, сколько этого страху набрался!.. Братанникъ-то мой нонѣ въ ночныхъ ходитъ,—и запримѣть онъ меня, да и крикъ подымать зачалъ, коня дѐржитъ подъ уздцы... Звѣрь вѣдь онъ для меня, чай знашь?.. Однако, обѣщалъ ему серебрушку *) дать, какъ назадъ поѣду; ну, отпустилъ...

— Много ли привезъ-то?

— Два мѣшка,—мало-мало развѣ пудовокъ девяти невытянутъ. Почемъ положишь то?

— Забылъ, что ль? Объявлялъ тебѣ вечоръ: девяносто пять...

— Что ты, что ты, братецъ ты мой?.. Ты объявлялъ рупь съ пятачкомъ; и то на пяточокъ менѣе противу базарной цѣны!

— Разговаривать тутъ съ тобой!.. Не ладно, такъ ѣзжай назадъ.

Приказчикъ быстро уходитъ, унося съ собой и фонарь; мужикъ остается въ темную октябрьскую ночь посреди чужого двора. Ругаясь и кляня „нехриста-собаку", котораго, впрочемъ, онъ только-что называлъ братцемъ, контрабандистъ кое-какъ добирается до воротъ и пытается ихъ распахнуть; но—увы!—они оказываются на запорѣ, и надежный замокъ, этакъ фунтовъ въ десять вѣсомъ, самоувѣренно виситъ передъ самымъ носомъ попавшаго въ мышеловку простака. Что тутъ будешь

*) Серебряная монета.

дѣлать?.. Кричать, „скандалъ подымать“—нельзя: самъ въ кашу попадешь, и хлѣбъ отберутъ въ „гамазею“; а уйти безъ спросу съ чужого двора—видно, не уйдешь; надо, значитъ, этого нехриста искать.

Но только-что мужикъ завертываетъ за уголъ дома, куда скрылся приказчикъ съ фонаремъ, какъ большая цѣпная собака, гремя цѣпью и стараясь ухватить ночного шатуна за ноги, поднимаетъ неистовый лай. Мужикъ пятится и выпускаетъ цѣлый залпъ ругательствъ, что̀ дѣлу, однако, не помогаетъ: ни на лай собаки, ни на ругань мужика ни одна живая душа въ домѣ не откликается, какъ-будто это двухъэтажное зданіе вовсе необитаемо. Проходитъ четверть часа, проходитъ и полчаса въ этомъ мучительномъ для контрабандиста положеніи; наконецъ, послѣ одного изъ особенно ожесточенныхъ взрывовъ лая собаки, окошечко на галлереѣ во второмъ этажѣ отворяется, и голосъ приказчика спрашиваетъ:

— Кто тамъ ночью по двору шляется, эй?..

— Чортъ, дьяволъ этакой! — неистово ругается мужикъ.—Ты что жъ ворота на запорѣ держишь?.. Отворяй, татарская твоя образина!

— Ты еще и ругаешься! Баринъ какой выискался! А самъ зачѣмъ по чужимъ дворамъ ночью расхаживаешь? Стянуть что-нибудь захотѣлось? Мнѣ, паря, за все просто и работниковъ крикнуть, да и представить тебя, куда слѣдъ!...

— Отвори ворота, будетъ тебѣ меня держать-то, идолъ ты этакій, пра—идолъ!

— Подождешь, не великъ начальникъ! У меня и ключа нѣтъ: совсѣмъ изъ ума вонъ, что ты со двора еще не съѣзжалъ;—ключъ-то Иннокентію Иванычу и отдалъ, а онъ почивать легъ. Что жъ, будить мнѣ его изъ-за тебя, что ли?

Мужикъ продолжаетъ протестовать, но уже упавшимъ голосомъ:

— Ну, и побуди! Мнѣ до утра здѣсь стоять, что ли? А на сборню тащить—тащи, что жъ: тамо-ка и вашего брата за такія дѣла не похвалятъ.

— Ладно, поговори еще! Ты лучше отдавай хлѣбъ-отъ, тогда можно будетъ и хозяина потревожить.

Дѣло кончается, какъ и слѣдовало ожидать, тѣмъ, что истомленный и чувствующій себя въ западнѣ мужикъ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ, соглашается въ концѣ концовъ уступить хлѣбъ по 95 к. за пудъ, т.-е. взять чистаго убытка по 15 коп. на пудъ противъ базарной, „дневной“ цѣны. Но это только первая половина его мытарствъ. При слабомъ свѣтѣ фонаря Вакулъ Ахметычъ что-то очень быстро орудуетъ гирями на вѣсахъ, тутъ же устроенныхъ на дворѣ, и хлѣба оказывается только 8 пуд. 10 ф., вмѣсто почти полныхъ 9 пудовъ, какъ ожидалъ мужикъ. Новая ругань съ обѣихъ сторонъ, на этотъ разъ, однако, уже не столь энергичная со стороны упавшаго духомъ продавца.

— Ну, дьяволъ съ тобой, варнакъ этакій!—говоритъ онъ и получаетъ деньги 7 р. 85 к., при чемъ ему мимоходомъ ставится на видъ, что ему, для круглости счета, накидываютъ копейку. Ворота отворяются, и пустая телѣга, предательски стуча колесами по деревянной настилкѣ, выѣзжаетъ со двора; а на улицѣ поджидаетъ уже Кузьму братанникъ и получаетъ условленную мзду, послѣ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ перекоровъ и ругательствъ...

Итакъ, Иннокентій Иванычъ спѣшитъ на базаръ: сегодня надо ожидать большого съѣзда бурятъ съ хлѣбомъ. Днемъ ведется съ бурятами нѣсколько другая политика,

чѣмъ та, которая практикуется по отношенію къ контрабандистамъ ночью. Буряты круглый годъ забираютъ подъ хлѣбъ деньги и разный товаръ изъ лавокъ скупщиковъ (у каждаго изъ нихъ обязательно имѣется лавка, а у нѣкоторыхъ и кабакъ) „на осеннюю цѣну", какая будетъ стоять на базарѣ въ день привоза хлѣба. При этомъ буряты стараются кредитоваться не у одного ссыпщика, а сразу у нѣсколькихъ, изъ понятныхъ личныхъ цѣлей, такъ что осенью, въ періодъ расплаты, скупщики-кредиторы наперебой другъ передъ другомъ стараются заманить къ себѣ общаго ихъ должника, чтобы, во-первыхъ, поскорѣе списать долги, а во-вторыхъ—накупить хлѣба самой ранней осенью, когда онъ стоитъ въ самой низкой цѣнѣ. Слѣдовательно, торговаться съ бурятомъ изъ-за пятачка невыгодно,—того и гляди подойдетъ другой скупщикъ-кредиторъ и перехватитъ пріѣхавшаго для расплаты должника изъ-подъ самаго носа; все дѣло, значитъ, въ томъ, чтобы заманить его къ себѣ на дворъ.

— А, Садыбъ Ергаковъ, никакъ ты, милый человѣкъ? Менду, тàма менду! Хлѣбца привезъ? Чудесно! Завертывай, завертывай ко мнѣ... У меня тамъ для тебя мангут-архи *) мало-мало припасено, хе, хе!.. Любишь?.. Ну, заворачивай скорѣй! — хлопочетъ скупщикъ около въѣзжающаго на базарную площадь на двухъ арбахъ плюгаваго, низкорослаго бурята. Тотъ нерѣшительно и недовѣрчиво оглядывается по сторонамъ.

— А цанà... скольки?—спрашиваетъ онъ, слѣзая съ упряжного коня, на которомъ ѣхалъ верхомъ, пропустивъ ноги между оглобель.

*) Въ переводѣ—„русская водка".

— Цѣна?.. Хорошую цѣну дамъ, настоящую цѣну; какая у людей, такая и у меня: по рублю получай.

Въ это время, завидѣвъ должника-бурята, подбѣгаетъ и Иннокентій Иванычъ.

— А, пріятель! Ты что жъ это не прямо ко мнѣ заворачиваешь? А я заждался тебя, — куда, думаю, Садыбушка дѣвался?.. Рубль съ пятачкомъ даю!

— А ты слушай его больше, слушай, — онъ те нагрѣетъ еще, дай срокъ!.. Трогай, трогай коней-то,—, ужъ и я тебѣ, для стараго знакомства, по пятачку накину!—перебиваетъ первый скупщикъ.

— Садыбъ, иль ты меня мало знаешь? иль я тебѣ всякаго уваженія не дѣлалъ лонись *), когда хлѣбъ принималъ? Ѣдемъ, другъ, ко мнѣ: еще три копеечки накину! А вы что это, Павелъ Петровичъ, разбоемъ дѣйствуете? Зачѣмъ коня безъ хозяйскаго приказа трогать-съ?... Вѣдь это разбой, однако!

— На себя бы оглянулись, Иннокентій Иванычъ, про разбой-то упоминаючи, да-съ! Наслышамши и мы, какъ ночесь вы Кузьму Черемныхъ облупцовали. Перестанетъ когда-нибудь фартить **) и вамъ, дайте срокъ!

Между скупщиками начинается злобная перебранка, хотя ведется она въ довольно изящной формѣ, безъ вульгарныхъ ругательствъ: оба они считаютъ себя „на купеческомъ положеніи", оба себѣ выстроили по двухъэтажному дому, стараясь перещеголять одинъ другого количествомъ и вычурностью рѣзьбы на ставняхъ, наличникахъ оконныхъ и на баллюстрадѣ, числомъ бал-

*) Въ прошломъ году.

**) Фартить — удаваться, фартъ — удача, счастье (искаженное — фортуна).

кончиковъ и проч., оба играютъ въ винтъ,—но никогда въ одной партіи,—оба умѣютъ пить шампанское, хотя закусываютъ его икрой и балыкомъ,—и въ виду всего этого считаютъ для себя неприличнымъ ругаться на „варнацкій“ манеръ, хотя у обоихъ языкъ такъ и чешется вымолвить крупное словечко. Тѣмъ временемъ, бурятъ запримѣтилъ на другомъ концѣ базарной площади своихъ сородичей, Чашку Елбаева и Ваньку Итыгенова, уже продавшихъ свой хлѣбъ Павлу Петровичу; хотя языкъ у Чашки и Ваньки плохо дѣйствуетъ отъ нѣсколькихъ стаканчиковъ выпитой натощакъ мангут-архи, но они оказываются еще въ состояніи сообщить Садыбу кучу новостей, а именно: что Павелъ Петровъ принимаетъ хлѣбъ худо, но заплатилъ по 1 р. 15 к. за пудъ, что мангут-архи у него—ухъ, какъ хороша, что онъ, Елбаевъ, ѣдетъ сейчасъ покупать три ведра—нѣтъ, больше, пять ведеръ, десять ведеръ — вина на свадьбу своей дочери Охонъ, и еще многое-многое другое было бы разсказано Садыбу, если бы не помѣшалъ Павелъ Петровъ. Онъ замѣтилъ, что Садыбъ разговариваетъ съ бурятами, которыхъ онъ только что обвѣсилъ на три съ половиной пуда, и кинулся къ этой группѣ, чтобы оправдаться передъ Садыбомъ въ клеветѣ, которую—онъ это знаетъ твердо—Чашка и Ванька теперь на него возводятъ. Съ его приходомъ въ группѣ этой, увеличившейся еще нѣсколькими посторонними любопытными, начинается крикъ и брань. Павелъ Петровичъ уже стращаетъ Садыба жалобой тайшѣ за неплатежъ долга, а тайша—это всякому извѣстно—другъ и пріятель Павлу Петровичу и водитъ съ нимъ хлѣбъ-соль; также извѣстно, что тайша провинившимся простымъ „братскимъ“ спуска давать не любитъ, такъ-что еще недавно при-

шлось одного изъ наказанныхъ тайшею обкладывать сырымъ мясомъ, чтобы бѣдняга преждевременно не отправился охотиться въ безпредѣльныя степи и лѣса, гдѣ вволю забавляются и молодечествуютъ его доблестные предки... И поэтому Садыбъ находится въ нерѣшительности: онъ боится и Павла Петровича и Иннокентія Ивановича; онъ знаетъ по опыту прошлыхъ лѣтъ, что и тотъ, и другой готовятся пощипать его изрядно, а такъ какъ онъ обоимъ долженъ по лавочнымъ заборамъ за чай, соль, дабу *) и вино, то ему не миновать когда-нибудь расплачиваться и съ тѣмъ, и съ другимъ; но кому изъ нихъ *теперь* нужнѣе хлѣбъ и кто поэтому добрѣе,—вотъ вопросъ!.. Наконецъ, Садыбъ, тормошимый Павломъ Петровичемъ и оглушаемый его крикомъ, рѣшается одинъ возъ свалить одному, а другой—другому кредитору, и идетъ съ этимъ намѣреніемъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ коней; но вотъ еще бѣда: куда же кони дѣвались и гдѣ Иннокентій Иванычъ?!

— Ахъ, подлецъ онъ этакій! — возмущается своей оплошностью мгновенно все появившій Павелъ Петровичъ.—А еще купецъ прозывается: крадучись воза уводить съ базара!

Понукаемый имъ буратъ бѣжитъ къ дому Иннокентія Иваныча и поспѣваетъ какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда уже стали затворяться ворота за его, въѣхавшими на дворъ, двумя арбами. Садыбъ вбѣгаетъ въ мышеловку,—и ворота за нимъ захлопываются столь же аккуратно, какъ и ночью за контрабандистомъ Кузьмою. Буратъ слабо протестуетъ; человѣкъ, къ которому онъ попадаетъ подъ опеку, хочетъ его угостить мало-мало съ

*) Даба — бумажная матерія.

дорожки; бурятъ чувствуетъ, что пить не слѣдуетъ, но искушеніе слишкомъ велико... Потомъ начинается разговоръ о цѣнѣ: бурятъ требуетъ по 1 р. 15 коп., т.-е. столько, сколько получили Чашка и Ванька; Оглы даетъ 1 р. 10 к., т.-е. настоящую базарную цѣну: сходятся на 1 р. 13 к., иначе сказать,—Оглы покупаетъ хлѣбъ въ прямой убытокъ хозяину. Но убытокъ этотъ съ лихвой окупается, когда дѣло доходитъ до взвѣшиванія хлѣба, потому что въ каждомъ пудѣ бурятъ не досчитываетъ 5—6 фунтовъ и, въ общемъ, теряетъ на шести мѣшкахъ свыше трехъ пудовъ. Начинается крикъ и ругань,—рѣдкая-рѣдкая ссыпка хлѣба обходится безъ этихъ осложненій,—но дѣло для бурята уже непоправимо, такъ какъ мѣшки опоражниваются въ общій закромъ по мѣрѣ ихъ взвѣшиванія. Буряту суютъ насильно деньги въ руки и, если онъ не унимается и требуетъ болѣе правильнаго расчета, не церемонятся вытолкать его со двора и „взашей", что̀ быстро и виртуозно исполняется привыкшими къ такимъ финаламъ, вымуштрованными работниками Иннокентія Иваныча, здоровыми и рослыми, какъ на подборъ, ребятами.

Такой способъ скупки хлѣба практикуется въ с. Катоѣ издавна, съ тѣхъ поръ, какъ частные винокуренные заводы пооткрывались въ сосѣдствѣ, а этому уже лѣтъ двадцать будетъ. Кое-кто изъ катойскихъ крестьянъ поговаривали завести на базарной площади общественные вѣсы, подобно тому, какъ это въ нѣкоторыхъ другихъ торговыхъ селахъ этой округи заведено, да что-то не ладилось дѣло: то приговора нельзя составить,—сходъ не полный, говоритъ сельскій писарь; то—и приговоръ составятъ и даже въ волость пошлютъ,—а онъ какъ въ воду канетъ, и никакого отъ него „послѣдствія" не по-

лучается. Такъ и шелъ годъ за годомъ, до тѣхъ поръ, пока въ 1886 году не было введено въ этой части Восточной Сибири въ дѣйствіе Общее Положеніе о крестьянахъ 1861 года, причемъ старые волостные порядки, съ головой -заправилой волости, всесильнымъ писаремъ „на коронной службѣ“, съ сельской управой и прочими дореформенными прелестями — не стали достояніемъ исторіи. Сходъ пріобрѣлъ бо̀льшую самостоятельность въ мірскихъ дѣлахъ; писаря въ значительной мѣрѣ лишились своего незыблемаго авторитета; старшины и прочія выборныя лица стали болѣе отвѣтственными и подъотчетными по отношенію къ своимъ выборщикамъ, — кое-кто изъ этой аристократіи попалъ даже на скамью подсудимыхъ... Въ этой глухой сторонкѣ какъ-будто дунуло съ полудня теплымъ вѣтромъ, и мірское дѣло чуть-чуть ожило. Вотъ тогда-то и въ с. Катоѣ вновь зашли разговоры объ устройствѣ базара съ общественными вѣсами, да кстати и о кабакахъ разговорились, благо подошелъ декабрь мѣсяцъ и надо было выдавать новые приговоры. Однако, первая „проба силы“ общества по поводу кабацкаго вопроса не удалась: у кабачиковъ оказалось больше стойкости, силы и мудрости, нежели у общества, и они побѣдили. Дѣло это было такъ.

Въ другихъ русскихъ селеніяхъ этой мѣстности кабаки сдаются обществами слѣдующимъ порядкомъ. Примѣрно въ декабрѣ мѣсяцѣ заявляется къ старостѣ кандидатъ въ кабачики, уже торгующій здѣсь въ текущемъ году, или новенькій—со стороны, и проситъ дать общественный приговоръ на право открытія питейнаго заведенія. Если это *свой* человѣкъ, уже торгующій въ селѣ, то дѣло обходится безъ особенныхъ формальностей: онъ сговаривается съ старостой и нѣсколькими „стариками“ въ

цѣнѣ за приговоръ, и деньги передаются открыто, не таясь, изъ рукъ въ руки, и записываются на приходъ подъ названіемъ „поземельныхъ денегъ съ мѣщанина С.“, или „пожертвованныхъ купцомъ В. на улучшеніе пожарной части въ селѣ“, и т. п. Но вотъ заявляется, положимъ, новый кандидатъ, который еще „неизвѣстно, что за человѣкъ, можетъ съ подвохомъ какимъ“, и съ которымъ поэтому не мѣшаетъ вести дѣло политично.

— Такъ и такъ, заведеньице имѣю желаніе открыть.

— Что-жъ, очень приятно познакомиться! И вамъ польза, и намъ не во вредъ... Вотъ завтра обчество соберемъ, поговоримъ. На фатерѣ-то стоите у Ивана Терентьевича? Такъ вы ужъ не безпокойтесь сюда ходить, къ вамъ старики будутъ,—объявляютъ ему обчественное рѣшеніе.

Сидитъ кандидатъ за шумящимъ самоваромъ, съ прикусками и закусками и съ полуштофомъ очищенной, дожидаясь депутатовъ. Являются трое, — все степенные хозяева.

— „Наше почтенье!“—„Наше-съ вамъ!.. Пожалуйте, гости будете! Чайку вотъ съ дорожки?“—„Не далека дорожка-то, десятка два домовъ пройти, хе-хе!..“—„Однако, все-жъ потрудились... Откушайте“.—„Ну, дай Богъ!..“—„На здоровье! Знакомы будемъ“, — и т. д. идетъ предварительный обмѣнъ вѣжливостей. Наконецъ, касаются и самаго дѣла.

— Обчество то у насъ оченно ужъ супротивное, никакъ съ нимъ не сообразишься: утружденія, говорятъ, съ этими самыми питейными много... Такъ вотъ, полагаютъ, что и съ вашей то-ись стороны имъ благодарность будетъ за безпокойство, значитъ.

— Чтожъ, я отъ этого не прочь. Мы ужъ дивно го-

довъ торгуемъ, такъ всѣ эти порядки намъ извѣстны... Сотельный билетъ съ нашимъ удовольствіемъ пожертвовать можемъ.

— Сотельный?.. Нѣтъ, паря, такъ-то не ладно будя!.. Это и обчество на сходку не соберешь, — не стоитъ и собираться изъ-за такой малости, только время зря проводить!

Опытный въ кабацкихъ дѣлахъ кандидатъ по одному этому отвѣту заключаетъ, что и „епутаты" народъ бывалый. Они, дѣйствительно, уже научены горькимъ опытомъ, какъ опасно *просто* отказать кому-нибудь въ выдачѣ приговора: забракованный кандидатъ пойдетъ еще неравно жаловаться въ волость, сунетъ что-нибудь писарю и старшинѣ, и заварится каша: пойдутъ дознанія, да запросы, да вызовы въ волость, какъ и что, да на какихъ основаніяхъ отказано, — словомъ, хлопотъ не оберешься; поэтому, въ случаѣ несговорчивости кандидата, гораздо спокойнѣе отдѣлываться объясненіемъ, что „схода не соберешь", т.-е. что нѣтъ налицо достаточнаго числа домохозяевъ для составленія законнаго приговора. „Отказывать — не отказываемъ, да вотъ — неуправка все наша: кто за дровами поѣхалъ, кто въ дорогу ушедши (въ извозъ), кто—куды; схода и не соберешь никакъ..."

Бывалый кандидатъ начинаетъ, поэтому, правильный торгъ: „епутаты" говорятъ, что за два съ половиной „сотельныхъ" билета сходъ, пожалуй, соберется, а кандидатъ божится, что не изъ чего денегъ такихъ давать, что торговлишка въ здѣшнемъ селѣ не ахти-какая, что патенты теперь страсть дороги стали, и прочее въ томъ же родѣ; послѣдняя цѣна, которую онъ даетъ, полтораста рублей. Съ этимъ отвѣтомъ депутаты уходятъ къ

„старичкамъ“, сидящимъ въ сборной избѣ. Это не сходъ, а собраніе самыхъ важныхъ, имѣющихъ вѣсъ въ обществѣ хозяевъ, — „побогаче которые, да порѣчистѣе, да къ дѣламъ обчественнымъ поприверженнѣе, которымъ есть на кого домъ оставить“. Всему сходу здѣсь — по убѣжденію самихъ крестьянъ—и дѣлать нечего: эти 15—20 „старичковъ“ подготовятъ все дѣло и когда окончательно сойдутся въ цѣнѣ, т.-е. когда вернувшіеся къ кандидату депутаты рѣшительно объявятъ ему, что безъ двухъ сотенныхъ билетовъ сходъ никоимъ образомъ не соберется, и кандидатъ согласится на эту цѣну, ударивъ по рукамъ,— тогда только объявятъ черезъ десятскаго, чтобы общество собиралось „вино пить съ новаго кабачика“. Вѣсть эта быстро разойдется по селу, и какой-нибудь Кирюха, узнавъ, что идутъ пить мірское вино, выбѣгаетъ на улицу, на ходу подпоясываясь кушакомъ.

— Али вино пить звали? — весело спрашиваетъ онъ спѣшащаго по тому же направленію сосѣда.

— Звали. Съ новымъ кабачикомъ сладили, — слышь, въ Привольномъ который торговалъ.

— Ловко!.. Арефьичъ нашъ теперь, должно, пальцы себѣ кусать, язви его въ душу, собачьяго сына! Онадысь, говорятъ, подхваляться сталъ: вѣкъ, гритъ, у васъ сидѣть буду, да вотъ сусломъ такимъ поить!

— Покусатъ!.. Слыхать, за два сотельныхъ договорились, да четыре ведра.

— Слыхалъ и я, быдто такъ-то...

Все дѣло этихъ членовъ общества—явиться къ кабаку, выпить своихъ три-четыре шкалика вина, спьяну съ кѣмъ-нибудь поругаться или даже подраться, а затѣмъ идти домой, пошатываясь и выкрикивая какую-нибудь

несуразную пѣсню, или, ругаясь, грозить „ужо" расправиться съ своими недругами; все же остальное сдѣлаютъ безъ нихъ: приговоръ напишетъ писарь, печать къ нему приложитъ староста, деньги получитъ онъ же или сборщикъ податей, а единственный грамотей изъ домохозяевъ, состоящихъ въ числѣ „стариковъ", отставной солдатъ Ерофеевъ, распишется за 98 неграмотныхъ своихъ односельцевъ, въ число коихъ, по недосмотру писаря, попадутъ—можетъ-быть—и такіе, которые ушли „въ Томское подъ воза". Но они на это претендовать не будутъ, потому что это—въ порядкѣ вещей...

Въ Катоѣ дѣло съ кабаками стояло иначе. Ихъ тамъ двѣнадцать, да пять оптовыхъ складовъ вина, принадлежащихъ пяти хозяевамъ,—они же хозяева и кабаковъ. Сидѣльцы въ питейныхъ заведеніяхъ—наемные, а сами хозяева—крупные скупщики хлѣба и торговцы, представляющіе собой силу въ селѣ. Кровные враги, когда дѣло идетъ о скупкѣ хлѣба, они вполнѣ солидарны въ въ дѣлахъ по винной части; они понимаютъ, что въ этомъ дѣлѣ стачка значитъ успѣхъ, а конкуренція—гибель; поэтому передъ каждой новой винной кампаніей они сходятся, опредѣляютъ число и мѣстонахожденіе кабаковъ въ селѣ, условливаются относительно цѣнъ ведерной и розничной, а также и о цѣнѣ за общественные приговоры. Никакой новичекъ не сунется въ Катой съ своимъ заведеніемъ: во-первыхъ, и сходъ не состоится, и приговора онъ не получитъ, ибо существуетъ словесный, конечно, уговоръ между обществомъ и виноторговцами—не допускать открытія новыхъ питейныхъ заведеній въ селѣ (хотя, по закону, разъ въ селеніи уже имѣется кабакъ, то общество не въ правѣ отказать кому-нибудь въ открытіи новаго: это—для предотвращенія

монополіи въ винномъ дѣлѣ); а во-вторыхъ — если бы при помощи начальства упорному новичку и удалось выхлопотать себѣ приговоръ, то его разорятъ стачечники: не станутъ ему отпускать изъ своихъ складовъ вина, да и на заводахъ, агентами коихъ они состоятъ, ему будутъ дѣлаться разныя проволочки и прижимки: понизятъ временно цѣны на вино, будутъ выпаивать даровые стаканчики питухамъ и покупателямъ, упрочивая за своими заведеніями ихъ благоволеніе, напустятъ акцизнаго на новичка и т. д., пока не выживутъ его изъ села. Поэтому-то вотъ который уже годъ пять тузовъ катойскихъ сами объявляютъ обществу безобидную, по ихъ мнѣнію, цѣну за приговоры: тысячу двѣсти рублей за всѣ двѣнадцать кабаковъ (сельскому писарю двадцать пять, старостѣ пятьдесятъ рублей, да волостному писарю и старшинѣ по соотвѣтственному кушу—особо, не считая двадцати ведеръ обществу „на пропой" и многихъ полуштофовъ отдѣльнымъ вліятельнымъ „старичкамъ").

Однако, въ минувшемъ году, при сдачѣ кабаковъ, общество запротестовало противъ этой цѣны; впрочемъ, подбивалъ къ смутѣ, главнымъ образомъ, новый староста, который хотѣлъ и обществу „послужить", и общественныхъ денегъ поболѣе въ рукахъ имѣть („за труды все что-нибудь останется"), да и отъ тузовъ заполучить поболѣе пяти традиціонныхъ красненькихъ: мужикъ попался въ старосты умственный, изо всего готовый извлечь пользу. Объявили тузамъ новую цѣну: двѣ тысячи двѣсти рублей. Цѣна эта показалась торговцамъ обидной, а главное—не хотѣлось имъ уступкой создать обществу прецедентъ въ этомъ дѣлѣ: „сегодня они двѣ

тысячи двѣсти требуютъ, а на прокъ *) и три, и пять тыщъ запросятъ; этому и конца не будетъ,—только повадку дай!..“ Весь декабрь прошелъ въ переговорахъ; много стаканчиковъ пропоили тузы „старичкамъ“, порядкомъ обѣщали главнѣйшимъ воротиламъ и крикунамъ трешницъ и пятитокъ, но дѣло не подвигалось впередъ: въ отдѣльности многіе изъ „старичковъ“ соглашались на прежнюю цѣну и обѣщали „по силѣ возможности поспособствовать“, но, какъ сойдутся вмѣстѣ, такъ и стоятъ на двухъ тысячахъ двухстахъ.

Глухое, но злобное упорство овладѣло обѣими сторонами; у общества, къ тому же, прорвалось годами накапливавшееся раздраженіе противъ пришлыхъ воротилъ, нагулявшихъ себѣ такую силу. „Давно ли Иннокентій-то Ивановъ къ намъ пришелъ, сидѣльцемъ въ кабакѣ былъ? Такъ, мѣщанинишко захудалый, и капиталу-то всего сто рублей объявилъ; а теперь — поди-ко, поговори съ нимъ, въ палатахъ-то его!..“ Обидно еще было обществу, что всѣ торговые обороты, которые производились скупщиками и давали имъ тысячные барыши, проходили у мѣстныхъ крестьянъ какъ-то подъ носомъ, при чемъ имъ, крестьянамъ, никакой пользы отъ этихъ оборотовъ, производящихся въ *ихъ* селѣ, не попадало; даже „поземельнаго“ за свои усадебныя мѣста скупщики въ общество не платили, основываясь на какихъ то „отводныхъ актахъ“, взятыхъ у общества въ былые годы, но самыхъ актовъ старались не показывать: число подписей на этихъ документахъ было очень недостаточно, что̀ дѣлало ихъ недѣйствитель-

*) На будущій годъ, въ будущемъ году.

ными. Скупщики же чувствовали, что надвигается на нихъ какая-то новая эпоха, ибо годъ отъ году становится труднѣе (и дороже) обдѣлывать дѣла при помощи засѣдателей, волостныхъ писарей и старостъ, а простое крестьянство все выше задираетъ носъ въ общественныхъ дѣлахъ; чувствовали это и цѣпко, съ ожесточеніемъ держались за прежній порядокъ вещей.

Насталъ и январь, а приговоровъ „старики" не дали, такъ что питейные стояли закрытыми.—„Гдѣ жъ, однако, будемъ вино брать?" — недоумѣвала простая масса, да и „старики" конфузливо покачивали головами и вздыхали: „ну, и дѣла затѣялись! Отъ-роду такихъ дѣловъ не видывали!" Однако, стояли твердо на своихъ двухъ тысячахъ двухстахъ и только пристальнѣе впились глазами въ враждебную сторону, изучая всѣ ея военныя дѣйствія. Но и враждебная сторона не сдавалась и никакихъ засыловъ не дѣлала, предоставивъ все дѣло естественному своему теченію. Тѣмъ временемъ въ оптовыхъ складахъ проявилась изумительная дѣятельность: двери винныхъ подваловъ то-и-дѣло хлопали, впуская и выпуская посѣтителей; тоже и въ заднихъ каморкахъ, имѣющихся при каждой порядочной лавочкѣ съ бакалеей и краснымъ товаромъ, стало какъ-то много толпиться народу, будто мимоходомъ завернувшаго обогрѣться съ морозцу; много гостей стало также захаживать въ два три дома, издавна извѣстные за шинки, въ которыхъ находили себѣ пріютъ разные поселенцы, цыгане и другія бездомныя, болѣе или менѣе подозрительныя личности.

Замѣтили „старики", что дѣло ихъ плохо: оптовые склады торгуютъ не хуже кабаковъ, въ каждой лавочкѣ открылось тоже по кабаку, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше

начали торговать и по домамъ, въ случаѣ экстренныхъ требованій со стороны сосѣдей или проѣзжихъ „братскихъ". Потомъ дошли до стариковъ слухи, что торговцы хвалятся своей новой торговлей: „мы хоть цѣлый годъ согласны патентовъ не брать." Въ виду серьезности оборота дѣла, на совѣщаніи деревенскихъ нотаблей было рѣшено приступить къ энергическимъ мѣрамъ, а именно: приставить караульныхъ къ оптовымъ складамъ, чтобы не допускать въ нихъ раздробительной продажи, а шинкарей постращать внезапными обходами сельскихъ властей. Но кого же выбрать въ караульные? Если назначить разныхъ лядащихъ людей, засчитавъ имъ за это какую-нибудь мірскую повинность, напр. подводную или дорожную, то толку никакого не выйдетъ, ибо на лядащихъ положиться нельзя, — „за грошъ продадутъ обчество"; а солидные хозяева за выполненіе такой унизительной обязанности не возьмутся, такъ какъ отбываніе мірскихъ повинностей имъ не въ особенную тягость. Судили и рядили дня два и остановились выборомъ на нѣсколькихъ запасныхъ и отставныхъ солдатахъ („все же люди присяжные!"), да на двухъ-трехъ мужикахъ изъ середняковъ, ни богатыхъ и ни бѣдныхъ („эти — по крайней мѣрѣ — на малость-то не прельстятся"); къ каждому складу опредѣлили по двое караульныхъ и, чтобы дѣло вѣрнѣе было, обѣщали имъ по рублю въ сутки жалованья изъ мірскихъ суммъ.

— Ужъ вы, Михайло Матвѣичъ, Финогенычъ, — пожалуйста, чтобъ въ аккуратѣ все было! Обчество на васъ надѣется, чтобы потачки, значитъ, ни-ни!—давалъ послѣднія наставленія староста, разводя караульныхъ по мѣстамъ.

— Это будьте безъ сумлѣнья, что́ вы, Герасимъ Ива-

нычъ!.. Нешто мы не понимаемъ, какъ обчеству служить надо? Царю-отечеству безпорочно служили,—такъ неужто на эти пустяки нашего умѣнья не хватитъ? Не какіе-нибудь прохвосты!..

— Такъ ужъ пожалуйста построже!... А! общество отблагодаритъ, это будьте въ надеждѣ.

— Помилуйте, о чемъ тутъ разговаривать? Мы на Амурѣ китайцевъ съ золотомъ сторожили, и то маху, благодаря Создателю, не давали!...

— Это чтò за народъ вы здѣсь разставляете, господинъ начальникъ?—злобно-иронично спрашиваетъ владѣлецъ склада, увидѣвъ караульныхъ. Впрочемъ, ему уже было извѣстно отъ услужливыхъ переметчиковъ о новомъ пріемѣ борьбы съ складчиками, придуманномъ обществомъ.

— Да вотъ-съ, Иннокентій Иванычъ (добраго здоровьица вамъ!), старичкамъ замѣтно сдѣлалось—оченно бойко у васъ торговля пошла: такъ для порядка, значитъ, чтобы замѣшательства никакого не выходило... Мы тоже за порядкомъ въ своемъ селеніи наблюсти обязаны; на то и мидаль царская намъ дается, чтобы законъ соблюдать.

— Законъ соблюдать желаете?.. Чтожъ, дѣло превосходное! И мнѣ спокойнѣе будетъ за старожами-то даровыми,—потому, сами знаете, народъ какой теперь бѣдовый сталъ! Оченно благодарны на этомъ господамъ обчественникамъ, что такъ для меня постарались, надумались... хе, хе!...

— Не на чемъ благодарить, Иннокентій Иванычъ. Потому—не мы, законъ требоваетъ... Такъ вы, ребятушки, того... чтобы въ аккуратѣ... и чтобъ хозяину

поспокойнѣе было... Счастливо оставаться, Иннокентій Иванычъ!

— Къ намъ гуляйте за все просто, господинъ начальникъ,—осчастливьте!

Староста уходитъ; караульные нѣсколько конфузливо топчатся на одномъ мѣстѣ.

— А вы чтожъ, служивые, тутъ такъ и стоять будете? На морозѣ-то оно будто не совсѣмъ ладно: ишь, сиверко ныньче какъ!—замѣчаетъ Иннокентій Иванычъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Постоимъ! Бѣда не ваша, а наша! Не малолѣтки какіе, чтобъ мороза испугаться,—отвѣчаютъ грубовато караульные.

— Ну, постойте, постойте, почтенные, въ родѣ будто на часахъ у меня передъ дворцомъ! Оно очень даже для меня лестно, хе, хе!

Иннокентій Иванычъ уходитъ въ подвалъ, а часовые разсаживаются на бревнахъ у входа, съ сердцемъ сплевывая и закуривая трубки. Теперь, когда они остались одни, имъ весьма нелѣпымъ кажется ихъ положеніе... Смѣху-то сколько надъ ними будетъ: одинъ Иннокентій Иванычъ наговоритъ,—не переслушаешь до утра!

Вотъ бѣжитъ къ складу одинъ изъ „обчественниковъ“, изъ тѣхъ, которые узнаютъ объ общественныхъ дѣлахъ развѣ только тогда, когда они станутъ совершившимся фактомъ. Полушубокъ на бѣгущемъ одѣтъ въ накидку, а подъ мышкой, въ сокровеніи отъ постороннихъ взоровъ, зажатъ пустой полуштофъ, который необходимо наполнить по случаю пріѣзда „дружка“. Лѣтъ 25 назадъ нѣсколько хозяйствъ катойскихъ, стѣсненныхъ на своихъ усадьбахъ семейными раздѣлами и искавшихъ вообще про-

стора, выселились на государственную пустопорожнюю дачку, взявъ ее въ сорокалѣтнее безоброчное пользованіе. Выселившіеся не ошиблись въ расчетахъ, потому что облюбованная ими мѣстность оказалась очень удобной для расчистокъ подъ пашни и покосы; кромѣ того, недальнее сосѣдство съ бурятами обусловило возможность открыть на заимкѣ кабакъ и двѣ лавчонки. Теперь, вмѣсто четырехъ или пяти домовъ, имѣвшихся спервоначалу, на заимкѣ насчитывается уже до 25 дворовъ, частью благодаря продолжающейся иммиграціи, частью же по причинѣ естественнаго роста населенія и связанныхъ съ этимъ ростомъ семейныхъ раздѣловъ. Кой-какія отношенія къ своей метрополіи, несмотря на 20-верстное разстояніе, колонія сохраняетъ и по сію пору; отношенія эти, впрочемъ, преимущественно фискально-податныя. — заимщики отдѣльнаго сельскаго общества не составляютъ. Съ Катоемъ вмѣстѣ они разверстываютъ и уплачиваютъ подати, здѣсь же нанимаютъ за себя охотниковъ отбывать разныя натуральныя повинности, пришедшіяся имъ по разверсткѣ, и проч. Какъ полноправные члены общества, заимщики получаютъ покосные паи въ катойскихъ сѣнокосахъ; но эти послѣдніе довольно плохи по качеству, вслѣдствіе ихъ степного характера, а главное—весьма скудны въ количественномъ отношеніи, такъ что на душу приходится копенъ пять травы, не больше. Заимщикамъ нѣтъ расчета изъ-за этой малости ѣздить въ такую даль, когда у нихъ подъ-бокомъ имѣются свои покосы „на росчищахъ“, гораздо лучше степныхъ: расчищай каждый, сколько ему нужно, и коси себѣ на здоровье; а силы нѣтъ расчищать—покупай траву у бурятъ: и недалеко, и дешевле добыть можно.[1] Въ виду всего этого,

заимщики уступаютъ свои покосные паи въ Катоѣ родственникамъ или просто знакомымъ „дружкамъ", за что тѣ обязаны принимать ихъ къ себѣ въ домъ, поить и кормить сѣдока и лошадь, когда „дружку" съ заимки понадобится по какому-либо случаю пріѣхать въ Катой; и наоборотъ, если „дружку" изъ Катоя вздумается почему-нибудь побывать на заимкѣ, продать или купить что (а кое-кто начинаетъ тамъ уже и пашни арендовать, „кортомить"), то онъ ѣдетъ прямо къ своему заимочному „дружку", у котораго всегда найдется для него и уголъ на печи, и угощеніе чѣмъ Богъ послалъ... Вотъ такой-то „дружокъ" и заѣхалъ къ мужику, теперь бѣгущему въ складъ за виномъ, потому что безъ вина — и угощеніе не въ угощеніе.

— По какимъ дѣламъ, поштенный, бѣжишь? — спрашиваетъ его одинъ изъ караульныхъ.

— Да вишь ты, дѣла какія: винца взять надо, дружокъ съ заимки (еще и кумомъ доводится!) заѣхалъ на часокъ; такъ вотъ оно и требуется.

— Такъ. Дѣло хорошее. Однако, слышь: вина брать здѣсь законъ не дозволяетъ! Вороти, парень, назадъ, да поищи въ другомъ мѣстѣ винцо-то!

— Законъ не дозволяетъ?... Да ты очумѣлъ, что-ли? Пра, очумѣлъ!.. Неколи мнѣ съ тобой тутъ талалыкать, однако.

— Стой, куда лѣзешь? Говорятъ тебѣ, — нельзя, не приказано, и все тутъ! — останавливаетъ сторожъ уже съ сердцемъ, когда мужикъ выразилъ-таки намѣреніе пройти къ дверямъ склада.

— Ахъ, язви тебя...! Пусти, чего куражишься? Сказано, неколи мнѣ!

Дѣло доходитъ почти до драки; уступивъ, однако,

силѣ двухъ сторожей, катоецъ убѣждается, что они дѣйствуютъ „въ правахъ“ и что отнынѣ, точно, въ складѣ вино полуштофами покупать не полагается... Затѣмъ подъѣзжаетъ къ складу бурятъ съ ведернымъ боченкомъ (онъ у себя въ улусѣ „мало-мало“ поторговываетъ водочкой): этого, послѣ нѣкоторыхъ пререканій, сторожа просто гонятъ въ шею. Далѣе подходятъ двое „общественниковъ“, желающихъ закрѣпить и спрыснуть продажу лончака (жеребенка по второму году) однимъ другому: происходитъ новый рядъ недоразумѣній, на этотъ разъ уже не безъ сильныхъ искушеній для сторожей.

— Да будетъ вамъ народу прижимку дѣлать? Вишь.— лончака продали-купили, надо-жъ его спрыснуть?

— Пойми, елова голова, нельзя!

— Нельзя да нельзя,—заладилъ одно. А лучше пойдемъ-ка увмѣстяхъ, да по стаканчику опрокинемъ! Вреды отъ этого не будетъ...

Но сторожа еще крѣпятся, хотя энергія ихъ значительно упала; да и усталость беретъ свое, и морозъ начинаетъ пощипывать сквозь худые катанки (валенки). Поэтому, когда, спустя нѣкоторое время по уходѣ послѣднихъ кліентовъ, изъ помѣщенія склада показывается Иннокентій Иванычъ и, покуривая папироску, начинаетъ вновь иронизировать надъ сторожами, то они уже не огрызаются, а угрюмо молчатъ.

— Глядѣлъ я, какъ вы съ этими озорниками расправляетесь: ну, любо два!... Не даромъ присягу примали: одно слово—служивые!... Теперь какъ-разъ въ сторожа подвальные годитесь, въ самый разъ для васъ служба эта, ха, ха!...

А черезъ полчаса Иннокентій Иванычъ вылѣзаетъ

опять и говоритъ уже въ другомъ, также строго расчитанномъ тонѣ:

— Да чего вы зябнете тутъ? Ишь, куржаку-то *) на васъ понасѣло, ровно мукой кто обсыпалъ. Зайдите-ка, почтенные, погрѣйтесь, — вѣдь все равно, гдѣ ни сторожить...

Почтенные входятъ, а тамъ—великъ соблазнъ!—какъ не выпить „околѣлымъ" **) людямъ по стаканчику, радушно предлагаемому?...

Уже на другой день четверо изъ десяти караульныхъ не явились вовсе на свои посты, получивъ отъ хозяевъ складовъ по трешницѣ отступного и угостившись „очищеннымъ" въ полное свое удовольствіе; прочіе же караульные очень плохо исполняли свои обязанности, частенько пропуская покупателей съ полуштофами въ запретныя мѣста. Одинъ изъ нанятыхъ, непьющій и твердый мужикъ, даже разбранился съ товарищемъ по поводу его „слабости", плюнулъ и ушелъ съ поста, убѣдясь, что изъ всей этой затѣи ничего не выйдетъ, и что „обчество" потерпѣло пораженіе на всѣхъ пунктахъ... Староста пробовалъ было найти новыхъ сторожей, но съ услугами набивался лишь самый лядащій народишко; пришлось кордоны снять и идти на мировую.

— А то они такъ-то весь годъ проторгуютъ, и пакентовъ брать не будутъ, ну, и плакали наши денежки,— говорилъ староста.

Но злые языки болтали потомъ, что быстрому пре-

---

*) Иней, образующійся отъ дыханія и испаренія во время морозовъ.

**) „Околѣть"—озябнуть; „околѣлый"—озябшій.

кращенію военныхъ дѣйствій немало способствовалъ нѣкій тайный разговоръ, который имѣлъ Иннокентій Иванычъ со старостой. Увѣряютъ, при этомъ, что стачечники уступили-таки въ одномъ пунктѣ, — дали старостѣ *сто* вмѣсто традиціонныхъ *пятидесяти:* имъ также нужно было поскорѣе закончить этотъ инцидентъ, ибо акцизное начальство могло ежеминутно вмѣшаться въ дѣло, по случаю одновременнаго закрытія всѣхъ двѣнадцати заведеній и происходящаго отъ этого убытка казнѣ... Такъ и осталось общество при прежнихъ тысячѣ двухстахъ рублей.

Опытъ этотъ, однако, не умудрилъ катойцевъ, и они спустя нѣкоторое время вновь открыли военныя дѣйствія противъ скупщиковъ,—на этотъ разъ по поводу устройства общественныхъ вѣсовъ на базарной площади; т. е., собственно говоря, воевало не общество, а довѣренный и уполномоченный его, еврей Хаимъ Бухманъ, общество же было только пассивнымъ зрителемъ борьбы и въ самый нужный моментъ даже не поддержало своего избранника.

Хаимъ — это типъ сибирскаго еврея изъ ссыльныхъ. Есть въ Сибири евреи, уже дѣды которыхъ родились тамъ и которые могутъ, поэтому, считаться коренными сибиряками,—но такихъ очень немного; большинство же ихъ—или лично сослано за уголовныя преступленія, или же суть дѣти ссыльныхъ родителей. Лѣтъ двадцать тому назадъ, еще молодымъ человѣкомъ, Хаимъ попалъ въ Сибирь за глупую попытку сбыть фальшивыя кредитки, по наущенію ловкихъ дѣльцовъ, лично вышедшихъ сухими изъ воды. Онъ явился на мѣсто поселенія голъ какъ соколъ, не зная никакого ремесла, кромѣ мелкаго торгашества. Поселенцы изъ русскихъ въ такомъ положеніи или поступаютъ за ничтожное вознагражденіе въ черно-

рабочіе, или уходятъ въ бѣга, или совершаютъ новыя крупныя преступленія, за которыя и попадаютъ на каторгу. Хаимъ и большинство другихъ евреевъ-поселенцевъ ни одного изъ этихъ путей не избираютъ: они не поступаютъ въ батраки, потому что не хотятъ, да и не умѣютъ дѣлать черной работы; они не уходятъ въ бѣга, потому что не находятъ ничего заманчиваго въ безцѣльномъ путешествіи по тайгѣ, а лишенія таежныя для нихъ, городскихъ жителей или сельскихъ торговцевъ и ремесленниковъ,—просто страшны; они не совершаютъ и крупныхъ преступленій, караемыхъ закономъ, потому что не хотятъ попасть на каторгу... Хаимъ сталъ первымъ дѣломъ искать себѣ жену, въ противоположность русскимъ поселенцамъ, которые не очень-то стремятся къ осѣдлой брачной жизни. На немъ были какіе-то обноски, составлявшіе все его имущество, когда онъ сталъ подыскивать себѣ подругу жизни; но онъ этимъ не смущался, потому что и невѣста ему могла достаться только изъ такихъ, которыя обносковъ не испугаются. Хаимъ зналъ, чего искалъ: вѣрную подругу жизни, домовитую хозяйку, рабски преданную интересамъ своего хозяина; а этотъ идеалъ не составляетъ какой-либо рѣдкости въ еврейскомъ населеніи: каждая еврейка низшаго класса болѣе или менѣе подходитъ къ этому идеалу. Хаимъ зналъ также, что ни будущая его невѣста, ни ея родители не побрезгаютъ имъ, голоднымъ поселенцемъ: онъ, Хаимъ, представляетъ изъ себя готовый матеріалъ, изъ котораго выйдетъ прекрасный мужъ, который станетъ дѣлить съ своей женой и горе, и радости, а съ такимъ мужемъ легко жить и въ бѣдности; но онъ, Хаимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ненавидитъ бѣдность и поэтому всѣми силами своего изворотливаго ума будетъ себѣ

пробивать дорогу къ довольству, а неизмѣннымъ товарищемъ его на этомъ заманчивомъ и пріятномъ пути будетъ опять-таки его жена.

И Хаимъ не ошибся: не прошло трехъ мѣсяцевъ со времени его прихода на новое мѣсто жительства, т.-е. какъ-разъ столько, сколько нужно, чтобы обойти десятокъ еврейскихъ семей съ невѣстами и въ каждой изъ нихъ заявить себя малымъ съ головой на плечахъ, какъ Хаимъ уже былъ женатъ на Ривкѣ, дочери лудильщика самоваровъ, мѣдника, слесаря и стекольщика—Мордуха Ильича, у котораго оставалось на рукахъ еще пять Ривокъ разныхъ возрастовъ и который поэтому не очень гнался за богатствомъ и знатностью зятьевъ. Ривкѣ было уже 25 лѣтъ и она не отличалась красотой. Ей дали въ приданое кой-какое тряпье, кострюлю, пару мѣдныхъ подсвѣчниковъ и пятнадцать рублей деньгами; съ этимъ то основнымъ и оборотнымъ капиталомъ молодые начали совмѣстную жизнь. Хаимъ вздохнулъ спокойно, почувствовавъ себя не одинокимъ на чужой сторонѣ; Ривка съ довѣріемъ и преданностью къ главѣ семьи—врожденными чертами ея характера, какъ и всякой еврейки, выросшей въ традиціяхъ своего народа — смотрѣла и не могла насмотрѣться на мужа и повелителя. У нихъ былъ еще одинъ, не вещественный, но цѣнный и значительный капиталъ: огромная родня и знаніе мѣстныхъ условій членами этой родни; съ такимъ капиталомъ пропасть сколько-нибудь стоющему человѣку трудно, — и Хаимъ не пропалъ.

Сначала онъ отправился въ одну изъ сѣверныхъ волостей, небольшія селенія которой расположены въ значительномъ разстояніи одно отъ другого по берегамъ рѣки Ангары. Затерянныя среди горныхъ ложбинъ, окру-

женныя водой и угрюмой тайгой, эти селенія даже не соединены между собою колесною дорогой, такъ что сообщенія между ними производятся—лѣтомъ на лодкахъ, а зимой по льду рѣки. Въ большинствѣ этихъ селеній, состоящихъ изъ 5—10 домовъ, рѣдко болѣе, нѣтъ ничего похожаго на лавку, гдѣ бы можно было купить самонужнѣйшую въ домашнемъ обиходѣ мелочь; и только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются оборотливые хозяева, держащіе у себя про запасъ ведро водки на случай, если сосѣду экстренно понадобится этого зелья: тогда бутылка отвратительной двадцатиградусной сивухи идетъ за рубль серебромъ. За крупными покупками—за матеріей, желѣзомъ, солью и проч.—мѣстные крестьяне ѣздятъ раза 2—3 въ годъ въ ближайшій торговый центръ, иногда верстъ за 50 и за 100; разную же хозяйственную мелочь пріобрѣтаютъ почти исключительно у заѣзжихъ торгашей, на лодкахъ спускающихся по теченію, а назадъ поднимающихся на бечевѣ. Къ одному изъ такихъ торгашей, конечно, родственнику жены, и присталъ на первыхъ порахъ Хаимъ, вложивъ въ оборотъ того и свой капиталъ; жена оставалась пока у родителей. Большихъ барышей Хаимъ отъ своей поѣздки не выручилъ,—его капиталъ едва-едва удвоился; но зато онъ пріобрѣлъ въ эти два мѣсяца драгоцѣнное для него знаніе мѣстной жизни. Онъ тогда же высмотрѣлъ себѣ деревеньку, представлявшую много благопріятныхъ условій для производства въ ней и въ ея окрестностяхъ торговыхъ операцій, поселился тамъ съ женой и занялся торговлей виномъ и всякой дрянью, конечно, безъ документовъ на право торговли. При случаѣ, онъ скупалъ также кой-какую мелочь изъ крестьянскаго обихода, перепродавалъ ее въ торговомъ центрѣ своимъ единовѣрцамъ, давалъ деньги

въ ростъ подъ заклады, словомъ—хватался за все, что попадалось подъ руки; съ властями жилъ въ ладу, носа не задиралъ, со всѣми былъ ласковъ; а Ривка тѣмъ временемъ тряслась надъ каждой копейкой, надъ каждой тряпкой и—рожала дѣтей. Такимъ-то образомъ, къ концу трехлѣтняго періода своихъ торговыхъ операцій этого рода, у Хаима было уже до трехсотъ рублей наличнаго капитала, почти столько же въ долгахъ за крестьянами, да двое дѣтей и надежда на третьяго; можно, и даже должно было поэтому расширить кругъ своихъ дѣйствій.

И вотъ за эти 15—20 лѣтъ, которыя отдѣляютъ время нашего разсказа отъ начала карьеры Хаима, какъ дѣльца, онъ успѣлъ перебывать лавочникомъ, содержателемъ почтовыхъ лошадей, агентомъ по скупкѣ хлѣба отъ винокуреннаго завода, содержателемъ перевоза, поставщикомъ дровъ на пароходы, съемщикомъ луговъ и пашенъ у крестьянъ, подрядчикомъ по перевозкѣ арестантовъ и т. д., и т. д.; нѣсколько разъ прогоралъ, нѣсколько разъ считалъ себя въ тысячахъ, велъ по пяти дѣлъ одновременно, пока, наконецъ, ни богато, ни бѣдно, но прочно, на пятомъ десяткѣ лѣтъ, не обосновался въ с. Катоѣ въ качествѣ лавочника средней руки и арендатора общественной двупоставной мельницы; скупкой же хлѣба онъ не занимался, проторговавшись однажды на этомъ дѣлѣ въ компаніи съ однимъ русскимъ мѣщаниномъ, глупо и очень ужъ нечестно поведшемъ операціи. Къ довершенію внѣшней характеристики жизненнаго поприща Хаима надо сказать, что старшая дочь его была уже замужемъ, а Ривка съ четырьмя младшими дочерьми и тремя сыновьями-подростками ежедневно собирались за обѣденнымъ столомъ и съ любовью, граничащей съ

рабской преданностью, слушали наставленія отца относительно того, какъ надо честному еврею жить въ чужой, враждебной сторонѣ...

Бухманъ не ладилъ съ мѣстными катойскими тузами. Будь онъ русскимъ, онъ считался бы, по своему капиталу, приличнымъ компаніономъ на пирушкахъ и почетнымъ гостемъ; но какъ еврей, онъ былъ чужимъ въ средѣ русскихъ торговцевъ катойскихъ, и отношенія ихъ походили на вооруженный нейтралитетъ державъ, не безъ взаимной ненависти каждой изъ нихъ къ расовымъ, религіознымъ и бытовымъ особенностямъ противной стороны. Кромѣ того, Бухманъ живо помнилъ позоръ своей торговой неудачи по скупкѣ хлѣба, и одного этого было достаточно для поддержанія въ немъ враждебнаго чувства къ операціямъ съ хлѣбомъ и къ лицамъ, ими занимающимся.

Если катойцы отъ времени до времени вспоминали, что у нихъ праздно гуляетъ доходная статья, и что ссыпщики хлѣба почти каждаго изъ нихъ ежегодно нагрѣваютъ на нѣсколько пудовъ, и если результатомъ этихъ воспоминаній являлись отъ времени до времени приговоры съ ходатайствами объ устройствѣ въ ихъ селѣ базара и о дозволеніи поставить общественные вѣсы, то главнымъ образомъ—это было дѣломъ упорнаго въ достиженіи своихъ цѣлей еврея. Онъ давно намѣтилъ себѣ это дѣло,—аренду общественныхъ вѣсовъ, обѣщавшую хоть и не крупные, но вѣрные и нехлопотные барыши; кромѣ того, достиженіе этой цѣли должно было сильно упрочить значеніе Бухмана въ средѣ катойцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—заживо задѣть и скупщиковъ-тузовъ, теперь свысока относящихся къ скромному еврею-лавочнику. И вотъ уже три года, какъ онъ неустанно дол-

битъ въ одну точку; но дѣло, какъ онъ, наконецъ, убѣдился, не могло двинуться впередъ при старыхъ порядкахъ: всевластное начальство низшихъ ранговъ, задариваемое ссыпщиками, не давало хода мірскимъ ходатайствамъ. Но когда было введено новое Положеніе о крестьянахъ, а кстати—состоялась смѣна волостного писаря, Бухманъ возымѣлъ слабую надежду и сдѣлалъ новую попытку: заручившись мірскими приговорами и довѣренностями, онъ отправился лично хлопотать,—сначала въ волостное правленіе, потомъ къ засѣдателю, потомъ въ окружный городъ, наконецъ—въ губернскія учрежденія. Дѣло, однако, подвигалось впередъ весьма туго или, лучше сказать, почти вовсе не подвигалось, такъ какъ кромѣ обѣщаній „разсмотрѣть", „имѣть въ виду" и т. п., онъ ни откуда ничего добиться не могъ... Только счастливый случай помогъ ему.

Однажды, при выходѣ изъ одного губернскаго учрежденія, въ которое онъ безуспѣшно приходилъ уже разъ пять, Бухманъ былъ остановленъ старымъ архиваріусомъ, поступившимъ на службу мальчикомъ сорокъ лѣтъ назадъ и успѣвшимъ состариться, сидя за однимъ и тѣмъ же столомъ, за однимъ и тѣмъ же убійственно-скучнымъ дѣломъ.

— Заходите сегодня вечеркомъ ко мнѣ на квартиру: вотъ адресокъ. Дѣльце хорошее,—шепнулъ лысый старичокъ, въ вытертомъ до глянца вицъ-мундирѣ, въ черномъ галстукѣ старинной формы, нѣсколько разъ обмотанномъ вокругъ шеи.

Въ качествѣ человѣка бывалаго и видавшаго виды, Бухманъ понялъ, что дѣльце, дѣйствительно, стоющее, и, конечно, пошелъ на зовъ. Архиваріусъ, знавшій о безплодныхъ ходатайствахъ Бухмана изъ толковъ и пе-

ресудовъ сослуживцевъ, сообщилъ ему нѣчто невѣроятное, а именно: что базаръ установленъ въ с. Катоѣ уже давно, лѣтъ 35 назадъ, но что никто объ этомъ не знаетъ, такъ какъ базаръ почему-то не пошелъ, хотя высшая администрація края сама хлопотала объ устройствѣ его, „для предоставленія инородцамъ легкихъ путей къ сбыту хлѣба, что̀ должно было повліять на распространеніе среди нихъ земледѣльческихъ занятій“; такимъ образомъ, хлопотать о новомъ разрѣшеніи на устройство базара Бухману оказывалось излишнимъ, а надо было только найти тотъ нумеръ губернскихъ вѣдомостей, въ которомъ пропечатанъ указъ правительствующаго сената о базарѣ,—указъ, сохранившій всю свою силу, и, сославшись на него, „распубликовать“, что слѣдуетъ. Бухманъ своимъ ушамъ не вѣрилъ отъ радости и переспросилъ всевѣдующаго архиваріуса, — дѣйствительно ли все это такъ, какъ онъ говоритъ?

— Зря словъ тратить не люблю-съ, почтеннѣйшій. Что̀ сказалъ, то свято!...

— И вы мнѣ достанете этотъ нумеръ вѣдомостей?

— Ну-съ, этимъ служить не могу, почтеннѣйшій, а выписочка у меня готова: въ которомъ году, какого мѣсяца и числа и все прочее.

Архиваріусъ замолчалъ и сталъ играть табакеркой, искусно вертя ее между пальцевъ. Бухманъ пытливо посмотрѣлъ на него и задалъ категорическій вопросъ:

— Сколько за труды?

Отвѣтъ былъ столь же лаконичемъ: „двадцать пять.“ Ассигнаціи явились на столѣ, прикрытыя лѣвой рукою Бухмана; старичокъ досталъ изъ ящика стола четвертушку бумаги и также положилъ ее на столъ; потомъ собесѣдники вѣжливо помѣнялись бумажками. Все дѣла-

лось, какъ по уговору, ибо оба были людьми опытными въ житейскихъ дѣлахъ.

Теперь надо было разыскать нумеръ вѣдомостей. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ поѣздокъ въ разныя волости въ розыскахъ полнаго архива, таковой былъ найденъ гдѣ-то въ другомъ округѣ; помощникъ волостного писаря за три рубля отыскалъ требуемый нумеръ; волостной писарь за пять рублей засвидѣтельствовалъ сдѣланную съ указа копію; дальше ужь дѣло пошло, какъ по маслу. Бухманъ оказался арендаторомъ общественныхъ вѣсовъ базарной площади на 4 года, съ платежомъ въ общество по 250 р. въ годъ аренды; при этомъ онъ обязывался устроить вѣсы и навѣсъ къ нимъ за свой счетъ и, по милованіи аренднаго срока, передать все это въ полную собственность общества. Взамѣнъ этого ему предоставлялось право взимать съ каждаго взвѣшеннаго на вѣсахъ пуда хлѣба по 1 к., а съ прочихъ товаровъ—по 2 и 3 по к., при чемъ никто изъ торговцевъ въ селѣ не долженъ былъ производить скупки на базарѣ какихъ-либо продуктовъ безъ взвѣшиванія таковыхъ на общественныхъ вѣсахъ. По расчетамъ Бухмана, валовой доходъ его отъ вѣсовъ долженъ былъ выразиться тысячахъ въ полуторахъ въ годъ, такъ какъ одного хлѣба скупается въ Катоѣ для заводовъ свыше 120 т. пудовъ.

Узнавъ о такомъ поворотѣ дѣла, скупщики всполошились. Переплата лишней тысячи въ годъ въ пользу Бухмана ихъ не очень пугала, такъ какъ они переложили бы этотъ налогъ на продавцевъ; но они никакъ не могли помириться съ обязательствомъ взвѣшиванія хлѣба непремѣнно на базарныхъ вѣсахъ. Это правило совершенно разрушало ихъ систему обвѣшиванія про-

давцевъ и грозило въ ближайшемъ же будущемъ сокращеніемъ барышей до скромнаго минимума вознагражденія за коммиссію. Первый же базарный день оправдалъ всѣ ихъ опасенія: Бухманъ нанялъ нѣсколькихъ молодцовъ, которые, въ качествѣ базарныхъ сторожей, направляли въ ѣзжавшіе въ село бурятскіе воза съ хлѣбомъ къ вѣсамъ; тамъ онъ взвѣшивался, а продавцу выдавался ярлыкъ, свидѣтельствовавшій о вѣсѣ мѣшковъ. Короче, практичный еврей повелъ дѣло чисто и съ умѣньемъ, что было признано самими продавцами, сперва, впрочемъ, недоумѣвавшими по поводу „новыхъ порядковъ" и даже протестовавшими противъ обязательства уплаты по копейкѣ съ пуда въ пользу „жида".

Въ виду общей бѣды, скупщики отложили на-время свои личные счеты и стали дѣйствовать дружно. Прежде всего попробовали пойти съ Бухманомъ на компромиссъ, предлагая ему получать съ нихъ по копейкѣ съ пуда, но производство взвѣшиванія оставить на прежнихъ основаніяхъ, т.-е. каждому скупщику орудовать особо на своихъ вѣсахъ; но интересы Бухмана, да и смыслъ заключеннаго имъ съ обществомъ договора не допускали подобнаго компромисса. Тогда скупщики устроили нѣсколько совѣщаній, то у Павла Петровича, то у Иннокентія Ивановича. На этихъ тайныхъ засѣданіяхъ было рѣшено, что и какъ дѣлать, кому какую часть плана взять на себя для выполненія и кому сколько внести въ общій фондъ на расходы по веденію дѣла. Положено было собрать тысячу рублей,—съ каждаго скупщика пропорціонально размѣрамъ его оборотовъ; при опредѣленіи этихъ размѣровъ вышелъ было цѣлый рядъ недоразумѣній, но такъ какъ всѣми сознавалось ясно, что дѣло не терпитъ и что ссориться те-

перь не время, то эти недоразумѣнія кое-какъ уладились, не безъ затаеннаго, однако, чувства ненависти другъ къ другу. Послѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ „работъ" Павелъ Петровичъ имѣлъ длинный разговоръ съ сельскимъ старостой, нарочно для этого приглашеннымъ въ хоромы попить чайку, а Иннокентій Иванычъ съѣздилъ верстъ за сорокъ въ с. Низкое, къ проживавшему тамъ земскому засѣдателю, и имѣлъ съ нимъ обстоятельную бесѣду. Результатомъ ея было то, что засѣдатель обѣщалъ „на-дняхъ же" пріѣхать въ Катой.

---

— Э-ихъ! къ одной!..—раздается пронзительный фальцетъ ямщика со встрѣчной тройки. При этомъ окрикѣ привычные обозные кони торопливо вытаскиваютъ колеса тяжелыхъ возовъ изъ колеи и жмутся къ „одной" сторонѣ неширокаго московскаго тракта, соединяющаго Иркутскъ съ Томскомъ и далѣе — съ Европейской Россіей; только изрѣдка какая-нибудь изъ новенькихъ лошадей, не понявъ окрика, продолжаетъ идти прежнимъ путемъ или торопливо бросается не въ надлежащую сторону, мѣшая встрѣчной тройкѣ проѣхать. Градъ ругательствъ сыплется тогда ямщикомъ на голову возчиковъ, пока кто-нибудь изъ нихъ не подбѣжитъ къ ослушницѣ и съ сердцемъ не отдернетъ ея въ сторону. Но вотъ тройка пропустила мимо себя девяносто телѣгъ обозныхъ, выѣхала на свободное мѣсто и сразу пошла скокомъ; пара колокольцевъ подъ дугой залились своей нескончаемой пѣсней, и черезъ минуту ямщикъ гдѣ-то уже вдали „ухаетъ" на своихъ „любезныхъ", птицами взлетающихъ на пригорокъ.

— Шибко пробѣжала повозка-то! Не почтовая...

— Должно, баринъ здѣшній; на обывательскихъ бѣжитъ,—разсуждаютъ возчики.

И точно, это ѣхалъ „баринъ“, — такъ называютъ въ тѣхъ краяхъ засѣдателя, — въ с. Катой, поспѣшая для разбора базарнаго вопроса. Умѣло и съ удобствомъ растянувшись во весь ростъ на днѣ собственнаго, покойнаго тарантаса, онъ отъ времени до времени покрикивалъ ямщику: „пошевеливайся, ворона!“ — несмотря на то, что кони были уже взмылены двадцати-верстной въ часъ ѣздой. Для него, для „барина“, да еще для случайныхъ проѣздовъ исправника держалась въ с. Низкомъ особая тройка при сельскомъ управленіи и никому ужъ изъ прочихъ лицъ, разъѣзжающихъ по „бланковымъ билетамъ“, будь они хоть „высокоблагородные“, не отпускалась. Всѣ эти старшины, засѣдатели другихъ участковъ, акцизные, доктора, жандармы и проч.—довольствовались обыкновенными „обывательскими“ парами и тройками, выставляемыми мѣстными крестьянами съ душъ поочередно; для непосредственнаго же своего начальства общество нанимало заправскаго ямщика, платя ему 300 р. въ годъ, потому что,—сказано на этотъ счетъ въ раскладочномъ приговорѣ, — „кони наши къ быстрой ѣздѣ, какая требуется, неспособны“. Эти-то неспособные кони развозили другихъ чиновъ со скоростью лишь 10—12 верстъ въ часъ.

Итакъ, „баринъ“ ѣхалъ въ Катой. Это былъ высокій, широкоплечій, ширококостый мужчина лѣтъ подъ сорокъ, съ красным лицомъ и густой шапкой рыжихъ волосъ на головѣ; усы онъ подстригалъ, а бороду брилъ, оставляя лишь небольшіе баки. На немъ легкая шведская куртка съ [illegible] пуговицами и погончиками, лосиныя брюки и высокіе сапоги, одна рука распахну-

лась,—сѣдоку жарко отъ нѣсколькихъ рюмокъ водки и плотнаго обѣда на дорогу. Ему, впрочемъ, не спится: онъ, какъ полководецъ передъ битвой, обдумываетъ планъ сраженія и взвѣшиваетъ шансы за и противъ успѣха.

Тройка свернула съ большого тракта на проселокъ; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поворота—бурятскій станокъ, а оттуда только одинъ небольшой перегонъ до Катоя.

— Живо запрягайте, поганцы!—раздается зычный голосъ изъ тарантаса, и человѣкъ пять юркихъ бурятъ еще усерднѣе суетятся надъ перепряжкой коней. Станокъ бурятскій устроенъ вдали отъ улусовъ, въ степи: такъ-то спокойнѣе, когда начальство проѣзжаетъ и останавливается для смѣны коней гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ жилья. „Подальше, подальше отъ начальническихъ глазъ",—это общая и неизмѣнная политика сибирскаго обывателя вообще, а инородца въ особенности.

Но вотъ с. Катой, а вотъ и „земская квартира для гг. проѣзжающихъ чиновниковъ", содержимая на общественный счетъ. Большая, чистая комната, стѣны которой оклеены въ верхней половинѣ обоями, а въ нижней выкрашены масляною краской „подъ мраморъ" искусникомъ изъ поселенцевъ; полъ сплошь устланъ домоткаными половиками, сшитыми вмѣстѣ; нѣсколько иконъ въ углу и масса лубочныхъ картинъ по всѣмъ стѣнамъ; два дивана, жесткихъ и неудобныхъ, десятокъ стульевъ съ плетеными сидѣньями мѣстнаго издѣлія, два-три стола разныхъ размѣровъ, на окнахъ — горшки съ геранью, мускусомъ, фукціями—вотъ видъ и убранство „земской квартиры". Содержатель ея обязанъ, по письменному условію съ обществомъ, „давать пріютъ проѣзжающимъ

и пріѣзжающимъ по казенной надобности чиновникамъ и предоставлять имъ продовольствіе въ лучшемъ видѣ, не требуя за это отъ общества никакихъ приплатъ сверхъ договорной въ годъ цѣны (240 р.)"; этотъ пунктъ — о даровой кормежкѣ проѣзжающихъ — обязательно включается въ контрактъ, хотя здѣсь, на стѣнѣ земской квартиры, виситъ „такса продуктамъ на катойской земской квартирѣ" (фунтъ ржаного хлѣба—4 коп., пшеничнаго—8 коп., яйцо—2 коп., крынка молока—15 коп., десятокъ омулей—1 руб. 20 коп., гусь жареный—1 руб 50 коп. и т. д.), съ оговоркой, что „никто изъ проѣзжающихъ не долженъ выѣзжать съ квартиры, не расплатившись за забранные продукты, не исключая гг. исправника, его помощника и земскаго засѣдателя", и такса эта скрѣплена подписью самого же окружнаго (уѣзднаго) исправника. Сила привычки, однако, такова, что пунктъ о даровой кормежкѣ благородій и высокоблагородій и понынѣ нерушимо красуется (по увѣренію сельскихъ властей — ошибочно, по недосмотру) въ договорахъ съ содержателемъ квартиры... Опытный народъ, эти сибиряки!

Содержатель земской квартиры служитъ приказчикомъ въ оптовомъ складѣ Иннокентія Ивановича; нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, что о пріѣздѣ засѣдателя стало Иннокентію Ивановичу немедленно же извѣстно, хотя время было позднее, когда большинство катойцевъ обыкновенно уже спитъ. Едва засѣдатель успѣлъ раздѣться и закурить папиросу, какъ въ комнату уже входилъ гость.

— А-а, Иннокентій Иванычъ!.. Ну, что, сиротинушка казанская,—обижаютъ все?..

— Ужъ такъ-то обижаютъ, такъ-то обижаютъ, ваше

благородіе,—житья просто не стало, хе, хе!.. Одна надежда теперь на васъ!..

Скупщикъ садится на кресло и играетъ перстами; „баринъ“ привалился на диванѣ, сладко и беззаботно отдыхая. Хозяйка квартирная носитъ чайную посуду, разныя прикуски и закуски, бутылки съ „бекмановской“ рябиновой, коньякомъ и мадерой.

— Это вы, батенька, хорошо дѣлаете, что надежды питаете; однако, и надежды разныя бываютъ: есть, знаете, стоющія, а есть и такія, что хоть брось. Извѣстно вамъ, какъ иной съ маленькимъ капитальцемъ на золотѣ прогораетъ? Роетъ, напримѣръ, шахту: тоже, знаете, надѣется свое счастье найти; выроетъ этакъ четвертей триста, глядь—а оттуда фонтаномъ ударило!.. Начнетъ рыть другую — опять все надѣется, — а съ ней та же исторія. Ну, и готовъ! И идетъ себѣ домой чистъ и непороченъ, и хвостикъ къ верху завороченъ, да пѣсенку поетъ: вырылъ два колодца, а въ карманахъ-то воротца...

— Хо, хо!.. — заливался скупщикъ. — Это, конечно, бываетъ; случается съ надеждами такъ-то, не пофартитъ ежели кому!..

— Вотъ то-то и есть!—наставительно замѣтилъ „баринъ“. — А бываетъ, что и кума выручаетъ... Помню, со мной на Витимѣ былъ такой случай. Возвращался я съ облавы,—двухъ бѣглыхъ ловили; первостатейные разбойники были: много тогда у насъ напакостили они. Ну, не нашли ихъ. Отпустилъ я, знаете, казаковъ и понятыхъ, а самъ съ однимъ казакомъ на облучкѣ ѣду налегкѣ въ кибиточкѣ домой. Смотрю,—а въ сторонкѣ отъ дороги овинъ стоитъ, ловко такъ притулился за кустиками. Дай, думаю, загляну туда! Пріоткрылъ дверцы-

то, — батюшки мои! — а они оба тамъ сидятъ, ѣдятъ что-то. Увидали меня—прямо за ножи схватились, а я— съ пустыми руками. Что тутъ дѣлать? Если бѣжать — не убѣжишь отъ нихъ... Ну, думаю, была не была, выручай кума! И вхожу къ нимъ. „А голубчики, попались?—кричу, да грозно такъ.—Казаки, веревокъ сюда!“ Казакъ мой, спасибо, не обробѣлъ: мигомъ снялъ вожжи съ пристяжныхъ и просунулъ ихъ мнѣ въ дверь. „Романовъ!— говорю одному изъ нихъ, — вяжи товарища!“ Вижу, лихоманка ихъ трясетъ, а я, знаете, все спокойнѣе дѣлаюсь. Беретъ мой Романовъ конецъ вожжи и вяжетъ товарища,—здоровенный такой татаринъ былъ. „Ну, поворачивайся ты теперь!“ говорю Романову; и что жъ вы думаете?.. вѣдь поворачивается! Вяжу его другимъ концомъ. „Выходи теперь, ребята!“ Вышли они, смотрятъ по сторонамъ: стоитъ въ сторонкѣ моя тройка, да одинъ казакъ около дверей,—больше никого. „Гдѣ-жъ у васъ казаки, ваше благородіе?“—спрашиваютъ меня. „Ха, ха, ха, да я одинъ, голубчики!..“ Такъ посмотрѣли бы вы на нихъ, что съ ними тогда сдѣлалось: зубами заскрипѣли, глаза кровью налились, а дышатъ—словно запаленые кони. Когда поотошли немного, говорятъ: „виноваты, баринъ, оплошали мы маленько: думали, что овинъ-то у васъ оцѣпленъ...“ И вотъ штука-то, батюшка вы мой: кромѣ ножей, вѣдь, два револьвера при нихъ оказалось! Такъ вотъ она, надежда-то, какая бываетъ: я понадѣялся — и ладно вышло, а они не понадѣялись на себя, оброобѣли—и сгибли... Впрочемъ, Романовъ, слышно, опять гдѣ-то погуливаетъ: съ каторги убѣгъ— который уже разъ! Такой молодчина!..

— Ну, и смѣлости же въ васъ этой, Ксенофонтъ Акимычъ, право, предостаточно!.. Однако, покорнѣйше

прошу съ дорожки закусить. Прямо у меня отчего не остановились,—тамъ бы вамъ поспокойнѣе было?

— Нѣтъ ужъ, другъ любезный, не люблю я по гостямъ ѣздить! Оно лучше такъ-то, когда хозяиномъ себѣ на земской квартирѣ сидишь... А за угощенье — спасибо! Рябиновочки можно, уважаю эту штуку!..

— Покорнѣйше прошу, откушайте!

Ксенофонтъ Акимычъ, не торопясь, выпилъ, основательно закусилъ омулями, икрой, сардинками и швейцарскимъ сыромъ, еще выпилъ и еще закусилъ, похваливая водку и закуски. Иннокентій Иванычъ угощалъ усердно, но тѣмъ не менѣе сидѣлъ какъ на иголкахъ: очень ужъ хотѣлось ему поскорѣй перейдти къ дѣлу, но онъ зналъ уже по опыту, что „баринъ" торопливости не любитъ; приходилось терпѣливо ждать.

Выпивъ и закусивъ, засѣдатель придвинулъ къ себѣ стаканъ чаю, почти до половины отлилъ изъ него въ полоскательницу и долилъ коньякомъ, затѣмъ, отхлебнувъ хорошій глотокъ и вкусно присасывая и причмокивая, Ксенофонтъ Акимычъ вновь привалился въ уголъ дивана.

— Вотъ вы, добрѣйшій, говорите—„смѣлость". Безъ смѣлости въ нашемъ дѣлѣ не прожить; ну, и чтобы на эти вотъ вещественныя доказательства (онъ сжалъ свой жилистый, почтенныхъ размѣровъ кулакъ и слегка постучалъ имъ по столу) положиться можно было... Иду я такъ-то разъ поздно вечеромъ по городу обходомъ: глядь—въ одномъ кабакѣ еще свѣтъ есть, и два голоса о чемъ-то громко спорятъ. Дай, думаю, посмотрю—кто такіе, да разгоню ихъ, пока до драки не дошло. Вошелъ это, а ихъ тамъ шестеро, да все такіе ребята, съ которыми у меня, знаете, разные счета бывали... Они на

меня: „попался къ намъ въ лапы, такой-сякой!“ — кричатъ. Ну, вижу, тутъ церемониться ужъ нечего; надо себя спасать... Да ка-акъ сталъ налѣво и направо лущить, такъ они едва подниматься успѣвали!.. Одинъ— какъ сейчасъ помню — уткнулся головой подъ столъ, а ногами на лавкѣ; другой потомъ такъ-таки и оглохъ на лѣвое ухо... Да, бывали дѣла!.. Теперь вотъ я уже старѣть начинаю, все хвораю, знаете; а нѣсколько годковъ назадъ—ничего, крѣпокъ былъ.

— Это вы, Ксенофонтъ Акимычъ, все равно, какъ вотъ про Медвѣдева, пристава, разсказываютъ...

— Какъ онъ выслѣживалъ каторжнаго, да себя высѣчь велѣлъ въ волости, чтобъ пріятель счелъ его за поселенца?.. Нѣтъ, хвалиться не буду,—сѣчь себя не давалъ; а въ родѣ этого кое-что случалось... Разъ въ пятницу на Страстной въ присядку въ кабакѣ отплясывалъ съ однимъ разголубчикомъ, тоже съ каторги бѣжавшимъ; ну, насъ обоихъ и забрали за буйство въ чижовку: тамъ я отъ него все и выпыталъ. Потомъ едва-едва выпустили: не хотятъ признавать меня волостные, да и все тутъ, — такъ ловко я себя разукрасилъ... На домъ посылали узнавать — не тамъ ли я; ну, какъ сказали, что ушелъ куда-то ряженымъ, тогда повѣрили,—умыться дали. Изругалъ же я ихъ тогда здорово...

Ксенофонтъ Акимычъ допилъ стаканъ, мечтательно закурилъ папиросу и продожалъ свои повѣствованія, будто вовсе не замѣчая нервно-нетерпѣливаго состоянія духа своего слушателя.

— Да, скажу вамъ, — весело тамъ даже служить-то было, въ этихъ золотопромышленныхъ округахъ. Вотъ, взять хотя бы Витимъ. Однихъ кабаковъ тамъ десятка четыре будетъ, да этихъ притоновъ разныхъ — не пе-

речтешь!.. Привезетъ пароходъ промысловыхъ, знаете, рабочихъ, — всѣ кабаки сразу биткомъ набьются; а черезъ два часа—глядь, по улицамъ во всѣ стороны уже ползаютъ пріѣзжіе эти накарачкахъ, а то и просто валяются „тѣла"... И что эти кабатчики въ такую пору выдѣлывали, — не повѣрите! Случилось, напр., что въ всемъ Витимѣ водки не стало: выпили все, а подвозъ задержался; такъ кабатчики ополаскивали простой водой бочки изъ-подъ спирта, да душистый-то этотъ ладеколонъ и отпускали по двугривенному за шкаликъ!.. И вѣдь пили, и деньги платили,—хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ! — Ну, заведено было у меня, чтобъ по вечерамъ телѣга ѣздила, — эти „тѣла" самыя подбирать и въ каталажку доставлять, до вытрезвленія. Хорошо-съ. Доходятъ, однако, до меня слухи — и жалобы бывали, — что эти ангелы то хранители, обязанные пещись о грѣшныхъ душахъ, — что они преисправно очищаютъ карманы у пьяныхъ... Ну, батюшка мой, надо вамъ сказать, я всегда эти дѣла самъ раздѣлываю: это чтобы дать, тамъ, казаку или уряднику казачьему важное да отвѣтственное порученіе—никогда не дамъ!..

— Ужъ на что лучше, самому ежели? — замѣчаетъ, томительно вздыхая, Иннокентій Иванычъ.—Еще чайку стаканчикъ, Ксенофонтъ Акимычъ?..

— Чтожъ, налейте; зеліе это не во вредъ, а на потребу человѣку Богомъ создано. Да... Такъ вотъ — и дошли до меня слухи эти. Вымазалъ я себѣ, какъ полагается, рожу-то грязью и сажей, нарядился рабочимъ,—обноски поверхъ мундира на себя напялилъ, все какъ слѣдуетъ быть, — и пошелъ вечеркомъ на улицу, да возлѣ одного кабака и легъ въ канаву, будто мертвецки пьянъ; а въ карманѣ у меня пятирублевая бу-

мажка да пятіалтынный мѣдью. Слышу,—подъѣзжаетъ телѣга; подходитъ ко мнѣ кто-то, въ бокъ ногой толкаетъ. Я, знаете, не шелохнуся, — лежу. „Готовъ“ — говоритъ онъ-то, нагибается ко мнѣ, щупаетъ въ карманахъ. „Ишь ты,—бумажка; ну, это наша“,—шепчетъ; а мѣдяки, слышу, мнѣ оставилъ. Тѣмъ временемъ я все однимъ глазкомъ всматриваюсь, чтобы заприметить, кто такой около меня хлопочетъ: оказывается—сотскій. Положили меня, раба Божьяго, на телѣгу, привозятъ въ волостное правленіе; а я—ни рукой, ни ногой. Тамъ — помощникъ старшины, писарекъ какой-то; обыскиваютъ меня, распахнули халатъ на мнѣ — да засѣдательскій мундиръ и узрѣли. Ну, тутъ и я ужъ въ себя пришелъ, оглядываюсь,—гдѣ та харя, что меня обчистила? А онъ ужъ трясется!.. Сгребъ я его тутъ, знаете, да такую мельницу ему задалъ: „отдай мои денежки“, приговариваю, „отдай!..“ Потише много послѣ этого дѣла стало.

— Да-а-съ, дивно-таки по вашей должности непріятностей разныхъ претерпѣвать приходится!..—меланхолично замѣтилъ слушатель. Ѳеноѳонтъ Акимычъ мелькомъ взглянулъ на него, отхлебнулъ полстакана пуншу и, сладко улыбнувшись, продолжалъ:

— Ну, не однѣ ужъ непріятности!.. Бываютъ и пріятныя дѣла, хе, хе!.. Разскажу я вамъ хоть про одно дѣльце изъ пріятныхъ,—не очень еще давно случилось. Только, чуръ, женѣ не говорить, а то попадетъ мнѣ: она у меня строгая!.. Вотъ тутъ, въ Челдаевскомъ вѣдомствѣ, бурятка одна подозрѣвалась въ томъ, что мужа столкнула въ колодезь; а уликъ—никакихъ, свидѣтелей—нѣтъ, и не сознается, шельма этакая! Вотъ я допросъ произвелъ въ улусѣ, да и говорю ей-то: поѣдемъ, красавица, со мной въ село, нужно тамъ тебѣ протокольчикъ

подписать. Посадилъ ее въ кибитку,—ѣдемъ. Ну-съ, и началъ съ ней, знаете, сначала этакъ, потомъ такъ... хе, хе, хе!.. Да вѣрите ли,—еще до полдороги не доѣхали, а у меня ужъ... того!...

— Хо, хо! ну, ловко! Вотъ это такъ! — восхищался слушатель.

— Ну, знаете... убѣдилъ ее, что понравилась она мнѣ, что выручить ее изъ бѣды хочу, ну, напѣлъ ей съ три короба. Она и размякла, руки мнѣ цѣлуетъ, да все и разсказала, какъ мужа столкнула, и за что: „старый", говоритъ, „былъ, въ мужья не годился..." Да сама-то гладкая такая, аппетитная шельмочка, даромъ что съ рябинками на лицѣ,—какъ сейчасъ помню, одна рябинка вотъ здѣсь, подъ самымъ лѣвымъ глазомъ. Ну, упрятали, за всѣмъ тѣмъ, голубушку на двѣнадцать лѣтъ въ каторгу... А до сихъ поръ помню ее, славная такая!

— Хо, хо, хо!.. И мастакъ же вы, Ксенофонтъ Акимычъ! Охъ, уморили меня совсѣмъ, хо, хо!.. Такъ съ рябинками?

— Съ рябинками, шельма, хе, хе!.. И трудно же съ этими братскими возиться на допросахъ, я вамъ скажу, не приведи Богъ! Иной пять разъ показанія мѣняетъ: выйдетъ на вѣтерокъ, поговоритъ со своими, глядишь—опять лѣзетъ въ дверь: „эхъ, бародіе, неладно я говрилъ. Дурной русски языкъ, неладно сказалъ. Пиши опять..." Что съ нимъ подѣлаешь, съ подлецомъ? И пишешь заново.

— Ну, а съ мужиками какъ?

— Съ мужиками много легче, — я съ ними говорить умѣю, напрактиковался. Съ ними, знаете, надо покруче, по-военному: разъ—два, и готово, потому что народецъ, я вамъ доложу, бѣда до чего глупый. Самъ даже пользы

своей не видитъ!.. Вчера въ —ской волости выбирали троихъ судей для пополненія комплекта. И выбрали въ числѣ прочихъ одного круглаго дурака,—ну, одно слово, идіотъ совершеннѣйшій. Къ чему, спрашиваю, такого выбираете? Развѣ нѣтъ у васъ народу лучше? „Ничаго, проболтается“,—отвѣчаютъ. А потомъ сами будутъ жаловаться: „каки у насъ судьи!.. Нешто они разсудить могутъ?..“ Вотъ у меня такъ судъ,—простой и скорый. Разбуянился, напримѣръ, какъ-то въ кабакѣ одинъ прохожій солдатикъ,—стекла даже бить сталъ. Взяли было его, а онъ кричитъ: „не смѣете меня трогать, потому—я солдатъ!“ Ну, привели ко мнѣ, спрашиваютъ, что съ нимъ дѣлать. „Ты какъ смѣешь буянить? Или спина чешется?“ — говорю я ему. А онъ мнѣ тотъ же отвѣтъ: „не смѣете меня пороть,—я солдатъ...“ „А, ты солдатъ?! Эй, тащи-ка сюда солдатскихъ, подлиннѣе, да съ комлями!“ Да какъ всыпалъ ему штукъ полсотни горячихъ!... „Ну, теперь ступай, солдатъ, да не буянь у меня больше!“ Чешется солдатъ и говоритъ, смиренно такъ: „покорно благодаримъ за науку, ваше благородіе...“ „Не взыщи, другъ любезный,—чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!“... Да-съ, такъ вотъ какой народецъ-то.

— Нынче народъ бѣда,—оживился Иннокентій Ивановичъ.—Вотъ, взять хоть наше дѣло, о которомъ я васъ безпокоилъ. Помилуйте, если такимъ манеромъ...

— И знаете,—перебиваетъ собесѣдника баринъ, внимательно глядя на него,—безъ разныхъ этакихъ штучекъ и въ русскихъ волостяхъ дѣла не сдѣлаешь! Вотъ, напримѣръ, есть у меня штучка одна,—очень пользительна въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ: могу узнавать, не обыскивая, только по глазамъ, сколько у кого ден въ карманѣ имѣется!

— Шутникъ вы, Ксенофонтъ Акимычъ, — ухмылялся скупщикъ.

— А вотъ же—могу! Хотите, узнаю, сколько у васъ сейчасъ денегъ въ карманѣ? Хотите?

— Шутите!... Какъ это можно!

— Узнаю-съ, хотя и не чернокнижникъ. Смотрите только мнѣ въ глаза, прямо, вотъ такъ!.. Сто, двѣсти, триста... началъ съ разстановкою считать засѣдатель, пытливо глядя на собесѣдника:—четыреста, пятьсотъ... Пятьсотъ тридцать рублей у васъ въ карманѣ!

— Хе, хе!..—смѣялся, ежась, Иннокентій Иванычъ, у котораго было припасено въ карманѣ, на всякій случай, цѣлыхъ семьсотъ рублей.—Откуда такой суммѣ быть у меня? Мы такихъ денегъ и дома не имѣемъ, а если бы и имѣли, то съ собой бы никоимъ разомъ не таскали... Этакъ-то недолго и лишиться ихъ какимъ-нибудь манеромъ...

— И даже больше вамъ скажу, почтеннѣйшій: не только лишиться можно, но и непремѣнно лишитесь!.. Вотъ, черезъ полчаса будете у себя дома пересчитывать ихъ, а ихъ только тридцать рублей окажется, да-съ!

Иннокентій Иванычъ вдругъ заволновался на своемъ сидѣньи: онъ сначала поперхнулся и раскашлялся, потомъ вытащилъ изъ кармана миткалевый платокъ съ пунцовыми разводами, отеръ себѣ лобъ и лысину, потомъ крякнулъ, перемѣнилъ положеніе туловища на креслѣ и скороговоркой, вполголоса замѣтилъ:

— Многонько очень ужъ будетъ, Ксенофонтъ Акимычъ... Сотенки три найдется...

— Да, такъ какъ же, почтеннѣйшій,—не понравилась вамъ моя штучка? — замѣтилъ баринъ, поднимаясь съ дивана.—Эй, хозяинъ!..

— Вамъ что-же требуется-съ, Ксенофонтъ Акимычъ? Прикажите-съ, сію минуту велю-съ!—торопливо спрашивалъ скупщикъ.

— Да вотъ, за лошадьми послать хочу, ѣхать пора!

— Ѣхать?! Куда же-съ?

— Какъ куда? Мало ли у меня дѣлъ?.. Вотъ, въ степной думѣ побывать нужно, потомъ въ Медвѣдевку заѣду...

— А наше-то дѣло съ?!—упавшимъ голосомъ воскликнулъ Иннокентій Иванычъ.—Нѣтъ ужъ вы, ваше благородіе, присядьте... Мы на это не согласны-съ...

И, торопливо доставъ изъ бумажника пять „катеринокъ", онъ положилъ ихъ на столъ передъ засѣдателемъ. Тотъ быстрымъ движеніемъ смялъ бумажки въ комокъ и сунулъ въ карманъ брюкъ; затѣмъ, усѣвшись на диванъ, отодвинулъ свой недопитый еще стаканъ пуншу:

— Ну-съ, почтеннѣйшій Иннокентій Иванычъ, садитесь, да побесѣдуемъ теперь толкомъ.

И про разныя лековскія штуки больше у нихъ не заходило рѣчей.

Засѣдатель еще спалъ, когда на другое утро къ нему заявился Бухманъ. Еврей терпѣливо дождался пробужденія барина и тогда попросилъ доложить о себѣ. Онъ былъ вскорѣ принятъ; баринъ былъ полуодѣтъ и расчесывалъ свои густые волосы.

— Что скажете, почтеннѣйшій? Чѣмъ могу служить?

Бухманъ подвинулся шага на два впередъ и, пріятно улыбаясь и склонивъ голову нѣсколько набокъ, отвѣтилъ, стараясь щегольнуть изящными оборотами рѣчи:

— Явился благодарить ваше благородіе за ту горячность, съ которой вы изволили отнестись къ нашему дѣлу. Я самъ хотѣлъ просить васъ своимъ личнымъ присутствіемъ и словесными разъясненіями укрѣпить новый

порядокъ взвѣшиванія хлѣба на здѣшнемъ базарѣ. При этомъ не смѣю сомнѣваться, что ваше благородіе отнесетесь къ новому порядку сочувствующе, какъ господинъ просвѣщенный начальникъ, потому что теперь будетъ уничтожена масса злоупотребленій, и бѣдные мужички вздохнутъ легко.

— Да, да,—перебилъ засѣдатель, — прекрасное дѣло, я весьма радъ и сочувствую... Однако, торговцы подали мнѣ заявленіе,—жалуются, что новые порядки для нихъ весьма стѣснительны. Нарушается, нѣкоторымъ образомъ, священная и неприкосновенная свобода торговли, вводится монополія... А нарушеній закона я допустить, знаете, не могу! не могу-съ!...

Послѣ нѣсколькихъ репликъ съ той и другой стороны, Бухманъ осторожно вынулъ изъ кармана сторублевую бумажку и положилъ ее самымъ деликатнымъ образомъ на столъ... но потерпѣлъ жестокій афронтъ:

— Почтеннѣйшій,—сказалъ засѣдатель, сурово глядя на него:—не хочу только съ вами ссориться, а то слѣдовало бы сейчасъ же составить соотвѣтствующій случаю протокольчикъ, съ присовокупленіемъ къ оному сей депозитки на богоугодныя дѣла. Какъ бы это вамъ понравилось, а?... Уходите-ка лучше подобру-поздорову съ вашими деньгами, и знайте, что я... ха, ха!... взятокъ-съ не беру!... Да-съ!

Черезъ часъ на земскую, барскую тожъ, квартиру были позваны сельскія власти, — староста, его помощникъ, сборщикъ податей, писарь и десятка два „стариковъ“ — по усмотрѣнію старосты; приглашены было также и „стороны“, т.-е. скупщики и Бухманъ. Здѣсь они выслушали слѣдующее „разъясненіе“ ихъ „запутаннаго дѣла“. Базаръ у нихъ существуетъ, несомнѣнно, на за-

конныхъ основаніяхъ; также полное право катойцы имѣютъ устроить на немъ общественные вѣсы, желающіе могутъ на этихъ вѣсахъ взвѣшивать всякіе продукты, а общество въ правѣ взимать за пользованіе вѣсами извѣстную плату съ пуда въ свою кассу, или же предоставить это дѣло частному лицу, арендатору вѣсовъ (тутъ ораторъ весьма одобрительно отнесся о „г. Бухманѣ", какъ о человѣкѣ, извѣстномъ своей добросовѣстностью и основательностью). Но свобода торговли никоимъ образомъ стѣсняема быть не можетъ, ибо она неприкосновенна и охраняется существующими законоположеніями; поэтому строго возбраняется какое бы то ни было принужденіе по отношенію къ продавцамъ, въ томъ смыслѣ, чтобы они привозимые ими для продажи продукты обязательно взвѣшивали на базарныхъ вѣсахъ: пусть каждый поступаетъ съ своимъ товаромъ, какъ ему угодно, и взвѣшиваетъ его—на базарѣ, такъ на базарѣ, а если онъ желаетъ ѣхать прямо къ торговцу на дворъ, то это ему запрещаемо быть не можетъ.

Собравшіеся, кромѣ развѣ скупщиковъ, недоумѣвали: въ чемъ же тутъ загвоздка? А нѣкоторые мужики попроще—такъ даже благодарили барина.

— Вотъ ужъ покорнѣйше благодаримъ на этомъ, ваше благородіе, что потрудились по нашему дѣлу!... А то, по правдѣ сказать, маленько и насъ сумнѣнье брало: въ законѣ ли все это мы надѣлали, да какъ бы за что въ отвѣтѣ не быть?...

Такихъ рабскихъ личностей, привыкшихъ постоянно сообразоваться, хотя бы на словахъ, со взглядами начальства, достаточно имѣется и въ Сибири; и часто случается имъ, даже ненарокомъ, выручать начальство въ критическія для него минуты. Такъ, и въ данномъ слу-

чаѣ начальство, заслышавъ рабьи голоса, воспрянуло духомъ, вошло въ роль благодѣтеля и стало увѣрять, что оно всегда готово, не щадя трудовъ своихъ, содѣйствовать разъясненію всякихъ недоразумѣній, что это его священная обязанность, что оно только и думаетъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ хорошо было, и т. д. А рабы стояли и усердно благодарили... Затѣмъ присутствовавшимъ предложено было дать подписку въ выслушаніи надлежащаго разъясненія вопроса; отказался отъ подписки только Бухманъ, инстинктивно чувствовавшій, что тутъ что-то да есть.

Дѣло оказалось даже проще, чѣмъ онъ думалъ. Непониманіе собственной пользы, склонность къ рутинѣ и неумѣнье сдѣлать правильный расчетъ барышамъ такъ велики у катойцевъ, а особенно у окрестныхъ бурятъ, что лишь только имъ пришлось самимъ рѣшать, какъ лучше производить взвѣшиванье хлѣба, „по-старому“ или „по-новому“, какъ они немедленно стали втупикъ, несмотря на то, что нечистыя операціи скупщиковъ были имъ достаточно хорошо извѣстны по многолѣтнему опыту. А когда скупщики объявили, что они будутъ платить за хлѣбъ, взвѣшенный на базарѣ, по пятачку на пудъ дешевле противъ той цѣны, которую они платятъ за хлѣбъ, взвѣшенный на вѣсахъ у нихъ дома, то огромное большинство продавцевъ потянуло къ нимъ. Каждый здравомыслящій человѣкъ могъ только ужасаться этому повальному неразумію массы; а масса ничего слушать не хотѣла, кромѣ того, что *тамъ* даютъ пятачкомъ дороже, чѣмъ здѣсь; относительно же обвѣсовъ каждый изъ членовъ этой стадной массы утѣшалъ себя, вѣроятно, тѣми предположеніеми, что ужъ его-то больше не поддѣнутъ на удочку, что нонѣ времена не

тѣ, и т. д., и, въ доказательство, что времена не тѣ, ссылался на базарные же вѣсы, которые стояли, тѣмъ не менѣе, почти въ полномъ бездѣйствіи. Видъ этого повальнаго неразумія могъ бы привести въ отчаяніе самаго розоваго оптимиста...

Бухманъ также приходилъ въ отчаяніе, хотя и по нѣсколько иному поводу: онъ терпѣлъ крупные матеріальные убытки отъ этого предпріятія. Нѣсколько сотъ рублей было имъ затрачено на устройство вѣсовъ; контрактъ съ обществомъ, которому онъ обязался платить по 250 руб. въ годъ, оставался въ силѣ, а вѣсы не оправдывали даже текущихъ расходовъ по надзору за ними. Сельскія власти отказались отъ какого бы то ни было активнаго вмѣшательства въ это дѣло (увѣряютъ, что всѣ онѣ получили по частичкѣ изъ остатковъ отъ собранной по разверсткѣ тысченки), скупщики смѣялись ему прямо въ лицо, и Бухманъ сталъ метаться, какъ раненый звѣрь

Прошло не мало времени съ описаннаго пріѣзда засѣдателя въ Катой, а Бухманъ все еще ходитъ по разнымъ учрежденіямъ и начальствамъ всякихъ степеней; но до сихъ поръ онъ вездѣ получалъ одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: „мы въ этомъ дѣлѣ вамъ ничѣмъ помочь не можемъ; хозяиномъ въ немъ — сельское общество.“ И по буквѣ закона—они, дающіе этотъ отвѣтъ, совершенно правы. Но сельское общество молчитъ, потому что скупщики стали мѣстнымъ крестьянамъ вѣшать хлѣбъ правильно, а всѣ свои убытки написали въ счетъ несообразительнымъ, безгласнымъ и падкимъ до водки бурятамъ.

Бухманъ подумываетъ вчинить гражданскій искъ къ сельскому обществу за неисполненіе договора, расторгнуть контрактъ и возмѣстить всѣ свои убытки судомъ...

## VIII.

## ВЪ ГОСТЯХЪ У ДУХОБОРЦЕВЪ И СУББОТНИКОВЪ.

Роль и значеніе сектантства въ Сибири. Историческая справка о духоборствѣ. Духоборцы Иркутскаго округа.—Нѣсколько словъ о старинной ереси жидовствующихъ; слѣды существованія этой ереси въ позднѣйшіе періоды. Вѣроученіе и черты быта субботниковъ нынѣшняго вѣка. Субботники Балаганскаго округа.

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ я упомянулъ бѣгло, что наблюдатель духовно-нравственной жизни сибиряка постоянно встрѣчается съ однимъ любопытнымъ явленіемъ, требующимъ объясненія.

Мѣстное населеніе оказывается довольно слабо привязаннымъ къ церкви и къ своимъ обрядамъ; при этомъ бокъ-о-бокъ съ нимъ и вперемежку живутъ ссыльные сектанты разнообразныхъ толковъ, отъ старообрядцевъ, рабовъ формы, до мистиковъ и даже чистыхъ раціоналистовъ включительно. Многія изъ этихъ сектъ съ чрезвычайной быстротой распространились, да и теперь распространяются по Россіи; отсюда надо заключить, что—съ одной стороны—въ этихъ ученіяхъ есть нѣчто, привлекающее къ себѣ сердца, которыя ищутъ царство правды на землѣ; и что—съ другой стороны—господствующая церковь не устранила еще всѣхъ условій, которыя способствуютъ отпаденію отъ нея значитель-

ныхъ массъ населенія. Въ виду этихъ посылокъ,—слабой связи населенія съ церковью и наличности разныхъ сектантскихъ группъ, — можно было бы предположить, что разныя ересеученія дѣлаютъ въ Сибири сильные успѣхи, быстро распространяясь среди коренного населенія; однако это не вѣрно: сектантство и расколъ не выказываютъ здѣсь почти никакой способности привлекать къ себѣ прозелитовъ. Сектанты размножаются чуть ли не исключительно естественнымъ путемъ, и никакого пожара въ умахъ старожиловъ ихъ мистическія или раціоналистическія ученія не производятъ. Раскольники же живутъ совершенно замкнуто и почти никакъ не вліяютъ на своихъ сосѣдей-сибиряковъ. Объяснить это странное безсиліе въ Сибири ученій, являющихся столь серьезными противниками церкви въ Россіи, можно только тѣмъ, что само православное населеніе сибирское значительно разнится, по своимъ отношеніямъ къ дѣламъ вѣры и вообще къ вопросамъ духовнаго и этическаго порядковъ отъ населенія велико и малорусскаго.

Оставаясь православнымъ, сибирякъ индифферентенъ къ вопросамъ вѣры вообще. Привыкнувъ издавна видѣть въ своей средѣ ссыльныхъ сектантовъ разныхъ толковъ, затѣмъ — евреевъ, магометанъ, лютеранъ, католиковъ, приглядываясь къ жизни и вѣрованіямъ своихъ близкихъ сосѣдей — буддистовъ и шаманистовъ, онъ выработалъ себѣ извѣстную вѣротерпимость взглядовъ; а приглядываясь съ этой точки зрѣнія къ дѣламъ своей церкви, онъ сталъ критически относиться ко многому и въ этой послѣдней. Нельзя отрицать и того, что экономическія условія, гораздо болѣе благопріятныя въ Сибири, чѣмъ въ Россіи, не такъ энергично толкаютъ мѣстное населеніе на путь страстнаго исканія идеаловъ

и „правды, ушедшей на небо“, ожиданія царства Христова на землѣ, кончины міра, появленія антихриста,—какъ это наблюдается въ Россіи, гдѣ тяжелыя матеріальныя условія, давящія и принижающія личность, побуждаютъ ее искать въ религіи поддержки, утѣшенія, или хотя бы объясненія происходящихъ вокругъ нея ужасовъ.

Считаю нужнымъ оговориться: не только въ этнографическихъ очеркахъ другихъ авторовъ, но и въ моихъ собственныхъ можно найти не мало указаній на презрительно-враждебное отношеніе иныхъ сибиряковъ къ иновѣрцамъ: бурята они называютъ „тварью“, еврея—„жидюгой, христопродавцемъ“, татарина — „свинымъ ухомъ“. Но дѣлается это преимущественно въ минуты раздраженія, или же—„такъ себѣ, по привычкѣ, шутки для“. За то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ православные находятся въ близкомъ и постоянномъ соприкосновеніи съ значительными массами тѣхъ или другихъ иновѣрцевъ, отчужденности между этими двумя группами не замѣчается. Даже болѣе того: какъ давно извѣстно, русскіе проявляютъ иногда слишкомъ большія способности терять, при извѣстныхъ условіяхъ, свои національныя черты и объякучиваться, отунгузиваться и т. д., забывая свои обычаи языкъ и вѣрованія; а это было бы невозможно при отсутствіи извѣстной доли терпимости у русскихъ по отношенію къ инородцамъ. Если же попытаться узнать причины презрительнаго отношенія къ иновѣрцамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они являются рѣдкими исключеніями среди массы православнаго населенія, то придется услышать приблизительно слѣдующее: „какъ же не тварь, коли они конину и всякую падаль жрутъ?“ Или: „извѣстно жидъ;

все ему нужно унюхать, всюду пролѣзть, вездѣ кусокъ урвать!..." Или: „татары—ничего народъ; только какъ они, значитъ, свинины не ѣдятъ, такъ вотъ поэтому ихъ и дражнимъ..." Изъ цѣлаго ряда подобныхъ отвѣтовъ, изъ многихъ наблюденій надъ дѣловыми отношеніями православныхъ къ иновѣрцамъ можно заключить, что антагонизмъ первыхъ къ послѣднимъ поддерживается по сію пору исключительно бытовыми и расовыми особенностями ихъ, религіозная же рознь не играетъ почти никакой роли въ этомъ дѣлѣ. Для сибиряка—бурятъ, еврей, татаринъ—чужіе, и часто чужіе, вызывающіе высокомѣрное къ себѣ отношеніе, но не потому, что они молятся иначе, чѣмъ онъ, а потому, что они живутъ, ѣдятъ, говорятъ, жестикулируютъ, одѣваются, ведутъ свои дѣла иначе, чѣмъ онъ. Не будь этихъ внѣшнихъ, бросающихся въ глаза отличій, крестьянинъ-сибирякъ лишь изрѣдка вспоминалъ бы, что онъ и они — дѣти не одной матери-церкви; вспоминалъ бы это, главнымъ образомъ, при столкновеніи ихъ матеріальныхъ интересовъ. Теперь же онъ пользуется легкой возможностью подводить подъ понятіе объ иновѣріи всѣ черты быта и характера неродственныхъ ему группъ населенія.

По офиціальнымъ даннымъ, на 212 тысячъ православнаго сельскаго населенія трехъ южныхъ округовъ Иркутской губерніи приходится иновѣрцевъ, не считая буддистовъ и шаманистовъ (первыхъ 12 т., вторыхъ 38 т. душъ обоего пола), около 5800 душъ обоего пола, т.-е. $2{,}_2\%$. Значительную часть ихъ составляютъ ссыльные въ первомъ поколѣніи: многіе изъ уголовныхъ, какъ извѣстно, не обзаводятся семьей и, поэтому, не оставляютъ послѣ себя потомства иновѣрческаго (это

особенно относится къ лютеранской и католической группамъ). Изъ числа сектантовъ, которые могутъ или могли бы, при другихъ условіяхъ, оказывать замѣтное вліяніе на православную массу, заслуживаютъ вниманія только двѣ группы: духоборцы и субботники (жидовствующіе); прочія секты имѣютъ своими представителями лишь по нѣскольку человѣкъ ссыльныхъ въ порвомъ поколѣніи, хотя, конечно, при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, на подготовленной почвѣ, даже одинъ штундистъ или шелапутъ могъ бы выростить много зеренъ своего ученія; но почва—повторяю—не слишкомъ-то воспріимчива къ этическимъ ученіямъ, будь то мистическія или раціоналистическія,—все равно. Что касается указанныхъ двухъ группъ сектантовъ, то численность ихъ такова: субботниковъ насчитано, по переписи 1888 года, 91 семья съ 653 душами обоего пола, а духоборцевъ—8 семей съ 43 душами.

Во время разъѣздовъ по Иркутской губ. мнѣ пришлось лично познакомиться съ этими группами мѣстнаго населенія, хотя—къ сожалѣнію—очень бѣгло: тѣмъ не менѣе, въ виду интереса самаго предмета, мнѣ думается, что нѣсколько страницъ, отведенныхъ разсказу о встрѣчѣ съ людьми, „взыскующими града", не будутъ загублены вовсе ужъ безполезно.

---

Хотя и не совсѣмъ твердо установлено время появленія молоканско-духоборческой секты, но его принято относить къ концу первой половины прошлаго столѣтія, а мѣстомъ ея появленія—считать Тамбовскую и Харьковскую губерніи. Сектанты называли себя „духовными христіанами", и это названіе сохранилось, отчасти, и теперь. По смерти Силуана Колесникова, давшаго плоть

и кровь новой сектѣ, въ ней образовался расколъ: часть сектантовъ осталась вѣрна ученію Колесникова и его ученика, Уклеина, другая же приняла толкованіе новыхъ реформаторовъ, Побирохина и Капустина, о значеніи духовныхъ книгъ, и разошлась съ уклеинцами въ пониманіи нѣсколькихъ другихъ, въ сущности второстепенныхъ, вопросовъ. Такъ произошло дѣленіе секты на молоканъ и духоборцевъ, по духу своихъ вѣрованій розпящихся и теперь очень немногимъ, но тѣмъ не менѣе ненавидящихъ другъ друга со всей страстностью ограниченныхъ фанатиковъ. Въ прошломъ столѣтіи происходило сильное гоненіе на духоборцевъ: ихъ ссылали въ Сибирь, на островъ Эзель, въ Колу; въ 1802—1804 гг. разрѣшено было сектантамъ, остававшимся во внутренней Россіи, въ разныхъ мѣстахъ, переселиться всѣмъ вмѣстѣ на „Молочныя воды", въ Мелитопольскій (Маріупольскій) уѣздъ, Таврической губерніи; затѣмъ, послѣ личнаго своего знакомства съ сектантами, Императоръ Александръ I разрѣшилъ переселиться туда и разосланнымъ по окраинамъ Россіи духоборцамъ. Новыя поселенія на „Молочныхъ водахъ" очень процвѣтали, особенно въ первое время ихъ существованія: въ основу своихъ взаимныхъ отношеній сектанты положили чисто-коммунистическія начала; но, хотя мірское хозяйство шло весьма успѣшно со стороны матеріальныхъ результатовъ, коммуна продержалась на „Молочныхъ водахъ" недолго, и къ концу 20-хъ годовъ ея не оставалось и слѣда. Ея мѣсто заняло теократическое господство „совѣта тридцати", который взялъ на себя обязанность выслѣживать поступки неблагонадежныхъ братій, дѣйствовалъ на подобіе святой Германдады и, какъ увѣряютъ нѣкоторыя лица и учрежденія, замаралъ себя не однимъ

тайнымъ преступленіемъ. По той ли причинѣ, что нѣкоторыя изъ этихъ преступленій были обнаружены (что̀ весьма сомнительно), или по другимъ какимъ-либо причинамъ,—въ 1841 году было сдѣлано распоряженіе выселить сектантовъ съ „Молочныхъ водъ“ въ Закавказье, въ районы нынѣшнихъ Ахалцыхскаго и Елизаветпольскаго уѣздовъ. Мѣстности для поселенія были выбраны нездоровыя, постоянная опасность угрожала поселенцамъ со стороны незамиренныхъ еще горцевъ и многочисленныхъ разбойниковъ, но колонисты стойко выдержали всѣ испытанія и заселяютъ теперь въ указанной мѣстности цѣлые округа.

Секта эта признана „вредною“ главнымъ образомъ потому, что духоборцы отказываются отъ присяги и отъ службы въ войскахъ подъ ружьемъ, считая всякое убійство, даже на войнѣ, грѣхомъ. Основное положеніе духоборчества заключается въ томъ, что Богъ пребываетъ въ человѣкѣ, — въ иныхъ больше, въ другихъ меньше; поэтому лучшіе изъ людей,—учителя и пророки,—такъ полны благодати Божьей, что могутъ быть обоготворяемы: на этомъ основаніи Колесниковъ, Побирохинъ и другіе учителя называли себя „богомъ“. Но рядомъ съ мистическими началами въ ученіи духоборцевъ можно отмѣтить не мало раціоналистическихъ чертъ, какъ-то: отрицаніе обрядовъ, иконъ, храмовъ, духовной іерархіи, а также попытки переформировать экономическія и семейныя отношенія членовъ секты.

Таковъ краткій историческій очеркъ духоборческой секты въ Россіи; что касается жизни ссыльныхъ сектантовъ въ Сибири вообще, и въ Иркутской губерніи—въ частности, то по этому вопросу неизвѣстно почти ничего; впрочемъ, имѣется указаніе, что ссыльные духо-

борцы Иркутской губерніи просили въ 1805 г. о дозволеніи имъ переселиться также на „Молочныя воды“, но получили тогда отказъ и переселились уже, вѣроятно, позднѣе, послѣ милостиваго разрѣшенія Александра I, лично побывавшаго въ молочныхъ колоніяхъ. Кто изъ духоборцевъ, когда и за что именно былъ впослѣдствіи сосланъ въ Восточную Сибирь, мнѣ также неизвѣстно.

Въ Оёкской волости, Иркутскаго округа, въ 40 верстахъ отъ Иркутска, въ трехъ верстахъ отъ большого села Оёка, имѣющаго $3^1/_2$ тыс. жителей, находится весьма ординарное по внѣшнему виду, по земельнымъ и другимъ экономическимъ условіямъ, село Котинское, съ 150 дворами старожиловъ-сибиряковъ и десяткомъ дворовъ пришлаго населенія. Въ селѣ есть свой причтъ и церковь, построенная Иркутскимъ жертвователемъ-купцомъ, бывшимъ котинскимъ крестьяниномъ; есть кабакъ, содержимый другимъ купцомъ, только еще намѣревающимся построить гдѣ-нибудь церковь, во искупленіе совершенныхъ имъ грѣховъ; есть и мелочная лавочка „политическаго ссыльнаго изъ дворянъ“ (т.-е. участника польскаго возстанія), пускающаго тысячъ пять денегъ въ оборотъ за „христіанскіе“ проценты, 40—80 годовыхъ, подъ залогъ покосныхъ паевъ, пашни, коровъ, лошадей и прочаго имущества крестьянъ, которые называютъ его за это своимъ „благодѣтелемъ“; словомъ, Котинское—село какъ село и замѣчательно въ ряду прочихъ только тѣмъ, что служитъ единственнымъ пунктомъ хотя слабаго развитія духоборческой секты въ Иркутской губерніи.

До пріѣзда въ Котинское я зналъ относительно мѣстныхъ духоборцевъ только то, что ихъ тамъ имѣется около 40 душъ; свѣдѣнія о зарожденіи секты, объ ея

ростѣ, объ отношеніяхъ православныхъ къ духоборцамъ—разсказалъ мнѣ тамошній сельскій писарь, мѣстный крестьянинъ, далеко не похожій на господствующій типъ писарей изъ ссыльно-поселенцевъ, пьяныхъ, пронырливыхъ и вороватыхъ. Лѣтъ 20 назадъ, мать одного изъ котинскихъ крестьянъ, бывшая за какія-то провинности въ ссылкѣ въ Якутской области, вернулась оттуда въ родное село въ сопровожденіи какого-то „смирнаго на видъ старичка". Этотъ гость скромненько перезимовалъ въ селѣ зиму, на весну ушелъ, неизвѣстно куда, но оставилъ прочные слѣды своего пребыванія въ Котинскомъ: спустя нѣкоторое время три или четыре семьи мѣстныхъ старожиловъ торжественно, на сходѣ, отказались вносить ругу духовенству, доставлять дрова въ церковь и причту, платить квартирныя деньги псаломщику,—словомъ заявили, что „относить" какія бы то ни было церковныя повинности они больше не будутъ, а въ подтвержденіе своихъ словъ о разрывѣ съ православіемъ отнесли бывшія у нихъ иконы въ церковь. На вопросы удивленныхъ односельцевъ, что все это значитъ, диссиденты заявили, что отнынѣ они церковь, таинства, обряды и священниковъ знать не хотятъ, что они стали „духовными христіанами, духоборами".

— Мы ходили до днесь во мракѣ и только теперь нашли истинную вѣру и путь ко спасенію!—отвѣчали они торжественно.

Конечно, такой крупный фактъ не могъ пройти незамѣченнымъ со стороны „наблюденіе имѣющихъ"... Сектантамъ приходилось первое время довольно круто. Но они твердо перенесли искусъ, и существованіе секты въ Котинскомъ было, наконецъ, признано оффиціальнымъ порядкомъ: выданы были въ волости книги для записи

рожденій, браковъ и смерти сектантовъ, а внушенія прекратились или стали менѣе настойчивыми. Православные стали „относить“ церковныя повинности за сектантовъ, наваливъ за это на нихъ лишнія подводы и другія мірскія службы, не имѣющія отношенія къ церкви.

За истекшія двадцать лѣтъ къ сектѣ присоединилось въ разное время еще четыре крестьянскихъ семьи, такъ что теперь ихъ считается уже 20 мужчинъ и 23 женщины; тѣмъ не менѣе, такой ростъ секты надо считать очень медленнымъ, если сравнить его съ неимовѣрно быстрыми успѣхами сектантскихъ пропагандъ въ Россіи. Нынѣшнее отношеніе православныхъ къ сектантамъ въ Оёкской волости и въ сосѣднихъ можно назвать сдержанно-любопытнымъ: каждый изъ сыновъ истинной церкви съ недовѣрчивымъ любопытствомъ, иногда маскируемымъ пренебреженіемъ, наблюдаетъ за дѣйствіями своихъ сосѣдей-еретиковъ, какъ-будто находясь въ постоянномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ они выкинутъ какую-нибудь „штуку“. Православные выражаютъ свое общее мнѣніе о духоборахъ приблизительно такъ: „ничего худого не видали, окромя того, чѣмъ мы сами грѣшны; пьянства этого у нихъ и въ заведеньи нѣтъ; о спасеніи души заботятся много—больше нашего, только посвоему, извѣстно; ну, а вотъ то не хорошо, что церкву, иконы и все прочее не почитаютъ.“

Но если затронуть въ разговорѣ съ котинцами экономическую связь между этими двумя сторонами, то православные непремѣнно начинаютъ говорить обиженнымъ тономъ объ отказѣ духоборцевъ „относить“ церковныя повинности.

— Да вѣдь вы жъ навалили на нихъ лишнія повинности за освобожденіе отъ руги и прочаго?

— Такъ-то оно такъ, а все жъ обидно!...

Съ своей стороны духоборцы объяснили, что они относятъ лишнихъ мірскихъ повинностей на сумму вдвое бо̀льшую, чѣмъ стоили бы всѣ церковныя, отъ которыхъ они отказались.

— Рады притѣснить насъ, потому что ихъ—сила, цѣлое воинство, а насъ—горстка. Ну, да мы и не то еще претерпѣть готовы за правую вѣру!

Въ числѣ домохозяевъ котинскихъ, съ которыми я бесѣдовалъ о „земельномъ удовольствіи“ и объ общественныхъ дѣлахъ и распорядкахъ, былъ одинъ духоборъ, только недавно еще покинувшій православіе, какъ мнѣ шепнулъ писарь. Улучивъ моментъ, когда на насъ никто не обращалъ вниманія, я спросилъ неофита:

— Вы, вѣдь, духоборъ?

Онъ пристально и недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня, но поспѣшилъ отвѣтить утвердительно.

Вечеромъ, по окончаніи занятій, я спросилъ писаря, не проводитъ ли онъ меня къ давешнему духобору, и ловко ли будетъ заявиться къ нему незванымъ гостемъ? Писарь разсѣялъ всѣ мои на этотъ счетъ сомнѣнія, и мы пошли по кривымъ, узкимъ переулкамъ села. У маленькой, неказистой на видъ, избы съ полуразрушенной оградой двора, писарь остановился.

— Вотъ, это и есть изба Николая Петровича. Что жъ, стучать?

— А вы какъ,—войдете, или мнѣ одному идти? Васъ онъ не постѣснится?

— Нѣтъ, онъ за все просто! Они меня знаютъ.

Нашъ стукъ въ ворота и лай собаки вызвали хозяина на дворъ.

— Кто здѣсь?—спросилъ онъ, пріотворивъ калитку.

Я сталъ такъ, чтобы лунный свѣтъ падалъ мнѣ на лицо, и отвѣтилъ вопросомъ на вопросъ:

— Незваныхъ гостей принимаете, Николай Петровичъ?

Онъ нѣсколько смѣшался отъ неожиданности, но тотчасъ же постарался овладѣть собой и утрированно-спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Гость гостю рознь: всякіе бываютъ!... Пожалуйте.

Внутренняя обстановка избы оказалась также очень бѣдной. Четвертая часть пространства была занята поосѣвшей уже отъ дряхлости русской печкой; на маленькомъ „очагѣ", врѣзанномъ въ углу этой печи въ полутора аршинахъ отъ пола, ярко горѣли мелко наколотыя три-четыре полѣнца дровъ, распространяя по всей избѣ тепло и свѣтъ (бѣдные сибирскіе крестьяне освѣщаютъ такимъ образомъ свое жилище въ теченіе всей зимы); старыя черныя палати низко нависли надъ дверью; въ углу стояла кровать съ рваной кошмой вмѣсто тюфяка и съ двумя засаленными подушками; въ „красномъ" углу—столъ; по двумъ стѣнамъ—лавки. Иконъ не было.

Въ избѣ, кромѣ хозяина и его семьи—жены и двухъ дѣтей—были еще двое крестьянъ, зашедшихъ, очевидно, „на минутку" и сидѣвшихъ съ шапками въ рукахъ: одинъ изъ нихъ, совсѣмъ заурядный, съ виду, крестьянинъ, курилъ трубку; другой—и болѣе чистой одеждой своей, и широкимъ, сытымъ лицомъ, походилъ скорѣе на „дворника", т.-е. содержателя постоялаго двора, нежели на крестьянина-хлѣбопашца. При моемъ входѣ хозяйка засуетилась, бросилась стирать что-то со стола, хотя онъ былъ вполнѣ чистъ, зажгла маленькую коптящую лампочку, поправила дрова на очагѣ, присѣла къ люлькѣ, въ которой запищалъ ребенокъ. Хозяинъ

тоже не зналъ, что́ дѣлать съ своей высокой фигурой, и безъ толку топтался около стола, наблюдая за хлопотами жены. Всѣхъ невозмутимѣе оказался толстолицый гость.

— Вотъ, ихъ благородіе захотѣли посмотрѣть, какъ ты живешь, Николай Петровичъ,—въ видѣ слабой рекомендаціи замѣтилъ писарь и усѣлся на кровать, рядомъ съ курившимъ гостемъ.

— Что жъ, милости просимъ! Мы хорошему человѣку рады....

Наступила пауза; прервать ее, конечно, слѣдовало мнѣ. Я оглядѣлся кругомъ въ надеждѣ найти тему для разговора, и къ счастью скоро нашелъ ее: спросилъ о цѣнѣ керосина и о томъ, распространяется ли его употребленіе въ деревняхъ? Меня спросили, какова его цѣна въ Россіи? Потомъ перешли къ цѣнамъ на прочіе товары въ деревенской лавочкѣ; отсюда ужъ рукой было подать къ разсужденіямъ о благодѣяніяхъ, оказываемыхъ нуждающимся въ кредитѣ крестьянамъ „двоp яниномъ изъ ссыльныхъ"; потомъ коснулись устройства ссудо-сберегательныхъ волостныхъ кассъ—и т. д. Разговоръ сдѣлался довольно оживленнымъ, хотя его поддерживали, кромѣ меня, только двое: сытый мужикъ и писарь; прочіе же почти все время молчали.

Я не зналъ, удобно ли переходить къ вопросамъ о вѣрѣ, въ виду присутствія гостей, отношенія которыхъ къ хозяину были мнѣ неизвѣстны; но въ одну изъ маленькихъ паузъ сытый мужикъ самъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы вотъ, по всему видать, россійскіе будете; а на Капказѣ вы не бывали?

— Нѣтъ, не бывалъ, а кое-что изъ книгъ знаю про него.

— Слыхать, тамъ наши духоборы живутъ. Ладно ли тамъ жить-то?

— Это въ Закавказьи, около Ленкорани, въ Ахалцыхскомъ и Елисаветпольскомъ уѣздахъ?

— Вотъ, вотъ, эти самыя мѣста!... значитъ, доводилось бывать?

Я разсказалъ, что̀ помнилось, о тамошнемъ климатѣ, объ условіяхъ жизни и проч. Они слушали со вниманіемъ, разспросили, далеко ли это отъ Петербурга, далеко ли отъ Иркутска, какъ туда проѣхать, и что будетъ стоить проѣздъ; на послѣдній вопросъ я не могъ дать сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта, но подробно разсказалъ имъ возможные маршруты; наконецъ, полюбопытствовалъ узнать, отчего ихъ такъ интересуетъ жизнь въ Закавказьи.

— Кто е знатъ, може еще туда ѣхать придется! Все же, тамъ братья наши по духу, а здѣсь—кругомъ чужіе. Обижаются на насъ насчетъ руги и дровъ: грозятся еще и земли по десятинѣ съ души отнять... Какъ же тутъ жить?.. А податься некуда: мѣста тѣсныя, все камень голый пойдетъ туда, къ морю (Байкалу); хотя и ничьи тамъ земли, а проку въ нихъ нѣтъ. Да и слухъ былъ у насъ, что начальство само отсюда насъ гнать хочетъ...

— Это ужъ который годъ толкуютъ, а все нѣтъ ничего, да и не будетъ, видно, никогда... Куда еще дальше гнать-то? — замѣтилъ хозяинъ.

Я сталъ прощаться, считая первое посѣщеніе достаточно продолжительнымъ и надѣясь на слѣдующій день повидаться съ сектантами еще разъ.

— Что жъ мало посидѣли?—спросилъ Василій Николаевичъ, сытый мужикъ. — Побесѣдовали бы еще: мы

хорошимъ разговорамъ очень рады бываемъ. А завтрашній день здѣсь еще пробудете? (отвѣтъ мой былъ утвердительный). — Такъ милости просимъ ко мнѣ вечеркомъ, коли не скучно покажется. Я тутъ же наискосокъ живу, черезъ два двора.

— Пожалуйте, пожалуйте къ намъ, — приглашалъ и хозяинъ, провожая насъ до воротъ.

— Вотъ этотъ толстый-то, самый главный братъ ихъ и есть, — сказалъ писарь, когда мы вышли на улицу.— Охъ, ужъ и ловки эти духоборы на языкъ!.. Такъ заговоритъ, такъ заговоритъ тебя, что ты ему и слова въ отвѣтъ не скажешь!

Въ его тонѣ слышалось нѣкоторое зложелательство къ сектантамъ; поэтому я сталъ относиться къ его отзывамъ о нихъ весьма осторожно. Къ сожалѣнію, провѣрить—насколько было правды въ его словахъ—мнѣ не удалось.

— А какъ они между собой живутъ, — дружно?

— Видѣли? Другъ къ дружкѣ чуть не каждый вечеръ ходятъ, божественныя книги читаютъ, псалмы распѣваютъ, а такъ, чтобы въ жизни что-либо особливое отъ насъ было — этого не замѣтно. Вонъ, вы о полякѣ заговорили: а промежъ нихъ самихъ такіе есть, что у своихъ же братьевъ и покосные паи за полцѣны скупаютъ, и землю въ закладъ берутъ... У Николая, гдѣ были, почитай — ѣсть нечего; а у Василія — завтра посмотрите—домъ, что купецкая хоромина! Значитъ, кажный самъ по себѣ живи и бейся—все равно, что у насъ... Ну, и насчетъ женскаго пола тоже примѣчали кое-что за ними: молодой бабѣ, гдѣ старикъ есть, плохо жить въ семьѣ... Наглядѣлись мы на нихъ достаточно, на

сладкопѣвцевъ!.. Ну, вотъ и фатера ваша! Прощенья просимъ, покойной ночи!

Вечеромъ на слѣдующій день я входилъ въ большую, чистую избу Василія: обстановка ея изобличала солидный крестьянскій достатокъ. Надежды мои оправдались: очевидно, предстояло моленье, такъ какъ уже человѣкъ пять „братьевъ“ сидѣло въ горницѣ; тутъ же были и члены семьи Василія: его жена, совершенная уже старуха (а самъ онъ казался на видъ не старѣе 45 лѣтъ, хотя ему было подъ-шестьдесятъ), двѣ дочери лѣтъ по двадцати съ небольшимъ и сынъ лѣтъ 12-ти. Меня встрѣтили какъ знакомаго, безъ стѣсненія. Тотчасъ поданъ былъ въ чашкахъ кирпичный чай съ топленымъ молокомъ, яйца въ крутую, калачи изъ домашней пшеничной муки. Чаемъ угостили сначала одного меня, потомъ „братьевъ“, которымъ хозяйка собственноручно раздала по куску калача и по кусочку сахара. Большинство выпило только по одной чашкѣ, вѣроятно — изъ деликатности.

За чаемъ разговоръ зашелъ научнаго характера. Кто-то вспоминалъ о солнечномъ затменіи 7 августа 1887 года, другой припоминалъ случаи луннаго затменія; цѣлымъ рядомъ вопросовъ меня поощрили прочесть нѣчто въ родѣ лекціи о причинѣ затменій, о днѣ и ночи, о временахъ года; при помощи лампы и двухъ шанегъ (кругленькихъ булочекъ) я наглядно объяснилъ, какъ ходитъ земля вокругъ солнца, какъ вокругъ нея ходитъ луна, и проч. Всѣ слушали съ огромнымъ вниманіемъ и довѣріемъ, не дѣлая скептическихъ замѣчаній; вопросы были все дѣльные, и нѣкоторыхъ цифровыхъ отвѣтовъ я даже не съумѣлъ дать на память съ достаточной точностью. Изъ разго-

вора оказалось, что у нѣкоторыхъ собесѣдниковъ были свои представленія о причинѣ разныхъ фазъ луны: они думали, что ее застилаетъ отъ нашихъ взоровъ какая-нибудь темная „планида", которая ходитъ вокругъ земли. Вообще, весь этотъ эпизодъ произвелъ на меня очень отрадное впечатлѣніе: видно было, что этимъ людямъ не чужда гимнастика мысли, что они обладаютъ извѣстной пытливостью ума, и если они бродятъ въ полумистическихъ извилинахъ духоборческаго ученія, то не ихъ въ томъ вина, потому что жизнь не дала имъ ничего лучшаго, не дала ихъ стремленію къ усовершенствованію себя другого, болѣе разумнаго направленія. Мнѣ припоминается мое трехлѣтнее пребываніе среди крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній Россіи: ни разу мнѣ не пришлось вести тамъ столь продолжительнаго и научнаго разговора, и ни разу я не имѣлъ тамъ столь внимательныхъ и любознательныхъ собесѣдниковъ. Относительно ущербовъ и нарожденій луны моимъ черноземнымъ пріятелямъ не было почти никакого дѣла: мнѣ ни разу не пришлось слышать отъ нихъ какого-нибудь, хотя бы дѣтски-наивнаго, толкованія этихъ явленій, хотя въ родѣ того, что „ангелы крошатъ мѣсяцъ на звѣзды"; тамъ получался на мои вопросы одинъ только убійственный отвѣтъ: „а кто е знаетъ!.. Намъ невдомекъ!.."

Конечно, маленькая группа духоборцевъ не можетъ служить примѣромъ для характеристики настроенія умовъ сибирскихъ крестьянъ вообще: эти послѣдніе, какъ я уже имѣлъ случай указать, мало интересуются вопросами отвлеченнаго характера, хотя бы и не религіозными только; но вопросы болѣе практическаго свойства затрогиваютъ очень чувствительно даже средняго сибиряка. Напримѣръ, слухъ о желѣзной дорогѣ производилъ

повсемѣстно чуть ли не сенсацію, и всѣ — съ кѣмъ ни приходилось бесѣдовать—очень интересовались узнать, что именно представляетъ изъ себя „чугунка", какой силой она работаетъ, много ли можетъ везти товаровъ машина, сколько верстъ въ день она проходитъ, и т. д. Духоборцы являются, слѣдовательно, по свой любознательности, сливками мѣстнаго крестьянства: ихъ интересуетъ не только „чугунка", которая такъ или иначе отзовется на карманныхъ интересахъ населенія, но и болѣе отдаленно стоящіе отъ практической жизни вопросы.

Отпили чай. Хозяйскія дочери, убравъ посуду, присѣли тутъ же, съ шитьемъ въ рукахъ; мальчикъ залѣзъ въ передній уголъ и вынулъ изъ ящика стола двѣ довольно истрепанныя книжки. Братія сидѣла на кровати, на лавкахъ, самъ же хозяинъ помѣстился—безъ умысла или преднамѣренно, не знаю—чуть ли не на корточкахъ, на порогѣ двери, ведшей изъ большой комнаты за перегородку: онъ занималъ, такимъ образомъ, самое низкое мѣсто въ ряду прочихъ.

— Не почитать ли намъ, братія?.. Ну-ка, Сеня, прочти главу 13-ю посланія къ римлянамъ, — сказалъ онъ.

Никакихъ обрядовъ, которые производятся, по отзыву изслѣдователей этой секты, передъ началомъ моленія, здѣсь не было совершено; даже женщины и мужчины остались сидѣть въ перемежку, не раздѣлившись на двѣ стѣны: всѣ продолжали сидѣть въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, какъ и до чтенія; одинъ даже докуривалъ, не торопясь, трубку. Мальчикъ сталъ читать довольно бойко. По окончаніи главы всѣ вполголоса проговорили: „спаси Господь!" Это дѣлалось также и послѣ каждаго слѣдовавшаго чтенія и пѣнія.

— Такъ вотъ что завѣщалъ намъ ученикъ Христовъ,— пояснилъ хозяинъ: „всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ.“ И далѣе: „отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому честь — честь...“ Значитъ, начальники — служители божьи. Поэтому мы ихъ почитаемъ и повинуемся имъ; подати тоже платимъ всѣ, которыя властями установлены, а не другія прочія какія. Ну, и честь воздаемъ, кому слѣдуетъ, а не всѣмъ, кому это желательно.

Очевидно было, что все это и многое изъ послѣдующаго говорилось непосредственно по моему адресу.

— Ну-ка, Сеня, прочти главу 23-ю отъ Матѳея!

„...А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ учитель, Христосъ, всѣ же вы братья...“—читалъ Сеня.— „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ; ибо сами не входите и хотящимъ войти не допускаете. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что поѣдаете домы вдовъ и лицемѣрно долго молитесь... Вы по наружности кажетесь людямъ праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія...“

Опять „спаси Господи“ и толкованіе.

— А это мы считаемъ сказаннымъ про другую власть на землѣ, не мірскую... Поэтому ее не почитаемъ и знать не хотимъ! А знаемъ мы, братья, одного только Учителя и Наставника нашего, Господа Іисуса Христа.

— Помнится, что писали гдѣ-то, будто духоборцы священныхъ книгъ не признаютъ, считая достаточнымъ одно преданіе, которое есть плодъ внутренняго откровенія или просвѣщенія Бога-Слова, и что библія и евангеліе замѣнены у васъ „книгой живота“, т.-е. собраніемъ измѣненныхъ псалмовъ Давида?—спросилъ я.

— Это, можетъ-быть, въ другихъ мѣстахъ, а мы почитаемъ и евангеліе, и посланія.

— А никакихъ позднѣйшихъ молитвъ и писаній святыхъ отцовъ не признаете?

— Мы принимаемъ только „Отче нашъ“, дарованную намъ Господомъ, и еще начало: „Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя“. И только.

На мой вопросъ—„почему же изъ символа вѣры взяты ими только первыя слова“? — мнѣ отвѣтилъ хозяинъ: „дальше намъ ненужно.“ Этимъ онъ призналъ косвенно, что божественность Іисуса Христа понимается ими весьма условно. Но тутъ же я былъ пораженъ слѣдующимъ отвѣтомъ на мой вопросъ о крещеніи:

— Какъ же, мы младенцевъ крестимъ „во имя Отца, и Сына, и Духа Свята“ и тутъ же имя даемъ.

— Вѣдь это такъ же, какъ и у православныхъ?

— Именъ своихъ не выдумаешь. Мы по святцамъ назначаемъ. Только, если попадаются епископы или преподобные — этихъ пропускаемъ.

— А хороните, вѣнчаете сами?

— Сами. Бракъ у насъ объявляется въ собраніи всѣхъ братій: этого считаемъ достаточнымъ. Только еще псалмы читаемъ, подходящіе къ этому дѣлу.

— Вѣдь вотъ, всѣ вы, почтенные, были прежде православными. Помните, какія чудныя молитвы есть, напримѣръ, хоть въ чинѣ погребенія?... Отчего вы ихъ всѣ отвергли и кромѣ псалмовъ ничего не читаете? Не все ли равно, кто сочинилъ молитву, лишь бы она сердцу говорила?

— Очень я ихъ всѣ хорошо знаю. Я прежде въ церковь часто ходилъ, все думалъ тамъ истинный путь ко спасенію обрѣсть. Только все это — не по душѣ мнѣ

было: молитвы-то хороши, а какъ читаютъ ихъ!... Пусть же они ими и владаютъ!

— А иконъ почему не признаете?

— Икона—дѣло рукъ человѣческихъ, иногда и нечистыхъ: какъ же ей покланяться? А покланяемся мы единому Господу, какъ въ евангеліи сказано: „гдѣ двое или трое собрались во имя Мое, тамъ и Я среди нихъ“. Вотъ мы и собираемся, сколь возможно чаще, во имя Его, чтобы Онъ былъ чаще среди насъ. Прочтемте нѣсколько псалмовъ, братія!

И онъ первымъ сталъ говорить псаломъ 10-й: „на Господа уповаю“. Потомъ старуха, все время сидѣвшая неподвижно, съ ясной черточкой фанатизма на морщинистомъ лицѣ, восторженно проговорила псаломъ 90-й: „живущій подъ кровомъ Всевышняго“. Далѣе, старшая дочь хозяина, опустивъ свое рукодѣлье на колѣни, сказала псаломъ 113-й; за ней говорили разные псалмы всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, рядомъ со мной сидѣвшаго, крестьянина. Слова выговаривались всѣми отчетливо, хотя дикція была однообразная и вялая. Дѣлались-ли какія-нибудь отступленія отъ текста при чтеніи, я не могъ замѣтить, потому что не имѣлъ книги въ рукахъ для справокъ.

— Вѣдь вы, кажется, всѣ неграмотные: какъ-же вы заучивали эти длинные псалмы?

— А вотъ, Сеня читаетъ, а мы за нимъ повторяемъ: такъ и выучиваемъ.

— Иному, страсть, легко дается, замѣтилъ мой сосѣдъ.—Вотъ ей (онъ указалъ на дѣвушку) довольно два или три раза прослушать—и готово: все, до словечка, запомнитъ! А у меня вотъ память плоха, что-ли, или

Господь не допущаетъ: никакъ заучить не могу! Бьюсь, бьюсь, один стихъ выучу, другой забуду.

— И помногу псалмовъ прочіе знаютъ?

— Да вотъ, она, кажется, болѣе сорока знаетъ.

— Сорокъ два,—сказала дѣвушка, не поднимая глазъ отъ работы.

— Что-жъ, братія, споемте что-нибудь: они вотъ послушаютъ,—предложилъ хозяинъ.

Спѣли нѣсколько псалмовъ. Всѣхъ тверже „выводили голосомъ" старуха и самъ хозяинъ, который запѣвалъ, а прочіе подхватывали съ третьяго или четвертаго слова.

— Совсѣмъ что-то нѣтъ голоса сегодня!—замѣтилъ во время паузы одинъ изъ братіи, усердно откашливаясь и отплевываясь.

Напѣвы псалмовъ были весьма заунывны и нѣкоторые отличались при этомъ задушевностью. Особенно понравился мнѣ напѣвъ псалма 99-го: „воскликните Господу, вся земля!"

Было уже одиннадцать часовъ вечера. Я сталъ прощаться и благодарить за оказанное мнѣ довѣріе и радушіе пріема.

— Васъ покорнѣйше благодаримъ, что посѣтили насъ, не погнушались! Какъ-же, однако, васъ звать и вспоминать?—спросилъ хозяинъ.

Я далъ свою визитную карточку и пожалъ всѣмъ руки.

— Будете еще разъ въ нашихъ краяхъ,—не объѣзжайте, сдѣлайте милость!

— Навѣщайте, покорнѣйше просимъ, будемъ рады,—говорили и другіе.

Но увидѣть кого нибудь изъ нихъ еще разъ—мнѣ не пришлось; а пришлось узнать недавно изъ газетъ, что

„такого-то числа въ губернскомъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію крестьянина с. Котинскаго Н., принадлежащаго къ сектѣ духоборцевъ, въ произнесеніи на сельскомъ сходѣ кощунственныхъ словъ“, и т. д. Обвиняемый былъ тѣмъ самымъ молчаливымъ и угрюмымъ духоборцемъ-неофитомъ, къ которому я такъ безцеремонно забрался въ гости. Почему именно онъ попалъ на скамью подсудимыхъ? Долго сдерживаемое ли негодованіе на притѣсненіе со стороны общества внезапно вскипѣло въ немъ и вырвалось потокомъ укоризненныхъ и бранныхъ словъ, или же онъ за этотъ промежутокъ времени сталъ, благодаря постороннимъ вліяніямъ, фанатикомъ, рѣшившимъ „пострадать за правую вѣру“, закрѣпить этимъ союзъ общины и обратить на нее сочувственное вниманіе колеблющихся изъ числа окрестнаго населенія? Сухая газетная замѣтка сообщала только, что обвиняемый былъ признанъ судомъ за дѣйствовавшаго безъ яснаго разумѣнія и приговоренъ, поэтому, лишь къ легкому наказанію. А черезъ нѣкоторое время я прочелъ другую газетную замѣтку, въ которой сообщалось о сильной засухѣ въ сѣверномъ районѣ Иркутскаго округа и о томъ, что котинское общество считаетъ ее карой, ниспосланной на православныхъ за поблажки, оказываемыя ими духоборцамъ, а потому рѣшило: отрѣзать отъ ихъ надѣловъ по одной десятинѣ пашни. Сбылись опасенія брата Василія!...

Такимъ образомъ, для этой духоборческой группки наступаетъ новый періодъ „искусовъ“. Причины его наступленія трудно объяснить отсюда, за шесть тысячъ верстъ отъ мѣста: все сводится, можетъ-быть, къ тому, что произошла какая-нибудь неблагопріятная для духоборцевъ перемѣна въ составѣ волостного или иного,

высшаго ранга, начальства; а можетъ-быть, по причинѣ земельнаго оскудѣнія сельское общество задумало вовсе вытѣснить мірскихъ отщепенцевъ изъ ихъ гнѣздъ, куда-нибудь „за Капказъ", куда и сами духоборцы, повидимому, не прочь бы переселиться, если бъ ихъ не пугало огромное разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ тамошнихъ „братьевъ по духу".

Такова та группа „духоборовъ", съ которой мнѣ пришлось слегка познакомиться на одной изъ отдаленныхъ окраинъ Россіи. Какъ ни бѣгло было это знакомство, но можно бы, кажется, и на основаніи его вывести заключеніе, что исповѣданіе иркутскихъ духоборцевъ во многомъ разнится отъ болѣе прочно установившихся духоборческихъ ученій въ Россіи. Этой разницѣ въ догматахъ и обрядахъ значительно способствуетъ оторванность группы котинскихъ полумистиковъ, полураціоналистовъ отъ ихъ братій, русскихъ духоборцевъ. Имѣетъ ли духоборческая секта будущее? — вотъ вопросъ, невольно напрашивающійся на рѣшеніе. Я не задавался здѣсь цѣлью изслѣдовать духоборческое движеніе, его причины и направленіе; тѣмъ не менѣе, я склоненъ думать на основаніи своего знакомства съ сущностью секты, что будущее она имѣетъ, хотя нѣсколько въ другой формѣ: рано или поздно, духоборцы сдѣлаются изъ братьевъ только по духу еще братьями по земнымъ интересамъ; рано или поздно — они разложатъ тяготы земной жизни на всѣхъ братьевъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя раціоналистическія секты, и не будетъ между ними ни богатыхъ, ни бѣдныхъ... Но даже и теперь они сильно выдѣляются изъ православныхъ своими братскими собраніями, на которыхъ такъ просто и хорошо читается слово Божіе, на которыхъ такъ за-

душевно поются скорбныя пѣсни Давида, гдѣ всякій „братъ“ чувствуетъ себя равноправнымъ съ другими членомъ общины и принимаетъ непосредственное участіе въ ея духовной жизни: здѣсь нѣтъ ни стада, ни пастуха съ посохомъ,—здѣсь всѣ люди—братья...

---

Въ концѣ XV в. въ Новгородѣ появилась ересь жидовствующихъ. Благодаря нѣкоторымъ, чрезвычайно для нея благопріятнымъ условіямъ, она быстро распространилась, особенно среди духовенства и высшихъ классовъ общества, и проникла даже въ Москву, ко двору Іоанна III-го. Но усиліями защитниковъ православія, во главѣ которыхъ стоялъ игуменъ Іосифъ Волоцкій, эта ересь была подавлена: казни и ауто-да-фе выпали на долю ея учителей, ссылка и заточеніе—на долю послѣдователей; черезъ 40 лѣтъ по возникновеніи ереси, о жидовствующихъ не стало ужъ больше слышно.

Посмотримъ, въ чемъ состояла эта ересь. Она отвергала всю церковно-обрядовую внѣшность, кромѣ развѣ поклоненія иконѣ Іисуса Христа, который признавался божественнымъ посланникомъ, Сыномъ Божіимъ по благодати, а не по существу; необходимость или даже возможность только богочеловѣченія отвергались, какъ несообразныя съ высочайшими свойствами Божества. Ветхій и Новый Завѣты считали одинаково обязательными, и въ практической жизни ересеучители старались примирить противорѣчивыя требованія того или другого; такъ напримѣръ, самъ основатель ереси, еврей Схарія, убѣждалъ, что обрѣзаніе не есть необходимый актъ для вступающихъ въ ересь. Вообще къ священному писанію еретики позволяли себѣ относиться критически и отвер-

гали, многое изъ того, что не могло быть постигнуто разумомъ. На религію ересеучители смотрѣли, главнымъ образомъ, съ ея внутренней, философской стороны, хотя нѣкоторыя внѣшнія формы и обряды были ими восприняты отъ іудейства, такъ какъ никакой культъ безъ формъ немыслимъ. Такимъ образомъ, это ученіе не было, повидимому, безусловнымъ отрицаніемъ всѣхъ началъ христіанства.

Въ литературѣ существуетъ два рѣзко расходящіяся мнѣнія объ этой ереси: одни изслѣдователи, руководствуясь, главнымъ образомъ, приговоромъ преп. Іосифа, считаютъ ее чистымъ іудаизмомъ; другіе, какъ, напримѣръ, Сервицкій, Булгаковъ, Соловьевъ, Костомаровъ, видятъ въ ней „смѣсь разнообразныхъ еретическихъ толковъ, развившихся подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и противниками произвольно объединенныхъ подъ общимъ именемъ жидовства". Авторъ солиднаго изслѣдованія о новгородскихъ жидовствующихъ, г. Пановъ, держится средины между этими мнѣніями: излагая причины, побуждающія лицъ христіанской вѣры переходить въ секты, которыя отрицаютъ троичность лицъ Божества, онъ говоритъ, что съ этимъ догматомъ вообще „нелегко мирится умъ, критически относящійся къ предметамъ вѣры; ему гораздо болѣе нравится идея безусловнаго единства Божія, проповѣдуемая іудаизмомъ". А разъ такое сомнѣніе зародилось въ умахъ людей XV вѣка, не имѣвшихъ однако достаточныхъ знаній, чтобы создать свой собственный законченный культъ, то они естественно обратились къ уже готовой формѣ, которую предлагало имъ іудейство, и оттуда позаимствовали много догматовъ для своего ученія. Такимъ образомъ, эта „ересь была не что иное, какъ продуктъ взаимнаго со-

гласшенія на взаимныхъ уступкахъ между не строго послѣдовательнымъ христіанскимъ раціонализмомъ и философски-либеральнымъ направленіемъ іудейства" *).

Самодержавіе окончательно взяло верхъ въ древней Руси: всѣ политическіе его противники замолчали; конечно, должны были исчезнуть со сцены и еретики, которые были весьма тѣсно связаны съ одной изъ политическихъ партій того времени. Ересь сходитъ со страницъ исторіи подобно тому, какъ сходитъ съ нихъ и Новгородское вѣче. Но остатки вѣчевой вольницы гдѣ-то прятались въ глубинѣ народныхъ массъ: отъ времени до времени ея идея вспыхивала кровавымъ пожаромъ— то на Дону, то подъ Москвой, то на низовьяхъ Волги и Урала. Естественно поэтому задаться вопросомъ: ересь, такъ тѣсно связанная съ извѣстными политическими идеалами того времени **), совсѣмъ ли умерла въ періодъ гоненій, воздвигнутыхъ на нее Іосифомъ? Можно ли утверждать, что этотъ важный моментъ въ исторіи умственнаго развитія Россіи, когда часть дотолѣ совершенно инертныхъ народныхъ массъ впервые попыталась мыслить самостоятельно и выразить свои духовно-нравственные идеалы въ формахъ, установленныхъ для нея не извнѣ, а худо ли, хорошо ли, выработанныхъ ею самою,—что этотъ моментъ прошелъ безслѣдно для дальнѣйшаго развитія общественной мысли? Мнѣ кажется, что, не имѣя даже никакихъ положительныхъ фактовъ,

---

*) „*Ересь жидовствующихъ*"—въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.", за 1877 г., №№ 1—3.

**) Одинъ изъ изслѣдователей русскаго раскола, В. В. Андреевъ, говоритъ о жидовствующихъ новгородскихъ даже такимъ образомъ: „умствовали немногіе, массы же послѣдователей имѣли въ виду только протестъ" („Расколъ и его значеніе", 1870 г., стр. 20).

которые подтверждали бы связь между ересью новгородцевъ и послѣдующими ересеученіями, было бы рискованно вполнѣ отрицать существованіе этой связи,— столь естественной она кажется безпристрастному изслѣдователю. Тщательное изслѣдованіе вѣроученія позднѣйшихъ сектъ, именно духоборческой и молоканской, приводитъ къ выводамъ такого рода: именно, Сервицкій въ своей статьѣ „О ереси новгородскихъ еретиковъ *) доказываетъ, что жидовствующіе XV вѣка были прямыми предшественниками духоборцевъ и молоканъ въ дѣлѣ раціонализма въ религіи; затѣмъ Костомаровъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о молоканахъ“ **) указываетъ на одно молоканское преданіе относительно того, что это ученіе ведетъ свое начало отъ ученія Схаріи; съ этимъ соглашается и Андреевъ. Въ началѣ этого очерка и въ послѣдующемъ изложеніи указано, какъ тѣсно переплетаются между собой молокане съ духоборцами— съ одной стороны, и съ позднѣйшими субботниками— съ другой; поэтому, согласившись съ Костомаровымъ и Сервицкимъ относительно преемственности молоканства и духоборства отъ жидовской ереси, надо было бы признать эту преемственность и по отношенію къ нынѣшнимъ „субботникамъ“.

Со страницъ исторіи ересь жидовствующихъ исчезаетъ безслѣдно послѣ погрома ея, произведеннаго преп. Іосифомъ. Но черезъ большіе промежутки времени можно однако найти въ законодательныхъ актахъ различныя указанія на существованіе, если не организованной

---

*) „Православное обозрѣніе“, 1862 г., № 6—8.
**) „Отечеств. Записки“, 1869 г., № 3.

секты, то, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ фактовъ перехода православныхъ въ іудейскую вѣру.

Не останавливаясь на болѣе мелкихъ сообщеніяхъ этого рода, укажемъ только крупнѣйшія изъ нихъ.

Въ „Чтеніяхъ въ Общ. исторіи и древн. россійск.“ (1874 г., № 2) архим. Григорій сдѣлалъ сообщеніе о появленіи жидовствующихъ въ *Московской губ.* въ началѣ текущаго вѣка. Въ 1825 г., по донесенію мѣстнаго священника, сектантовъ оказалось 41 чел., состоявшихъ въ сектѣ, по ихъ словамъ, лѣтъ около 20-ти; совращены они были въ ересь „вотчиннымъ бурмистромъ, крестьяниномъ Яковомъ Андреевымъ“, который познакомился съ этимъ ученіемъ „неизвѣстно гдѣ“. Архіепископъ Филаретъ черезъ консисторію командировалъ миссіонера, который въ одну недѣлю обратилъ всѣхъ сектантовъ въ православіе. Изъ этой же статьи видно, что въ 1806 году въ Бобровскомъ и Павловскомъ уѣздахъ Воронежской губ. оказалось такихъ сектантовъ 66 человѣкъ. Принятыми мѣрами ересь была почти подавлена, но въ 1814 г. она опять быстро распространилась въ той же мѣстности.

Къ 1825 г. относится наиболѣе цѣнный актъ, дающій массу свѣдѣній о распространеніи секты (Полн. Собр. Зак., т. XL, № 30436 а), а именно: синодскій указъ, состоявшійся по Высочайше утвержденному имп. Александромъ I положенію комитета министровъ „о мѣрахъ къ отвращенію распространенія жидовской секты подъ названіемъ субботниковъ“. Вотъ сущность этого указа. Въ 1819 г. синодъ опредѣлилъ частныя мѣры противъ этой секты, возникшей въ Воронежской губ.; впослѣдствіи отъ министра внутреннихъ дѣлъ поступили представленія о размноженіи секты субботниковъ въ разныхъ губерніяхъ. Около этого же времени, именно въ 1823

году, гр. Кочубей представилъ записку, вслѣдствіе состоявшагося Высочайшаго повелѣнія „о производствѣ изслѣдованія" по вступившимъ отъ субботниковъ Воронежской губ. жалобамъ на притѣсненія, дѣлаемыя имъ мѣстнымъ начальствомъ. Въ запискѣ этой, между прочимъ, предлагается: „взять начальниковъ секты и ихъ помощниковъ и опредѣлить годныхъ—въ военную службу, а неспособныхъ—въ Сибирь на поселеніе, при чемъ размѣщать ихъ въ отдаленныя мѣста и сколь можно отдѣльно." Изъ уѣздовъ, зараженныхъ сектой, и сосѣднихъ выслать всѣхъ евреевъ безъ исключенія, гдѣ бы они ни находились, и впредь ни подъ какимъ предлогомъ пребыванія тамъ имъ не разрѣшать. Чтобы побудить православныхъ относиться съ отвращеніемъ и презрѣніемъ къ сектантамъ, называть ее отнынѣ жидовскою и „оглашать, что они подлинно суть жиды, ибо настоящее ихъ наименованіе *субботниками* или *придерживающимися Моисеева закона* не даетъ народу точнаго о сей сектѣ понятія". Далѣе гр. Кочубей говоритъ: „образованіе въ училищахъ есть средство, которымъ съ наибольшимъ успѣхомъ дѣйствовать можно къ прекращенію всякаго рода вѣрозаблужденія;" слѣдуетъ также имѣть въ зараженныхъ сектою мѣстностяхъ хорошихъ священниковъ, которые были бы обезпечены матеріально и умѣли бы дѣйствовать съ кротостью. Всѣ эти предложенныя въ запискѣ мѣры, до учрежденія училищъ въ зараженныхъ мѣстностяхъ включительно, были приняты и вошли въ синодскій указъ. Затѣмъ приводится рядъ цифровыхъ данныхъ о количествѣ сектантовъ. Въ шести селеніяхъ (Козловкѣ, Тишанкѣ, Гвоздѣ, Кленовкѣ, Манинахъ и Чиголкѣ) Бобровскаго и Павловскаго уѣздовъ, Воронежской губ., секта появилась между православными около

1796 года отъ природныхъ „жидовъ", между христіанами живщихъ; въ 1818 г. сектантовъ было 503, а въ 1823 г. уже 3,771 душа *). Въ гор. Ельцѣ Орловской губ., доносилъ въ 1814 году преосв. Досиѳей, два брата—купцы Яковлевы съ семействами ихъ, зятемъ Ивановымъ и работникомъ Жигулинымъ „исповѣдують іудейскую вѣру"; послѣ девятимѣсячнаго безуспѣшнаго увѣщанія сектантовъ, оно было прекращено, по указу синода. Въ пяти селеніяхъ Каширскаго уѣзда, Тульской губ., какъ доносилъ въ 1811 г. епископъ Авраамъ, купецъ Красновъ и многіе крестьяне (около 150 чел.) передались въ жидовство; вѣру эту они, по ихъ словамъ, *исповѣдуютъ издревле,* но скрывали ее, боясь преслѣдованій; послѣ увѣщанія, 74 чел. присоединилось къ православію, а остальные продолжали упорствовать. Въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губ., въ с. Инжевѣ, молокане-субботники имѣли свой молельный домъ, который уничтоженъ (когда?), и съ молоканъ взята подписка производить служенія свои у себя въ домахъ порознь, безъ всякихъ наружныхъ обрядовъ.

Въ 1826 г. цитированный здѣсь указъ былъ дополненъ (Второе П. С. З., т. I, № 393) слѣдующимъ положеніемъ комитета министровъ: „совершающихъ духовные обряды жидовствующей секты женщинъ, равно и мальчиковъ, неспособныхъ въ военно-сиротскія отдѣленія, отсылать на казенныя фабрики" въ Иркутскую губ.

*) По свѣдѣніямъ за 1889 годъ, сообщеннымъ въ „Памятн. книжкѣ на 1891 г.", изд. Ворон. губ. статист. комит., іудействующихъ считается: въ Павловскомъ уѣздѣ 297 мужч. и 285 женщ., въ Бобровск. уѣздѣ 176 мужч. и 172 женщ., а всего 930 душъ; такимъ образомъ, уменьшеніе числа сектантовъ съ того времени произошло весьма значительное.

Скудный и отрывочный матеріалъ въ законодательствахъ и распоряженіяхъ правительства по интересующему насъ вопросу даетъ однако возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія. Прежде всего надо остановиться на 24 статьѣ гл. XII „Уложенія царя Алексѣя Михайловича“, которая гласитъ, что „бусурманъ, который русскаго человѣка по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, долженъ быть сожженъ“. Она заимствована, по мнѣнію одного знатока предмета *), изъ существовавшихъ до составленія „Уложенія“ градскихъ законовъ. Такимъ образомъ, послѣ полутораста лѣтъ, истекшихъ со времени уничтоженія ереси новгородскихъ жидовствующихъ, вновь подтвержденъ былъ изданный ранѣе законъ, предусматривавшій случаи перехода православныхъ въ іудейство; отсюда безъ натяжекъ можно заключить, что такого рода преступленія случались, хотя, можетъ-быть, и не часто, въ теченіе всего этого длиннаго періода. При этомъ любопытно отмѣтить еще и то обстоятельство, что законъ предусматриваетъ случаи вѣроотступничества, сопровождаемые обрѣзаніемъ, которое, какъ было упомянуто выше, не практиковалось или, по крайней мѣрѣ, не считалось обязательнымъ у родоначальниковъ ереси. Къ началу нынѣшняго вѣка относится, повидимому, второе по счету значительное распространеніе ереси, триста лѣтъ спустя перваго. Еретики оказываются уже въ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи, какъ въ самомъ центрѣ ея, такъ и на окраинахъ. Въ разныхъ актахъ этого времени и въ другихъ источникахъ упоминаются слѣдующія губерніи, въ которыхъ распростра-

---

*) „Источники Уложенія царя Алексѣя Михайловича.“ К. Верховскій, „Юридич. Вѣст.“, 1889 г., № 11, стр. 388.

нена была ересь: Московская, Тульская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Саратовская, Астраханская, Ставропольская. Въ одной изъ этихъ губерній, Воронежской, ихъ было 3771 душа; зная характеръ офиціальной отчетности о раскольникахъ и сектантахъ и принимая во вниманіе то обстоятельство, что субботники по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ скрывали свое вѣроотступничество отъ глазъ духовенства и властей,— можно смѣло увеличить приведенную цифру, по крайней мѣрѣ, раза въ два и общее число „впавшихъ въ іудейство" за указанный періодъ времени измѣрять многими тысячами, — не менѣе 15—20 *). Чрезвычайно знаменательны приводимыя въ этомъ актѣ указанія, что ересь распространялась въ это время, главнымъ образомъ, сектантами же, а не іудеями; эти послѣдніе наставляли въ вѣрѣ развѣ только главарей сектантскихъ группъ, которыми обыкновенно бывали не вполнѣ заурядныя лица, а преимущественно купцы, пріѣзжіе торговые люди, бурмистръ, разъѣзжавшій по Россіи по барскимъ порученіямъ, и т. п. видавшій виды людъ.

Послѣ правительственныхъ мѣропріятій 1806, 1825, 1826 и слѣдующихъ годовъ, мѣстопребываніе сектантовъ начинаетъ измѣняться: они мало-по-малу исчезаютъ изъ центральныхъ губерній и массами появляются на окраинахъ. Такъ, къ этому періоду относится поселеніе нѣсколькихъ десятковъ семей субботниковъ въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ, а также и въ Тобольской; около этого же времени они жили въ Кизлярѣ, на Терекѣ и

*) С. Максимовъ („Отеч. Зап.", 1867 г., т. V) считаетъ, что сектантовъ было одно время болѣе 2000 семействъ: если положить хотя по 7 душъ на семью, то это составитъ 14000.

въ другихъ пунктахъ сѣвернаго предгорія Кавказа; но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ начинается уже ихъ массовое переселеніе въ Закавказье. Въ настоящее время они встрѣчаются тамъ во многихъ городахъ и селеніяхъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, отъ 1—2 до 325 семей съ 2100 д. обоего пола въ одномъ пунктѣ (с. Привольное, Ленкоранскаго у.; сектанты, переселившіеся изъ Кизляра; свѣдѣнія 1867 г.). Однако и въ пунктахъ первоначальнаго распространенія секты осталось еще и понынѣ не мало представителей ея.

Бросивъ, такимъ образомъ, взглядъ на прошлое этой любопытной секты, остановимся теперь на ея настоящемъ,—на чертахъ быта сектантовъ, на догматахъ ихъ вѣроученія, и т. д.

Ни одно изъ лицъ, описывавшихъ сектантовъ, ихъ бытъ и ученіе, не подходило сколько-нибудь близко къ рѣшенію коренныхъ вопросовъ о значеніи этой странной секты въ ряду другихъ, и о причинахъ, ее порождавшихъ. Мы видѣли, что на протяженіи цѣлыхъ 400 лѣтъ секта то вспыхивала яркимъ пламенемъ, то, повидимому, угасала, но искры ея какъ-будто продолжали тлѣть подъ искусственнымъ пепломъ. Но были ли эти вспышки преемственны одна отъ другой,—дѣйствительно ли секта, какъ таковая, существовала безпрерывно всѣ эти четыре вѣка? Или же разновременныя группы сектантовъ не передавали другъ другу преемственно своего ученія, а каждый разъ заимствовали его вновь отъ іудаизма, служившаго постояннымъ образцомъ для сектоучителей? Тщетно будемъ искать руководящихъ мнѣній и по слѣдующему вопросу: каковы тѣ причины, которыя способствовали неоднократному зарожденію секты или сохраненію ея въ теченіе четырехъ вѣковъ? По всѣмъ этимъ

вопросамъ имѣется только одно аргументированное мнѣніе г. В. Майнова, которое подробно изложено ниже; другой бытописатель сектантовъ, С. Максимовъ, предусматриваетъ, правда, послѣдній вопросъ, но не пытается даже отвѣтить на него: онъ говоритъ только, что „всѣ причины перехода русскихъ въ іудейство находятся внѣ всякихъ причинъ экономическихъ, географическихъ, климатическихъ“; авторъ, очевидно, упускаетъ изъ виду двѣ причины, о которыхъ въ данномъ случаѣ было бы всего умѣстнѣе вспомнить: это—причины политическаго и нравственно-религіознаго характера. Посмотримъ, однако, не выяснятся ли изъ тщательнаго знакомства съ предметомъ отвѣты на поставленные здѣсь вопросы.

Самыя раннія извѣстія объ ученіи субботниковъ находимъ въ цитированномъ законодательномъ актѣ 1825 г. и въ сообщеніи архимандрита Григорія, основанномъ на консисторскомъ слѣдствіи, которое было назначено архіепископомъ Филаретомъ въ 1825 г. Въ первомъ изъ нихъ говорится о павловскихъ и бобровскихъ сектантахъ: „существо секты *не представляетъ полнаго тождества съ еврейской вѣрой;*“ *она признаетъ,* впрочемъ, *обрѣзаніе,* устанавливаетъ празднованіе субботы, допускаетъ произвольные (?) браки и разводы и женитьбу на родственницахъ, отвергаетъ посты; „многое изъ этого дѣлаетъ секту заманчивой для молодыхъ людей изъ православныхъ.“ Московскіе субботники, по офиціальнымъ же источникамъ, установили чисто еврейскіе догматы, „*обрѣзанія не производятъ,* но надѣваютъ на новорожденнаго младенца мѣшочекъ съ кусочкомъ ладона и бумажкой, на которой написаны слова: „во имя живаго Бога.“ Изъ сопоставленія этихъ двухъ оффиціальныхъ извѣстій становятся ясными шаткость и скудость подобнаго рода

свѣдѣній о существѣ секты: въ первомъ случаѣ, несмотря на наличность обрѣзанія, важнѣйшаго акта іудаизма, секта не признается тождественной съ іудейской вѣрой, а во второмъ, несмотря на отсутствіе обрѣзанія, миссіонеръ находитъ возможнымъ утверждать, что догматы субботниковъ „чисто еврейскіе", и въ доказательство этому приводитъ неубѣдительное сообщеніе о какой-то ладонкѣ; на неполноту же свѣдѣній не стоитъ указывать: она видна сама собой.

Въ „Кавказск. Епарх. Вѣд." 1885 г., № 6, находимъ довольно подробное сообщеніе о сектантахъ, жившихъ въ четырехъ селеніяхъ Ставропольской губерніи. Секта зародилась тамъ еще въ 50-хъ годахъ, вслѣдствіе пропаганды купцовъ Х—выхъ, но до 1866 г. тщательно скрывалась; въ этомъ же году явились (вернулись?) сюда изъ Закавказья сосланные двое сектантовъ и стали дѣятельно проповѣдывать, увѣщевая своихъ единомышленниковъ открыться: „они ссылались на Высочайшій манифестъ, послѣдовавшій по случаю коронаціи Государя Императора, и толкуя выраженіе манифеста о свободномъ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ русскаго народа въ смыслѣ свободнаго перехода изъ одной вѣры въ другую." Всего заявило себя перешедшими въ секту „іудействующихъ молоканъ" 225 челов. обоего пола, а потомъ, когда прошло нѣсколько времени безъ репрессій, примкнуло къ нимъ еще шесть семействъ. Богослуженіе у нихъ еще не установлено за новостью секты: читаютъ каѳизмы, собираясь вмѣстѣ, — мужчины въ шапкахъ и отдѣльно отъ женщинъ; поютъ псалмы, причемъ запѣваетъ выборный раввинъ, отставной солдатъ Первицкихъ. Ученіе о Троицѣ рѣшительно отвергаютъ, иконы всѣ снесли въ сельское управленіе, потому что считаютъ

поклоненіе имъ идолопоклонствомъ (2-я заповѣдь); св. угодниковъ не почитаютъ, боясь согрѣшить противъ первой заповѣди; вѣруютъ, вмѣстѣ съ іудеями, въ приходъ Мессіи, но не имѣютъ о немъ опредѣленныхъ представленій; *обрѣзаніе считаютъ необходимымъ условіемъ спасенія*, ссылаясь на то, что и Христосъ, и Іоаннъ Предтеча были обрѣзаны; свинины не ѣдятъ, все остальное (?)— можно; когда постятся, то воздерживаются отъ пищи цѣлый день, до самаго вечера; вина не употребляютъ; живутъ тихо и нравственно; *отъ православныхъ сторонятся*, не желая вызывать враждебныхъ столкновеній съ ними. Взаимная помощь, оказываемая ими другъ другу, прельщаетъ многихъ православныхъ: между сектантами совсѣмъ нѣтъ бѣдныхъ; на это обстоятельство пропагандисты указываютъ, какъ на явный знакъ Божьяго благоволенія къ нимъ за соблюденіе ими древняго Моисеева закона. На убѣжденія миссіонера отвѣчаютъ: „готовы животъ свой положить за законъ Моисеевъ.“ Про жителей одного изъ этихъ селеній другой изслѣдователь *) говоритъ: дома у нихъ чистые, крѣпкіе, пьяныхъ на улицахъ нѣтъ, всѣ одѣты хорошо, молодежь со всего селенія весело играетъ вмѣстѣ, всѣ грамотны; чистота нравовъ безупречная; во всемъ этомъ рѣзкимъ контрастомъ можетъ служить сосѣднее православное село.

Относительно закавказскихъ сектантовъ имѣются довольно полныя свѣдѣнія. С. Максимовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ бытъ и вѣроученіе сектантовъ с. Привольнаго, Ленкоранскаго уѣзда. Тамъ образовались два развѣтвленія секты: геры и субботники. Первые,

---

*) Я. Абрамовъ: „Къ вопросу о вѣротерпимости“. „Отеч. Зап.“, 1882 г., №№ 1 и 2.

составляющіе меньшинство (75 домовъ изъ 325),—все очень состоятельные люди, аристократія мѣстнаго общества; они въ нѣкоторыхъ вопросахъ не гоняются за буквой закона, а углубляются въ нравственныя начала іудаизма; вслѣдствіе этого они не побоялись дать себѣ нѣкоторыя льготы по отношенію къ стѣснительнымъ предписаніямъ талмуда,—говоритъ авторъ. Однако, всѣ фактическія подробности, сообщаемыя имъ о герахъ, говорятъ какъ-разъ иное: во всемъ виденъ довольно-таки мертвящій формализмъ ученія этой фракціи. Они не отдаютъ своихъ дочерей за субботниковъ, потому что гнушаются этими послѣдними; геръ не возьметъ у субботника куска хлѣба и не будетъ ѣсть съ нимъ, пожалуй, изъ одной посуды; *геры обрѣзаются*, имѣютъ особыхъ рѣзаковъ, читаютъ молитвы на еврейскомъ языкѣ, который всѣ они изучаютъ еще въ дѣтствѣ. „Мы,“ говорятъ они о себѣ съ гордостью: „чистые талмудисты, а субботники, надо полагать, придерживаются караимскаго ученія.“ Геры стараются теперь забыть, что когда-то они составляли съ субботниками одно цѣлое, а между тѣмъ—это фактъ, не подлежащій сомнѣнію: расколъ въ сектѣ произошелъ уже здѣсь, въ Закавказьи, слѣдовательно, не далѣе 50 лѣтъ назадъ.—Субботники сохранили свое вѣроученіе въ томъ видѣ, въ какомъ вынесли его изъ Россіи въ моментъ ссылки своей за Кавказъ. Они соблюдаютъ всякую обрядовую мелочь *): напр., считаютъ за страшный грѣхъ прикоснуться къ мертвому, хотя бы это былъ близкій родственникъ; считаютъ дозволеннымъ многоженство, но не практикуютъ его; еврей-

---

*) Очень жаль, что авторъ не сказалъ категорически, обрѣзаются ли *субботники?*

скаго языка и талмуда не признаютъ; молитвы читаютъ на русскомъ языкѣ и дорого платятъ за хорошіе переводы ихъ съ еврейскаго (недавно за переводъ одной книги заплатили 3000 р.). Исканіе истины — несомнѣнно искренно у обѣихъ группъ. Молодежь значительно бойчѣе стариковъ въ разсужденіяхъ о вѣрѣ. Изслѣдователь видѣлъ въ Привольномъ свадебный поѣздъ (субботниковъ?); по виду онъ былъ совершенно русскимъ: тѣ же сытыя и пьяныя „рожи", тѣ же волосы въ скобку; только ермолки на головахъ напоминали, что это не русскіе крестьяне. Сосѣдніе молокане, по свидѣтельству Максимова, нерѣдко переходятъ въ секту субботниковъ: въ с. Пришибѣ такихъ семействъ насчитывается десять. О переходѣ молоканъ въ субботники сообщаетъ и другой бытописатель закавказскихъ сектантовъ *): это тѣмъ болѣе обычное явленіе въ Закавказьи, гдѣ разные сектанты живутъ въ самомъ тѣсномъ общеніи одни съ другими **). Указанный авторъ, г. Дингельштедтъ, является въ числѣ другихъ единственнымъ, находящимъ весьма темныя пятна въ быту этихъ сектантовъ; такъ, онъ говоритъ о населеніи с. Еленовки, Эриванской губерніи, слѣдующее: прыгуны призываютъ гнѣвъ Божій на іудействующихъ за ихъ жадность, безсердечность, за безбожную наживу. Новое ученіе прыгунства вызвало цѣлый переворотъ въ умахъ (въ 70-хъ годахъ) мѣстныхъ сектантовъ; лучше всѣхъ устояли субботники и не замедлили забрать въ руки прыгуновъ, обѣднѣвшихъ отъ бездѣлія и слишкомъ продолжительнаго религіознаго воз-

---

*) Н. Дингельштедтъ, „Закавказскіе сектанты". Спб., 1880 г.

**) Напр., въ д. Сухой Фонтанъ, состоящей изъ 15 дворовъ, имѣется 5 сектъ: общіе, молокане, субботники, прыгуны и раскольники.

бужденія. „Еленовскіе іудеи“ прославились своей зажиточностью и алчностью къ деньгамъ: они занялись ростовщичествомъ, но не бросаютъ и земледѣлія, засѣвая громадныя пространства пшеницей. Субботники гордятся не только сходствомъ своего ученія, но даже и образа жизни и нравовъ съ природными евреями. *Обрѣзаніе требуется* у нихъ строго.—Въ виду извѣстія, сообщеннаго г. Максимовымъ о расколѣ, происшедшемъ въ этой сектѣ, весьма важно было бы знать, въ какой именно фракціи принадлежатъ еленовскіе сектанты: къ герамъ, или къ субботникамъ? Къ сожалѣнію, г. Дингельштедтъ повидимому даже не подозрѣваетъ о существованіи такого раскола въ сектѣ, потому что не упоминаетъ о немъ.

В. Майновъ далъ одно изъ наиболѣе подробныхъ, обстоятельныхъ описаній быта и вѣрованій 15 семействъ субботниковъ, жившихъ въ какой-то лѣсистой мѣстности *); къ сожалѣнію, по какимъ-то соображеніямъ, почтенный авторъ не захотѣлъ указать болѣе точно мѣстопребываніе этой субботнической секты. Вотъ что онъ о ней сообщаетъ.—Старшіе въ семьѣ читаютъ ветхій завѣтъ каждый у себя на дому, безъ комментарій, „чтобы не дать поблажки разуму“. Признаютъ только одно лицо св. Троицы, Іегову; Духъ Святой, по ихъ мнѣнію, есть проявленіе божественной дѣятельности Іеговы; Христосъ былъ пророкомъ. Объ обрѣзаніи идетъ споръ: иные требуютъ полнаго обрѣзанія, другіе же считаютъ достаточнымъ, въ видѣ символа, обрѣзывать только часть крайней плоти (препуціи). Талмуда не признаютъ вовсе: напр., смѣются надъ правиломъ, запрещающимъ

---

*) „Странная секта“, въ сборникѣ „Недѣли“ за 1872 г., озаглавленномъ „Русскіе общественные вопросы“.

ѣсть лучшія части (трефныя) богоданныхъ животныхъ („это все талмудъ проклятый"). Существуетъ нѣчто вродѣ иконопочитанія, въ формѣ поклоненія и цѣлованія изображенія Моисея. Женятся рано, по выбору матери; при этомъ, согласно сказанію о Товитѣ, никакихъ обрядовъ не производится,—только отецъ принимаетъ молодыхъ, непремѣнно полулежа, какъ подобаетъ родоначальнику, ветхозавѣтному патріарху, и благословляетъ ихъ, да читается сказаніе о Товитѣ; въ этомъ заключается вся церемонія. Почти всѣ отправляются, когда вступятъ въ законный возрастъ, „уцерквить" свой бракъ по русскому обряду, отчасти для того, чтобъ узаконить дѣтей своихъ, отчасти и потому, что секта не объявляла офиціально о своемъ существованіи *); поэтому и мертвыхъ хоронятъ при посредствѣ православнаго священника. Разврата и сифилиса между ними нѣтъ совсѣмъ; пьяны никогда не бываютъ; окрестное населеніе относится къ нимъ очень хорошо; первое время, бывало, дѣлали имъ обиды и насмѣхались надъ ними (показывали свиное ухо, надѣвали на нихъ крестъ), но сектанты въ отвѣтъ на это низко кланялись, а не отвѣчали бранью, чѣмъ и обезоружили насмѣшниковъ. Они помогаютъ и православнымъ, если тѣ находятся въ нуждѣ: „къ херамъ **) этимъ, что въ свою мошну полѣзай", говорятъ крестьяне. Изрѣдка случаются тайные переходы въ секту

*) Конечно, въ данномъ случаѣ играетъ роль только послѣдній мотивъ, а первый не имѣетъ никакого значенія; авторъ былъ, вѣроятно, введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь бѣглымъ замѣчаніемъ своего собесѣдника.

**) Очевидно, что здѣсь названіе „геръ" употреблено совсѣмъ не въ томъ значеніи, въ какомъ употребляютъ его закавказскіе сектанты и С. Максимовъ.

Православные охотно отдаютъ своихъ дѣвушекъ за сектантовъ, да и эти послѣдніе охотно женятся на православныхъ. Если брачная пара остается бездѣтной, то она раздаетъ свое имущество всѣмъ, кто что попроситъ, чѣмъ не мало пользуются окрестные жители. По смерти брата неженатый братъ обязанъ жениться на вдовѣ его, чтобы продолжать его сѣмя. Развода нѣтъ: новый бракъ разрѣшается только въ томъ случаѣ, если одинъ изъ супруговъ отсутствуетъ болѣе 10 лѣтъ (?). Почти всѣ, даже женщины, грамотны. Они носятъ „локоны“, „въ подобіе ангеламъ“, и „шапочки“; словъ — „пейсы“, „ермолка“ — терпѣть не могутъ и евреевъ талмудистовъ не уважаютъ.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія имѣются о субботникахъ с. Каменки, Моршанскаго уѣзда; авторъ статьи — священникъ Богословскій, вѣроятно, мѣстнаго прихода; поэтому нѣкоторыя заключенія и выводы его не вполнѣ безпристрастны. Тѣмъ не менѣе, это сообщеніе имѣетъ высокую цѣнность въ нашихъ глазахъ по обилію заключающихся въ немъ фактическихъ подробностей. Вотъ извлеченіе изъ этой статьи *).

Субботники въ с. Каменкѣ появились въ 1839 году. Эта секта занесена сюда изъ Саратова, какъ разсказываютъ жители этого села и сами сектанты. Основателемъ секты былъ мѣстный крестьянинъ Захаровъ, давно умершій: это былъ обыкновенный мужикъ, бродившій по разнымъ губерніямъ для прокормленія. Другимъ основателемъ считается крестьянинъ Кочетковъ, который и теперь еще живъ: ему около 80 лѣтъ, живетъ онъ въ собственномъ домѣ, состояніе имѣетъ незавидное, чело-

---

*) „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“, 1878 г., № 7, приложеніе.

вѣкъ семейный, занимается земледѣліемъ, неграмотенъ, пользовался хорошей репутаціей въ народѣ. „Я, сообщаетъ авторъ, долго не могъ съ нимъ познакомиться: вѣроятно, онъ скрывался отъ меня. Въ молельнѣ, наконецъ, увидалъ я его. Думалось, что встрѣчу лицо, заслуживающее особаго вниманія, человѣка съ выдающимся умомъ,—но на дѣлѣ оказалось не то. Это простой, необразованный поселянинъ, старикъ исхудалый, согбенный и отъ старости трясущійся, смирный, несмѣлый, постоянно вздыхающій; не даетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Говоритъ рѣдко, неясно, отрывисто, уклончиво, нехотя.“ У этого старика былъ товарищъ, мѣстный же крестьянинъ Арбузовъ, человѣкъ лѣтъ 60. Про этого говорятъ, что онъ-то и жилъ въ с. Разсказовѣ (Тамб. у.) въкачествѣ работника и тамъ заразился этимъ расколомъ. Возвратившись въ с. Каменку, Арбузовъ проповѣдывалъ вездѣ: „нехороша наша вѣра, всѣ мы погибнемъ, а есть вѣра лучшая, древняя—отъ самаго Бога.“

Итакъ, два эти учителя, Кочетковъ и Арбузовъ, занесли въ с. Каменку секту и распространили ее между своими односельчанами. Какъ неграмотные, они искали себѣ пособника-грамотея и нашли его въ лицѣ писаря тогдашней помѣщичьей конторы, Шестакова, который былъ когда-то сосланъ въ Сибирь. Болѣе 20 лѣтъ субботники таились, боясь помѣщика, какъ люди крѣпостные: все это время посѣщали церковь православную и исполняли всѣ обряды. Въ 1861 году крѣпостное право было уничтожено. Настала свобода, заговорилъ и писарь Шестаковъ. Явно и безъ опасенія Шестаковъ объявилъ себя субботникомъ, явно хулилъ православную вѣру и церковь, вообще началъ дѣйствовать открыто и смѣло. Его послѣдователи открыто начали приходить

къ нему, читали и толковали библію. Наконецъ, Шестаковъ отъ лица всѣхъ субботниковъ объявилъ о существованіи секты приходскому священнику: онъ поднесъ ему списокъ субботниковъ за подписью ихъ настоятеля Ивчатова. Крестьяне съ этихъ поръ цѣлыми семьями переходили въ расколъ, безъ опасенія устраивали собранія, открыто начали совершать обряды, во всеуслышаніе распѣвать псалмы. Наконецъ появилась и молельня (собранія бывали до этого въ деревнѣ Бояркѣ). Въ настоящее время (1878 г.) считается всѣхъ сектантовъ 57 душъ муж. пола и 54 жен.; опредѣленнаго помѣщенія для молельни у нихъ теперь не имѣется: они собираются или по очереди, или по назначенію настоятеля въ разныхъ домахъ, но большею частью въ домѣ самого настоятеля.

Авторъ посѣтилъ однажды утромъ моленье субботниковъ: оно происходило въ простой избѣ, съ обычной крестьянской обстановкой. Нѣтъ на стѣнахъ ни изображеній, ни картинъ, нѣтъ особой мебели, кромѣ стола, покрытаго бѣлой холщевой скатертью. Полъ былъ вымытый, устланный соломою; передъ каждымъ рядомъ молящихся разостлана бѣлая холстина для земныхъ поклоновъ и колѣнопреклоненій; моленье въ этотъ день началось въ 6 ч. утра и кончилось въ 12 ч. дня. „При входѣ моемъ въ молельню никто изъ предстоящихъ не обратилъ на меня вниманія, не потому, чтобъ они не могли услышать моего входа, а потому, что они такъ чинно и внимательно стояли.“ Народу было немного: всего тринадцать человѣкъ — 6 мужчинъ и 7 женщинъ. Дѣтей не было, и, говорятъ, дѣти у нихъ рѣдко ходятъ на моленье. Впереди, въ первомъ ряду, стояли мужчины, а позади, во второмъ — женщины. Въ ряду съ мужчи-

нами стоялъ и настоятель ихъ, только у стола. Всѣ они стояли, обращенные лицомъ къ югу, въ шапкахъ, съ приложенными къ груди руками, въ обыкновенной крестьянской одеждѣ, не исключая и настоятеля. Все богослуженіе состояло изъ чтенія псалмовъ и преимущественно такихъ, содержаніемъ которыхъ служитъ прошеніе о прощеніи грѣховъ и вопль кающихся грѣшниковъ. Особымъ тономъ начиналось и кончалось чтеніе каждаго псалма. Каждый псаломъ заканчивался хоровымъ пѣніемъ слова „аминь", съ поклономъ до земли. Тонъ чтенія протяжный, заунывный. Не много было пѣнія: пропѣты ими были, съ воздѣяніемъ рукъ, слова: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ". Во всемъ отправленіи богослуженія замѣтна имитація у молящихся дѣйствіямъ настоятеля, благодаря чему ихъ моленіе носитъ на себѣ характеръ стройности. По окончаніи моленія настоятель обратился съ поклономъ къ молящимся, тихо сказавъ: „Богъ благословитъ васъ"; тѣ отвѣтили ему тоже поклономъ. Въ молельнѣ особыхъ книгъ и рукописей не было, кромѣ славянской библіи и другихъ книгъ ветхо завѣтныхъ. Новаго Завѣта субботники не признаютъ. По ихъ убѣжденію, лица Пресвятой Троицы не равны: „мы не хулимъ Христа, но намъ сказали, что Онъ моложе Отца." Настоятель у нихъ избирается съ общаго согласія, по приговору, изъ ихъ среды. Прежде не давали никакого вознагражденія настоятелю, вслѣдствіе чего онъ пошатнулся въ своемъ усердіи служить братіи, отказался отъ исправленія должности настоятеля; теперь же получаетъ вознагражденіе денежными и матеріальными приношеніями: напримѣръ, за обрѣзаніе ему даютъ рубль, за бракъ—два рубля, за погребеніе—рубль. Всѣ свои обряды и молитвословія они исполня-

ютъ чрезъ настоятеля, или въ его домѣ, или въ своихъ, и ничего безъ благословенія его не предпринимаютъ и не дѣлаютъ, не только въ религіозномъ, но и въ хозяйственномъ быту. На вопросъ, почему субботники болѣе всѣхъ книгъ любятъ псалтирь, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: „это не мое дѣло, я при настоятелѣ не могу говорить; спроси его, онъ скажетъ.“ Въ свою очередь, и настоятель держитъ себя передъ общиною солидно.“

Каменскіе сектанты не признаютъ Христа за Мессію. Они мудрствуютъ такъ: „Христосъ меньше или моложе Бога-Отца; онъ дѣйствительно былъ человѣкъ святой, но будетъ ли онъ судить міръ—Богъ вѣсть еще: можетъ быть Богъ пошлетъ судить міръ пророка Илію (въ этомъ случаѣ они ссылаются на слова пр. Малахія. 4, 5). Не принимаютъ Новаго Завѣта, потому что онъ явился послѣ Стараго. Храмы православные не нужны: Богъ живетъ на небѣ. Отвергаютъ святыя иконы и таинства: Богъ не велѣлъ кланяться рукотвореннымъ образамъ, о таинствахъ же не говорится въ Ветхомъ Завѣтѣ. Все это субботники высказываютъ по преданію, по наученію другихъ: эти мысли у нихъ заучены; сами же они крайне не развиты. Отвѣты ихъ на вопросы по предметамъ вѣры и неразумны, и уклончивы, въ родѣ: „Богъ вѣсть, такъ велитъ Богъ, рече Богъ.“ Между ними происходятъ постоянныя несогласія по вопросамъ вѣры.

Имена новорожденнымъ даются вообще ветхозавѣтныя: Самуилъ, Авраамъ, Маріамъ и т. д. Обрѣзаніе производится по обычаю евреевъ. Погребеніе совершается такъ: тѣло обмываютъ водой, иногда съ мыломъ, надѣваютъ бѣлый саванъ, покрывающій тѣло съ головы до ногъ, руки не складываютъ крестообразно на груди, но протягиваютъ ихъ по бокамъ; тѣло, какъ дома, такъ и

въ могилѣ, лежитъ лицомъ на югъ. Погребеніе происходитъ на 2-й или 3-й день, псалтирь читается все время пребыванія тѣла въ домѣ. Погребальная процессія до могилы не сопровождается ни чтеніемъ, ни пѣніемъ: скоро, глухою дорогою идутъ они до отведеннаго имъ кладбища. Надъ покойникомъ плачутъ тихо, не голосятъ, не причитаютъ. Въ домѣ умершаго не полагается въ день погребенія ни собраній, ни обѣдовъ. Покойнаго поминаютъ, вѣря въ загробную жизнь, въ 8-й и 40-й день: въ эти дни въ домѣ умершаго происходитъ моленье, за которымъ слѣдуетъ трапеза, — блины, хлѣбъ, мясо и проч.; употребляется и водка, но отнюдь не дозволяется пьянство.

Православные считаютъ сектантовъ заблудшими, жалкими людьми и нерѣдко заявляли, что они тяготятся существованіемъ въ ихъ селѣ секты. Переходы православныхъ въ секту происходили и прежде рѣдко, а теперь такихъ случаевъ совсѣмъ не бываетъ; наоборотъ, субботники переходятъ въ православіе: въ теченіе семи лѣтъ обращено въ православіе 10 мужчинъ и 4 женщины. Сами сектанты относятся къ православнымъ не враждебно, поддерживаютъ знакомства, но все-таки стараются избѣгать частаго и болѣе близкаго общенія съ ними: они говорятъ, что „отъ православныхъ бываютъ притѣсненія и напрасныя нападенія, а потому мы ихъ избѣгаемъ". Къ мѣстному начальству субботники почтительны и исполняютъ его требованія безропотно; платятъ подати безпрекословно; не уклоняются отъ полезныхъ общественныхъ учрежденій,—напримѣръ, не прочь отдавать дѣтей своихъ въ сельское приходское училище. Вообще, съ односельцами живутъ миролюбиво, но не унижаются ни предъ кѣмъ и вообще не подчиня-

ются многимъ изъ общепринятыхъ формъ приличія и вѣжливости. Грубые пороки, особенно воровство, у нихъ преслѣдуются; одинъ изъ нихъ попался въ воровствѣ: настоятель не пустилъ его въ молельню.

О *сибирскихъ* „іудействующихъ" имѣемъ два извѣстія. Въ Шушенской волости, Минусинскаго округа, въ деревнѣ Юдиной живутъ вмѣстѣ съ молоканами-воскресниками и субботники, которыхъ считаютъ 750 человѣкъ *). Сосланы они были въ царствованіе императора Николая сначала въ мѣстность близъ г. Красноярска, а потомъ перевелись (или были переведены?) сюда. Живутъ теперь богато, хотя земли получили всего по 8 десятинъ на душу (обычный же надѣлъ въ Сибири—15 десят.). Они отвергаютъ талмудъ, обрѣзаются, признаютъ только Іегову, считаютъ Христа пророкомъ, ожидаютъ Мессію, подразумѣвая подъ этимъ именемъ водвореніе правды на землѣ, царство духа, разума и свободы; смѣются надъ евреями, ожидающими Мессію—земного царя, при которомъ они, дескать, будутъ первенствующимъ народомъ и „начнутъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ"; трефнаго не ѣдятъ. Обѣ секты живутъ дружно, вполнѣ вѣротерпимы, много помогаютъ не только своимъ, но и чужимъ. Почти всѣ занимаются земледѣліемъ.—Другое извѣстіе **), относящееся до Ишимскаго округа, любопытно въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о процессѣ перехода изъ православія въ секту іудействующихъ. Въ этомъ округѣ жили двѣ семьи крестьянъ изъ Пензенской губерніи, сосланныя въ 50-хъ годахъ помѣ-

---

*) „Дѣло", 1884 г., № 3, ст. *Н. Б.*

**) „Недѣльн. хроника Восхода", 1885 г., №№ 39 и 40, ст. *И. Г.*

щикомъ за принадлежность въ сектѣ. Здѣсь съ ихъ ученіемъ познакомился одинъ крестьянинъ, также ссыльный; старикъ сталъ называть себя въ откровенныхъ бесѣдахъ „послѣдователемъ Моисеева закона“, хотя оффиціально не признавался въ принадлежности къ сектѣ и не обрѣзывался, *боясь отвѣтственности.* Его вѣроученіе весьма спутанно, потому что опытныхъ и искусныхъ наставниковъ въ вѣрѣ онъ не имѣлъ: такъ, онъ не признаетъ божественности Христа, но допускаетъ существованіе св. Троицы. Мяса не ѣстъ совсѣмъ, боясь вкушать „трефное“ и не смѣя покупать коширное у настоящихъ евреевъ; о талмудѣ, впрочемъ, никакого понятія не имѣетъ. Его зять и дочь, жившіе вмѣстѣ съ нимъ, относились къ его „новой вѣрѣ“ нѣсколько насмѣшливо и къ ней не примкнули.

Таковы извѣстія о субботникахъ, которыя имѣемъ въ нашемъ распоряженіи; попробуемъ сопоставить ихъ одно съ другимъ.

Прежде всего можно установить, что іудействующая секта далеко не представляетъ собою одного цѣлаго: она распадается на нѣсколько фракцій, значительно отличающихся другъ отъ друга. Такъ, въ то время, какъ одни іудействующіе изучаютъ еврейскій языкъ, признаютъ талмудъ, хотятъ во всемъ (даже въ одеждѣ) быть похожими на коренныхъ евреевъ,—другіе еврейскаго языка не изучаютъ, надъ талмудомъ и его кабалистикой издѣваются, въ своемъ быту и занятіяхъ продолжаютъ до тождества походить на окрестныхъ русскихъ крестьянъ; первые считаютъ, вмѣстѣ съ евреями, что ожидаемый Мессія будетъ земнымъ царемъ, вторые — что онъ будетъ великимъ философомъ и нравоучителемъ, и что царство его будетъ духовнымъ. Вообще,

вслѣдствіе чрезвычайной разбросанности въ Россіи сектантскихъ группъ и затруднительности сообщенія ихъ одной съ другими, ученіе это не могло нивеллироваться, объединиться; притомъ, какъ ни боятся нѣкоторыя группы „умствованій“, какъ ни стараются онѣ „не давать поблажки разуму“, но работа его идетъ у нихъ своимъ чередомъ, и много теоретическихъ вопросовъ проходитъ чрезъ его горнило. У всѣхъ этихъ группъ, изъ которыхъ нѣкоторыя почти сливаются съ іудействомъ, а другія граничатъ съ молоканствомъ (или вообще съ полумистическими, полураціоналистическими сектами), имѣется общаго только слѣдующее: всѣ они считаютъ, что Ветхій Завѣтъ важнѣе Новаго („тамъ, гдѣ есть старшій въ домѣ, меньшему не слѣдуетъ распоряжаться“), всѣ они признаютъ только одно лицо св. Троицы, и всѣ, повидимому, считаютъ обрѣзаніе необходимымъ символомъ принадлежности къ избранникамъ Божіимъ. Немногочисленныя же указанія на случаи отсутствія обрѣзанія у сектантовъ достаточно объясняются страхомъ преслѣдованія со стороны властей за принадлежность къ сектѣ, потому что фактъ обрѣзанія служилъ бы неопровержимой уликой при обвиненіи сектантовъ въ вѣроотступничествѣ. Такимъ образомъ, если судить на основаніи этихъ фактовъ, то надо вывести заключеніе, что нѣкоторая часть сектантовъ настоящаго времени имѣетъ большее сходство съ исповѣдующими чистое іудейство, чѣмъ новгородскіе еретики конца XV вѣка.

Относительно связи секты жидовствующихъ съ молоканствомъ передаютъ, что учитель молоканскій, Уклеинъ, познакомился въ Саратовской губ. съ сектой іудействующихъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей которой былъ нѣкто Далматовъ; Уклеинъ убѣдилъ Далматова

принять важнѣйшіе догматы молоканства, и, въ видѣ уступки ему, сдѣлалъ обязательнымъ для своихъ послѣдователей принятіе нѣкоторыхъ формъ іудейства: заключена была, слѣдовательно, унія между іудаизмомъ и молоканствомъ. По смерти Уклеина среди молоканъ начались раздоры изъ-за еврейскихъ обрядовъ и догматовъ: нѣкоторые изъ учениковъ Уклеина, во главѣ съ Сундуковымъ, остались ему вѣрны и приняли имя „субботниковъ“, въ отличіе отъ „молоканъ-воскресниковъ“, не захотѣвшихъ принять еврейскихъ установленій. Отсюда слѣдуетъ заключить, что іудейская секта уже существовала во времена Уклеина и была, вѣроятно, значительно ближе къ чистому іудаизму, чѣмъ вновь сложившееся ученіе субботниковъ; это раздѣленіе сектантовъ на болѣе близко и болѣе отдаленно стоящихъ къ іудаизму сохранилось, какъ видно, до сихъ поръ. Однако закавказскіе сектанты села Привольнаго служатъ примѣромъ, что болѣе близкая къ іудейству фракція можетъ въ свою очередь выдѣлиться изъ менѣе близкой: „геры“ произошли отъ „субботниковъ“, говоритъ С. Максимовъ, а не наоборотъ; но достаточно ли разслѣдованъ былъ этотъ вопросъ авторомъ цитированнаго очерка, и не введенъ ли онъ былъ въ заблужденіе какимъ-либо ложнымъ показаніемъ „гера“?

Единственный изъ изслѣдователей субботнической секты, В. Майновъ, давшій мотивированную догадку о происхожденіи ея, говоритъ слѣдующее: „для простого русскаго человѣка, который въ большинствѣ случаевъ считаетъ жида чѣмъ-то поганымъ, который не утерпитъ чтобъ не замѣтить ему объ его христопродавничествѣ, кажется рѣшительно невозможнымъ принять еврейскій догматъ, обычай, имя, одежду; тѣмъ не менѣе эти пе-

реходы случались потому, что русскій человѣкъ всю жизнь прожилъ на готовенькомъ и до того еще слабъ въ умственномъ отношеніи, что создать для себя что либо подходящее не въ силахъ; съ другой стороны, православіе въ томъ видѣ, какъ оно живетъ въ народѣ, рѣшительно его не удовлетворяетъ, и вслѣдствіе этого онъ алчетъ истины." Однако, „ни на чувства свои (мистицизмъ), ни на разумъ (раціонализмъ) кандидаты въ субботники не полагаются и дознаются, не существуетъ-ли такой вѣры, объ истинности которой бывали несомнѣнныя указанія свыше"; такую вѣру они находятъ: это—іудейская вѣра. На основаніи этихъ соображеній г. Майновъ отвергаетъ всякую связь нынѣшняго субботничества съ жидовской ересью XV вѣка и видитъ въ нихъ даже значительную разницу: „новгородскіе жидовствующіе были скорѣе раціоналисты и далеко не такъ строго держались Моисеева закона, какъ держатся теперь субботники."

Со многими изъ этихъ выводовъ можно вполнѣ согласиться; но странно звучитъ укоризна, дѣлаемая авторомъ по адресу русскаго народа, будто онъ постоянно „жилъ на готовенькомъ" (въ какомъ это смыслѣ?), будто онъ самостоятельно ничего придумать не могутъ въ области нравственно-религіозной и слѣпо заимствуетъ новые догматы изъ другихъ, давно сложившихся ученій. Шаткость этихъ утвержденій настолько очевидна, что о ней и распространяться нечего: устои русской народной жизни не требуютъ въ данномъ случаѣ защиты противъ обвиненія ихъ въ самостоятельности, да и религіозныя фракціи, являющіяся отщепенцами отъ массы русскаго народа, представляютъ такія ясныя доказательства самостоятельной работы разума и чувства отщепенцевъ,

что это обвиненіе г. Майнова падаетъ само собой. Но чрезвычайно вѣско указаніе на то обстоятельство, что умъ и чувство христіанина, переставшаго удовлетворяться догматами и обрядами христіанства, естественно могутъ увлечься догматами религіи, легшей въ основу самого христіанства, гораздо болѣе древней, чѣмъ это послѣднее, и установленной самимъ Богомъ по библіи, которую признаютъ и христіане. А разъ догматы вѣры заимствуются изъ библіи, то не естественно ли позаимствовать и формы ученія отъ того народа, который признается этой самой библіей „Божіимъ“?.. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда не было подъ рукой коренныхъ представителей этого ученія, евреевъ, у которыхъ можно было быстро скопировать формы, вѣроотступники создавали ихъ по собственному разумѣнію, на основаніи самой библіи, понимая ее въ однихъ случаяхъ—такъ, въ другихъ—иначе; отсюда и происходитъ то обстоятельство, что вѣрованія нѣкоторыхъ сектантскихъ группъ почти тождественны съ еврейскимъ, а другихъ — значительно отъ него отличаются, при чемъ и между собой эти послѣднія группы во многомъ не сходятся.

Сознавая всю недостаточность данныхъ для рѣшенія вопроса о преемственности ученія субботниковъ отъ новгородской ереси, позволяемъ себѣ однако предложить такого рода отвѣтъ: прямой преемственности нѣтъ; но факторы, побуждавшіе православныхъ отъ времени до времени въ теченіе четырехъ вѣковъ обращать вниманіе на догматы древней религіи,—эти факторы продолжали существовать непрерывно и существуютъ даже теперь. При этомъ память о существованіи въ XV в. ереси новгородской могла и не исчезнуть въ народѣ, а нѣкоторые общіе у ней догматы съ другими позднѣйшими сектами (отри-

цаніе церковно-обрядовой внѣшности и т. п.) придавали ей ореолъ прародительницы этихъ послѣднихъ (см. указанную выше легенду молоканъ). А такъ какъ библія и іудейство были всегда къ услугамъ христіанъ, начинавшихъ колебаться въ догматахъ христіанства, то можно предположить даже, что не было такого періода въ теченіе четырехъ вѣковъ, когда этой секты не существовало бы въ какомъ-нибудь углу обширнаго русскаго государства. Слѣдовательно, разсматривая Русь, какъ одно цѣлое, можно утверждать. что секта существовала постоянно, но не преемственно; здѣсь вспыхивая, тамъ угасая, причемъ однѣ группы сектантовъ могли даже не знать о существованіи другихъ: ихъ связывала и связываетъ между собой только библія, всѣ же остальные догматы — болѣе или менѣе случайны, въ зависимости отъ того, какого рода вліяніе оказали коренные представители іудейской вѣры, евреи, при возникновеніи каждой изъ этихъ сектъ.

Становясь на такую точку зрѣнія, слѣдуетъ заключить, что секта „субботниковъ-жидовствующихъ" есть преимущественно мистическая и, какъ таковая, будущности не имѣетъ; при малѣйшихъ попыткахъ разума войти въ свои права, многіе изъ ея основныхъ догматовъ должны будутъ немедленно рухнуть. Это сознаютъ и сами сектанты и, какъ мы видѣли, во избѣжаніе катастрофы кладутъ всякаго рода препоны разрушительной работѣ разума; тѣмъ не менѣе она идетъ своимъ чередомъ въ нѣкоторыхъ группахъ сектантовъ, и эти послѣднія уже далеко отстоятъ отъ группъ, довольствующихся формальными и подчасъ безсмысленными догматами современнаго талмудическаго іудейства. Г. Майновъ говоритъ по этому вопросу слѣдующее: „отрица-

ніе права изслѣдованія есть причина неподвижности секты, близкаго ея паденія и перехода къ раціонализму; лучшіе умы сектантовъ, впрочемъ, перестаютъ удовлетворяться писаніями Моисея и пророковъ, создаютъ миѳъ о Хабалъ-книгѣ, которая будто бы продиктована самимъ Богомъ Моисею, и начинаютъ тяготѣть къ раціоналистическимъ воззрѣніямъ на вопросы религіи; съ другой стороны, нѣкоторые субботники—все изъ той же боязни увидѣть свои кумиры поверженными въ прахъ—идутъ дальше въ глубь іудаизма и мистицизма, начинаютъ изучать талмудъ и еврейскую грамоту.“ Надолго ли, однако, имъ удастся этимъ путемъ заглушить работу разсудка?.. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ цитированныхъ выше сообщеній, рвеніе сектантовъ къ іудейству за последнее время значительно ослабѣваетъ: среди нихъ создаются новые толки, или же начинается переходъ въ православіе. Исчезновеніе секты въ ея настоящемъ видѣ есть только вопросъ времени, потому что вліяніе культуры и знанія оказывается гораздо разрушительнѣе для секты, нежели система преслѣдованія и ссылки сектантовъ въ Закавказье и Восточную Сибирь.

Что касается быта и нравовъ ихъ, то огромное большинство сообщеній по этому вопросу носитъ вполнѣ однородный характеръ: оказывается, что въ этомъ отношеніи субботники безупречны. Они трудолюбивы, занимаются преимущественно земледѣліемъ, пьянства и разврата не знаютъ; очень привержены къ грамотности и къ чтенію; привѣтливы, гостепріимны; оказываютъ охотно помощь, какъ своимъ единовѣрцамъ, такъ и православнымъ; не уклоняются отъ участія въ мірскихъ повинностяхъ; по отношенію къ православнымъ ведутъ себя сдержанно и уступчиво, и т. д. Только одно сообщеніе о закавказ-

скихъ „герахъ“ носитъ другой характеръ: г. Дингельштедтъ описываетъ „геровъ“ довольно мрачными красками; они, по его словамъ, корыстолюбивы, занимаются ростовщичествомъ, безжалостны по отношенію къ лицамъ, не принадлежащимъ къ ихъ сектѣ. Если это сообщеніе столь же безпристрастно, какъ и прочіе, то тѣмъ болѣе важно различать „геровъ“, во всемъ слившихся съ іудеями-талмудистами, отъ субботниковъ библистовъ.

Таковы тѣ выводы относительно прошлаго и настоящаго іудействующей секты, которые оказалось возможнымъ сдѣлать на основаніи имѣющихся въ литературѣ сообщеній объ отдѣльныхъ группахъ этихъ сектантовъ*). Мнѣ остается теперь сдѣлать только сообщеніе о своемъ личномъ знакомствѣ съ субботниками Иркутской губ.; къ моему крайнему сожалѣнію, я слишкомъ бѣгло и случайно познакомился съ ними, такъ что могу сообщить о нихъ очень немногое.

Вѣ с. Зимѣ, Балаганскаго окр., расположенномъ на московскомъ трактѣ, насчитывается до 3 тыс. душъ обоего пола: въ этомъ селеніи, отчасти въ особой слободѣ („концѣ“), отчасти въ ряду дворовъ другихъ жителей, насчитывается 78 дворовъ сектантовъ—„субботниковъ“, болѣе извѣстныхъ подъ именемъ „жидовствующихъ“, а у мѣстныхъ крестьянъ подъ именемъ „русскихъ жидовъ“; ихъ оказалось, по переписи 1888 г.,

---

*) Настоящій очеркъ представляетъ собой лишь извлеченіе изъ статьи „Жидовствующіе и субботники въ Россіи и Сибири“, помѣщенной мною въ „Сѣв. Вѣстн.“ (1891 г., кн. VI): такъ какъ въ этой статьѣ много матеріала, имѣющаго лишь отдаленное отношеніе къ сибирскимъ субботникамъ, то ее пришлось значительно сократить.

561 душа обоего пола, что составляетъ почти пятую часть населенія Зимы. Кромѣ того, субботники встрѣчаются еще въ с. Тайтуркѣ, Иркутскаго округа: ихъ тамъ 13 семействъ, съ 92 душ. обоего пола. Какъ я узналъ впослѣдствіи, мѣстные „жидовствующіе" распадаются, подобно закавказскимъ, также на двѣ фракціи— „геровъ и субботниковъ"; но ко времени моего личнаго знакомства съ ними я ничего объ этомъ расколѣ среди нихъ не зналъ. Субботники были сосланы на житье въ Иркутскую губ. изъ разныхъ мѣстностей Россіи въ концѣ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія. О тогдашней численности этихъ ссыльныхъ ничего не извѣстно, поэтому нельзя опредѣлить, какъ великъ дѣйствительный приростъ ихъ за этотъ шестидесятилѣтній періодъ. Одно можно сказать съ достаточной увѣренностью: весь приростъ этой группы, если онъ имѣется, зависитъ исключительно отъ перевѣса числа рожденій надъ числомъ смертей, потому что случаевъ совращенія въ ересь православныхъ изъ числа мѣстнаго населенія, повидимому, не было. Напротивъ того: изрѣдка случается, что, полюбивъ лицо православнаго вѣроисповѣданія, парень или дѣвица субботниковскіе переходятъ въ православіе, чтобы повѣнчаться съ предметомъ своей любви. Бываютъ также, конечно, и другого рода мотивы перехода въ православіе. Тѣмъ не менѣе, если вполнѣ довѣрять оффиціальнымъ отчетностямъ послѣдняго времени о сектантахъ, то надо будетъ придти къ заключенію, что число ихъ ростетъ довольно быстро: такъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ за 1879 г., субботниковъ числилось 549 душъ, а въ 1888 г., по переписи, произведенной партіей статистиковъ, ихъ оказалось уже 653 души, что даетъ 19% прироста за 9 лѣтъ, т.-е. по $2,_1\%$ въ

годъ. Постепенно, вслѣдствіе желанія жить въ тѣсномъ сосѣдствѣ со своими единовѣрцами, субботники стянулись изъ разныхъ пунктовъ Иркутской губ. въ два названныхъ селенія; въ Зимѣ они имѣютъ теперь общій съ мѣстными евреями молельный домъ.

Евреи, живущіе земледѣліемъ, не составляютъ рѣдкости въ Сибири; такъ, въ Енисейской губерніи извѣстны цѣлые поселки, жители которыхъ—евреи—занимаются исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ; въ Иркутской губерніи также приходится изрѣдка встрѣчать евреевъ, лично пашущихъ землю. Тѣмъ не менѣе, субботники рѣзко отличаются даже отъ евреевъ-земледѣльцевъ (не говоря уже объ евреяхъ-торговцахъ и ремесленникахъ, которые составляютъ огромное большинство) по одеждѣ, языку, обстановкѣ жилищъ, и совершенно сходны во всемъ этомъ съ окрестными крестьянами-старожилами.

Черезъ посредство одного зиминскаго обывателя я познакомился съ нѣсколькими сектантами. Въ домѣ одного изъ нихъ мнѣ пришлось быть, угощаться, по сибирскому обыкновенію, чаемъ и побесѣдовать на интересовавшую меня тему.

Изба Моисея К., въ которую я вошелъ, была чисто-крестьянская изба; все, до послѣдней кадки съ водой, до скатерти на столѣ и пшеничнаго хлѣба, который подали къ кирпичному чаю, было чисто-сибирское; только въ красномъ углу, гдѣ стоялъ обѣденный столъ, не было иконъ, да кровать, выглядывавшая изъ-за полога, была покрыта, сравнительно, хорошимъ одѣяломъ. Въ избѣ было чрезвычайно опрятно, и каждая вещь стояла на своемъ мѣстѣ. Семья К., молодого человѣка лѣтъ 25, состояла изъ него съ женой, дѣвушки-сестры, мальчика-

брата и матери-вдовы, очень крѣпкой и свѣжей еще женщины. Моисея не было дома; я старался разговориться съ женщинами, въ ожиданіи его прихода; но мать отвѣчала мнѣ сдержанно, какъ бы боясь „сказать лишнее", а жена и дѣвушка все молчали. Впрочемъ, изъ отвѣтовъ матери выяснилось, что ея отецъ былъ родомъ изъ Саратовской губ., а „пригнали" ихъ изъ Россіи потому, что духовенство, по ея разсказамъ, „выправило у царя бумагу, по которой всѣхъ субботниковъ надо было согнать въ Сибирь"; въ первое время поселенія отцамъ жилось плохо; они бѣдствовали очень, а начальство и сосѣди обижали; теперь — ничего, пожаловаться ни на что нельзя.

Вошедшій къ началу чаепитія Моисей сильно оживилъ бесѣду; впрочемъ, нѣкоторые наиболѣе интимные вопросы, касающіеся вѣры и быта субботниковъ, онъ также обходилъ молчаніемъ или отвѣчалъ уклончиво, но обо всемъ прочемъ—говорилъ увѣренно, убѣжденно; по всему было видно, что онъ не рядовой сектантъ, что онъ готовитъ себя, по меньшей мѣрѣ, въ начетчики и уже не одинъ разъ, вѣроятно, говорилъ въ защиту и въ разъясненіе своихъ религіозныхъ воззрѣній.

— Я, можетъ-быть, разъ пять прочелъ всѣ евангелія и дѣянія, и даже апокалипсисъ, а право же не знаю, чѣмъ наша вѣра хуже вашей? Богъ у насъ одинъ, а что мы не признаемъ Іисуса за обѣщаннаго Богомъ Мессію, такъ это не мы первые. Мало-ли было сектъ въ древности, да и теперь вѣдь есть, которыя говорили и говорятъ то же, что и мы?... Вонъ, у Матѳея что̀ сказано, послушайте-ка!

И онъ прочелъ наизусть нѣсколько стиховъ, на ко-

торыхъ основывали свое ученіе, между прочимъ, и несторіане (гл. I, 25; гл. XIII, 55 и 56).

— Вотъ, также иконы взять: вѣдь сто, или тамъ сколько, лѣтъ продолжался споръ въ самой Византіи,— быть иконамъ, или нѣтъ? Значитъ, какой спорный былъ вопросъ, когда и цари, и патріархи—то на эту сторону передавались, то на другую?

Я замѣтилъ ему что то о нетерпимости вѣрованія іудейскаго, о презрѣніи и ненависти, которыя будто-бы добрые іудеи должны питать ко всему, имѣющему отношеніе къ христіанству.

— Мало ли глупостей какихъ глупыми людьми проповѣдуется!.. А я такъ думаю, что стѣнки между религіями все будутъ дѣлаться уже и ниже, а потомъ все соединится и...

— И что же тогда? Какъ будутъ примирены эти непримиримыя противорѣчія между христіанствомъ, іудействомъ, буддизмомъ, язычествомъ?..

— Что нибудь да выйдетъ; а, можетъ быть, знаете, какъ огонь и вода: огонь потухнетъ, но и вода испарится.

— А вы, будучи русской національности, не тяготитесь тѣмъ, что по вѣрѣ сильно отличаетесь отъ русскихъ? Вѣдь ни раскольникъ, ни молоканинъ, ни даже полякъ не стоятъ такъ далеко отъ православнаго, какъ стоите вы?

— Это дѣло совѣсти. Наши отцы много потерпѣли за свою вѣру, да не измѣнили ей. А мы вдругъ возьмемъ, да и отступимся отъ вѣры отцовъ, за которую они страдали?!..

И онъ перевелъ разговоръ на другую тему. Съ кре-

стьянами-односельцами живутъ субботники, по его словамъ, дружно, никакихъ рѣшительно столкновеній не бываетъ, и онъ даже не знаетъ—были ли они когда-нибудь,—развѣ что въ первое время ихъ поселенія? Живутъ субботники зажиточно, бѣдствующихъ между ними совсѣмъ нѣтъ; если случится кому-нибудь по несчастному случаю разориться, то его непремѣнно пріютитъ кто-нибудь изъ зажиточныхъ, такъ что нищихъ и бѣдствующихъ среди нихъ нѣтъ.

Какъ бы въ подтвержденіе словъ Моисея, изъ-за перегородки раздался продолжительный старческій кашель: это была старуха, лежавшая на сундукахъ и прикрытая тулупомъ.

— Вотъ у насъ и сейчасъ старушка одна живетъ, или, такъ надо сказать: умираетъ. Было у ней два сына, и жили они исправно; да вотъ— пришлось умирать въ чужомъ домѣ: одна, какъ перстъ, осталась!

— Что же, оба сына умерли?

— Нѣтъ, умеръ-то одинъ: назадъ лѣтъ пять будетъ; хорошій былъ парень, женить уже собирались, да пошелъ въ дальній извозъ, простудился гдѣ-то и умеръ въ дорогѣ. И пошло тутъ разоренье: много она потратила, когда къ нему ѣздила въ Красноярское; на почтовыхъ поѣхала,--корову для этого продала. Потомъ, дальше—больше, остался у ней одинъ плохенькій домишко: она и отдала его мнѣ, чтобы у меня до смерти жить; такъ живетъ, мается.

— А другой сынъ гдѣ?

— Старшій то? Отъ старшаго она отказалась. Вышло дѣло такое, что онъ влюбился въ одну дѣвку русскую. Заладилъ жениться, да жениться! А мать ему говоритъ: „не смѣй! Прокляну и на глаза не пущу къ себѣ!“

Однако. сдурѣлъ малый совсѣмъ,
не обратилъ вниманія, — вотъ вѣдь ка
Женился: это еще. когда меньшой-т
еще было. на кого мать оставить. Х
онъ къ тестю во дворъ, ничего съ соб
не взялъ. окромя бaрахла разнаго. Пото
умеръ, онъ сталъ звать старуху къ себ
ней жить назывался; а она ему и отв
даже въ домъ къ себѣ ногой не пустила
хворала и ко мнѣ жить перешла, то онъ
ходилъ: сидитъ вотъ здѣсь, плачетъ парен
къ себѣ за перегородку не пускаетъ. „Нѣтъ
новей больше!“ говоритъ: „я этого молодца
знаю!..“ Вотъ какая твердая старушка!—во
Моисей, и сдерживаемая гордость блеснула въ
захъ, но тотчасъ потухла.

— Конечно, старый, ветхозавѣтный человѣкъ,
По нынѣшнимъ временамъ такъ жить ужъ не годи
замѣтилъ онъ въ минорномъ тонѣ.

— Съ ней какая еще разъ штука была третьяго г
когда ужъ совсѣмъ хозяйство свое упустила и про
вала прежде нажитое добро. Пошла она разъ на базар
осенью это дѣло было, — много тогда народу съѣхалось
И вдругъ видитъ у себя подъ ногами кошель лежитъ,
а въ немъ оказалось до сорока рублей денегъ. И что
же вы думаете? Стала она ходить по народу и выкри-
киваетъ: „не потерялъ ли кто кошеля съ деньгами?“
Обступили ее: кто смѣется надъ дурой, кто отъ добраго
ердца совѣтуетъ себѣ на бѣдность оставить. А она
иманія никакого этому не даетъ, а говоритъ: „не мои
ьги; ему, можетъ-быть, нужнѣе.“ Наконецъ, нашелся
ерявшій-то: бѣжитъ, чуть не плачетъ...Работникомъ

былъ на заимкѣ; хозяйскія деньги потерялъ. Въ ноги ей поклонился и рубль изъ своихъ отдалъ въ благодарность,—такъ она и того брать не хотѣла, да ужъ самъ потерявшій-то уговорилъ. Вотъ какая старуха!..

Я сталъ разспрашивать, всѣ ли еврейскіе обряды они совершаютъ или только важнѣйшіе? Оказалось, что всѣ, кромѣ самыхъ мелкихъ, которыми начинаютъ пренебрегать и евреи, въ родѣ того, что ничего нельзя даже по дому дѣлать въ субботу.

— А мясо трефное, или свинину, ѣдите?

— Нѣтъ, не ѣдимъ; этого нельзя.

— Да развѣ самимъ-то вамъ не жаль, что лучшія части туши ѣсть не приходится? Вѣдь вы человѣкъ съ разсудкомъ и могли бы понять неосновательность этого запрещенія, да и другимъ объяснить!

Онъ самодовольно улыбнулся.

— Я давно это понялъ, потому что понимать въ книгахъ могу, что̀ какъ дѣлать надо! Я и съ задней частью туши сдѣлаю такъ, что мясо коширнымъ станетъ, потому что по книгамъ нашимъ дошелъ, какъ надо жилы разныя вынимать... Конечно, невѣжественный народъ смѣется надо мною, не вѣритъ мнѣ; однако, я когда-нибудь докажу имъ, что правильно говорю, и самъ начну готовить коширное мясо изъ всей туши. Я до этого дошелъ по наукѣ!...

Мнѣ оставалось только удивляться.

Такова смѣсь раціонализма и формализма, составлявшая убѣжденія этого, во всякомъ случаѣ, выдающагося молодого человѣка. Теперь меня чрезвычайно интересуетъ вопросъ: „геръ“ онъ, или „субботникъ“? По всѣмъ признакамъ кажется, что онъ „геръ“. Думаю также, что онъ идетъ твердой ногой и сознательно къ какой-

Однако, сдурѣлъ малый совсѣмъ, и на проклятіе матери не обратилъ вниманія,—вотъ вѣдь какъ одурманило его!.. Женился: это еще, когда меньшой-то оставался, когда еще было, на кого мать оставить. Хорошо. Перешелъ онъ къ тестю во дворъ, ничего съ собой изъ имущества не взялъ, окромя барахла разнаго. Потомъ, какъ братъ-то умеръ, онъ сталъ звать старуху къ себѣ, или самъ къ ней жить назывался; а она ему и отвѣта не дала и даже въ домъ къ себѣ ногой не пустила. А когда захворала и ко мнѣ жить перешла, то онъ еще разъ приходилъ: сидитъ вотъ здѣсь, плачетъ парень; а она его къ себѣ за перегородку не пускаетъ. „Нѣтъ у меня сыновей больше!" говоритъ: „я этого молодца знать не знаю!.." Вотъ какая твердая старушка!—воскликнулъ Моисей, и сдерживаемая гордость блеснула въ его глазахъ, но тотчасъ потухла.

— Конечно, старый, ветхозавѣтный человѣкъ, знаете! По нынѣшнимъ временамъ такъ жить ужъ не годится,—замѣтилъ онъ въ минорномъ тонѣ.

— Съ ней какая еще разъ штука была третьяго года, когда ужъ совсѣмъ хозяйство свое упустила и проживала прежде нажитое добро. Пошла она разъ на базаръ: осенью это дѣло было,—много тогда народу съѣхалось. И вдругъ видитъ у себя подъ ногами кошель лежитъ, а въ немъ оказалось до сорока рублей денегъ. И что же вы думаете? Стала она ходить по народу и выкрикиваетъ: „не потерялъ ли кто кошеля съ деньгами?" Обступили ее: кто смѣется надъ дурой, кто отъ добраго сердца совѣтуетъ себѣ на бѣдность оставить. А она вниманія никакого этому не даетъ, а говоритъ: „не мои деньги; ему, можетъ-быть, нужнѣе." Наконецъ, нашелся потерявшій-то: бѣжитъ, чуть не плачетъ...Работникомъ

былъ на заимкѣ; хозяйскія деньги потерялъ. Въ ноги ей поклонился и рубль изъ своихъ отдалъ въ благодарность,—такъ она и того брать не хотѣла, да ужъ самъ потерявшій-то уговорилъ. Вотъ какая старуха!..

Я сталъ разспрашивать, всѣ ли еврейскіе обряды они совершаютъ или только важнѣйшіе? Оказалось, что всѣ, кромѣ самыхъ мелкихъ, которыми начинаютъ пренебрегать и евреи, въ родѣ того, что ничего нельзя даже по дому дѣлать въ субботу.

— А мясо трефное, или свинину, ѣдите?

— Нѣтъ, не ѣдимъ; этого нельзя.

— Да развѣ самимъ-то вамъ не жаль, что лучшія части туши ѣсть не приходится? Вѣдь вы человѣкъ съ разсудкомъ и могли бы понять неосновательность этого запрещенія, да и другимъ объяснить!

Онъ самодовольно улыбнулся.

— Я давно это понялъ, потому что понимать въ книгахъ могу, что̀ какъ дѣлать надо! Я и съ задней частью туши сдѣлаю такъ, что мясо коширнымъ станетъ, потому что по книгамъ нашимъ дошелъ, какъ надо жилы разныя вынимать... Конечно, невѣжественный народъ смѣется надо мною, не вѣритъ мнѣ; однако, я когда-нибудь докажу имъ, что правильно говорю, и самъ начну готовить коширное мясо изъ всей туши. Я до этого дошелъ по наукѣ!...

Мнѣ оставалось только удивляться.

Такова смѣсь раціонализма и формализма, составлявшая убѣжденія этого, во всякомъ случаѣ, выдающагося молодого человѣка. Теперь меня чрезвычайно интересуетъ вопросъ: „геръ" онъ, или „субботникъ"? По всѣмъ признакамъ кажется, что онъ „геръ". Думаю также, что онъ идетъ твердой ногой и сознательно къ какой-

нибудь почетной должности въ своемъ міркѣ: быть ему навѣрное начетчикомъ, или рѣзникомъ, или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого. Тогда, можетъ быть, отъ раціонализма, которымъ онъ щегольнулъ передо мной, не останется и духа; а старушки, проклинающія своихъ единственныхъ сыновей, будутъ служить ему и его паствѣ образцомъ библейскихъ добродѣтелей...